

Сборник рассказов «Чистое небо»

S.T.A.L.K.E.R. – 13



Аннотация:

Хотите взглянуть на Чернобыльскую Зону, территорию Апокалипсиса, изнутри? Хотите увидеть ее глазами тех, кто каждый день отправляется за Периметр, кто не раз сталкивался с кровожадными мутантами, кто отважно вступал в единоборство с озверевшими мародерами, кого не сумели подчинить своей воле коварные контролеры? Тогда эта книга — для вас! Авторы сборника «Чистое небо» — победители литературного конкурса, организованного создателями игры «S.T.A.L.K.E.R.» — самого популярного компьютерного игрового проекта современности. И то, что его название совпадает с названием нового хита — официального приквела к игре «S.T.A.L.K.E.R.», — отнюдь не случайность.

Роман Куликов «Проводник»

Уверен, что большинство из вас не раз задавались вопросом: «Кто во всем этом виноват?»

Кто повинен в смерти ваших детей, матерей, отцов, братьев, сестер? Кто виноват в том, что ваши дома разрушены, города лежат в руинах и за жизнь приходится даже не то что бороться, а сражаться с оружием в руках? Вас интересует, кто или что стало причиной всего произошедшего? Злой ли гений сумасшедшего ученого, фатальная ошибка военных или природное явление? Вы хотите это знать?

Что же... я могу вам ответить!

Конечно же, во всем виноват человек. Только он причина всех несчастий, превративших некогда цветущую Землю в серо-коричневую радиационную помойку.

Но если вы ждете от меня высокопарных речей о суицидных наклонностях человечества, упорно стремящегося к самоуничтожению, то напрасно. Возможно, это и так, не собираюсь спорить. Сейчас я говорю только об одном-единственном человеке, на чьей совести гибель миллионов людей. О себе!

Да-да! Это Я! Я во всем виноват! Я – убийца, я – губитель рода людского...

Мечтаете покарать меня? Жаждете мести?

Так приходите! Я жду смельчаков, способных на подвиги, потому что добраться до меня вам будет очень непросто! Вот он я! Лежу на панцирной койке, среди кусков сожженного матраца. Пружины намертво спаялись с моим телом, проплавили руки и ноги, каркас кровати проходит через ребра и какие-то органы. Какие именно, не знаю, один хрен они не работают. Моя голова вросла в деревянный щиток – его щербатую поверхность я вижу краем глаза. Вся кожа иссохла и потрескалась, я не ел и не пил столько времени, что даже не помню, когда это было в последний раз. Не представляю, как эта сука поддерживает во мне жизнь. Хотя называть это «жизнью» язык не поворачивается... Ха-ха-ха! Он у меня действительно не поворачивается.

Но ведь я мыслю, а значит... существую! Тот мудака, который это сказал, даже не догадывался, насколько он прав. Я все еще существую...

Чтоб ее...

Эта тварь забрала у меня все, оставив только боль и воспоминания...

Воспоминания.

– Не боишься ты с такой кучей денег по Зоне-то? – торговец аккуратно складывал пересчитанные купюры передо мной. – Может, у меня пока побудут? А ты, как надумаешь свалить, зайдешь, возьмешь...

– Уже надумал, – прервал я его увещевания.

Торговец остановил пересчет денег и с удивлением посмотрел на меня:

– Серьезно?

Кивнув, я знаком показал, чтобы он продолжил свое занятие. Мне не хотелось задерживаться здесь ни одной лишней минуты. И так провел в Зоне достаточно времени.

Вернувшись к пересчету, торговец спросил:

– Есть куда вне Зоны податься? У меня за Периметром знакомец хороший, поможет добраться, устроиться, деньги повыгоднее вложить...

Ага, знаем мы таких «знакомцев», нет уж...

– Как-нибудь сам справлюсь, – ответил я.

Торговец пожал плечами, мол, как хочешь, положил передо мной последнюю пачку и поверх сунул белый прямоугольник визитки.

– Вот, если передумаешь...

– Не передумаю, – отрезал я и убрал деньги в рюкзак, оставив визитку на прилавке.

Торговец несколько секунд внимательно смотрел на меня, потом кивнул и спросил:

– Что-нибудь еще?

Я пробежал взглядом по полкам позади него.

– Патроны для «Тайги» есть?

– Под нарезку?

– Можно и тех, и других.

Он ушел в подсобку и появился оттуда с четырьмя коробками в руках.

– Вот, держи, по две для каждого ствола, – торговец положил патроны на прилавок, но руки с них не убрал.

Я вопросительно посмотрел на него. Взгляды встретились, и никто из нас не собирався отводить глаза.

– Это, – сказал торговец, – за счет заведения. Прощальный подарок, если скажешь, где «грибное» место. Где ты взял свой хабар?

Некоторое время мы молча пялились друг на друга, потом я решил: «Почему бы не сказать правду» – и усмехнулся.

Взяв коробки с патронами из рук торговца, я сложил их в рюкзак, на ощупь отделил часть купюр от одной из упаковок и сказал:

– Зона дала. – Деньги веером легли на прилавок, а я, все так же улыбаясь, развернулся и, затягивая на ходу рюкзак, вышел из лавки торговца.

Автобус натужно гудел старым движком и трясся на неровностях дороги. Зажав зачехленное ружье между колен и пристроив рюкзак под бок, я расположился возле окна на самом удобном месте – над задним колесом.

Не думаю, что этот рейс пользуется большой популярностью у населения, но, тем не менее, свободных сидений в автобусе осталось не так уж много. Рядом со мной примостилась дородная женщина с потертой сумкой на коленях. Она бойко разговаривала с соседкой впереди. Обсуждали какую-то общую знакомую, я особо не прислушивался. Прижавшись лбом к грязному стеклу, я смотрел сквозь него на яркое солнышко и довольно жмурился. Так приятно чувствовать его мягкое осеннее тепло. Это в Зоне оно лишь светит, почти не согревая обитателей этого несчастного клочка земли. Там, внутри Периметра, ты словно находишься под невидимым куполом, через призму которого можно любоваться чудесными закатами и живописными восходами, даже частые грозы завораживали своей красотой, но... все было каким-то искусственным, ненастоящим.

– Как служится? – неожиданно спросила сидящая рядом женщина.

– Что? – я повернулся к ней.

Она с доброй улыбкой смотрела на меня, видимо, приняв мою сталкерскую одежду за военную форму.

– У меня сын тоже в армии, вот только месяц как в отпуск приезжал...

Она стала рыться в сумке, развязала пакет и достала оттуда несколько пряников.

– На вот, сынок, держи. Вы ведь на этой своей службе даже такой малой радости не видите.

– Спасибо, – поблагодарил я за угощение.

– На побывку?

– Нет. Насовсем.

– Ой! Вот мать-то обрадуется! – просияла попутчица.

– Ага, – подтвердил я, – обрадуется.

Радущие и доброжелательность соседки словно окутали меня мягким пледом положительных эмоций, от которых я почти отвык за время, проведенное в Зоне. И пока женщина рассказывала о своем сыне, и какой он молодец, и как нелегко сейчас служится, я всухомятку съел пряники, а потом снова зажмурился и, кажется, задремал, потому что слова моей попутчицы через какое-то время стали доноситься до меня словно издалека.

Автобус все так же мелко трясся, с каждой секундой приближая меня к дому, а я подумал, что уже давно не чувствовал такого умиротворения.

Обычная жизнь обрушилась на меня, едва я сошел с автобуса. Мои обостренные инстинкты, от которых в Зоне зависит жизнь, получили оглушающий удар, едва не сваливший меня с ног. Шагая по знакомым улицам родного городка, я с трудом заставлял себя сохранять спокойствие. Постоянно ловил себя на мысли, что с опаской оглядываюсь, напряженно вглядываюсь в лица людей, стараясь угадать их намерения... и тут же одергивал себя: «Здесь не Зона! Никому из них нет до меня никакого дела. Они спешат домой с работы, или в садик за детьми, или идут в магазин, а может, просто прогуливаются!»

Я заставлял себя опускать взгляд, но прохожие все равно замечали мою «странность» и старались обходить стороной, что немного успокаивало. И все же... не вздрагивать и не шарахаться, например, от бегущего сзади мальчишки или каждой проезжающей рядом машины стоило мне титанических усилий, а пальцы судорожно сжимали зачехленное ружье.

Только свернув в арку проезда, ведущего к моему двору, оставив позади многолюдные тротуары и забитые машинами дороги, я вздохнул спокойно.

Исписанные граффити стены, кое-где отбитая штукатурка немного напоминали запустение, царившее в Зоне, но здесь это выглядело по-другому. Более обыденно, что ли. Если приглядеться внимательнее, то можно заметить на стенах темные пятна строительного раствора, которым коммунальщики замазывали облупленную кладку, мусор, сметенный в уголок дворником, даже надписи, старательно выведенные баллончиками с краской, имели другой смысл, чем те, которые встречались в Зоне... здесь была жизнь, а не только смерть.

Из двора навстречу мне шли четверо парней. Они весело толкали друг друга и смеялись, хорошо одетые, спортивные. Я посторонился, пропуская их, но один все равно задел меня плечом. Причем сделал это намеренно.

– Эй, служивый! Ходить совсем разучился? Теперь только строим?

Все четверо остановились и развернулись ко мне. Их веселье как ветром сдуло. Серьезные лица, злые взгляды.

Я хотел пойти дальше, но парень схватил меня за куртку.

– Стоять! Куда собрался? Я с тобой разговариваю! Оборзел совсем?

Его дружки разошлись в стороны, прижимая меня к стене.

Я окинул их быстрым взглядом, оценивая каждого. Тот, который вцепился в куртку, – самый крепкий из них, представляет наибольшую угрозу, остальные помельче и на первый взгляд чуть менее опасны...

Рывком высвободился из хватки, развернулся боком, делая шаг назад в свободное пространство. У одного из парней в руке что-то блеснуло. Нож... кастет... в общем-то мне без разницы.

Молния на чехле разошлась в одно мгновение, и два ствола «Тайги» нацелились на парней.

Мозг холодно и расчетливо планировал действия: «Двое справа стоят рядышком – по ним дробью, достанется обоим, потом здорового – с нарезного ствола...»

Палец начал сжиматься на курке.

«Стоп! Здесь не Зона!»

Эта мысль прожгла разум раскаленной иглой. Спина тут же взмокла, в горле же, напротив, пересохло.

Не знаю, что остановило этих парней, направленные на них стволы, мой дикий взгляд или вмиг охрипший голос, которым я произнес: «Проваливайте!»

Самому же мне стало страшно от того, что как бы далеко я ни уехал, но Зона никуда не делась. Она осталась во мне. Поселилась внутри, пустила корни и продолжает жить.

Я смотрел, как парни пятились от меня. Особого страха в глазах не было, скорее какая-то странная ненависть. Не понимаю я таких ублюдков. Откуда в них столько злобы? Чем я им не угодил? Не позволил избить себя? Недоноски! Твари зажавшиеся! Вас бы в Зону!

– Еще увидимся, братан, – пообещал предводитель этих шакалов.

Выйдя из-под арки, я вспомнил, что и эти парни, и я сам – не в Зоне и с оружием наперевес тут ходить не принято. Спрятав «Тайгу» в чехол, я огляделся по сторонам, но кроме двоих детишек, увлеченно играющих в песочнице посередине двора, никого не увидел.

Это хорошо. И я поспешил добраться наконец до своей квартиры.

Весь остаток дня я посвятил приведению своего жилья в порядок. Все в квартире за время моего отсутствия успело покрыться изрядным слоем пыли, от которой я избавлялся при помощи ведра с водой и тряпок.

К вечеру, уставший, но довольный проделанной работой, я нанес последний штрих на картине своего возвращения к нормальной жизни: завел часы с кукушкой, оставшиеся еще от деда.

Затем я попил чай с бутербродами и с чувством полного удовлетворения лег спать.

Но заснуть никак не удавалось. Какая-то неясная тревога холодила грудь и сжимала сердце. Я попытался прогнать ее, убеждая себя, что все лишения закончились, что я сейчас дома в собственной кровати, с рюкзаком, полным денег, под ней и мне не нужно никого опасаться, ни мародеров, ни мутантов....

Но, как я ни старался, уснуть смог, только почувствовав в ладони приклад ружья.

Я проснулся от боли в затекшей руке. Какой же страшный сон мне снился! Будто бы я стал источником Выброса. Словно он зарождался внутри меня, вытягивая жизненные силы, а потом вырвался на свободу.... Бр-р-р, приснится же такое!

Веки с трудом разлепились.

На миг мне показалось, будто я спятил. Подхватил какую-то заразу, заболел, и сейчас у меня горячечный бред.

Отчего-то состарившиеся обои рваными клоками свисали с обожженных стен. Стол покосился, дверцы шкафа едва держались на прогнивших петлях, остальная мебель была в не лучшем состоянии. Стекла в окне покрылись мелкими трещинами, а краска на раме облупилась. Телефон оплавился так, что трубка стала единым целым с корпусом, дедовские часы с кукушкой, еще вчера исправно отсчитывавшие минуты и часы моей «новой» жизни, выпцвели и потрескались, а гирьки покрылись ржавчиной.

Какого хрена?! Что тут произошло, пока я спал....

И тут до меня дошло. Выброс! Это сделал Выброс! Но как? Это же был только сон! Или... не сон?!

Меня бросило в пот. Как такое могло произойти?

Что же делать теперь?!

Ни одной разумной мысли в голову не приходило. Но что-то делать определенно необходимо. Если Зона вышла из-под контроля, выбралась за Периметр, то нужно ее остановить! Нельзя допустить распространения этой заразы. Может быть, я, сам того не зная, привез с собой какой-нибудь новый, еще неизвестный артефакт?

Я вскочил с кровати. Нашел среди этого хаоса свои вещи и бросил их в ванну. Пусть пока там полежат. Пока... пока что?

«Пока я не разберусь во всем этом!» – ответил я сам себе.

Я быстро перебрал в голове все НИИ, которые были в нашем городке, ученые должны знать, как с этим справиться! Но тут же отмел эту идею как несерьезную – вряд ли кто-то может здесь изучать Зону. Для этого должен быть специализированный институт, который бы охранялся военными, а местному гарнизону нельзя доверить даже...

Стоп! Вояки! Точно! У них и связь есть, и сработать могут оперативно, если сначала не упрячут меня в психушку.

«Да ну нет же! – Я провел рукой по закопченной стене и оторвал кусок обоев. – Все настоящее, пусть придут, убедятся!»

Так! Надо действовать как можно быстрее! Не хватало этому многострадальному миру еще одной Зоны! А если я виноват, то я же и должен попытаться все исправить...

Какое-то чувство подсказывало мне, что нужно торопиться. Вчерашняя тревога снова появилась в груди, теперь уже с новой силой. Я подбежал к шкафу и дернул дверцу. Она осталась у меня в руке.

«Хрен с ней!» – Отбросив дверцу в сторону, я начал вытаскивать одежду. Нашел более-менее целую, быстро оделся и пулей выскочил из квартиры.

Я пробежал двор и свернул под арку.

– Здорово, служивый!

«Как невовремя!»

Четверо парней перегородили дорогу.

– Не сейчас, мужики... я серьезно! – Остановившись в нескольких метрах от них, я сделал пару шагов назад, сразу прикидывая, в какую сторону лучше отступать. В другой ситуации я постарался бы заманить их в тесное пространство ближайшего подъезда, где ублюдки не смогли бы зайти сзади и напасть все сразу. Но сейчас я планировал просто убежать. Не вижу в этом ничего постыдного. От драки убегают не только трусы, но и те, у кого мозги хоть немного варят, – в любом случае у меня были небольшие шансы повалить всех четверых, а уж в теперешней ситуации любая потеря времени чревата последствиями.

– Мы тоже... серьезно, – произнес крепыш, который вчера пытался навязать мне драку. В руке у него чернел пистолет. На первый взгляд – боевой. Но даже если и газовый, то наверняка расточен под мелкокалиберный патрон, иначе не стал бы так понтоваться.

Вот скотина! На таком расстоянии и целиться особо не надо. Как назло, я достаточно далеко забежал под арку, и быстро скрыться за углом не получится, а пуля – не человек, от нее так просто не убежишь...

Внезапно внутри меня как будто что-то зашевелилось. Знакомое ощущение. Как в моем ночном кошмаре, когда Зона...

– Нет! – прохрипел я.

Под ногами у парней появилось прозрачное марево. Я изо всех сил пытался сдержать рвущееся из меня нечто. Хотел предупредить этих остолопов о смертельной опасности, но резкая боль скрутила внутренности, у меня перехватило дыхание, и я смог только беззвучно открыть рот.

– Что «нет»? – Крепыш сделал шаг ко мне и вытянул руку с пистолетом. – Только с ружьем смелый, да? А сейчас обосра...

Огромные столбы пламени с гулом поднялись под своды арки. Крики парней были почти не слышны за шумом работавшей «жарки». Такой мощной аномалии я не встречал даже в Зоне. Ребята сгорели в считанные секунды. У меня на лице не осталось ни одного волоска, кожу стянуло и щипало, но я стоял, не в силах пошевелиться, и не сводил взгляда с безумной картины.

Огненные столбы погасли так же быстро, как и зажглись, оставив после себя дымящиеся трупы в клочках догорающей одежды. Черные хлопья копоти летали среди клубов дыма.

Когда ступор немного прошел, я на нетвердых ногах добрал до стены и, опираясь о нее рукой, сел на асфальт. Потом меня скрутило и вырвало.

Вытерев губы рукавом, я прислонился спиной к теплым кирпичам.

Невероятность всего произошедшего не укладывалась у меня в голове. ЭТОГО ПРОСТО НЕ МОГЛО БЫТЬ!

Нет, нет, нет... Мне это снится... Это бред! БРЕД!

В этот момент раздались звуки выстрелов, заставившие меня вздрогнуть, взорвались патроны в пистолете парня.

Парня, чье обугленное тело лежало в нескольких метрах от меня!

Это привело меня в чувство. Зона... Зона прорвалась сюда! За Периметр! И это как-то связано со мной! Нужно найти специалистов, тех, кто сможет разобраться в происходящем!

Я вскочил. Ноги еще плохо слушались, поэтому я качнулся и врезался в стену. Чтобы не свалиться, я пошел вдоль нее, опираясь рукой. Стараясь не смотреть на тела, сделал несколько шагов вперед...

Сухой треск электричества – и через мгновение резкая боль от прошедшего через мое тело разряда. Я вскрикнул, но сумел устоять на ногах. Все пространство проезда передо мной занимала новорожденная «электра».

Я едва верил своим глазам – Зона не пускала меня!

Мало того! Новыми электрическими разрядами, не смертельными, но крайне болезненными, она погнала меня прочь!

И я испугался. Испугался по-настоящему! Ведь сначала весь этот сюрреализм не казался НАСТОЛЬКО страшным, а сейчас... сейчас я побежал. Побежал прочь от арки, через двор, взлетел по ступенькам, ворвался в квартиру, совершенно забыв, что Зона поселилась

там еще с ночи. Вновь увидев облезлые стены, я остановился и ринулся назад, но на лестничной площадке, за дверью, уже пульсировала гравитационная ловушка, предупредившая меня о своем существовании громким хлопком воздуха.

– Что?! Что тебе нужно от меня?! – Голос сорвался и мне самому показался мышинным писком. Ответа, конечно, не последовало. Голова разрывалась от мыслей, а в груди появилась какая-то обреченная пустота.

Уже не раз безумные голоса восклицали: «Зона живая!» Но кто бы хоть раз доказательство привел! А сейчас... вот вам доказательство! Во всю квартиру! От сортира до балкона, чтоб ее!

Пошатываясь, я добрел до кровати, опустился на нее... Дикая боль заставила меня сжаться, подтянув колени к груди, в которой из пустоты рождалось что-то невообразимое, дикое, страшное. Судорога распрямила мое тело, и я вытянулся на кровати, раскинув руки в стороны.

Выброс.

Невидимый, но вместе с тем нестерпимо яркий, слепящий. Он сочился из каждой клеточки моего тела, вырываясь наружу, накрывая собой уже не только мою квартиру, но и весь квартал.

Каким-то внутренним зрением я видел, как пожухла листва на деревьях, коричнево-желтым дождем осыпаясь на землю, трухлявыми кусками полетела вниз штукатурка с домов, звоном разбитых стекол отозвались окна, пятна ржавчины расцветали на железе... а люди умирали... за столами, на кроватях, в креслах... валились на асфальт или на пол своих квартир, офисов, домов... кого-то Выброс настигал в машинах, которые сталкивались, врезались в световые опоры и стены, на ходу покрываясь ржавчиной...

Мужчины, женщины, дети, старики... Зона никого не щадила.

Когда Выброс закончился, я долго лежал, потеряв все силы, неспособный пошевелить даже пальцем. Лишь через несколько часов кое-как смог прийти в себя.

Теперь я понял, зачем ОНА дала мне тот последний хабар. ОНА знала, что, получив достаточно денег, я уйду за Периметр. Ей нужен был проводник в этот мир, и она выбрала меня. Хрен тебе, сука!

Я потянулся за ружьем, но полыхнувшая «жарка» обожгла мне руку. В тот же миг уже знакомая боль скрутила меня, заставила сжаться, как пружину, а потом рвущей мышцы судорогой распрямиться.

Я закричал, только когда от полыхающей рядом «жарки» подо мной загорелась постель. Но горло словно сжала чья-то рука, крик тут же превратился в хрип, потом в сипение, а вскоре и вовсе прекратился. От внутреннего напряжения казалось, что глаза вот-вот лопнут. В этот момент я почувствовал, как новый Выброс набирает силу внутри меня. Выброс невероятной и безудержной мощи, во много раз страшнее предыдущих. Он сжимался в тугий шар, вытягивая из меня жизнь, подпитываясь и заряжаясь ею. И с его рождением ярчайший огонь поглотил меня. Вслед за огнем пришла боль...

Боль.

Бесконечная. Невыносимо жгучая, непереносимая. Все мое существо – воплощение дикой первозданной боли. Я не хотел ее и не ждал. Она сама пришла и, словно огромная чудовищная змея, проглотила меня всего, без остатка. И теперь медленно переваривала меня в своей огненной утробе. Боль затмевала мой рассудок, но и у нее есть свой предел. Когда она достигает его, я словно перешагиваю незримый барьер, после которого мой разум очищается и я начинаю мыслить... а значит, существовать. Обычно это происходит после каждого нового Выброса. В эти моменты я могу обозревать Зону.

Новую Зону. Охватившую уже почти всю некогда цветущую планету.

Я вижу все: от пожухлой травы в сотне километров отсюда до ледяной корки, сковавшей мертвые озера в Канаде, от пожелтевших джунглей в бассейне Амазонки до смертоносных оазисов Сахары. Я вижу рождение новых мутантов и аномалий везде, где

появляется Зона. И я вижу вас – оставшихся в живых людей, которых судьба превратила в сталкеров. Я пытаюсь докричаться до вас, стараюсь передать свои мысли в ваши головы, и порой мне кажется, что получается, потому что лица выбранных мною людей, а каждый раз они разные, становятся мрачными. Напряжение заставляет их хмурить брови, они начинают прислушиваться. Но потом снова приходит боль...

Часто я сам вступаю с нею в схватку. Иногда даже выигрываю и преодолеваю тот незримый порог, когда сознание высвобождается на короткое время. И тогда я снова начинаю мысленно транслировать свое послание. Может быть, кто-то сможет его принять, почувствовать, понять...

Приходите! Я жду вас! Очень жду! Прошу, найдите меня! Пока еще остались непораженные земли, пока океан еще сопротивляется, пока еще жива хоть какая-то надежда. Найдите меня... пожалуйста...

Артюшкин Сергей ДВА СТАЛКЕРА

В отдельном кабинете столичного ресторана за накрытым столом сидели двое мужчин. Одному, крупному, рыхлому, краснолицему, было на вид лет пятьдесят, другой выглядел лет на тридцать-сорок, был подтянут и крепок.

– Итак, молодой человек, – сказал краснолицый, – поскольку у вас, сталкеров, не принято называть друг друга по именам, можете звать меня Клещом.

– Хитрован.

– Отлично. Вас рекомендовали мне как самого лучшего сталкера Зоны. Это правда?

Молодой мужчина улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– В Зоне нет лучших или самых опытных. Там все равны. Зона может сделать так, что зеленый новичок пройдет к Исполнителю без единой царапины, а может и так, что мастер гробанется на какой-нибудь пустяковине.

– Меня, знаете ли, больше интересует Блуждающий город и Портал миров в Белом храме.

– Понятно. – Хитрован поскреб ногтем накрахмаленную скатерть. – Значит, рак?

– Хуже, молодой человек. Я банкир, взял значительную сумму у значительных людей. Отдать не смог. Так что теперь на планете Земля нет места, где бы я чувствовал себя в безопасности. Я совсем было отчаялся, как вдруг узнал о Зоне и о Портале миров. Может он переправить меня туда, где меня никто не найдет?

– Да, это он умеет.

– А если те люди, ну, вы понимаете, о ком я, пошлют человека следом за мной? И он наймет вас, и вы отведете его к Порталу, попадет ли он в тот же мир, что и я?

– Исключено. Человек, входя в Портал, не знает, где он окажется после перехода. Портал смотрит в его душу и сам выбирает место назначения.

– Это рассказали те, кто вернулся?

– Никто и никогда не возвращался из Портала. Это билет в один конец.

– Тогда откуда вы знаете, что он вообще работает? – Клещ удивленно вскинул брови. – Может быть, всех входящих просто что-то убивает? И все? И нет никакого перехода в другие миры?

Банкир возмущенно хлопнул по столу ладонью.

– Не я к вам пришел. – Хитрован поднялся со стула.

– Постойте! Фу-ты, какой обидчивый! – Клещ всплеснул руками. – Я согласен с вами идти. Просто я думал, есть какие-то более серьезные факты. Подробности.

– В Зоне все серьезно. – Хитрован сел и взял бокал с вином. – Зона шутить не любит и другим не дает.

– Ну что ж, тогда поговорим серьезно. – Клещ тоже потянулся к бокалу. – Стоимость и время отправления?

– Денег потребуется много. В Зоне постоянно кто-то с кем-то воюет. «Свобода» против «Долга», «Долг» против бандитов. «Монолит» против всех. Поэтому придется заплатить всем. Так безопаснее. Что же касается времени, то я не знаю...

– Как не знаете, молодой человек? – Брови Клеща второй раз за вечер полезли вверх.

– Не знаю, и все. Города сейчас нет в Зоне.

– Как нет?!

– Блуждающий город, он... – Хитрован на минуту задумался, – он перемещается по Зоне. То в одном месте появляется, то в другом. Блуждает. Может совсем исчезнуть. Однажды его не было целый год. А может простоять на одном месте долго-долго. Года два назад он три месяца простоял недалеко от бара «Сто рентген». Только ленивый тогда не ходил к Белому храму. И когда он исчез, много людей с собой унес.

– Что с ними стало?

– Кто знает? Только Зона.

– Ну а все-таки, когда и где его примерно ждать?

– Где он появится, когда и сколько там пробудет, решает только он сам. Оставьте телефон. Я позвоню.

Хитрован допил вино. Поднялся и вышел из комнаты.

– Буду ждать звонка, – сказал ему вслед Клещ. – Буду ждать, пока меня не убьют.

Под утро Диме приснилось солнце. Сталкер стоял на пригорке и смотрел, как багровый шар опускался на Рыжий лес, плющился, растекался кровавым светом, пытаясь скрыться, спрятаться от Зоны среди деревьев. Но лес тоже был Зоной, и солнце погибло, запутавшись в корявых ветвях. Последний луч, как взмах руки, мелькнул над зубчатой кромкой, и тьма густым вязким желе напозла, навалилась со всех сторон. Обвила удавьиными кольцами, поднялась все выше, выше и начала душить свою жертву.

Дима судорожно захрипел, заскрежетал зубами и, рванув на груди майку, сел на кровати. Сердце пудовой кувалдой било в виски. Дима провел ладонью по мокрому лицу. Оглянулся на жену. Спит? Спит. Осторожно встал с постели и прошел в прихожую. В темноте на ощупь оделся. Стал собирать рюкзак. Осторожно – чтобы не звякнули – снял с полки мешочек с болтами. Под потолком вспыхнула лампа без абажура. Свет больно ударил по глазам. В дверном проеме появилась Вера. Боже мой, какое у нее усталое лицо. Дима отвернулся.

– Иди спи. Еще рано.

– А ты чего поднялся? – Голос Веры постепенно набирал обороты.

– На рыбалку.

– С гайками? – Вера всхлипнула. – С гайками он на рыбалку собрался.

Вдруг, без всякого перехода, она закричала хрипло и страшно:

– В Зону ты свою поганую собрался! Она тебе жены и жизни дороже! Ну что ты все не уймешься?

– Последний раз.

– Да у тебя каждый раз последний! Мало тебе тюрьмы? Мало я тебя по больницам выхаживала?

– Заткнись, дура! Что ты понимаешь?

– Да ничего я не понимаю! – От крика на шее Веры вздулись вены. – Я не понимаю, как можно от жены идти в какую-то там Зону.

Она внезапно замолчала. Тихо-тихо заплакала и сползла по косяку на пол.

– Ты же обещал. На работу устроился, – сквозь слезы, по-детски картаво, проговорила Вера.

Дима опустил перед ней на колени. Попытался оторвать от лица мокрые кулачки. Заглянуть в зареванные глаза. Минута – и уже никуда ты, сталкер, не уйдешь. Поднимет блестящие глаза, скажет: «Останься!» – и все, как гвоздями прибьет к дивану, к опостылевшему телевизору. Нет уж, Вера, молчи. Лучше молчи. Дима рывком вскочил на

ноги. Метнулся к двери. На пороге задержался на мгновение, бросил: «Последний раз». Таким Вера его и запомнила.

В этот раз Дима по кличке Аладдин вел в Белый храм хрупкое прозрачное существо по имени Алена. Девушка мечтала стать эльфом в каком-нибудь Средиземье. Она почти насильно вручила сталкеру свои скромные сбережения. Глупый, зачем ей ТАМ наши деньги? На второй день они вышли к первой двери.

– Аладдин, а сколько всего дверей? – спросила Алена.

– Три. – Он сидел на взгорке и грелся на редком в Зоне солнышке.

– Долго еще идти? – Девушка подошла и села рядом.

– Нет, не очень. Просто сейчас начнется самое трудное. Надо отдохнуть, подготовиться.

– Странно. – Девушка легла на спину. Закинула руки за голову. – Я почему-то совсем не устала.

– Я вижу, – Аладдин с трудом поднялся на ноги.

После двухдневного броска по Зоне он еле волочил ноги. Девчонка же по-прежнему скакала, будто козочка. Двужильная, что ли?

– Ну, пошли.

– Аладдин, а что там будет? За дверью?

– Не знаю, там всегда все по-другому. – Он остановился, вынул «маузер» из кобуры. – Поэтому и тяжело. Не знаешь, чего ждать.

Они подошли к одиноко стоящей двери.

– Ой, такая же, как в комнате у меня! – удивилась Алена. – Фанерная и белой краской покрашена! Слушай, Аладдин, а нельзя ее просто обойти? Вокруг же ничего нет!

– Нет. – Сталкер распахнул дверь и бросил болт в проем. – Иди.

Алена переступила порог и осмотрелась. Слева, высоко над землей, висела панельная многоэтажка. Рядом со зданием в беспорядке парили лавочки, качели, шведская лесенка и бронетранспортер. Справа вдалеке блестела река.

– А это как? – Глаза у девушки широко распахнулись.

– Никак. – Аладдин подошел, тронул Алену за плечо. – Это Зона, здесь всякое бывает.

Он бросил гайку, и девушка послушно пошла к ней.

– Помнишь, я тебе гравиконцентрат показывал? А это, наверно, антигравиконцентрат. Попадешь туда и будешь в воздухе болтаться, пока с голоду не помрешь.

Они двигались к реке. Вторая дверь висела как раз над ее серединой. Оставалось чуть меньше половины пути. Внезапно что-то заурчало и зафыркало за спиной у Аладдина. Сталкер обернулся и увидел грузовик-цементовоз с красной кабиной. Непонятно откуда взявшийся автомобиль неся на них с невероятной скоростью. «Беги! К реке беги!» – крикнул сталкер Алене. Сам он обернулся и несколько раз выстрелил, целясь в ветровое стекло. Вдруг Аладдин увидел, что за рулем надвигающейся на него многотонной махины никого нет. Времени соображать, что к чему, не было. Сталкер согнулся пополам и бросился под бампер грузовика. Автомобиль заскрежетал тормозами и пронесся над лежащим человеком. Круто развернувшись, машина бросилась в новую атаку. Аладдину вновь удалось проскочить между колесами. Он проделывал этот трюк еще и еще, постепенно приближаясь к реке. Неожиданно прятки со смертью кончились. Разворачиваясь для очередного тарана, грузовик не удержался на скользком берегу, перевернулся и упал в реку.

Дима сидел на берегу. Прикладывался к фляжке и ругался длинно, неумело. Слезы оставляли на корке грязи, покрывавшей его лицо, светлые дорожки. Подошла Алена. Села рядом. Спросила:

– Аладдин, а почему он ожил?

– Радиации набрал под самую крышу. Вот и ожил. Мертвые оживают, а железка чем хуже? – Аладдин швырнул камнем в беспомощно торчавшее из воды колесо.

Затем поднялся и подошел к воде. Махнул рукой Алене – не отставай! Они вошли в воду и поплыли к висевшей над серединой реки второй двери. Аладдину удалось зацепиться

снизу за порог, подтянуться и открыть дверь. Он взобрался на дверную коробку и подал руку Алене. Вдвоем они с трудом уместились в узком проеме. Вода по ту сторону двери была какая-то странная. Больше всего она напоминала перевернутое зеркало. Ни волн, ни ряби. Аладдин бросил в реку, на полпути между дверью и берегом, болт. Тот отскочил от воды, как от спины огромной рыбы, и укатился в прибрежные камыши. Вся река разом вздрогнула и зашевелилась в узких берегах.

– Она живая! – взвизгнула Алена.

Сталкер достал из рюкзака банку консервов и зашвырнул ее на середину реки, в самое глубокое место. Вода расступилась, приняла банку, сомкнулась, забурлила и через мгновение выплюнула на берег растерзанный кусок жести.

– Черт! – Аладдин вцепился себе в волосы. – Здесь нам не пройти.

Внезапно какая-то идея пришла ему в голову. Он схватил флягу с пояса, бросил, подождал, пока она перестанет кувыряться по лжеводе, и выстрелил в нее из «маузера». Спирт вспыхнул, затрепетал прозрачными синими язычками. Река взревела, встала столбом, отхлынула, собралась вся в один огромный шар и закрутилась, пытаясь унять, залить, задушить пламя. Скорей! Сталкер толкнул Алену и прыгнул сам в образовавшуюся у самых ног пропасть. Выбравшись из покрывавшей дно грязи, они бросились к берегу. Опомнившись, река бросилась в погоню. Но было уже поздно.

Девушка первой взобралась на невысокий пригорок. Внезапно Алена дико закричала. Она высоко подпрыгнула и начала отплясывать какой-то неестественный, страшный танец. Трава, словно клубок змей, жалила ее ноги. Каждая травинка, каждый стебелек раскаленным сверлом вгрызались в нее.

– Аладдин, помоги!

Аладдин выскочил на берег, подхватил девушку на руки и бросился бежать.

– Держись! – крикнул он. – До дороги недалеко. Добежим – будем жить.

Всего в полусотне шагов от них блестела лента бетонной дороги. Аладдин бежал, стиснув зубы. Трава с остервенением рвала его джинсы. Впивалась в голени. Резала ступни. Выскочив на бетон дороги, Сталкер повалился навзничь и потерял сознание. Обе его ноги ниже колен представляли одну большую рану. Алена склонилась над ним. Достала из кармана куртки бинт. Аладдин пришел в себя.

– Брось. Дальше иди одна. Ты сможешь. Больше не опасно. Вот по этой дороге. Прямо до двери. За дверью тоже прямо. Увидишь три арки. Тебе в левую. Я сам выберусь...

Сталкер закрыл глаза. Забился, забормотал что-то в бреду. Алена перевязала его. Постояла минуту. Внимательно посмотрела по сторонам. Потом легко, как пушинку, подняла его с земли. Закинула на плечо и бросилась бегом к третьей двери.

Хитрован не был бы Хитрованом, если бы, случайно наткнувшись на идущего тем же маршрутом Аладдина, не решил использовать его в качестве миноискателя. Они с Клещом сели ему на хвост еще на кордоне. И шли дальше, как по белой скатерти, обходя вслед за ним все ловушки и аномалии. Вскоре они были уже недалеко от Белого храма. Вокруг них раскинулся удивительный, неземной архитектуры город. Мостовые были вымощены голубым зеркальным камнем. Тоненькие ажурные арки удерживали в заоблачной выси грандиозные дворцы. На изумрудных лужайках стояли увитые плющом статуи. Как непривычно было видеть это после непролазной грязи и болот Зоны.

– Вот это и есть Белый храм, – Хитрован указал Клещу на странное циклопическое сооружение впереди. – Мы почти пришли.

Они стояли в центре Блуждающего города. Шагах в ста перед ними, посреди заросшего высокой травой поля, синело небольшое озерцо. В центре озера из круглого, плоского ступенчатого основания уходили в небо четыре многогранные колонны. Где-то высоко-высоко в небе они соединялись арками и переходили в осколок полукруглого свода. Сердце сжималось при мысли о величии того, что здесь когда-то было.

– Да-а, – проронил Клещ.

Он обвел взглядом всю равнину. Из высокой, в пояс, травы то здесь, то там торчали остатки стен, зданий, колонн, статуй.

– Ну, все. – Хитрован уселся на плоский белый камень. – Я свою работу сделал. Дальше вы сами. Вам туда. – Он махнул рукой. – Портал слева между колоннами. Поднимитесь по лестнице и вперед.

– Интересно. – Клещ попытался рассмотреть остатки свода. Шлем ему помешал, и он сорвал его с головы. – Что это был за город?

Внезапно на затылке у Клеща, чуть выше воротника, заплескала ярко-алая точка. В то же мгновение голова коммерсанта разлетелась, как спелая тыква под ударом молотка. Что за хрень?! Хитрован отпрыгнул в сторону. Перекувыркнулся и дал длинную, в полмагазина, очередь по ближайшим кустам.

– Эй, дядя! – закричал кто-то из высокой травы, шагах в десяти от сталкера. – Хорош шмалить, а то гранату кину.

– Кидай! – Хитрован отполз за невысокую полуразрушенную стенку, привстал на колено и прицелился на голос. – Ловлю!

– Хитрован, не дури! Ты свою работу сделал, я свою. Давай без крови разойдемся!

– Без крови? – Хитрован хмыкнул и краем глаза посмотрел на труп Клеща. – Без крови уже не получится.

– Без нашей крови, сталкер. Ты меня знаешь. Я Дикий. Пили вместе в баре. Не стреляй. Я выхожу.

Трава зашуршала, зашевелилась. Оттуда поднялся мужчина в черном плаще. В левой руке на весу он держал «винторез», правую спрятал в карман.

– Руку вынь!

Дикий послушался. Достал руку из кармана и высоко поднял ее над головой. На ладони блеснула кровь.

– Ты, блин, Хитрован, прямо ворошиловский стрелок! Я еле-еле успел в ямку залечь. Чуть в сторону бы взял, и все...

– Зачем ты его, Дикий? – Хитрован опустил автомат, перебрался через стенку, сел, привалившись к ней спиной. – Тебе что, не заплатили?

– Вот именно что заплатили.

Дикий подошел, сел, оперся на винтовку.

– Не гроши, как этот, – он кивнул в сторону Клеща, – а нормальные деньги.

– Дурак ты, Дикий. Тебе теперь в Зоне не жить. Ты договор нарушил.

– А я с Зоной завяжу. Насовсем завяжу. К тому же кто узнает?

– Я-то знаю. – Хитрован положил палец на спусковой крючок.

– Ха! Ты что, сам себе враг? Скажешь, что я Клеща грохнул, узнают, что ты Клеща не довел, и тебе тоже в Зоне, да и нигде на Земле не жить. Можешь прямо сейчас в Портал сигать. Шансов уцелеть гораздо больше.

Хитрован убрал палец с крючка, сбросил автомат с колен на землю и длинно и забористо выругался.

– Мы нужны друг другу, дядя! – Дикий похлопал его по колену и улыбнулся. – Вот так-то!

Внезапно глаза Дикого полезли из орбит. Улыбка превратилась в какую-то чудовищную гримасу, а по шее как раз на уровне кадыка поползла тонкая, как след от ногтя, красная полоска. Заскользили вниз капли крови. Голова запрокинулась, отделилась от шеи и упала в капюшон. Фонтан крови ударил из перебитых артерий. Тело Дикого судорожно дернулось и опрокинулось навзничь. Невероятным сальто-мортале Хитрован перепрыгнул назад за стену и вскинул автомат. Над телом Дикого стоял Клещ. Остатки головы свисали ему на грудь.

– Зря он так со мной, – утробным голосом произнес Клещ. – Я же почти дошел.

Вместо указательного пальца на левой руке у него светился длинный и тонкий, как лезвие, коготь. Клещ провел им по правой ладони. Кожа на кисти лопнула, с шипением расплзлась надвое и обнажила пару маленьких стальных клешней. Настал черед правой

руки. После того как все четыре многосуставчатые стрекозиные лапки выбрались на волю, они вцепились в грудь и разорвали ее пополам. Защитный костюм сполз с Клеща, как балахон, вместе с кожей. Теперь перед Хитрованом стоял блестящий металлический шестипалый жук с небесно-голубыми фасеточными глазами.

– Ну, дальше я сам, – проговорило насекомое и стало подниматься по ступеням к Порталу.

Вдруг из-за обломка колонны наперерез жуку бросилась Алена. Она выставила вперед ладонь с растопыренными пальцами и что-то громко крикнула на незнакомом Хитровану языке. Жук замер, даже немного отступил назад и присел. Потом, словно избавившись от испуга, он приподнялся, вытянулся на своих паучьих лапках и начал что-то громко объяснять Алене на том же тарабарском наречии. Они заспорили. Жук размахивал перед девушкой четырьмя верхними лапами. Он указывал ими то на Портал, то на себя, то на небо или обводил широким жестом лежащую вокруг Зону. Насекомое о чем-то горячо просило девушку, но Алена не соглашалась. Хитрован сидел, привалившись спиной к стене, за которой он всего несколько минут назад прятался от Дикого, и внимательно наблюдал за их перепалкой. Сталкер не понимал ни слова, но все же догадывался, что именно не поделили девушка и жук. Насекомое хотело войти в Портал, а та его не пускала. Внезапно жуку пришла в голову какая-то идея. Он человеческим жестом хлопнул себя по лбу и указал когтем на Хитрована. Алена подумала немного и кивнула. Жук повернулся, спустился по ступеням вниз и подошел к сталкеру.

– Господин сталкер, – сказала насекомое, протягивая Хитровану белый многогранный камень, – я случайно попал в ваш мир. Планета Земля – чудесное место, но я очень тосковал по дому и стремился туда вернуться. Осуществляя свою заветную мечту, я, по незнанию, причинил некоторый вред людям Земли и прошу вас как представителя всего человечества меня за это простить и принять в дар этот скромный камень.

– Отпускаю, членистоногое, тебе все грехи, – сказал Хитрован и перекрестил жука автоматом.

Насекомое повернулось, процокало когтями по мраморным ступеням, кивнуло Алене и вошло в Портал. Иссиня-белая вспышка полыхнула между колоннами и поглотила жука. Девушка двинулась следом. На секунду она задержалась, посмотрела на Хитрована, махнула рукой в сторону сломанной колонны, сказала: «Помогите ему. Он там» – и тоже исчезла в ослепительной вспышке.

За колонной лежал Аладдин.

– А я думал, тебя уже слопала Зона, – сказал Хитрован. Он подошел к раненому, присел рядом на корточки. Подставил спину. – Давай забирайся, брат-сталкер. Лошадь подана.

Дима осторожно забрался ему на спину. Хитрован поднялся, крикнул, наклонился вперед и пошел, тяжело ступая, в сторону третьей двери.

– Ты, Аладдин, посматривай по сторонам. А то как бы нам в аномалию не вляпаться или кровососам на обед не попасть. Тебе-то сверху виднее.

– Ладно.

Дима немного помолчал. А потом вдруг спросил:

– Скажи, Хитрован, а неужели все, кого я сюда водил, из этих? – он поднял глаза к небу.

Хитрован не видел, куда смотрел Аладдин, но догадался.

– Нет, конечно! Это только парочка каких-то заблудших попалась. А так все наши были. Земляне. Лучший мир ребята искали, а ты им помогал. Сам подумай, откуда на Земле столько этих? – Хитрован свистнул и кивнул на небо.

Дима не ответил. «Уснул, наверное», – решил Хитрован. Он еще больше согнулся под своей ношей и продолжал шагать дальше. «А этот, членистоногий, тоже хорош! – подумал Хитрован. – Мотался по нашей Земле втихаря, шпионил. Людей обирал-обсчитывал. Дикого вообще насмерть убил. Потом прощения попросил, камушек сунул, и все – в расчете. Ну и жук! Жучила!»

Хватов Вячеслав

ГЕК, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО МОХНАТОГО СТАЛКЕРА

Колбаса была склизкой и зеленой. К тому же она воняла. Но что поделать! Выбирать не приходится. Не каждый день в кафешке на углу Заречной «день открытых дверей» для нас, безродных дворняг.

Ну, насчет безродных – это я загнул. Родители мои отсутствием родословной не страдали, но мне от этого не легче. С недавних пор я, как и многие другие, стал обыкновенной бездомной шавкой. А произошло это в тот день, когда к собачьим вольерам и клеткам с другими животными детского центра юннатов подъехала колонна строительной техники. Спасибо нашему местному олигарху. Это ему понадобился под застройку элитным жильем тот кусок земли, на котором детишки и их родители устроили уголок живой природы. Всяких там ежей, ужи и воробьев выпустили на свободу. Попугайчиков, черепашек и хомячков разобрали по домам, а здоровякам, вроде меня, повезло меньше. И правда, кто возьмет к себе в малогабаритную квартиру эдакого «лося». Ни разместить, ни прокормить. Вот и гуляю теперь, предоставленный сам себе, по улицам, дворам и закоулкам.

Вообще-то в кружке юннатов я пробыл недолго. Привела меня туда девочка Надя, которая угостила меня конфеткой. Эх, ведусь я на сладости, прям держите меня семеро. Ничего с этим поделать не могу. Сунула мне Надя «Мишку косолапого» и повела, как теленка, право слово.

А что? Жил я у юннатов неплохо. Жаль, всего несколько месяцев. А до этого хлебнул горяшка. Так что кое-какой опыт уличной жизни у меня уже есть.

На улице я оказался примерно с полгода назад. Как только любимый мой и единственный хозяин Антон Сергеич отдал богу душу. Ох и любил я его! Готов был терпеть всякие гадости. Например, есть эти собачьи чипсы. Или бегать, как идиот, за брошенной палкой. Почему-то Сергеич считал, что мне это нравится.

...Я поморщился и принялся давиться докторской-помоечной. Тот еще деликатес. Чав-чав, а сам не забываю краем глаза коситься на наглую ворону, усевшуюся на ограду детского сада. С этими друзьями надо держать ухо востро. Того и гляди стащит мой сегодняшний завтрак.

«Кар!» Я все-таки вздрогнул. Надо же. Испугала. Что-то я тоже дерганный стал в последнее время. «Тоже» потому, что все вокруг какие-то нервные. Я имею в виду людей. От них так и прет безотчетным страхом. Мы, собаки, это очень хорошо чувствуем.

Впрочем, чего-то меня занесло. Это школа Сергеича сказывается. Он у меня военным был, все по горячим точкам мотался, вот из меня, щенка немецкой овчарки, тоже военного пса пытался сделать. Ох и замучил же он меня. То сквозь тлеющие головешки прыгаю, то какого-нибудь бугая за воротник ватника тащу, то кросс километров «...цать», то лазанье по болотам и оврагам. Зато интересно. Один раз вместе с ним с парашютом прыгали. А бывало как засадит над ухом пару обойм из «Сайги». Вот и странно, что я этого «Кар!» испугался. Не хватало еще от каждого хлопка дверью подъезда шараться. Все это от напряжения, которое так и витает в воздухе.

– Ну что, пернатая, обломись! – Я облизнулся и почапал в сторону спального района. Там раньше сердобольные старушки попадались, с кусочками булочек и пирожков в ассортименте.

Ага. Обломись и ты, старина Гектор. Вон одну из старушенций сынок в джипешник запикивает. Остальных и след простыл. Тут не то что псины – голуби с воробьями с утра не кормлены. А колбаска-то без остановки куда-то в глубины живота провалилась, словно и не было ее.

Эх, и вымахал я здоровенный на свою беду! Лапы брюхо не прокормят. Ну ладно, будем считать, что позавтракали, теперь кофе (шучу) и газета. А поскольку читать я не умею, газету мне заменяет телевизор. Вон из окна первого этажа девятиэтажки бухтит.

Послушаем.

«...напряженность не ослабевает. По мнению специалистов, ситуация с каждым днем будет только ухудшаться. Процесс может принять необратимый характер, и, несмотря на все меры, предпринимаемые мировым сообществом...»

Что-то говорит эта дикторша с надрывом. Я бы даже сказал – истерит. Знать бы еще, в чем тут дело. Последний раз регулярно смотреть телевизор я имел возможность у Сергеича. Бегу к овощной базе. Может, хоть капустки там погрызть удастся или крысятинки отведать, на худой конец. (Вот докатился!)

Хрена с два. Погрыз! И здесь все вверх дном. Фуры так и шныряют туда-сюда. Не подойдешь. Крысы, конечно, все по щелям. Остатки капусты и картошки втоптаны в грязь. Не задался денек.

Соображай, Гек, соображай! Дело близится к закату, а у тебя во рту с утра ни бутерброда, ни куриной ножки не было.

Так! На вокзал бесполезно. Там Джиму, знакомому бульдогу, вчера чуть лапы не оторвали. На мясокомбинате, думаю, сейчас та же фигня, что и на овощебазе. Да там и в обычное время делать было нечего. Разве что пару рваных ран от тамошних местных «волчар подзаборных» получить.

Вот надо же. Ведь и у собак все как у людей: крыша, разборки, территория.

Хлебозавод – ерунда. Только белый весь оттуда выйдешь, и никакого удовольствия от той кислятины, которой там воняет, нет. Потом три дня кишки от сырого теста крутить будет. Плавали – знаем!

Что? Опять помойка – наш друг? А ведь еще место для ночлега найти нужно. Егорыч, сторож гаражного кооператива, как запил после начала всей этой людской суматохи, так и заперся у себя в подвальчике. Теперь вот и ныкайся по коллекторам и подворотням. А ведь не месяц май!

– Чу! Что это? Никак с какой-то псины шкуру с живой снимают? Ну и вой! Ах нет. Это у меня в животе завывало. Это ж надо так собаку напугать! Я и так всю ночь не спал, ворочался. Видно, мне людская нервозность передалась. Нутром чувствую, что-то недоброе случится.

Ладно, это все эмоции. Надо пожрать чего-то раздобыть. Лапы в лапы, и вперед, на промысел. Я вот у супермаркета давно не был. Авось хоть там свезет. Побежал.

Возле супермаркета царило все то же безрадостное оживление, что и на других бывших точках объедаловки. Но здесь хоть можно было подползти к кустам акации, разросшимся у заднего входа, и понаблюдать, не рискуя попасть под колеса грузовика или под руку подвыпившего грузчика.

Ага, вон мужик, несший тяжеленную коробку, спотыкнулся, и на асфальт покатались кругляши собачьего счастья – копченые охотничьи колбаски.

Но нет, не подойти. К раздолбаю уже спешит бригадир-начальник. Это просто попытка какая-то. Вон она, жратва! Только лапу протяни.

Терпение, мой друг, терпение! Будет и на твоей улице праздник. Главное – не упустить момент.

Ах, какая волна аппетитного мясного духа прет из-за приоткрытой двери заднего входа! Аж челюсти сводит!

Так-так. Что это у нас там? Перекур? Ну, травитесь, братцы, травитесь, а мы пока ползком, ползком, ушки прижали, нос по ветру, хвост по асфальту, и шмыг в дверной проем. Вот оно! Глаза разбегаются. Главное – держать себя в лапах и не заскулить от переполняющих собачью душу эмоций.

Схватил упаковку импортных котлет. Нет, не то. Замороженная дрянь, да и мало! Ага, вот коробка спрессованных ножек дядюшки Буша. Потянем. Нет, не утянуть! Что же, что же?

Колбаса, она, родимая! Вон тот гигантский батон будет в самый раз. И лежит удобно, и унести смогу. Только бы выбраться незамеченным, и миссию можно считать завершенной.

– Стой, сука, стой! Держи, ребята, собаку, держи, а то колбасу унесет!

Ага, держи, держи. Держи карман шире. Во-первых, кобель, а не сука, а во-вторых, уже унес. Лопухи! Куда им со мной наперегонки. Я в свое время и от патруля на «уазике» сумел оторваться, и от химеры ноги унес. Эх, жаль, Сергеичу это не удалось.

Щас завою, как тошно от таких воспоминаний сделалось. Даже есть что-то расхотелось. Вот он, батон колбасы передо мной в травке лежит, а в желудке спазмы, и слезы на глаза наворачиваются.

Сергеич тогда чуть-чуть не успел. До кордона было лапой подать. Химеры по тем местам раньше и не ходили, а тут за нами увязались сразу две. Они-то свое от сталкеров получили, а вот Сергеича до больницы не довезли.

Уф!

Он ведь всегда такой осторожный, но и на старуху, как известно, бывает проруха.

Вот сижу и грызу ставшую сразу какой-то невкусной колбасу, и ощущение сытости уже не радует.

Кто мне теперь скажет: «Держи хвост пистолетом»?

Оставлю-ка я недоеденный батон на завтра. Кто его знает, когда еще, как и где мне удастся подобным образом отовариться? А теперь морду на передние лапы и спать.

Ух! Опять меня разбудили ни свет ни заря. Только на этот раз не проделки собственного желудка, а вон тот хрипатый матюгальник, что висит над головой. Удачное выбрал место для ночлега, называется.

Что он там бубнит?

«Возможен выброс».

Выброс. Помню, помню. Попали мы как-то с Сергеичем под Выброс. Самым краешком зацепило. Хорошо еще, под железобетонную станину успели залезть. Ох и плющило меня тогда! Глаза в точку, язык на боку, а по шкуре будто кто гребешком стальным прошелся. Только вижу, бледное пятно вместо лица Сергеича куда-то в сторону уплывает, и стон с его стороны. Еле оклемались, в общем. Пронесло. Не в прямом смысле то есть. В прямом тогда нас обоих наизнанку вывернуло, а в глазах еще часа два зайчики совсем несъедобные прыгали.

Выброс, значит. Значит, скоро Зона и здесь будет. То-то люди с ума посходили. Вон на дороге пыль столбом и автобусы, автобусы, машины. Драпают. А о нас, о братьях своих меньших, забыли? Нет, не забыли. Гляжу, одна дамочка кота своего под мышкой тащит, а пацан клетку с попугаем из рук не выпускает. Повезло им, домашним. Опять повезло.

А мне-то что делать? Драпать за ними? И до каких пор? А потом, так меня там и ждут, в чужом городе со своими местными псами и толпой неустroенных людей. Им скоро и самим там есть будет нечего.

Но вообще надо делать лапы из города. Если уж Зона идет сюда, знать, судьба моя такая – в ней жить. Только отправлюсь-ка я ей навстречу. Ход конем, так сказать. Здрасте, вы нас не ждали?

А что? Первое время перекантуюсь у Сидоровича. Он мужик добрый. Всегда меня чем-нибудь угощал, когда мы с Сергеичем к нему с хабаром заходили.

Кстати, о хабаре... Чего-то в моей головке между ушами еще есть. Какая-то смутная мысль шевельнулась. Какая, еще не знаю, но мохнатой попой чувствую, что-то дельное, с поесть-покушать связанное.

Ну вперед! Надо только между теми двумя «КамаЗами» прошмыгнуть и налево к речке. По мосту теперь не пройти, а там переплыть – раз плюнуть. Отряхнулся и пошел.

Вот она, первая. Я их за версту чую. Эта «жаркой» называется. Ух как дыхнуло жаром. «Жарка» и есть. Не всякий человек ее почувствует. Сергеич чувствовал, но все равно целиком на меня полагался. Он меня на это дело и натаскивал. Я его напарником был.

Вот и загордился. Не к добру. Зона, она горделивых быстро на место ставит. А с другой стороны, почему бы перед самим собой не повыкобениться. Не всякая псина на такое

способна. Об этих слепых и псевдопсах я не говорю. Тупой, еще тупее. Об обычных речь. Вот чернобыльский пес это да! Он любому человеку сто очков вперед даст! Умная скотина. Боюсь я их. А слепые и псевдо, что? Несешься от целой стаи бывало, уводишь их от хозяина, значит, р-р-раз между двумя «мясорубками», и полетели клочки по закоулочкам. Тупизна. И snorkи недалеко ушли. Даром что бывшие люди. С кровососами сложнее. Кровосос – он, конечно, тоже не отличается умом и сообразительностью, зато инстинкты у него о-го-го! Не дай бог такому на завтрак попасться! Высосет по самые... и как звать, не спросит.

О! Все, в свою стихию попал! Ветеран, едренить! Вот чего мне у юннатов не хватало! А я еще думал, в Зону идти или от нее подальше!

Оба-на! Snork у останков дикой козы кормится.

Когда я еще молодой был, щенок, одним словом, подошел к нам с Сергеичем один такой. Будто из-под земли вырос. Старичок-лесовичок, да и только. Неприметный, в кремовом плаще, в шляпе, с тросточкой. Заговорил ласково так, вкрадчивым голосом, а сам все бочком, бочком поближе.

Я-то уши свои мохнатые развесил, а Сергеич отскочил в сторону и как даст старичку в живот из «калаша».

Удивился я тогда, не скрою. Только удивление мое как лапой сняло, когда то, что на земле осталось, корячиться в агонии начало. На всю жизнь запомнил. Теперь-то я их издалека примечаю. Сладковатый запах от них такой. Мускусный.

Но вернемся к snorkу. Видно, глубоко я в Зону зашел, весь в своих раздумьях. Расслабился. Вот что значит практики полгода не было. Дорасслабляешься ты у меня, Гектор Антонович. Уши с хвостом местами поменяю и скажу, что так и было.

Шлепаю дальше. Чуть левее ЧАЭС, справа болото. Стало быть, логово Сидоровича прямо по курсу.

Верной дорогой идешь, товарищ! Вон бэтр ржавый, еще с доисторических времен пылится, вон поваленная «елка» ЛЭП догнивает, а «вон оно, дерево», как сказал бы герой любимого фильма Сергеича.

Дерево и в самом деле приметное. Если многие аномалии после Выброса исчезали и появлялись, где им вздумается, то в раздвоенной верхушке этой огромной березы навечно поселилась «комариная плешь». Может, она там и зависает все это время только потому, что необычная. Обычные-то, они все по земле.

«Комариную плешь» я чую по-особому. Хвост мой метров за несколько начинает вибрировать, как провода под высоким напряжением. Но когда мы с Сергеичем первый раз наткнулись на это дерево, я об этом еще не знал. Ну дергается хвост, и что с того? Может быть, съел я чего-нибудь не то накануне?

Хозяин мой эту диковинную аномалию и не заметил тогда. Я ее заметил. И то случайно это получилось. Глядел на пролетающую пичужку, а та возьми и заверни к деревцу. Тут ее к земле и припечатало.

Я залаял, естественно.

Ну так вот, если мне не изменяет память, до Сидоровича еще часа три топать, а топливо на исходе. Перекусить бы чего.

Поймать какую-нибудь живность так и не удалось, зато Сидорович встретил меня, как родного сына, которого, говорят, он самолично к Саркофагу отправил, да тот так и не вернулся. Позвал меня дед на кухню, где я впервые за последние несколько недель поел от пуза.

– Раз у тебя хозяина нет, будешь мое логово сторожить.

Хм. Стоило мне в Зону переться, чтобы городские подвалы поменять на конуру и этого старикана?

Я расстроился, но вида не подал, радостно твякнул и завилял хвостом.

Потянулись сытые, унылые дни. Моя работа заключалась в грозном порывивании на сталкеро-новичков, в ежедневном обходе владений Сидоровича да в ночной брехне на

каждый подозрительный звук. Ну не на каждый, конечно. Через два на третий. Если бы я каждый раз лаял, шеф выгнал бы меня на вторые сутки.

Тоска.

Чем, в конце концов, юннатовские вольеры отличаются от хибары Сидоровича? Правильно, мало чем. А где романтика? Где свобода, я вас спрашиваю?

В общем, дернул я от Сидоровича ровно через десять дней с момента своего поступления в сторожевые псы.

А сподвигло меня вот что. Лежу как-то, греюсь на солнышке и наблюдаю за тем, как хлипкий новичок пытается впарить «капли» одному из бывалых сталкеров. Мой новый хозяин «послал» хлипкого с этой мелочью, вот он и решил свой хлам хоть кому-нибудь по дешевке скинуть.

Этому новичку скорее всего в Зоне не выжить. Я таких повидал немало. То, что он смертник, прямо на лице у него написано.

– Не, не суй мне все это. Свое барахло ты разве что на хавчик обменять сможешь, да и то на многое не надейся.

Правду говорит Каленый. Он-то сталкер со стажем, в людях разбирается. Сразу понял, что перед ним потенциальный труп или бомжара, которых тут хватает. Живут себе, по ближайшим окрестностям всякую лабуду собирают, а потом на водку и жратву ее меняют.

Стоп!

А мне-то что от этой жизни надо? Поесть-покушать и место для ночлега найти.

Так в чем же дело?

От осенившей меня мысли я аж подпрыгнул, будто сразу десять блох залезли мне в ухо.

Так чего же я здесь маюсь?

Первым делом я решил заглянуть на Свалку. Там, конечно, народу много шляется, но и чем поживиться тоже есть. Да и спрятаться можно где угодно. Надо было видеть рожу Сидоровича, когда я ему «пчелиный глаз» принес! Только он на меня наорать собрался за самовольную отлучку, а я перед ним бац, и артефакт на стол выложил. Он от удивления даже заикаться начал.

На следующий день принес ему еще один «глаз». Вообще-то эту штуковину, прозванную «пчелиным глазом» за фасеточную поверхность, таскать в зубах, скажем прямо, не очень. Греется, скотина, и язык обжигает. Но с непривычки пока ничего лучше найти не удалось. И вообще, о некоторых артефактах мне придется забыть. Пояса у меня нет, рюкзака тоже, а в пасти не всякий хабар таскать можно. А «пчелиный глаз», несмотря на его распространенность, на Большой земле очень даже за свои целебные качества ценится.

Так и таскал Сидоровичу всякую мелочь где-то с неделю. Он потихоньку привык к новому клиенту, даже файл на меня в своем ноутбуке завел. А мне в основном пообтереться в Зоне надо было, попривыкнуть заново.

Но вот настал день, и я решился сходить на Янтарь. К тому же Сидорович подогнал мне хитрый такой подсумочек, в который я теперь без проблем могу складывать артефакты, не рискуя вывернуть себе шею.

Проблема в одном – как миновать железнодорожную насыпь? Раньше-то все через тоннель ходили, но теперь там какое-то пси-сознание поселилось. Что это за штука такая, я не знаю, но ясно одно – псам там делать нечего.

Придется возле блокпоста прошмыгнуть. Опасно это, так как военные запросто могут меня за слепого пса издали принять, и собирай тогда кишки по ближайшим кустам.

Ничего, прорвемся!

И прорвался! Не заметили. Я парень шустрый.

Шустрый-то шустрый, а в «кубышку» едва не влетел. Их я совсем не чувствую. Это такая своеобразная аномалия. Что-то там с искривлением пространства связано. Вроде как предметы в ней или больше, или меньше в размерах становятся.

Предметам что, а вот человек или животное – не резиновое изделие, которое можно сжать или растянуть. Кое-чего может и повредиться. Особенно в «кривых кубышках». Видел я одного новичка, угодившего в такую. Лежит возле Рыжего леса, натурально выгнутый буквой «зю». Не, на цифру семь больше похож. (Я не говорил? Я еще и считать умею до десяти!)

На Янтаре все прошло более-менее гладко, если не считать того, что по крышам затопленных машин от псевдогиганта пришлось попрыгать. Зато «слоновье ухо» надыбал.

Ох и замучился я его лапами в трубочку сворачивать. В подсумок он не влез, а бросать такой ценный артефакт не хотелось. Вот Каленый-то обзавидуется. Так и бежал всю обратную дорогу со свертком в зубах, роняя на черномыльскую землю слюни.

Про «слоновье ухо» я еще от Сергеича слышал. Срачивает он практически все. Завернешь сломанную руку, пять минут – и она как новая. Положишь треснутую гитару там, или «калаш» с треснутым прикладом, или что-то стеклянное, расколотое – и всё опять без единой царапинки и трещинки.

Зауважали меня после этой находки сильно. Очень редкий и ценный артефакт это «слоновье ухо». Он ведь еще и размножается. Растет, как шагреневая кожа, наоборот. Положил «ухо» в сейф и стриги всю жизнь проценты, как тот ростовщик.

Я бы его себе оставил, да только кто ж на собаку счет в банке откроет? Так и мотаюсь по Зоне. А что? Мне нравится. Почет и уважение от коллег, лучшее место у костра, бесконечный хавчик. И ты, Бой, таким можешь стать. Ты, гляжу, парень смышленный. Мимо тебя ни одна блоха просто так не пробежит. Вон я-то, например, не один раз видел, как люди картоху в углях пекут, а сам колбаску поджарить не догадался. А ты, Бой, дотумкал. Очень я жареную колбаску уважаю!

Возьму-ка я, пожалуй, тебя в напарники. Очень мне напарник нужен!

Не, людей я не беру. Многие тут со мной идти навязывались, чтобы на халяву между аномалиями шастать, да только обуза для меня люди-то. Идут медленно, следи за ними, как за детьми малыми, чтобы куда не вляпались. Иногда, правда, все же хожу кое с кем. Но это только тогда, когда надо наведаться в те места, где монстряков тьма-тьмушая. Тут три-четыре ствола не помешают. Так вот и ходим ко взаимной выгоде – они меня прикрывают, я их веду.

Так что учись, Бой, пока я жив. Учись и клювом не щелкай.

Еще чего интересного было? Много чего, а еще больше будет. Но об этом, Бой, в следующий раз. Спать что-то охота, аж челюсть всю от зевоты вывернул. И завтра еще спозаранку в Темную долину идти. Путь неблизкий, и надо как следует выспаться.

Сладких снов о сахарной косточке тебе, Бой.

Владислав Дик

ЧАСТЬ ЗОНЫ

Санитар сидел на земле, привалившись спиной к бетонному блоку с торчащими прутьями ржавой арматуры, и готовился пообедать. Привычный обед, привычный алгоритм действий. Повесить рюкзак на ближайшую ветку, рядом положить винтовку, так, чтобы в случае чего моментально взять в руки. С предохранителя он ее не снимал почти никогда, разве что на базе, где было относительно безопасно. Достав нож, Санитар вскрыл банку с тушенкой и принялся за еду.

Когда он начал выскребать остатки тушенки, запищал детектор движения. Санитар положил банку на землю, взял винтовку и прицелился.

Друг или враг? Пожалуй, этот вопрос возникает первым, когда ты разглядываешь человека через прицел. Логика услужливо подсказывает, что, скорее всего, это если и не друг, то, по крайней мере, не тварь Зоны, а значит, не обязательно враг. Но логика в Зоне штука ненадежная, как старый «калаш», – работает исправно до поры до времени, а в самый неподходящий момент может заклинить. Здесь все не так, как в нормальном, привычном

мире, поэтому человек в Зоне необязательно является и другом. К тому же вполне человеческую наружность имеют и сталкеры, и мародеры, которых друзьями Санитар точно назвать не мог.

Еще он не мог понять, почему такие рассуждения лезут ему в голову именно сейчас, когда нужно искать ответы на другие, более важные вопросы: стрелять или нет? Подпустить поближе? Или шмальнуть для верности, а потом разбираться?

Человек приблизился, не замечая присутствия постороннего, и остановился. Вытащил флягу. Санитар оставил рассуждения, медленно выдохнул, положил палец на спуск, решив подпустить незнакомца еще на пару метров. Но человек их не прошел, а упал там, где стоял. Санитар обежал взглядом окрестности, затем посмотрел для верности через бинокль. Звука выстрела слышно не было, но чем Зона не шутит? За свое недолгое время пребывания в ней он успел навидаться всякого. Санитар забросил винтовку за спину, взял в правую руку пистолет и, держа на мушке распростертое на земле тело, направился к нему.

Он подошел к человеку вплотную. Тот, без сомнения, был жив, лишь потерял сознание. «Сталкер? – подумал Санитар. – Вряд ли, молод уж больно. Да и в такой снаряде далеко не уйдешь. Либо новичок, зеленый совсем. Не мародер – это шакалье по одному не ходит. Рюкзак, похоже, набит под завязку – явно не артефактами. Челнок, скорее всего. Таскает товар от барыг за Периметром к местным торгашам, тем и живет».

– Что же мне с тобой делать? – спросил он вслух. Не дождавшись ответа, продолжил: – Ладно, глянем в твой мешок, может, выяснится, кто ты. А там посмотрим.

Санитар осторожно снял с плеча неизвестного автомат и положил рядом с собой – мало ли что. С одной стороны, копаться в вещах, тебе не принадлежащих, нехорошо. Но Зона диктует свои правила поведения. Санитару не раз приходилось обыскивать трупы убитых товарищей и забирать их вещи, которые могли оказаться полезными. Зона – полигон выживания, рассуждал он, поэтому вполне естественно, что мертвецам вещи не нужны, а вот живым пригодятся гораздо больше.

Санитар убрал пистолет в карман и попытался перевернуть тело, чтобы снять рюкзак. После недолгой возни ему это удалось. Он открыл рюкзак и принялся разбирать его содержимое. Он обнаружил три блока сигарет – не дешевой дряни, которая набита смесью табака, сена и еще непонятно чего, а вполне нормальных «Винстон»; пару упаковок крупы, пакет с крахмалом, пачку лапши и две банки с тушенкой – вроде все то, что обычно закупают в барах. Вот только количество продуктов обычно в несколько раз больше. Зона Зоной, но и здесь все хотят нормально питаться, а двумя упаковками каши ораву сталкеров не прокормишь. Поэтому торгаши получают продукты по другим каналам – один челнок много не принесет. Зато он может пройти там, где не пройдет отряд, и принести легкие и ценные вещи – медикаменты, наркоту, электросхемы, запчасти к ПДА и прочему электронному барахлу, от которого зачастую зависит жизнь в Зоне.

Работа Санитара заключалась в том, чтобы избавляться не только от сталкеров, но и от подобного рода крыс, если они появлялись в подведомственном ему секторе. Но, судя по содержимому рюкзака, парень не был и челноком. Санитар вывалил из рюкзака все, что там было, осмотрел и ощупал его изнутри и снаружи. Но рюкзак оказался обычным, без потайных карманов.

Санитар отложил рюкзак в сторону, присел на корточки и пару раз хлопнул лежащего по щекам.

– Подъем! – рявкнул он, затем вытащил фляжку с водой и плеснул парню на лицо. Тот помотал головой и открыл глаза.

– Очухался? – спросил Санитар.

– Пить дай... – прошептал тот.

Санитар приподнял ему голову и дал напиться.

– Спасибо.

– Пока не за что. Ты не сталкер, не челнок и не мародер. Кто?

– Ладно, врать бесполезно, так? Хорошо, скажу правду – я психолог.

– Кто-о? – опешил Санитар.

– Это человек, который...

– Ты меня за идиота держишь? – оборвал его Санитар. – Я знаю, кто такие психологи, поэтому не пудри мне мозги, а отвечай – кто ты такой?

– Я уже ответил. Дело в том, как ты сам воспринимаешь ответ. – Парень оперся на локоть и попытался встать.

Санитар толкнул его в грудь и пресек эту попытку.

– Значит, так. Ты говоришь мне четко, кто ты такой, что здесь забыл, и тогда у тебя будет возможность сохранить свою шкуру относительно целой. Понятно?

– Понял. Только не перебивай, ладно? Как я уже сказал, я психолог, пишу кандидатскую диссертацию на тему «Психологические особенности поведения в экстремальных ситуациях». Вот «корочки», – он вытащил из внутреннего кармана удостоверение.

– Ты мне бумажки свои не суй, – зло сказал Санитар. – Я тебе кучу таких же могу достать. Что ты в Зоне забыл, придурок?

– Я же объясняю, – продолжил парень, – тема моей диссертации напрямую связана с поведением человека в экстремальных ситуациях. Что на сегодняшний день может быть экстремальнее Зоны? Это же непаханое поле! Ты не поверишь – никто не хочет изучать людей, живущих здесь. Я первый, кто додумался до этого.

– Поверю.

Парень недоуменно посмотрел на собеседника.

– Поверю и в то, – продолжил Санитар, – что никто не хочет изучать тех, кто здесь обитает, и в то, что ты действительно первый. Просто таких балбесов еще поискать. Кроме тебя, все сообразили, что Зона – не место для прогулок, тем более что вам, интеллигентам, здесь вообще делать нечего – быстро откидываете копыта.

– Но ведь здесь работают ученые...

– Да, которых обычно охраняет взвод военных сталкеров, а их вокруг тебя я что-то не вижу. Как ты сюда пробрался?

– Деньги решают все.

– Здесь, – Санитар поднялся с земли, – они не решают ничего. Вообще-то я должен тебя пристрелить. – Лицо парня вытянулось. – Но сделаю исключение. Сдохнешь сам.

Санитар подобрал его автомат и пошел к месту недавнего обеда.

– Стой, ты ведь не можешь меня здесь бросить! – Психолог пошел вслед за ним.

– Еще как могу, – ответил Санитар.

– Но ты ведь привел меня в чувство, не оставил, когда я потерял сознание...

Санитар остановился и повернулся к нему.

– Во-первых, мне нужно было узнать, кто ты. Это моя работа. Во-вторых, забудь о сочувствии и прочей ерунде. Это Зона, здесь каждый сам за себя. Ты должен стать ее частью, если хочешь выжить.

– Не хочу я становиться частью Зоны, – со злостью произнес парень. – Если это твой долг, лучше пристрели меня.

– Ты рехнулся?

– Вовсе нет. – Психолог достал сигарету и закурил. – Я слабый и трусливый интеллигентишка, верно? К тому же без оружия мне здесь не выжить. Поэтому лучше трусливо получить пулю в лоб – это быстро и безболезненно. Боюсь я быть разорванным крысами, или собаками, или что тут у вас еще водится?

– Патроны на тебя тратить... – вздохнул Санитар. – Ну да ладно, окажу я тебе эту услугу. – Он вытащил пистолет и взвел его. – Повернись спиной. Нам обоим так проще будет.

Парень послушно повернулся спиной. Санитар приставил к его затылку пистолет, щелкнул предохранителем, а затем размахнулся и от души врезал рукояткой по основанию черепа. Колени психолога подогнулись, и он кулем свалился наземь.

– Пошлют же Хозяева идиота... – произнес Санитар и пошел к своему рюкзаку. Пора было отправляться к следующему пункту наблюдения.

Санитар шел по мертвой траве Зоны и думал о странном «психологе», которого встретил после обеда. «Конечно, никаким психологом он, скорее всего, не является. Но кем тогда? И почему рука не поднялась его грохнуть? Вопросов много, и ни одного ответа. С одной стороны, убивать парня было необязательно – не сталкер, не челнок, опасности не представляет... Стоп! А что в Зоне не представляет опасности? Конечно, нужно было его убрать! Черт! – Санитар со злости ударил себя кулаком по ноге. – А если он подберется к базе и его засекут, с кого потом спросят? С меня! Спрашивается, чем раньше думал? Видимо, не головой. Придется вернуться и разобраться с ним. А причину задержки, учитывая недавний Выброс, найти можно». Санитар развернулся и пошел обратно.

Подходя к месту их недавней встречи, он увидел, что «психолог» сидит на земле и курит. Его окружила стая слепых собак, но тот не обращал на них никакого внимания. Санитар, держа в руке автомат, стал медленно приближаться. «Почему они его не трогают? – думал он. – Может, пока меня не было, он успел стать зомби, и рядом бродит контролер? Бред! Зомби не курят... Хотя он ведь свежий. А новоиспеченные зомби, бывает, даже отстреливаться могут, почему бы....»

Мысли оборвались, когда «психолог» повернулся к нему и прокричал:

– Не бойся, наемник! Они тебя не тронут!

Санитар остановился и вскинул автомат. Собаки синхронно повернулись к нему, вздыбили остатки шерсти на загривке и зарычали.

– Не проявляй агрессию! Они этого не любят. Опусть автомат и подойди.

Санитар помедлил, затем все же выпустил автомат из рук, так, чтобы он повис на ремне в районе бедра. Сделал несколько шагов. Собаки продолжали наблюдать за ним, но рычать перестали. Когда он подошел к ним вплотную, они отошли в сторону, ровно настолько, чтобы дать ему пройти, затем легли на землю.

– Присаживайся, – кивнул парень на землю рядом с собой. – У тебя ведь много вопросов ко мне, верно?

– Кто ты на самом деле? – как можно спокойнее спросил Санитар.

– Я – часть Зоны, в большей степени, чем ты думаешь. Кстати, первое, что обычно спрашивают, это имя. Но поскольку ты не стал этого уточнять, можешь звать меня Психологом. Хотя психолог из меня такой же, как из тебя санитар. Тебя ведь так называют, верно?

– Да верно, верно! – раздраженно произнес Санитар. – Это твое любимое словечко?

– Просто приятно осознавать, что ты все чаще оказываешься прав. Гораздо хуже, когда мир убеждает тебя в обратном. Кстати, верни автомат.

– Держи. – Санитар протянул ему оружие (какой от него толк, когда ты уже окружен тварями Зоны) и спросил:

– Откуда ты меня знаешь?

– Я не знал, кто ты, пока не встретился с тобой. К тому же узнать человека до конца невозможно при всем желании.

– А можно не философствовать, а просто ответить?

– Можно, – пожал плечами Психолог. – Так вот, я узнал только то, что ты наемник и как тебя называют.

– Кто тебе сказал? Ты знаешь кого-нибудь из наших?

– Я же тебе говорил, что ничего о тебе не знал, пока не встретился с тобой. До тебя плохо доходит? Да не дергайся! Если бы я хотел тебе причинить вред, то эти зверушки, – Психолог мотнул головой в сторону собак, – разорвали бы тебя прежде, чем ты опустошил магазин.

– Ты что, их контролируешь? – недоверчиво спросил Санитар.

– Да, и немного читаю мысли.

– Как контролер?

– Да. – Психолог нахмурился. – Почти. Что касается тебя, то мне удалось убрать твое желание ликвидировать потенциальную угрозу и спровоцировать на то, чтобы ты просто оглушил меня, а не убил. Поэтому ты поверил в то, что я богатый психолог, у которого крыша

поехала на научной работе, а также в то, что я не представляю опасности. Когда ты вернулся, я уже пришел в себя, перекусил и немного восстановился. Этого хватило на то, чтобы привлечь стаю и заставить ее охранять меня. Эти существа устроены так, что им нужен вожак, желательнее сильнее любого из стаи. Их ошибочно называют собаками. Это бывшие волки, а их инстинкт объединения никакая мутация не уберет. Но мутация увеличила их агрессивность, ведь обычные волки нападают на людей лишь тогда, когда их голод настолько силен, что лишает осторожности. Поэтому вожаку нужно быть не только сильнее физически, но и уметь воздействовать на их мозг. Подобными способностями обладают черномыльские псы, которые часто становятся вожаками.

– И ты, – утвердительно произнес Санитар.

– Да. Мои возможности больше, чем у черномыльца, но меньше, чем у контролера. Я могу влиять на настроение живого существа, читать некоторые мысли и контролировать примитивных существ, вроде псов. Но я не могу полностью контролировать человека, зомби или излома.

– Ты мутант.

– Теперь уже да, – ответил Психолог и достал новую сигарету. – Я лишь надеюсь, что этот процесс не продолжится. И поэтому мне нужна твоя помощь.

– Что ты имеешь в виду?

– Как ты думаешь, откуда берутся контролеры? – вместо ответа спросил Психолог, прикуривая сигарету.

– Да кто его знает. Мутанты плодятся после Выброса, похожи на людей. Парни рассказывали, даже разговаривать умеют. Может, особый вид зомби. Точно, наверное, известно лишь Хозяевам, – ответил Санитар.

– Да, это результат мутации, но в отличие от зомби они не разлагаются. А после Выброса контролеры не плодятся. Зато плодятся другие существа, которых можно сделать кормом и охраной. Поэтому контролеры выбираются из своих нор, чтобы заполучить как можно больше того и другого. Короче говоря, контролеры – результат эксперимента.

– Какого? – ошарашенно проговорил Санитар. – Ты хочешь сказать, что их создали?

– Именно. – Психолог сделал глубокую затяжку и выдохнул дым. – Я тоже участвовал в этом. В качестве подопытного кролика.

– Но ты выглядишь как...

– Как человек? То есть не приобрел ядерный загар и так далее? – невесело усмехнулся Психолог. – Если бы эксперимент завершился удачно, я бы, скорее всего, был черным, как негр. Но мне удалось сбежать после сбоя системы обеспечения.

– Кто проводит эти эксперименты? Хозяева?

– Ученые. Но, думаю, без Хозяев здесь тоже не обошлось. Я выяснил лишь то, что это отдельная группа. Убежище находится рядом с ЧАЭС, под землей. Но я отметил место входа на карте. Убежище не имеет связи и не снабжается. Возможно, они начали работать незадолго до взрыва. Поэтому эксперименты, наверное, скоро прекратятся. Но сколько еще контролеров они успеют наштамповать? Их необходимо остановить. – Психолог сжал в руке окурок, не чувствуя боли.

– Почему ты обращаешься ко мне? Обратился бы к должовцам, они только и ждут, чтобы всю Зону зачистить.

– И как ты себе это представляешь? Приходит потенциальный контролер и говорит: «Мужики, пошли мир спасать»? Я же, по их меркам, мутант! Они пристрелили бы меня либо сразу, либо после разборки с учеными. Короче, ты сказал, что деньги здесь ничего не решают. Это действительно так?

– Да, это так, – ответил Санитар.

– Но чем тогда рассчитываются с наемниками? – Психолог впервые выглядел растерянно.

– А, вот ты о чем. Да по-разному. Говорят, есть те, что берут деньгами, но наши ребята предпочитают оружие, боеприпасы, экипировку и медикаменты, ну и артефакты, конечно.

– Послушай, у меня с собой нет ничего, кроме денег. Но у ученых полно разного оборудования и медикаментов. Оборудование, понятное дело, поизносилось, но пока работает. Мне ничего не нужно, так что можешь все забрать. Тебя устроит такая оплата?

– Не знаю, не я принимаю заказы. Надо связаться со своими. Черт! – выругался Санитар. – Я должен был выйти на связь еще полчаса назад!

Он вытащил ПДА и отправил сообщение на базу. Написал, что все было чисто, лишь нарвался на стаю слепых псов, что было относительной правдой, отсюда и задержка связи. Психолог прикурил новую сигарету и молча наблюдал за его действиями. Незамедлительно пришел ответ. Санитар внимательно прочитал его и нахмурился.

– В чем дело? – спросил Психолог.

– Странно, – ответил Санитар. – Пришел приказ вернуться на базу.

– Так туда нам и надо. Поговорим с твоим начальством.

– Понимаешь, нас могут снять с дежурства лишь в том случае, если случилось что-то серьезное. Но в любом случае идти надо.

– Что ж, пошли. – Психолог поднялся.

Собаки моментально вскочили на ноги и повернулись к нему мордами. Санитар инстинктивно потянулся за винтовкой.

– Нет! – схватил его руку Психолог. – Пока ты со мной, а я в сознании, они тебя не тронут. Пусть лучше сопровождают нас, так безопаснее.

– Хорошо, – недовольно ответил Санитар, – но когда я тебе скажу, ты отправишь их подальше. Если этих тварей увидят с базы, сразу ударят из пулеметов. Понятно?

– Понятно, сделаем, как скажешь. – Психолог вытащил очередную сигарету. – Идем, что ли? Стемнеет скоро. – Он поднял взгляд в небо и тихо произнес: – Слышишь, Зона? Я остался человеком, не стал твоим порождением. И постараюсь, чтобы больше никогда и никто им не стал.

– Молчи. А то и впрямь услышит, – покосился на него Санитар.

Путешествие происходило почти без ненужных приключений. Сектор, вверенный Санитару под наблюдение, периодически зачищался особой командой. Детектор аномалий работал исправно, но на всякий случай впереди шли псы. За ними шел Санитар, Психолог замыкал процессию, непрерывно куря сигареты.

В наступающих сумерках за ними незаметно крался чернобыльский пес, ориентируясь на запах табака и следя за стаей слепых собак, четко выполнявших его указания. Рядом, согнувшись, шел контролер, удивляясь восприимчивости попавшихся ему людей и своей удаче. Никогда раньше не удавалось поговорить с человеком через его же собрата. Через какое-то время и он будет полностью принадлежать Зоне и подчиняться ей, но до этого момента ему удалось передать часть тайны появления контролеров людям. Возможно, они сумеют остановить это безумие.

А за всеми с интересом наблюдал один из Хозяев, который не делал между участниками своей игры особых различий – ведь любой, попавший в Зону, рано или поздно становится ее частью, даже если не осознает этого.

Ваганов Максим (Gunslinger) «ВАМПИР»

Часть I
Мост

Выдержка из ОРАО (Общий Реестр
Аномальных Объектов)

от 27.07.2039 г.

РАЗДЕЛ 3

«СПЕЦИФИЧЕСКИЕ АНОМАЛЬНЫЕ ЗОНЫ» П. 2

Патогенная область (далее – ПО) – сравнительно небольшая область пространства (от нескольких кв. м. до 1-2 кв. км). Данная аномалия характеризуется ярко выраженным эффектом интенсивного поглощения различных видов энергии. На сленге сталкеров ПО получила название «вампир». Впервые обнаружена в 2037 году в статической области Зоны с кодовым названием «мост».

ОПИСАНИЕ.

Отличительные визуальные признаки: нет.

Воздействие на электронику и человека.

1. ОБОРУДОВАНИЕ.

В зоне действия «вампира» наблюдается практически мгновенная разрядка блоков питания любого типа и емкости, отказ электроники, полная потеря информации на всех типах магнитных и электронных носителей данных без какой-либо возможности ее последующего восстановления.

С точки зрения систем связи и радарного слежения данная аномалия является так называемой мертвой зоной.

Работоспособность внутри ПО сохраняется исключительно у механических устройств.

2. ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА.

Для людей ПО крайне опасна. У сотрудников института, находившихся внутри аномалии с целью ее исследования, фиксировались следующие симптомы: тошнота, головокружение, общая слабость, расстройства психики и нервной системы.

При длительном пребывании внутри ПО (от 20 мин. и более) у людей отмечено появление галлюцинаций, беспричинного страха, возникновение различных фобий. Нахождение в «Вампире» более сорока минут влечет за собой полное психофизическое истощение организма и как следствие летальный исход.

3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРУГИМИ АНОМАЛЬНЫМИ ОБЪЕКТАМИ.

Наличие аномалий других типов, а также каких-либо известных артефактов внутри ПО не зафиксировано. Предположительно ПО поглощает энергию аномальных образований, попавших в зону ее действия, таким образом уничтожая их.

Средства защиты: не существует.

Внешние отличительные признаки: не обнаружены.

Системы дистанционного обнаружения: в разработке.

Уровень опасности для жизни: А9 (максимальный).

Отчет составлен руководителем сопроводительного отряда группы «Тени» Авдеевым К.Л.

14.11.2038 г.

Отчет рассмотрен и подтвержден научной комиссией по классификации аномальных объектов

16.11.2038 г.

* * *

«Статическая область Мост... Словооблуды яйцеголовые» – Сергей с хрустом смял лист отчета и резким движением швырнул бумажный ком в грязно-коричневую траву перед собой. Клочок белой бумаги, отлетев на пару метров, застрял ярко-белым пятном между жесткими стеблями травы и теперь мерно колыбался вместе с ними под легким дуновением ветра.

Он сидел на большом трухлявом пне, в тени деревьев, на самом краю леса. Высоко над ним в бездонном серо-голубом небе пылал стоящий почти в зените раскаленный шар солнца. Редкие белые облака медленно ползли куда-то на восток. Легкий ветерок тихо шуршал листьями деревьев над его головой, вяло и неспешно гнал волнами заросли высокой коричневой травы, покрывавшей плотным ковром всю территорию от леса до самого каньона

вперед. Очередное лето в безумном круговороте времени подходило к своему апогею, безжалостно выжигая в пыль истерзанную землю.

Сергей поднял уставшее лицо к выгоревшему небу и зажмурил глаза от яркого солнечного света. Небесная бездна тут же сменилась зыбкой ярко-алой пеленой. Зачем он здесь? Очередной параноик, ищущий разгадки несуществующих тайн? Трус, убегающий от себя и от мира? Идиот, возомнивший себя кем-то вроде пирата двадцать первого века, ищущий несметных сокровищ на свалке безумия? Кто он здесь?.. Сталкер, сталкер, сталкер... Безумец...

Он выругался и огляделся вокруг. В паре метров справа в высокой траве остывал свежий труп огромной дикой собаки, последней и самой упрямой из небольшой стаи, взявшей его след еще на рассвете.

Сталкер довольно хмыкнул. Он достал зверя в момент его последнего решающего прыжка короткой и точной очередью разрывных из «Тайфуна». Любое нормальное животное мгновенно отдало бы концы от таких ран, а пес еще несколько долгих минут бился в дикой агонии, разрывая лапами землю вокруг себя и упорно пытаясь добраться до намеченной жертвы.

Псы увязались за ним еще рано утром, в самом начале маршрута, и гнали его по Зоне добрых три часа, пытаясь взять в кольцо и прикончить, но, к счастью, на этот раз сталкер оказался умнее и проворнее. Хотя он и выиграл схватку, но это дорого стоило. За время погони он порядочно измотался и потратил половину боезапаса к «Тайфуну». Его преследователи оказались на редкость шустрыми и, похоже, прекрасно знали, что такое оружие, но, как говаривал один его хороший знакомый, твари опаснее человека, который твердо вознамерился выжить, во вселенной не существует. Так в результате и вышло.

Сталкер закурил и принялся с интересом рассматривать клубящуюся вдали серую стену тумана. До моста от места, где он сидел, оставалось метров сто, не больше. Это был его последний привал перед почти самоубийственной вылазкой.

Да, он всегда был рискован человеком, но к полоумным идиотам себя все-таки не относил, а потому прекрасно отдавал себе отчет в том, на какой риск собирается сейчас пойти. На первый взгляд от его затеи и вправду порядочно несло безумием, но при хорошо продуманной подготовке поставленная задача казалась очень даже выполнимой.

Ранним утром на КПП блокпоста Сергей был спокоен и абсолютно уверен в себе, даже перекинулся парой пошлых шуточек с часовыми, но после выхода в Зону всю его уверенность как рукой сняло. Где-то в темных глубинах души зародился и начал назойливо ворочаться червячок смутной тревоги. С каждым шагом, приближавшим его к намеченной цели, в голове появлялись все новые и новые аргументы против этой затеи. Один за другим они всплывали на поверхность сознания, подобно некоей общеизвестной гадости, и всячески пытались расшатать стройный и простой план сталкера, а после схватки со стаей псов он уже почти решился повернуть назад. Почти. В непродолжительной и жаркой схватке разума с натурой афериста верх, так сказать, взяла природа. Сергей решил довести начатое до конца.

Сталкер улыбнулся сам себе и подумал:

«Ва-банк играем, молодой человек... Ва-банк... Сколько у тебя шансов не остаться гнить там, на мосту? Судя по всему, не так уж и много. Н-да... Как там у классика: „Любопытство не порок...“ Не можешь ты жить, как все нормальные люди. Не-е-ет, не можешь. Тебе обязательно нужно найти самое изысканное дерьмо и со всего маху в него вляпаться. – Улыбка на его лице стала чуть шире. Он так и продолжал сидеть с закрытыми глазами. – Гурман ты хренов. Любопытство, Серж. Азарт. Да, именно азарт. Он, между прочим, опасен не только в казино, но и в банальной жизни тоже. Хотя что такое наша жизнь без азарта и любопытства? – Сталкер открыл глаза и с явным удовольствием затянулся почти истлевшей сигаретой. – Что-что?.. Тупое животное существование. Вот что».

Сергей достал еще одну сигарету, прикурил ее от окурка старой и осмотрелся, ища взглядом силуэт человека, но вокруг пока было тихо и безлюдно. Он дожидался здесь своего старого приятеля Крига с некоторым специфическим снаряжением, без которого вся его затея с мостом и выеденного яйца не стоила.

К сожалению, даже будучи ооновским наемником, сталкер мог пронести в Зону только официально разрешенные вещи. Все эти чертовы конвенции, пакты, договоренности, целые своды никому не нужных правил и законов, разработанных на бесконечных бюрократических совещаниях «в верхах», не создавали для таких, как он, ничего, кроме проблем и головной боли. Но мнение сталкеров в политических делах во внимание не принималось, так что приходилось полагаться только на собственную изобретательность и услуги людей вроде Крига.

Сергей бросил быстрый взгляд на часы – 11:30. Генрих опаздывал уже на полчаса, но с этим, к сожалению, ничего нельзя было поделать. Оставалось только сидеть и ждать. Криг должен был прийти к условленному месту в любом случае, даже если не смог выполнить заказ. Сталкер покачал головой и выругался. Он ненавидел беспомощное ожидание. С малых лет ненавидел. Смирившись с неизбежным, он удобней устроился на пне и занялся равнодушным созерцанием пейзажа.

Время шло, Криг не появлялся. Машинально блуждающий по округе взгляд сталкера снова зацепился за убитого пса. На труп животного уже собралось несколько ворон. Птицы сосредоточенно выдирали мясо из ран мертвого зверя, периодически злобно каркая и толкая друг друга. Сергей грустно улыбнулся, глядя на эту картину, и подумал:

«Как это похоже на нас... Мы ведь так же злобно копошимся в этой гниющей ране планеты, пытаюсь выдрать из нее свой кусок посочнее да подороже. С остервенением грызем глотки другим, чтобы больше урвать себе. Обозвали себя сталкерами – легендой двадцать первого века... А ведь в большинстве своем мы всего лишь банда мародеров, прикрывающих банальную жажду наживы показным героизмом и самоотверженностью. По сути, такое же вечно голодное воронье...»

Он впечатал очередной окурок каблуком ботинка в пыльную землю и глянул в сторону моста. Сквозь серую пелену густого тумана проступали лишь призрачные очертания массивных металлических конструкций. Теоретически где-то там, в этой мутной мгле, и была скрыта основная цель его самонадеянной вылазки – лаборатория НК-7 «Мираж». Легендарное и таинственное место. По дошедшим до него крупницам информации, именно там и создали первого контролера. Более того, этот комплекс являлся сердцем всех разработок в области психотронного оружия. Многие из тех, с кем Сергей говорил о «Мираже», выражали глубокие сомнения в реальности этого места. Лабораторию НК-7 было принято считать одной из легенд Зоны. Местным фольклором.

Сталкер вынул из кармана на рукаве бронекостюма тонкую прямоугольную пластину из серого металла, размером не больше пачки сигарет. Всю поверхность железки покрывала сложная система прорезей дырочек и бугорков. Он поднял пластину к небу и принялся разглядывать на просвет сложный узор из разнокалиберных отверстий.

«Ну что, майор? Похоже, на этот раз у тебя действительно есть хороший прутик. Как? Рискнешь колупнуть все это секретно-таинственное дерьмо поглубже?»

То, что он держал в руках, было ключом от лаборатории. Механическим ключом. Единственное доказательство ее существования. Хотя, с другой стороны, учитывая обстоятельства, при которых эта железка попала к нему, она могла быть и липой. В голове сталкера снова закопошились нехорошие догадки:

«Механический ключик... Разумно... „Вампир“ не позволит пронести через себя какой-либо электронный прибор. В том числе и пластиковую карточку с магнитной полосой или чипом... Хм... Вот только есть у нас одна неувязочка, правда? – Он вопросительно кивнул пластине-ключу, будто та могла ему ответить. – А знаешь, в чем неувязочка? Нет? Ладно. Изложу. По той информации, которую удалось нарыть, лаборатория НК-7 существовала до появления второй Зоны и была расположена вне пределов первой. На „чистой“ земле нет никаких „Вампиров“, да и в первой Зоне их тоже не было. Вот и спрашивается, господа хорошие, на кой икс вам тогда механический ключ? Что мешало сделать его электронным? Новая хитроумная система замков? Вряд ли... Прихоть проектировщиков? Тоже маразм... А может быть, мост с „Вампиром“ не такая уж и аномалия? Как, собственно, и многое остальное... Ну, например, новые виды животных, явившиеся следствием спонтанных

мутаций, вызванных повышенным радиационным фоном. Ну, мутации еще ладно, но вот сам факт того, что в результате получились устойчивые и жизнеспособные организмы, заставляет задуматься. Вероятность подобного, при условии неуправляемости мутационного процесса, почти равна нулю, а в нашем случае нолик вышел с палочкой. И не с одной. Кроме того, произвольное изменение или нарушение основополагающих законов физики, химии, биологии в локальных областях пространства... В этом случае – вообще без комментариев. Хотя факты остаются фактами. Похоже, дядюшка Эйнштейн, вы были всего лишь жалким фокусником. Кто-то по-крупному вас переплюнул. – Сергей рассмеялся. – Н-да... Высшее образование опасно для здоровья психики. Вопросы, вопросы, вопросы... Так и рехнуться недолго. Интеллект – вредная штука». Вопросов действительно хватало с лихвой, а все ответы находились по ту сторону моста на почти километровой глубине. Честно говоря, Сергея пугало то, что именно он мог узнать, добравшись к своей цели, а кое-какие неприятные догадки у него имелись.

Данные о местонахождении лаборатории и ключ от нее попали к Сергею, можно сказать, в результате фантастического стечения обстоятельств. Три месяца назад он вернулся в родной Львов с намерением провести парочку закадычных друзей и немного отдохнуть от работы. Ясное дело, Сергей заскочил на один из рынков города с намерением закупиться всем необходимым для теплой дружеской посиделки, но вот когда он наконец выбрался из деловито копошащейся толпы и уселся в такси, то обнаружил в кармане плаща кое-что лишнее – небольшой плотный сверток без каких-либо подписей и маркировок.

Поначалу он воспринял это как некую парадоксальную случайность или розыгрыш, но когда наконец уединился в своей квартире и открыл сверток, то понял, что все намного более серьезно, чем он предполагал.

Внутри пакета оказался ключ, пара неумелых схематических чертежей и отпечатанная на принтере записка без подписи. В ней содержалась просьба одного из бывших сотрудников «Миража» найти лабораторию и вытащить на свет божий то, что там творилось. Этот таинственный сотрудник утверждал, будто знает о цели пребывания Сергея в Зоне и о его удачливости в определенных вещах, поэтому вверяет именно в его руки дальнейшую судьбу лаборатории. Кроме того, записка содержала в себе еще ряд инструкций на тот случай, если Сергей решится за это взяться. В тексте упоминался некий стимулятор T10, который якобы должен помочь ему пройти мост.

Сначала сталкер отнесся к этому делу весьма скептически и с немалой долей подозрения, но все же, вернувшись в Зону, он начал аккуратно и обстоятельно собирать по крупицам информацию о «Мираже» и об этом загадочном стимуляторе. Найти следы ученого, будто бы передавшего Сергею место нахождения лаборатории и ключ, так и не удалось. Кроме того, сталкер потратил два месяца на вычисление возможной слежки за ним, но ничего не обнаружил. Наконец, выяснив все, что только было возможно по данному поводу, он убедился, что и лаборатория, и T10 абсолютно реальные вещи. Взвесив все «за» и «против», он все-таки решил попробовать...

За спиной Сергея громко хрустнула ветка, и сталкер резко развернулся, перехватывая поудобней «Тайфун». Тревога оказалась ложной. В паре метров от него сквозь заросли густого подлеска с пыхтением продирался Криг. Сталкер шумно выдохнул, опустил автомат и крикнул приятелю, подняв в приветствии руку:

– Здравствуй, Криг! Я уж думал, что кавалерия пожаловала. – Он указал стволом «Тайфуна» на облепленный птицами труп собаки.

Кригу наконец удалось продрасть сквозь плотный кустарник, и он, нервно стряхивая с защитного костюма ветки и листья, подошел к Сергею.

– Извини за задержку, друг, но старина Генрих летать пока не научился.

Генрих Криг, немец русского происхождения, был хорошим приятелем Сергея и одним из самых старых сталкеров. Он, можно сказать, превратился уже в неотъемлемый элемент в мозаике жизни Зоны. Генрих зарабатывал себе на жизнь не столько добычей сведений и артефактов, сколько тем, что доставлял наемникам вроде Сергея так сказать «специфическое» оборудование и снаряжение непосредственно в Зону. Как ему это

удавалось, не знал никто. На все попытки расспросов он отвечал коротко и лаконично: «Коммерческая тайна, господа».

– Я смотрю, ты уже успел тут нагадить. – Генрих пожал протянутую руку и с интересом уставился на птичью пирушку. – Там еще парочка холодненьких валяется. – Он указал небрежным жестом себе за спину. – Тоже твоя работа?

– Пришлось, – кивнул Сергей. – Плотно на хвост сели. – Он поморщился, вспоминая утреннюю травлю.

– Большая скотинка. Упитанная... Была... – Генрих еще раз окинул оценивающим взглядом мертвую тушу, покачал головой и, крихтя, уселся на здоровенный пенек рядом с Сергеем.

За глаза Крига называли Кабаном. Кличка привязалась из-за внешности, вызывавшей однозначную ассоциацию именно с этим животным. Ростом он был пониже Сергея, кряжистый, хорошо упитанный, с мясистым лицом и крупной головой, посаженной на мощной короткой шее. Криг чем-то смахивал на греко-римского борца, ушедшего на пару лет в пивной запой. В его маленьких хитрых глазках всегда блуждал озорной огонек. Старый сталкер относился к той породе убежденных оптимистов, которые даже в крестах на кладбище видят только знаки плюса. За это его Сергей и уважал. В Зоне трудно было сохранить позитивные взгляды на жизнь.

– Значит, ты все-таки решился? – Генрих вопросительно уставился на Сергея.

– Риторический вопрос. – Сергей улыбнулся приятелю.

– Не факт... Не факт. – Криг покачал головой.

– Все достал?

– Да. Нехилую задачку ты мне на этот раз подкинул.

– Ну, за это тебе и платят.

– Тоже верно. Держи. – Генрих вынул из кармана черный продолговатый футляр, пакет с взрывателями к гранатам и, отдав все это хозяйство Сергею, деловито завозился со своим автоматом, наигранно сварливо бурча под нос: – Клинит, сволочь. Чуть не угробился из-за него. Долбаная железка... И все-таки, Серега, ты тот еще псих. Может, передумаешь?

Сергей пропустил его слова мимо ушей и сдвинул фиксатор защелки на футляре. Крышка со звоном открылась. Внутри в специальных зажимах красовались два пневмотуба с янтарной жидкостью и синей надписью «T10» на стекле ампул. Судя по медзаключениям, которые удалось откопать в институтской документации, доза этого чудесного коктейля могла поднять на ноги даже труп.

Сталкер чертыхнулся. Ему пришлось отвалить 24 000 евро за эти два несчастных шприца. Официально получить T10 в одиночный рейд он не мог по закону. Как выяснилось, этот стимулятор выдавался только по разрешению спецкомиссии особым разведподразделениям при выходе на крайне опасные для жизни задания. Так что пришлось с трудом и скрипом доставать его по левым каналам. Если у него при обыске найдут хоть один такой шприц – 10 лет тюрьмы и пожизненный запрет на работу в Зоне гарантированы. Вот только без такого чудесного подарка науки на мост можно было даже и не соваться.

– Остальное? – Сергей вопросительно уставился на Генриха.

– Как мы условились. Полный комплект снаряжения в тайнике. На, держи. – Криг сунул Сергею тонкий металлический цилиндр.

– Что это?

– Небольшая страховка. Аварийный маяк личной разработки. Недалеко отсюда до 20:00 будет вертеться группа армейских сталкеров. Их командир – мой хороший знакомый. Твой маяк у них на постоянном пеленге. Если что-то пойдет не так, выбирайся с моста и включай приборчик. Спецы тебя найдут и вытащат отсюда. Советую заныкать маячок как можно ближе к мосту. Мало ли... Вдруг далеко идти не сможешь.

– Спасибо за заботу, – буркнул Сергей и сунул хромированный цилиндр маяка в карман.

– Мне нет резона терять хорошего клиента. Кстати, о твоей затее. Я тут порылся по своим каналам и кое-что выяснил... Э-э-э... Не угостишь старика сигареткой? – Генрих

изобразил на лице виновато просительное выражение профессионального нищего, на что Сергей с улыбкой молча протянул открытую пачку сигарет.

– Ого! «Данхил»! Жируем, батенька, жируем. – Криг осторожно вынул из пачки сигарету и, слегка ее помяв, закурил с блаженным видом.

– Ты там вроде что-то выяснил? – напомнил Сергей.

– А! Ну да. Короче, мост до тебя пытались перейти еще два сталкера – Гот и Клин. Слышал о таких?

– Клина не знаю, а Гот – это тот, который первым «хрустальный шар» из зоны притащил?

– Ага. Только мне больше по душе название «философский камень». Уж не знаю почему... На камень этот артефакт совсем не похож... Ну да ладно. Не об этом речь. – Генрих мастерски выпустил пару аккуратных колечек дыма. – Клин по-серьезному засветился год назад на Цитадели. Он первым придумал, как туда можно попасть.

Сергей аж присвистнул. Цитаделью называли одно из устойчивых фантомных образований Зоны. Внешне оно напоминало черную башню сюрреалистического вида около тридцати метров в высоту. Цитадель в радиусе полукилометра окружала плотная стена постоянно перемещающихся аномалий всевозможных типов. Многие предполагали, что в этом скопище движущейся смерти есть какая-то система, но определить ее никому не удавалось.

– Насколько я знаю, подойти к Цитадели не смог пока никто. – Сергей вопросительно уставился на Генриха.

Старик хитро сощурил глаза и ответил:

– Не все делятся своими секретами с первым встречным. Среди сталкеров, как и в любой другой профессии, есть свой замкнутый круг профессионалов высшего полета, которые владеют несравнимо большим количеством информации, нежели остальная толпа.

– А масонскую ложу они еще в Зоне не завели? – съязвил в ответ Сергей.

– Да ладно тебе. – Криг щелчком отправил окурочек в бреющий полет. – Это вполне закономерный процесс. Заматереешь, сам таким будешь.

– Посмотрим. Так что с этими двумя суперменами?

– Угробились. Предположительно.

– В смысле?

– Не вернулись с моста. Наблюдательная группа видела, как парни вошли в туман, и на том все. Ни слуху ни духу. А ребята были грамотные. Сам понимаешь.

– Зачем их туда послали?

– Официально – разведрейд, а на самом деле – тайна, покрытая мраком. До них туда трижды отправляли группы армейских сталкеров. Результат во всех случаях тот же. Воякам там как медом помазано. – Генрих задумчиво уставился куда-то вдаль.

Сергей только многозначительно улыбнулся. Его совсем не удивлял подобный интерес военных. Судя по рассказу Генриха, он не ошибся в местоположении «Миража».

– Спасибо за информацию, старина.

– Спасибо за информацию?! Серж, ты вообще понял, о чем я тебе говорю? С моста еще никто, пойми ты наконец, НИКТО не возвращался! По крайней мере, я о таком не слышал ни-ког-да!

– Не кипишись, Генрих. Всегда бывает первый раз. – Сергей поднял с земли еще одну сухую ветку и, не целясь, запустил в копошащихся на трупе пса ворон. Деревяшка пролетела мимо. – Везет гадам.

– Ну, с вояками все понятно. У них вечно какие-то тайны. А вот тебе там что понадобилось? – Генрих ткнул грозно указующим перстом в сторону моста. – Зудит в одном месте?

– У всех свой резон. Вернусь, может, и объясню. – Сергей повернулся к Генриху и язвительно добавил: – Узкому кругу профессионалов высшего полета, естественно.

В ответ Генрих понимающе кивнул, сделав философскую мину, и сухо произнес:

– Хрен с тобой. Как любил говаривать Гот, мир его праху: «Стало скучно и тесно на Земле, так вали в ад. Там, говорят, бесконечность. Причем для каждого своя, эксклюзивная».

На пару минут воцарилось молчание. Каждый из собеседников думал о своем. Сергей заговорил первым, прерывая затянувшуюся паузу:

– В любом случае, Генрих, спасибо за снаряжение. И за информацию тоже спасибо. Если я все просчитал правильно, то еще свидимся, а ты станешь первым человеком, после меня, понятно, который будет знать наверняка, что находится с той стороны. – Сергей кивком указал на мост и дружески хлопнул Генриха по плечу. – Да, кстати. Ты детонаторы проверял?

Криг угрюмо зыркнул на собеседника и ответил:

– Не бойсь. Все в лучшем виде. Деление шкалы – полсекунды, как ты и просил. – Он замолчал, пристально посмотрел в глаза Сергею и добавил: – Ты точно хорошо подумал?

– Да, – Сергей утвердительно кивнул, придирчиво изучая детонаторы.

– Ну, твое право, а вместо напутствия запомни одно: есть вещи, о которых публике лучше не знать. Даже избранной публике.

Сергей оторвался от снаряжения и удивленно уставился на Крига. В глазах старика на секунду мелькнуло какое-то странное выражение, похожее на смесь понимания и суеверного страха. Старик отвел взгляд в сторону, и выражение крайней серьезности на его лице тут же сменилось привычной веселостью.

– В общем, давай, с Богом! – Криг с кряхтением поднялся на ноги, покрутил пальцем у виска и двинулся в лес, бросив через плечо:

– Надеюсь скоро тебя увидеть!

Сергей не ответил. Он тоже на это надеялся. И даже больше, чем Генрих. Сталкер проводил старика тяжелым задумчивым взглядом, а когда тот скрылся в густых зарослях подлеска, еще раз осмотрел местность вокруг и подумал:

«Зона... Похоже, я знаю, что ты такое... Мир страха, боли и воплощенных кошмаров. Сбывшаяся мечта безумных романтиков. Опиум для изголодавшихся душ. Новый смысл бытия для тех, кто окончательно озверел от тоски и однообразия человеческой жизни. До чего же мы докатились, если чувствуем себя по-настоящему живыми только в этом аду...»

Сергей выругался и вернулся к подготовке снаряжения. Руки сталкера привычно ощупывали разгрузочный жилет, проверяя ремни, клапаны карманов, крепления ножей и прочее, а в голове в это время царила полная пустота. Неприятная, похожая на холодный, равнодушный ко всему вакуум пустота.

Спустя несколько мгновений он поймал себя на том, что его снова бьет нервный озноб.

Сталкер глухо застонал и резко сжал дрожащие пальцы в кулаки, пока не почувствовал боль в суставах. Его уже порядком достал этот непонятный мандраж. Он сделал пару резких вдохов и разжал побелевшие от напряжения кулаки.

За два года пребывания в Зоне он успел прославиться среди сталкерской братии своей, как здесь выражались, «категорической обезбашенностью», но даже ему эта затея с каждой минутой начинала казаться все более и более... эксцентричной, что ли, а если уж говорить честно, то и вовсе идиотской. Особенно после этого разговора с Генрихом.

Чтобы немного успокоиться, Сергей снова присел на пень, вынул из подсумков гранаты и принялся менять в них детонаторы на те, которые принес Криг.

«Все, Серж! – Сергей хлопнул себя ладонями по коленям, закончив замену электронного запала в последней гранате. – Пора катапультировать твой бесценный зад с этого удобнейшего пенька и заняться делом».

Сталкер как-то нехотя поднялся и водрузил рюкзак на пень рядом с кучей гранат, рывком открыл клапан и вынул на свет божий набор пластиковых планок, шириной чуть больше ладони, и четыре небольших колеса. Быстрыми умелыми движениями он собрал из всего этого легкую, вместительную тележку. Последним штрихом в конструкции стал длинный ремень, прикрепленный к торцу нехитрого транспортного средства.

Сергей критично оглядел конструкцию и на минуту представил себе, как будет выглядеть человек в натовском бронекомбинезоне, тянущий за собой цветастую развеселую

тележку, предназначенную скорее для садовода-любителя, нагруженную оборудованием и оружием. Его разобрал смех. В тележку отправились гранаты, пакет свинцовых кубиков, пистолет с запасными обоймами, пара оставшихся после драки с местными обитателями рожков к «Тайфуну», да и сам автомат. Кроме того, две кассеты для подствольника, лопата, здоровенный нож-мачете, литровая фляга с водой и рюкзак.

Трофейный «Гарпун» он решил оставить при себе, хотя, собственно, стрелять внутри «вампира», по уверению ученых, будет не в кого.

«Гарпун» был уникально эффективным, но крайне неудобным оружием. Он представлял собой переделанный дробовик, в котором вместо стандартного ствола имелась связка из десяти тонких стальных трубок. Боеприпасом для «Гарпуна» служил патрон специальной конструкции с десятью стальными сверлами внутри, вдобавок начиненными мощным нейротоксином. При выстреле ружьишко выбрасывало пучок этих стрел в цель. На расстоянии до ста метров такое оружие однозначно валило любое живое существо. Изначально «Гарпун» разработали для борьбы с оборотнями, но он вполне годился и для уничтожения людей в кевларовой или даже облегченной стальной броне. Единственным и очень неприятным минусом этого оружия была его однозарядность. Да и процесс смены боеприпасов был крайне неудобен и долог.

Свою идею с тележкой Сергей считал чуть ли не гениальной. Везти в ней львиную долю снаряжения будет явно легче, чем тащить его на своем горбу. Возможно, этот простой ход сэкономит ему силы и увеличит время, в течение которого он сможет двигаться через аномалию, не используя стимулятор.

Сталкер забросил на одно плечо «Тайфун» с «Гарпуном», на другое повесил рюкзак. Он совсем уж собрался уходить, но, когда наклонился за ремнем тележки, его взгляд снова упал на пиршествующих ворон. На губах Сергея проступила злобная усмешка. Он все же не удержался от навязчивого желания – вынул из подсумка гранату, установил механический таймер на три минуты, выдернул кольцо предохранителя и бросил тикающий подарок к трупам собаки. Вороны не обратили никакого внимания на странную штуковину, упавшую рядом с их лакомством. Сергей поднял тележку и зло бросил птицам:

– Так сказать, от нашего стола – вашему... Приятного аппетита, сволочи пернатые.

Сталкер развернулся и не спеша двинулся к мосту. Подойдя вплотную к полосе тумана, он остановился и поставил тележку в траву. Взрыв грянул буквально через секунду. Столб пыли, кусков мяса, выдрванной травы и разорванного в клочья воронья взметнулся в небо. Сталкер оглянулся через плечо. При виде этого месива, медленно оседающего на грешную землю, ему почему-то полегчало на душе.

С моста сбегала асфальтная дорога, но уже в метре она обрывалась рваной кромкой в коричневой траве. Сергей нагнулся над краем асфальта и запрятал под него маяк Крига. Что-то прикинув, он достал из рюкзака три острых стальных кола с резьбой на другом конце и моток тонкой лески. Коля он закрутил в специальные гнезда трех ручных гранат и сунул за пояс. Катушку с леской бросил в карман. Он решил, что оставить за собой пару растяжек не помешает. Повесил на плечо «Гарпун», проверил крепление двух боевых ножей, поудобней примостил гранаты. Потом он выключил ПДА и, упаковав в герметичный пакет из толстого пластика, затолкал в рюкзак. Туда же отправились обе запасные батареи, нацеленная камера, медицинский сканер, GPS-маяк. Оставшиеся на руке часы были механическими. Старая добрая швейцарская «Омега», купленная на первый сталкерский гонорар.

Сергей перекрестился и двинулся к стене тумана.

Он стоял вплотную к клубящемуся серому мареву, собираясь с силами для решающего шага. Напряженно прислушивался к своим ощущениям, вдыхая сыроватозатхлый запах ощутимо холодного тумана, почти касавшегося его лица. В душе Сергея застыло ледяное спокойствие. Полная равнодушная отрешенность. Такое чувство, наверное, возникает у человека, который знает наперед о грядущей беде и уже нашел в себе силы смириться с ее неизбежностью, – спокойствие смирения. Именно смирения.

Подобное состояние было знакомо ему с самого детства. Как правило, оно предшествовало очень серьезным неприятностям, а вот перед успешно завершившимися

делами его, наоборот, трясло от приступов неудержимого волнения. Вот только менять принятые решения, руководствуясь страхом и прочими подобными аргументами, было как-то не в его правилах. Он всегда считал слова «судьба», «рок» и тому подобные отмазками для трусов. Сергей старался по мере возможности не позволять себе спихивать личную дурь на некие мифические стечения обстоятельств и потустороннюю злую волю, а подобные предчувствия он относил к факторам скорее мешающим, нежели способствующим успешному выполнению работы. Вот и сейчас он просто послал все свои предчувствия длинной дорогой и просто шагнул в туман.

Как только сталкер прошел сквозь серую стену, его словно стальным ломом пригвоздили к сырому асфальту. По всему телу омерзительно скользкой холодной волной прокатилось ощущение истерического ужаса. В бездонных глубинах напряженного сознания яркой вспышкой встрепелось нечто древнее, почти забытое, и молнией рванулось наверх. На стоящего в немом оцепенении человека обрушилось море неопределенных страхов и совершенно диких, неопишуемых ощущений.

Ярче всего в нахлынувшем месиве эмоций проступили страх и узнавание. Сергей непроизвольно дернулся. Мышцы в области солнечного сплетения свело неприятным болезненным спазмом. Горло мгновенно пересохло. На лбу выступили крупные капли холодного пота.

Он стоял посреди асфальтной полосы как громом пораженный и лихорадочно силился понять, что именно разбудило в нем этот первобытный ужас, смешанный с необъяснимой паникой. Взгляд сталкера метался вокруг, пытаясь определить источник потенциальной угрозы, а мозг с бешеной скоростью анализировал полученную информацию.

Видимость внутри серого облака, покрывавшего мост и огромную территорию за ним, была лучше, чем он предполагал. Полоса черного от влаги, растрескавшегося асфальта исчезала в серой мгле где-то метрах в десяти-двенадцати впереди. Сергей же рассчитывал максимум на три-четыре метра, не больше. Он четко видел ржавые поручни и металлические конструкции мостовых опор слева и справа от себя. Дальше, почти на пределе видимости, темнел остов БТРа. Никаких аномалий или чьего-либо присутствия. Никакого движения вокруг. Мир перед его глазами походил на объемную голограмму, сделанную по выгоревшей фотографии. Абсолютная неподвижность и никаких признаков угрозы.

Медленно, одна за другой текли секунды, но ничего не происходило. Все вокруг словно застыло в напряженном ожидании неумолимо надвигающейся беды. Бесконечно тянувшееся затишье перед колоссальной бурей.

Сергей продолжал ошарашенно оглядываться, так и не сдвинувшись с места, и вот, наконец, он почувствовал это – ТИШИНА. АБСОЛЮТНАЯ тишина. Ни единого звука или шороха. Шум ветра, шелест травы и листьев, карканье ворон – все это разом исчезло, будто в фильме, который крутили перед его глазами, внезапно закончилась звуковая дорожка. Он не слышал даже собственного пульса и шума крови в ушах. МЕРТВАЯ тишина. Мертвая. Другого слова разум не находил.

Как только он ощутил, а вернее сказать, осознал окружающее гробовое безмолвие, страх и паника тут же пошли на убыль. Сталкер несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, плотно закрыв глаза, – помогло.

Немного придя в себя, Сергей еще раз внимательно осмотрелся и попробовал трезво оценить ситуацию. Окружающая его тишина действительно поражала воображение.

Похоже, именно это гробовое безмолвие и породило захлестнувшую его волну ужаса. Подсознание среагировало на него быстрее, чем разум, и дало сигнал тревоги. Почему? Не может тишина пугать до такой степени. Видимо, где-то в глубинах наследственной памяти человека таилась информация о чем-то подобном. Реакция его психики была молниеносно быстрой. Так реагируют только на опасность крайней степени. С чем связано это непонятное чувство узнавания? Что он узнал? Какой аналог этой аномалии подобрала его память?

Еще пару секунд назад, находясь в приступе паники, одно короткое мгновение он готов был поклясться чем угодно, что знает абсолютно точно, что такое «вампир», что он уже был здесь, но внезапное озарение исчезло так же неожиданно, как появилось. Растаяло,

подобно мимолетному сновидению, оставив после себя лишь чувство сильной необъяснимой тревоги.

«Зараза. Весело тут встречаются... – Сталкер поежился и вытер перчаткой пот со лба. – Неудивительно, что у яйцеголовых за двадцать минут съезжала крыша... Слабонервные у нас нынче деятели науки... Отставить панику, боец! Шевели ногами. Тут нельзя стоять на месте...»

Выждав еще несколько секунд, он осторожно двинулся вперед. Звуки шагов и дребезжание тележки, бойко подскакивавшей на трещинах в асфальте позади него, доносились будто бы откуда-то издалека и сопровождалась при этом легким глухим эхом.

Сергей остановился и тихонько свистнул – тот же эффект.

«Так, похоже, пошли первые глюки... Пока терпимо...»

Он прошел еще несколько метров и остановился. Ему вдруг показалось, что воздух, подобно воде, начинает сопротивляться движениям его тела. Навязчивое чувство тревоги, намертво засевшее внутри, резко усилилось. Сталкер ощутил, как начали подрагивать руки, и смачно выругался. Он отпустил ремень тележки, немного постоял, привыкая к новому ощущению и пытаясь унять панику. Наконец, более-менее справившись с собой, он сделал один широкий шаг вперед. Сопротивление воздуха резко возросло.

«Еще шагов десять, и можно будет плыть, как под водой... Козлы научные. Написать об этом они забыли».

Сталкер вернулся назад, поднял брошенный ремень и двинулся к стоящему впереди БТРу.

Когда он поравнялся с броневиком, то уже чувствовал себя так, будто идет по дну озера. Его движения стали медленнее, сердце забилось быстрее. Сергей остановился и принялся осматривать ржавый остов боевой машины.

«Н-да... Всего пара метров, а уже прилично плющит. Что же будет дальше? – Сергей хлопнул ладонью по корпусу БТРа – из-под перчатки на асфальт посыпалась ржавчина. – Бедный броневичок. Старость – не радость. Ну, пора расставлять подарки».

Откатив пинком ноги тележку дальше вперед, он снял с пояса одну из заготовленных гранат и начал ее прилаживать под днищем машины. Острый стальной штырь с трудом пролезал сквозь узкую трещину в асфальте. Наконец с помощью упорства и такой-то матери ему удалось зафиксировать гранату. Установив механический таймер на полсекунды, сталкер принялся колдовать с леской, натягивая ее между деталями броневика и ржавыми поручнями. Один конец практически невидимой тонкой нити он закрепил на предохранительном кольце, которое вынул из гранаты почти до предела. Таким образом, любой, кто неосторожно заденет леску, получит по ногам заряд мелких стальных шариков. А может, и не только по ногам. Да и взрывная волна свое сделает.

Работенка вроде была совершенно нетрудной, но Сергею показалось, что он не леску натягивал, а пытался катить БТР. Когда он выпрямился, закончив с ловушкой, пот ручьями лился по лицу, дыхание окончательно сбилось с ритма, сердце бешено колотилось в груди, но чувство тревоги немного ослабело. Он сделал пару глубоких вдохов, пытаясь привести организм в порядок. Теперь для полной верности такую же растяжку желательно было поставить и с другой стороны броневика.

«Похоже, все-таки придется обойтись одним подарком...»

Сталкер прикинул, что если начнет ставить вторую гранату, то это ему дорого обойдется.

«Интересно, что здесь за фигня с воздухом?» – подумал он и принялся разглядывать серую мглу, плотным саваном окружавшую мост со всех сторон. Где-то там, высоко вверху, сквозь туман смутно проступали очертания бледно-желтого солнца. Ему показалось, что вокруг стало темнее, как бывает в ранние сумерки. «Хм... Давление выше? Да нет. Непохоже на давление. Может, просто меньше концентрация кислорода или глюки с гравитацией? Блин, фигово без приборов...»

Сердце потихоньку успокаивалось. Дышать стало заметно легче. Сергей сунул моток с леской в карман и уже собрался продолжить движение, как вдруг по ушам резанул абсолютно неуместный здесь звук.

– 3-здравствуйте. – Тонкий, совсем детский голосок.

Сталкер дернулся, словно от удара, и замер. По спине вдоль позвоночника пробежала волна неприятного холода. Постоянно преследовавшее его чувство тревоги резко переросло в панику и подпрыгнуло до пиковых показателей. Он еле сдержался, чтобы не вскрикнуть.

«Ребенок?! Здесь?!»

Его разум упорно отказывался верить в то, что слышали уши.

«Паранойя? Расстройство психики... Да. Вроде бы в отчете были такие симптомы... Может, просто глюки?» – мысли неслись в голове адским галопом.

Уцепившись за слабую надежду, Сергей начал медленно разворачиваться на звук, одновременно сбрасывая с плеча «Гарпун». Его разум не сразу осознал то, что услышал.

Замершее на секунду сердце снова забилося о ребра паровым молотом, но то, что сталкер увидел дальше на мосту, заставило его буквально остановиться – метрах в пяти от него на мокром асфальте дороги стоял мальчик с небольшим цветастым мячом в руках.

– Ни хрена себе!

Сергей стоял как прибитый и ошалело рассматривал фигурку мальчика лет десяти, стоящего посреди одной из самых опасных аномалий. Сталкер всеми силами пытался заставить мозг хоть как-то это воспринять.

Наконец, с трудом задавив приступ страха, он внимательно оглядел мальчишку: простенькие штаны из зеленой ткани, кроссовки на босу ногу, поверх измазанной футболки камуфляжная куртка, явно не по размеру, выющиеся черные волосы торчат во все стороны. На лице ребенка удивление и страх.

– Дядя, ты кто?

Сергей снова дернулся и чуть не нажал на спуск «Гарпуна». Голос ребенка заметно дрожал.

– Я кто?! – Сергей не узнал собственный голос. В нем явно звучали истерические нотки. Мальчик, видимо, тоже их почувствовал и отступил на шаг назад.

– Ты здесь откуда, мальчик? Как ты сюда попал?!

Ребенок отступил еще на шаг, немного помолчал и, заикаясь, выдавил, указывая рукой себе за спину на другую сторону моста:

– С-с т-той сторон-ны.

Сергей глянул за спину ребенка и не увидел там ничего, кроме тумана.

– Ты что, издеваешься?! – Сталкер нервно рассмеялся.

Мальчик отрицательно замотал головой, не отрывая испуганный взгляд от сталкера. Мяч выпал у его из рук и, несколько раз подпрыгнув, с глухими ударами покатился к перилам моста. Сергей проводил ошарашенным взглядом цветастую игрушку, выделявшуюся ненормально ярким пятном на фоне общей серости. Он продолжал стоять неподвижно, как статуя, целясь в мальчика из «Гарпуна».

«Что это за фигня, блин, такая?! Откуда здесь дети?! – Он нервно сглотнул. – Галлюцинации... А не слишком ли круто для глюков, господа ученые?»

Он пригляделся к мальчику внимательней – вроде бы ребенок как ребенок.

– Тебя как зовут?

– Д-денис.

– Ты знаешь, где находишься, Денис? – Сергей так и не опустил «Гарпун», продолжая внимательно следить за пацаном. Его мозг упорно отказывался верить, что это ребенок, а прорвавшийся сквозь пелену паники внутренний голос настоятельно требовал нажать на спуск винтовки.

«Какого хрена?! Мне что, взять и вот так просто пальнуть в ребенка?! Бред какой-то...»

Сергей, не спуская взгляд с ребенка, чуть отвел в сторону ствол «Гарпуна» и повторил вопрос:

– Ты знаешь, где находишься?

Мальчик почему-то дернулся, как от пощечины, и с трудом произнес:

– Н-на мосту...

Сталкер согласно кивнул. Что-то с этим мальчиком было не так. Какая-то мелкая деталь выбивалась из общей картины, но Сергей никак не мог определить, какая именно. Его разум тупо твердил: «Это нормальный ребенок», но внутренний голос уже не просил, а просто орал в голове единственное слово: «Стреляй!» Он никак не мог выбрать, какая оценка ситуации правильная. Видимо, его порядочно сбивала с толку абсурдность происходящего. Единственное, что пока приходило в голову, – это задать следующий тупой вопрос:

– А мост где? – Внутренний голос Сергея продолжал упорно бить тревогу. Дышать стало немного труднее. То ли от волнения, то ли мост упорно делал свое дело.

Мальчик хотел было ответить, но вдруг осекся и начал удивленно оглядываться. Через несколько долгих, как вечность, мгновений он наконец выдавил:

– Я не знаю... А г-где он? – Ребенок жалобно уставился на сталкера.

«Приехали...»

Сергей вдруг ни с того ни с сего глянул на цветастую игрушку, мирно лежащую у ржавых поручней моста. Он уже и забыл о мячике, выпавшем из рук мальчишки.

«Яркий! – Слово прогремело в голове, словно кто-то крикнул ему в ухо из мегафона. – Он слишком яркий!!!»

Взгляд сталкера начал быстро шарить вокруг, пытаясь сравнить насыщенность цветов асфальта, его бронекостюма, ржавой поверхности БТРа. Среди всего этого мячик действительно казался ненормально ярким, КАК И ОДЕЖДА МАЛЬЧИШКИ.

То, что произошло в следующее мгновение, показалось Сергею нереальным бредом. «Гарпун» в его руке чуть сдвинулся в сторону мальчика, и указательный палец, повинаясь инстинкту, просто нажал на спуск.

Грохот выстрела прозвучал, словно из другой вселенной. Сквозь пороховой дым Сергей увидел, как за спиной мальчишки образовалось грязно-алое облако кровавой пыли, а потом тщедушное тельце сложилось пополам и отлетело на несколько метров.

Внутри сталкера все обмерло. Лоб покрылся холодной испариной. В голове не осталось ни единой мысли. К горлу медленно подступил ком тошноты. Он тупо смотрел на скрюченный труп ребенка и не мог поверить в то, что видел. Оружие выпало из разжавшихся пальцев и гулко ударилось об асфальт. Ноги подогнулись, и сталкер опустился на колени.

«Зачем?! Что ты творишь, гад!!!»

Сергей со всей силы треснул себя ладонью по лицу. Перед глазами поплыли цветные пятна, но в голове немного прояснилось. Шок начал отходить. Он, шатаясь, поднялся и, медленно переставляя ватные ноги, двинулся к трупу мальчишки.

Подойдя вплотную, Сергей склонился над маленьким телом и застыл с выражением глубокого удивления на лице. Денис лежал лицом вниз. Сталкер тупо смотрел на разорванную куртку у него на спине и не верил своим глазам. На разодранной в клочья одежде не было крови. **ВООБЩЕ НЕ БЫЛО!**

Сергей с силой тряхнул головой. Он до боли зажмурил глаза и снова открыл их.

Ничего не изменилось.

Наконец собравшись с силами, он пинком ботинка перевернул тело мальчика на спину и тут же шарахнулся назад от неожиданности.

– Ни фига себе!!!

Еще мгновение назад перед ним стоял десятилетний мальчишка, а сейчас он смотрел на обглоданный полуразложившийся труп человека, который умер намного раньше. В пустых глазницах копошились черви. Из щек и горла были просто выдраны куски плоти. Желудок Сергея сдался окончательно, и он согнулся в приступе рвоты, падая на колени.

Справившись с собой, он с трудом встал и поплелся, продираясь через густой, как кисель, воздух к лежащему на земле «Гарпуну», стараясь при этом не оглядываться на тело мальчишки. Чтобы хоть как-то отвлечься от месива мыслей в голове и стоящего перед глазами кошмарного зрелища, Сергей принялся перезаряжать оружие. Руки дрожали и

слушались его с трудом. В конце концов он все-таки справился с процессом перезарядки и повесил «Гарпун» на плечо.

«Нормальная такая галлюцинация... Какого черта ты стрелял, Серега? Нет, ну, в результате все правильно, но...»

Сергея шатнуло так, что он чуть не упал.

«Ого! Стоять, боец! – Дурнота и шок медленно проходили. – Живность, блин, в „вампире“ не водится... Уроды яйцеголовые!»

Сталкер вынул из оказавшейся рядом тележки флягу с водой и прополоскал рот, пытаясь избавиться от привкуса рвоты. С третьей попытки ему это более-менее удалось.

«Мертвый мальчик... Ребенок-зомбак в комплекте с галлюцинацией... Что-то новенькое. И все-таки почему же я выстрелил? Чушь какая-то. Полный маразм... Докатился ты, Серега, – по деткам палить без разбору. Пусть даже и мертвым... Блин, да откуда здесь дети...»

Сергей оглянулся на БТР. Нити растяжки отсюда видно не было.

«Вот и хорошо... Идем дальше или как, Серж?»

Он так и стоял все это время с флягой в руках. Окружающая его серость нагоняла тяжелую тоску. На душе стало противно. Захотелось просто плюнуть на все это, лечь на асфальт и ни о чем не думать.

«Э-э-э нет. Так не пойдет!»

Сергей плеснул в перчатку воды из фляги и обтер лицо. Вроде полегчало.

«Пройдемся еще чуток, а там будет видно».

Он бросил флягу обратно в тележку и поднял с земли ремень.

«Ну что, Серж? Идешь?»

Сталкер сам себе кивнул и двинулся дальше в туман, стараясь не смотреть в сторону мертвого мальчика.

Часть II

Схватка

Он наконец-то дошел до первого грузовика. Впереди еще четыре машины, считая БТР в голове колонны, и всё – мост закончится. Осознание того, что часть пути уже пройдена, вместо утешения лишь усилило тоску и усталость.

Сергей выпустил из руки ремень тележки и тяжело привалился к поручню моста, пытаясь хоть немного прийти в себя. Каждую мышцу, каждый сустав в его теле ломило тяжелой ноющей болью. Глаза слезились. Дыхание вырывалось из груди свистящим хрипом. Дико болела голова. В мозгу раскаленной занозой сидело одно-единственное навязчивое желание – упасть на асфальт и просто сдохнуть.

Бесцельно блуждающий взгляд сталкера остановился на груде пятнистого тряпья, лежавшей прямо на дороге в паре метров впереди. Он присмотрелся внимательней – еще один покойник. К горлу тут же подкатила волна тошноты. Он пошатнулся и, с трудом держась за поручни, медленно сел на асфальт. За годы службы в армии Сергею всякого пришлось насмотреться. Теперь он воспринимал мертвецов всего лишь как некую неприятную деталь пейзажа, не более того, и не должен был так реагировать. Но тем не менее реагировал. Видимо, «вампир» пытался разбудить в нем человека, вытаскивая наружу и усиливая слабости нормальной, не искаленной еще зверством и безжалостным равнодушием, психики.

«Господи... В какое же зверье мы превратились... Воронье... Тупое, вечно голодное воронье...»

Ослабевшая рука соскользнула с мокрого металла поручня, и Сергей, заваливаясь набок, задел лицом ржавую арматуру. Боль от сравнительно слабого удара показалась просто адской. Перед глазами поплыли цветные круги, но сознание резко прояснилось. Нахлынувшая тоскливая боль отступила.

– Сволочь... Ты просто хитрая и беспомощная сволочь, – прохрипел он серой мгле.

Сталкер застонал и, упираясь дрожащими руками в асфальт, попробовал встать на ноги. Получилось только со второй попытки. Голова кружилась, но, несмотря на это, картинка перед глазами была на удивление четкой. Он прекрасно видел труп человека на дороге, стоящий рядом ржавый грузовик армейского конвоя, даже различал сквозь грязное лобовое стекло скалящееся в вечной улыбке лицо мертвого водителя.

Сергей пошатнулся и сделал шаг вперед, чтобы не упасть. Левая половина лица неприятно ныла. Он провел рукой по щеке и посмотрел на перчатку – крови не было. Сталкер искоса глянул на стоящую рядом груженую тележку. Идея действительно себя оправдала: тащи он все снаряжение на хребте, загнулся бы намного раньше. Пару раз глубоко вдохнув, выравнивая ритм разбушевавшегося сердца, он уже собрался было поднять с земли ремень и пройти на остатках сил еще хотя бы с десятков метров, максимально оттягивая момент приема стимулятора, как вдруг далеко за его спиной глухим тяжелым ударом прогремел взрыв.

Сталкер замер.

«Опля! Кажись, подарок...»

Его мысль резко оборвал новый звук – низкий, густой, вибрирующий рык, медленно переходящий в хриплый, безжалостно режущий по ушам свист. Он, словно удар кувалды по стеклу, расколол могильную тишину аномалии, нахлынул, подобно волне, отражаясь ужасом в каждой клетке тела, в каждом измотанном нерве, захлестнул разум истерической паникой, граничащей с безумием, и стих.

Ноги сталкера подогнулись, и он медленно опустился на колени. Тень надежды, мелькнувшая в первое мгновение после взрыва, исчезла без следа.

«Значит, не люди... Плохо... Хана тебе, Серж... Так, мать твою, быстро на ноги, идиот!!!»

Сталкер вскочил с асфальта и, не обращая внимания на резкий приступ головной боли, огляделся в поисках укрытия – кроме ржавого грузовика, прятаться было негде. Он быстро выдернул из тележки «Тайфун». Каждое движение отдавалось волной режущей боли в мышцах, но сейчас это не имело никакого значения. Бегло проверив оружие, Сергей пинком отправил тележку в туман и забрался под днище грузовика. На мгновение ему показалось, что сейчас он потеряет сознание от боли, но все обошлось. Сталкер улегся на спину, правой рукой нашарил в кармане разгрузки аптечку и открыл пластиковый футляр. После недолгих усилий он таки умудрился достать один из двух шприцев со стимулятором и, не раздумывая ни секунды, всадил его себе в шею. Позвоночник мгновенно скрутило от боли, и волна жара прокатилась огненной лавиной по венам, взорвавшись цветным хороводом в голове. Сергей почувствовал, как по его телу разливается какая-то нечеловеческая мощь. Сознание прояснилось. Слабость ушла. Боли тоже не было.

«Адская хреновина. – Сталкер злобно улыбнулся нависшему над ним грузовику. – Вот теперь можно встречать гостей».

Он лежал неподвижно, стараясь даже дыханием не выдать своего присутствия, а прояснившийся разум оценивал сложившуюся ситуацию. Судя по рыку, ему на хвост сел оборотень – огромная злобная зверюга, единственным предназначением которой было убивать и жрать. Опасный хищник. Крайне опасный. Полтора центнера слепой ярости, готовый разорвать в клочья любой живой объект в зоне досягаемости. Вот и верь после этого научным докладам, которые с академических высот утверждают, будто ни одна местная тварь и близко не сунется к «вампиру».

«Ну что, козлы яйцеголовые?! Можете свой гребанный доклад засунуть куда-нибудь поглубже! Гроша он ломаного не стоит».

Сталкера колотила яростная дрожь: вяпался он по-крупному, и отделаться легким испугом не удастся. Оставалось только лежать и ждать. Пытаться уйти от такой зверюги, как оборотень, смысла не было. Все равно, сволочь, найдет по следу. Жутко упрямая скотина. Похоже, без драки не получится. Главное – все сделать быстро. Быстро и точно. Стимулятор уже начал действовать, и теперь на счету была каждая секунда. Теоретически «вампир» должен был порядочно ослабить животное, да и граната тоже не прошла...

Размышления сталкера резко оборвало громкое, пронизывающее до костей, стрекочущее шипение. Внутри Сергея все разом обмерло. Каждая деталь ржавого днища, которое он между делом рассматривал, будто впечаталась в сетчатку глаз. В голове мгновенно образовался полный вакуум, посреди которого вспыхнула кроваво-красным огнем и начала бешено пульсировать единственная фраза:

«ЭТО НЕ ОБОРОТЕНЬ!!!»

Сталкер боялся даже вдохнуть. Страх сменился ужасом, а вместе с ужасом пришло понимание. Понимание того, кто на самом деле взял его след. Сердце в груди, казалось, предательски гроыхает на всю округу, пытаясь привлечь внимание хищника и побыстрее умереть, чтобы хоть как-то избавиться от давящей волны страха. Ему почудилось, что вокруг стало темнее, словно окружающий туман сгустился, превращаясь в плотную, крепкую стену, отрезая все пути для отступления. Единственное, чего он сейчас хотел – это просто исчезнуть отсюда. Исчезнуть и появиться где угодно, хоть и в самом аду, только бы сбежать с этого проклятого моста и даже не думать о том, что произойдет дальше.

Вопль твари резко стих, и вокруг воцарилась гробовая тишина. Нехорошая, давящая тишина. Казалось, что весь мир застыл в напряженном ожидании. Сергей превратился в каменное изваяние и изо всех сил молил небо, чтобы то, что он слышал, было криком предсмертной агонии. Где-то в глубине себя он понимал, насколько это маловероятно, но тем не менее перепуганный до смерти разум пытался уцепиться даже за неверную, зыбкую соломинку надежды.

Остатки этой самой надежды разнес в мелкие клочья мощный удар по крыше грузовика. Машина резко просела. Скрежет металла резанул по ушам. Ржавое днище рванулось к окаменевшему сталкеру и, застыв в паре сантиметров от его лица, немного приподнялось. На Сергея посыпалась ржавчина и грязь, полились, распространяя неприятную вонь, остатки масла из лопнувшей гидравлики.

«Все... Вот она – смерть во плоти». – Внутри его стало пусто. Страх, боль, сомнения – все это испарилось в одну секунду. Остался лишь холод. Спокойный ледяной холод осознания неизбежной смерти.

На крыше грузовика сидела химера. Сергей спинным мозгом чувствовал, что это именно она и никто другой. Он просто знал это – и все. А самое паскудное заключалось в том, что зверюга, в свою очередь, точно знала, где находится сталкер.

Теперь прикидываться асфальтом не было смысла. Сталкер, ловко извернувшись, сдернул с плеча «Гарпун» и удобней перехватил его левой рукой. Шанс в этой схватке был только один – достать хищника первым же выстрелом и надеяться, что отравы в сверлах если не парализует, то хотя бы замедлит его. На перезарядку и второй выстрел времени не будет.

Сергей ждал. Ждал и молился, чтобы тварь спрыгнула с правой стороны, потому что если спрыгнет с левой – он покойник. Быть левшой – не всегда удобно.

Секунды в сознании сталкера текли до омерзения медленно. Зверь на крыше не подавал признаков жизни, видимо рассчитывая, что человек в панике сам выскочит из-под машины. Вот только Сергей и в мыслях не держал подобного. Страх уже не было. Самое ужасное, что могло случиться, – случилось. Теперь оставалось только одно – шевелить мозгами и действовать. Ему нужен удобный момент. Одна секунда. Один выстрел. Чтобы хоть пара отравленных металлических стрел впилась в тело зверюги, а там – как Бог даст.

Прошло уже около минуты. Тварь не двигалась – Сергей тоже. Его нервы натянулись до всех возможных пределов. Он вдруг подумал, что химера специально медлит, нагнетая в жертве состояние паники. Что ж, может, и так. Среди сталкерской братии ходили слухи о том, что она разумна, но верить в это совсем не хотелось. Если только допустить, что подобное существо может иметь разум, то шансов у Сергея не было вообще никаких.

Время шло, а тишина и бездействие раздирали разум сталкера, как стая бешеных псов. Мир вокруг него безжалостно сжимался и достиг уже размера пространства под грузовиком. Ему стало тесно и душно. Казалось, что машина вот-вот рухнет на него и раздавит своим весом. Сталкер с диким трудом давил новую волну поднимающейся в

сознании паники и клял всеми словами медлительность хищника. Очередной приступ истерики был сейчас совсем некстати.

Химера сдалась первой.

Тишину снова разорвал скрежет гнущегося металла. Передние амортизаторы грузовика резко просели. С обеих сторон машины на асфальт посыпались кусочки битого стекла. Они как-то странно поблескивали и казались россыпью светящихся камушков. Сергей приподнял голову, с замиранием сердца ожидая, с какой стороны спрыгнет зверюга, но грузовик так и продолжал стоять, накренившись вперед.

«До фиги же эта тварь весит... Да прыгай уже, сволочь!!!»

Амортизаторы машины натужно заскрипели, и передняя часть грузовика резко пошла вверх. В то же мгновение боковым зрением сталкер уловил, как справа от него на асфальт бесшумно опустились четыре мощные лапы, покрытые темно-фиолетовой с металлическим отливом шерстью. Он резко повернул голову и вскинул ствол «Гарпуна». Передние конечности твари, до боли напоминавшие руки человека, начали сгибаться. Сознание автоматически отметило черные когти на пальцах зверя, ушедшие в асфальт, как в масло. Из-за края днища уже почти показалась морда зверюги, и Сергей, не целясь, нажал на спуск.

Грохот «Гарпуна» чуть не разорвал ему барабанные перепонки, но вой химеры с легкостью перекрыл звук выстрела. На мгновение сталкеру показалось, что от этого кошмарного крика у него просто лопнут глаза. Но лишь на мгновение...

Дальше все происходило с молниеносной быстротой. Положившись исключительно на свою интуицию, сталкер впился рукой в лежавший наготове «Тайфун» и начал перекачиваться сквозь облако порохового дыма туда, где только что была химера, – вправо. За это время ревуший от боли зверь успел перебраться на другую сторону грузовика и попытался достать жертву. Мощная пятипалая лапа с противным хрустом вспорола ткань бронекастюма на спине сталкера, но он все-таки успел выскочить из-под машины. Низкая посадка просевшего от времени и ржавчины грузовика помешала твари дотянуться до него.

Отскочив от машины, Сергей опустился на колено с «Тайфуном» на изготовку, ожидая, что зверюга выберет самый короткий путь и просто перепрыгнет грузовик. Сталкер вскинул автомат и приготовился всадить в цель все 60 разрывных пуль.

Но хищник оказался умнее. Он не полез через грузовик и не стал его обходить, а просто изо всей силы ударил в борт. Глаза сталкера округлились от удивления: многотонная бронированная машина оторвалась от земли и начала быстро заваливаться набок, грозя похоронить под собой человека. Сергей молнией отскочил назад и сделал единственное, что пришло ему в голову, – из автоматического подствольника в сокращающийся просвет между падающей машиной и асфальтом ушли сразу две осколочные гранаты. Оба взрыва прозвучали почти одновременно, но их грохот был заглушен диким ревом, наполненным болью и яростью. Грузовик рухнул на дорогу, и мост содрогнулся под его тяжестью. На одно короткое мгновение наступила тишина, а потом огромная черная тень метнулась влево от сталкера и, взрывая когтями асфальт, резко замерла метрах в семи от него.

Сергей остолбенел. Автомат в руке безвольно опустился, и сталкер застыл как статуя, глядя на химеру. Он впервые в жизни видел это существо.

Зверюга была крупнее любого оборотня. Когда химера полностью выпрямилась, то Сергей мог чем угодно поклясться, что ее рост значительно превышает два метра. Мощный торс хищника до боли напоминал человеческий. Покрытые узлами мышц передние лапы тоже практически не отличались от человеческих рук, за исключением черных блестящих когтей на пальцах. Нижняя часть туловища хищника скорее принадлежала животному, но мощные ноги химеры были хорошо развиты и явно приспособлены к вертикальной ходьбе. За спиной животного нервно метался длинный хвост. Голова твари напоминала смесь рыси и волка. Невероятная пропорциональность телосложения зверя просто поражала воображение. Плотная темно-фиолетовая шерсть переливалась даже в тумане. Но больше всего сталкера шокировали глаза химеры: глубоко посаженные, правильной каплевидной формы, матово-черные, фасеточные, словно у насекомого. Сергею показалось, что еще секунда, и он утонет в этих двух абсолютно неподвижных безднах.

Выждав паузу, как бы давая человеку прочувствовать всю свою мощь, химера широко открыла пасть и испустила яростный рык. Сергей просто похолодел от вида ее клыков. Но кроме этого взгляд сталкера, изучавший противника, заметил одну деталь: во многих местах на шерсти твари медленно расплзались темные, маслянисто блестящие пятна.

«Кровь! Зверь ранен. И раны НЕ ЗАЖИВАЮТ!!!»

По канонической легенде организм химеры регенерировался практически мгновенно, но внутри «вампира», видимо, даже такое чудовище теряло некоторые свои привилегии. Вот это и был тот маленький, но необходимый, как воздух, шанс, который мог спасти жизнь человеку. Осознание этого вытолкнуло Сергея из состояния оцепенения, и он со всей возможной скоростью вскинул ствол «Тайфуна». Химера, заметив его движение, метнулась к человеку.

Сталкер нажал на спуск, не заботясь о том, достаточно ли высоко успел поднять ствол автомата. Зверь черной молнией неся к нему. Мощный удар оторвал Сергея от земли, левый бок пронзила адская боль, и он полетел во тьму. Через несколько долгих мгновений асфальт ударил в спину с такой силой, что даже во мраке, застилавшем глаза, поплыли кровавые круги. Легкие свело диким болезненным спазмом, и сталкер окончательно потерял сознание.

Когда он очнулся, то почувствовал, что лежит на дороге. По всему телу тяжелыми волнами блуждала боль, в нос ударил неприятный запах крови. Сталкер открыл глаза и прислушался. Его сознание упорно отказывалось верить, что он еще жив. Матерясь сквозь зубы от боли, он перевернулся на спину и приподнял голову, пытаясь осмотреться, – вокруг был только туман. Ни грузовика, ни химеры.

Сергей, преодолевая боль, перекатился на правый бок и с третьей попытки, шатаясь, поднялся на ноги. В голову тут же впились миллионы раскаленных игл. К горлу подступил ком тошноты. Он чудом не рухнул обратно на асфальт.

Вялым неуверенным движением сталкер достал из правого набедренного кармана аптечку. Дрожащей рукой вынул из пластикового футляра три пневмошприца: два с анаболиком и последнюю дозу T10. Остальное содержимое оранжевой коробки полетело на асфальт. С тоской взглянув на янтарную ампулу, сталкер по очереди ввел себе препараты. Волна тошнотворного жара прокатилась по телу. В позвоночник словно всадили раскаленную добела спицу. Сергей упал на колени и, подняв лицо к серому безжалостному небу, заорал от боли.

Из зыбкой сырой мглы на его крик ответил злобный клокочущий вой химеры.

Сталкер опустил голову и вгляделся в туман перед собой. Сквозь серую мглу, заметно шатаясь, к нему двигался огромный темный силуэт.

– Ну вот б...дь! Момент гребаной истины! – Крик резко сорвался на хрип и прокатился спазмом по легким.

Сталкер диким усилием поднялся на ноги. Боль уходила из тела с каждым ударом сердца. В голове хоть и медленно, но прояснялось. Сергей как-то безразлично наблюдал за приближением химеры, одновременно пытаясь просчитать ситуацию, хоть мысли и вязли в приступах боли и дурмане, навеянном анаболиками. Оружия у него практически не осталось, если не считать двух гранат и пары ножей. Швыряться гранатами смысла не было. На расстоянии в десять метров, которые сейчас отделяли его от зверя, он однозначно попадал в зону поражения. Лезть на эту тварь с ножом в руке – еще больший бред. Похоже, он проиграл эту схватку. Оно и понятно: пытаться в одиночку свалить химеру – верх безумной самонадеянности. Но выбора у него не было.

Наконец тварь подошла достаточно близко, чтобы сталкер мог ее разглядеть. Сергей от души рассмеялся, глядя на зверя, и прокричал во все горло:

– Нет в этом мире неуязвимых, сволочь!

Огромный мутант еще крепко держался на ногах, но его раны говорили сами за себя. Вся правая сторона тела монстра зияла огромными рваными дырами. Правая рука химеры болталась на обрывках мышц, сквозь которые торчали белые обломки мощных костей. В груди зверюги красовалась солидная дыра, из которой с четкой периодичностью

выплескивалась темная жижа. Правую часть головы монстра разворотило не менее основательно: разрывная пуля выбила твари глаз и порвала осколками щеку, обнажив гигантские, бритвенно острые клыки.

Зверь дышал тяжело, с булькающим хрипом.

Сергей шатался. Ноги так и норовили согнуться под весом налившегося свинцом тела. Мир перед глазами то расплывался в сплошную мутную пелену, то обретал невероятную четкость. Боль в левом боку прорывалась даже сквозь двойную дозу наркоты. Левую руку начала сводить неприятная судорога. Сталкер устал. Смертельно устал, и ему уже было практически наплевать на исход этой драки.

Раненая химера остановилась в четырех метрах от человека и коротко утробно рыкнула. Сергей улыбнулся зверю и спокойно сказал, медленно доставая один из ножей:

– Да без проблем, мразь. В рукопашную так в рукопашную.

Зверюга снова коротко зарычала и, вытягивая оскаленную морду на короткой шее, подалась всем корпусом вперед. Сергей перехватил нож поудобней и пробубнил себе под нос:

– И откуда ж ты, гадина, взялась на мою голову...

Его совершенно не пугала перспектива умереть в ближайшие пару секунд от когтей химеры. Сталкер не строил себе иллюзий по поводу того, что сможет одолеть мутанта с ножом в руках, даже несмотря на раны чудовища. Он жалел лишь о том, что так и не сможет дойти на ту сторону моста. Хотя он и так все узнает на том свете. Говорят, там все тайное становится явным. В аду или в раю, но скорее все-таки в аду...

– Ну что, встала? Давай заканчивай свою работу. – Сергей говорил спокойно, без какой-либо показной бравады. Просто констатировал факт.

Холодный, безжалостный факт. Когда-то в детстве он пытался представить, как должна выглядеть смерть. Юная и бурная фантазия услужливо нарисовала ему множество мрачных образов, но все они почему-то вызывали сомнения. Тогда он пытался угадать, а теперь знал наверняка.

Тварь продолжала стоять неподвижно, никак не отреагировав на слова сталкера, и он повторил:

– Заканчивай работу. Надоело тебя ждать...

– Она УЖЕ закончила.

Мягкий приятный бас прозвучал как гром среди ясного неба. От удивления Сергей чуть не выронил нож. В ответ на этот голос химера злобно зарычала, но так и не изменила позы.

Говоривший находился где-то совсем рядом, за спиной сталкера, и Сергей медленно, очень медленно, развернулся к неожиданному гостю. Единственное, что он успел понять, – это человек, и человек этот пришел с той стороны моста, а потом мир с умопомрачительной скоростью погрузился во тьму. Сталкер даже не успел почувствовать мастерски нанесенный удар. Нож выскользнул из его разжавшихся пальцев и со звоном упал на асфальт. Обмякшее тело рухнуло следом.

Над телом Сергея действительно стоял человек. Его высокая плечистая фигура, упакованная в старый, заляпанный грязью и местами продранный бронекостю, излучала спокойную силу и уверенность. Поверх брони незваный гость носил жесткий просвинцованный плащ защитной раскраски с просторным капюшоном. Подобной одеждой сталкеры пользовались много лет назад, еще во времена самой первой Зоны. Капюшон бросал густую тень на лицо незнакомца, делая его практически неразличимым. Видны были только глаза. Спокойные темно-карие глаза. Они словно светились изнутри, и взгляд их был тяжел.

Человек утратил всякий интерес к лежащему в отключке сталкеру и глянул на химеру, все это время так и стоявшую без единого движения. В ответ на внимание гостя зверь зарычал, и в этом низком клокоющем звуке не было ни капли дружелюбия. Человек продолжал стоять неподвижно, а вот с химерой творилось нечто странное.

Зверюга попыталась было сделать шаг к новой жертве, но тут же взвыла от боли и схватилась здоровой рукой за голову. Дикий вой медленно перешел в хрип, и химера рухнула

на колени. Когти монстра свистнули в воздухе, словно тварь пыталась кого-то отогнать, а потом в порыве бессильной ярости несколько раз вспороли асфальт, осыпая все вокруг каменным крошевом. Одним резким движением мутант вскочил на ноги и начал медленно пятиться, мотая головой. Наконец, отойдя на почтительное расстояние, зверь испустил полный бессильной ярости рык и черной молнией метнулся в туман.

Человек постоял еще пару секунд, глядя вслед ушедшей химере, и склонился над лежащим в отключке сталкером. Он принялся методично обыскивать бронекостюм Сергея, тщательно проверяя каждый карман. Когда дело наконец дошло до последнего кармана на рукаве костюма, человек извлек на свет божий небольшую металлическую пластину, и его тонкие бледные губы тронула тень довольной улыбки.

Незнакомец спрятал ключ в карман плаща и, поднявшись, двинулся туда, откуда и пришел, – в туман на другой стороне моста. Но, отойдя буквально на пару шагов, он резко остановился. Постояв, не оборачиваясь, несколько долгих секунд, он вдруг вернулся к телу сталкера и, резким движением сняв перчатку, попытался нащупать у лежащего на земле пульс.

Наконец, уважительно хмыкнув, человек сказал:

– Занятный экземпляр.

Он окинул внимательным взглядом изувеченный бронекостюм сталкера и равнодушным тоном добавил:

– Может, и выживешь.

Незнакомец ухватил Сергея за ворот бронежилета и, подняв его тело с такой легкостью, словно это был не здоровенный мужик, а тряпичная кукла, спокойным широким шагом двинулся к выходу из аномалии...

Эпилог

Он не помнил, сколько времени пробыл в черной пустоте. Где-то там, на тонкой грани сознания и бреда, мелькали образы израненной химеры, какого-то странного человека, похожего на оживший призрак из прошлого. Сергей смутно помнил крики людей и шум вертолетных винтов, а еще помнил, как он умер. Умер уже второй раз. Потом была тьма. Липкая, мерзкая, как болото, и он тонул в этой тьме, снова и снова захлебываясь ею. Дальше пришла пустота, и через целую вечность ее заполнила нескончаемая череда диких кошмаров. Он спал. Спал и не мог проснуться. Наконец, когда ему показалось, что психика уже не выдержит и разлетится, словно карточный домик в порыве урагана, все прекратилось.

Он проснулся.

Смерть отпустила его.

...Сергей лежал на мягкой удобной постели и смотрел в идеально белый потолок одноместной палаты. Мгновение назад он открыл глаза, очнувшись от долгого беспамятства, и еще не мог понять, где находится. Он знал, что жив, и знал, что не подыхает сейчас там, на том проклятом мосту. Пока этого было достаточно. До его слуха доносился какой-то приятный размеренный шум. Дождь. Да, это был дождь. Он попытался закрыть глаза, отвыкшие от дневного света, но ему помешали.

– Доброе утро, бродяга! Очнулся наконец?

Сергей с трудом повернул голову на голос. Рядом с его кроватью сидел худой долговязый брюнет в идеально чистом медицинском халате. Сталкер не сразу узнал человека, но в конце концов память нашла нужный образ.

– Алекс... – Слова еще давались с трудом.

– Память на месте. Вот и хорошо. – Врач приветливо улыбнулся. – Серж, ты хоть и везучий, но все же придурок. Я уже второй раз собираю тебя по частям.

– Как я сюда попал? – Сергей попытался приподняться на локтях.

– Лежать! – В голосе Алекса проскочили стальные нотки, и пациент послушно хлопнулся на кровать. – Спецназ тебя приволок. Дружки Крига какие-то. Доставили на вертушке прямо к реанимационному корпусу. Они подобрали тебя у моста. Ты валялся на

поляне, почти мертвый. Я когда увидел твой броник, то грешным делом решил, что не по адресу ребята тебя притащили.

– У моста на поляне? – Сергей ошарашенно уставился на Алекса.

– Да. Именно там, дорогуша. Ни оружия, ни снаряжения при тебе не было, а неподалеку валялась куча убитых собак. Ты, между прочим, уже два месяца у нас в гостях.

– Сколько?! – Сергей, забыв о предупреждении доктора, приподнялся на кровати. Голова тут же ответила резкой болью.

– А ну ляг на место, каскадер хренов! Да. Ровно два месяца. А чего ты, собственно, хотел? Сложные переломы шести ребер, поврежденное легкое, вывих плеча с разрывом связок, тяжелое сотрясение мозга, смещение двух позвоночных дисков и хренова куча ушибов и растяжений. Плюс ко всему винегрету полное физическое истощение организма. Ты хоть помнишь, где был-то, ас?

– Э-э-э, нет. Не помню. Драку с псами смутно припоминаю и больше ничего. – Сергей ошалело смотрел в потолок. На самом деле он прекрасно помнил все до мельчайших деталей. Его психика никогда не блокировала воспоминаний, каким бы сильным ни оказался шок. Вот только Алексу об этом знать совсем не обязательно. Единственное, чего он не мог понять, – как выбрался с моста. Неужели тот странный человек из прошлого? Но зачем, в таком случае, он вырубил его? Хрень какая-то полная...

– Ну, и в каком состоянии я сейчас? – Сергей с неприкрытым волнением посмотрел на Алекса.

– Как обычно, в хреновом... Да ладно. Не переживай. Собрали тебя качественно. Будешь жить и притом нормально. Правда, четыре ребра пришлось заменить полимерными протезами. Пластика шрамов на левом боку уже за твои деньги. Косметическая хирургия в страховку наемника не входит. А в остальном – все за счет заведения. Правда, еще четыре месяца придется у нас погостить на курсах восстановительной терапии.

В ответ Сергей тоскливо застонал.

– Не фиг ныть. По крайней мере, еще четыре месяца ты точно проживешь. – Алекс засмеялся.

– Шутник хренов... Спасибо, док. С меня причитается.

– Само собой. Ты моему отделению уже должен, как земля колхозу.

– Кому? Кто такой колхоз?

– Да ну тебя, темень современная. Неважно. Как себя чувствуешь? Разговор не утомляет?

– Нет. Выспался на пару годков вперед.

Оба собеседника дружно рассмеялись.

– Ладно. Может, ты и выспался, но отдыхать все равно надо. Давай отрубайся, иначе усыплю насильно. – Алекс поднялся и двинулся к выходу. У самой двери он оглянулся и, иронически улыбнувшись, бросил:

– Отдыхай, фраер.

Врач ушел, а Сергей честно пытался уснуть. В его голове назойливым комариным роем зудела тьма вопросов.

«Блин, придумали бы, как мозги отключать. Щелкнул кнопкой – и тишина в черепке. Н-да-а-а-а... Вопросы, вопросы, вопросы... Вся жизнь – сплошные вопросы. Да ну его на хрен. Потом со всем разберемся. Обстоятельно и с надлежащим пристрастием, а пока главное, Серж, что ты жив. Спи давай, фраер!» Сергей закрыл глаза. Комариный рой наконец заткнулся, и он с удовольствием слушал тишину. В конце концов шум дождя принес ему долгожданный сон, в котором больше не было кошмаров...

...Пройдет шесть месяцев, и Сергей снова вернется к своей работе. Слово «фраер» привяжется к нему и станет официальным прозвищем, а еще через год его будут звать Фрай. Он негласно войдет в короткий список сталкерской элиты, и уже практически никто не вспомнит его настоящее имя...

Еще один сталкер. Еще одна жертва на кровавом алтаре Зоны. Хотя кто его знает. Жизнь – это гениальный сценарист, и повороты ее сюжета предугадать крайне сложно.

Samar

ЗАБЕГ НА КОРОТКУЮ ДИСТАНЦИЮ

Это место называлось Пески, небольшой поселок у песчаного карьера. Пески держал беспальный Севка Кривонос, и Кривонос была его фамилия, а не то, что обычно думали духи-первоходки. К вопросу обустройства Севка подошел основательно: выбрал заброшенную автобазу, здания на территории укрепил, остальные подорвал. Не пожалел взрывчатки ради хорошего обзора. Еще Севка оборудовал вокруг автобазы периметр с наблюдательными постами и за высоким забором зажил спокойно и, по слухам, богато. Договорился с бандитами, подружился с «Долгом». Завел коммерцию, снабжал провизией проходящих сталкеров (ибо Пески стояли на торной дороге) и артефактами не брезговал.

Глеб Ремизов, по произвищу Рамзес, застрял на Песках случайно. Вообще-то, кроме Кривоноса да пары его ребят, постоянно здесь не жили, но Глебу не повезло. Когда он почти месяц назад протиснулся в едва приоткрытые ворота, ни сил, ни патронов у него уже не было. А был только непогашенный, на двоих с Вороном долг перед Севкой.

– Пить... – прохрипел Рамзес.

Он стоял на четвереньках, чувствуя коленями асфальтовое крошево, сосал с урчанием из литровой фляги и ждал момента, чтобы упасть – и спать, спать, спать.

– Тащи его! – приказал Кривонос, когда Глеб с мучительным стоном оторвался от фляги. Глеба потащили, и он заснул прямо на плечах Севкиных бодигардов; шел, перебирая во сне ногами. Даже отвечал, почти не просыпаясь.

– Два дня без воды... радиация... – бормотал. – Эх, Ворон, твою мать... а воды совсем нет, дрянь дела...

Потом Глеб долго болел, несколько дней лежал без сознания и бредил. Севка качал бритой круглой башкой, отпуская в долг лекарства.

– Ворон прикрывать остался, – объяснил Глеб, когда очнулся в первый раз. – Вернется, ему не впервой.

Но Ворон не возвращался.

– Что интересное взяли? – наконец спросил небрежно Севка, намекая, что неплохо бы и расплатиться. Глеб, скрипнув зубами, отдал ему то небольшое, что не украли, пока он лежал без памяти.

– Отдохни еще недельку, – смилостивился Севка. – За постой можешь не платить.

Глеб не обольщался. Его долг – за еду, лекарство и выпивку – рос с третьей космической, а Севка превращался в опасного кредитора, хитрого и неуступчивого.

В кабалу попадают именно так, отчетливо понял Глеб.

Самым веселым местом на Песках считался бар «Рассольник». Там пили, иногда дрались – когда по злобе, когда от избытка сил, и вели серьезные разговоры за жизнь, про баб и о хабаре. Глеб не чурался компании, но и коротко ни с кем не сошелся – лица, знакомые и незнакомые, мелькали, как в калейдоскопе. Посему Глеб обычно ужинал в одиночестве и, когда в один из дней над ухом раздалось звонкое:

– Вот интересно, почему «Рассольник»? – несолидно вздрогнул.

– Можно? – на его стол опустился поднос с одинокой плошкой.

Глеб пожал плечами:

– Традиция. Садись, коли пришел.

Парень сел напротив. Глеб скривил губы: совсем мальчишка.

Мальчишка сунул в плошку палочки. Вроде барабанных, только поменьше и острые. Пошуровал и вытянул нечто, похожее на червяка.

– Странная традиция! – мальчишка сглотнул червяка и заулыбался.

Хорошо заулыбался, дружелюбно, Глеб даже растерялся. Привык, что за улыбкой кроется вызов, что открытые зубы нужно вколотить весельчаку в глотку.

– Нормальная традиция. Началась с одной старой книжки, – объяснил Глеб, внимательно изучая пацана. Обычный подросток-переросток, с короткими рыжими волосами и богатой коллекцией веснушек на круглой физиономии. Глаза веселые, губы пухлые. Любопытный, непуганый щенок. Одет, кстати, богато. Родители подарили шанс почувствовать себя крутым парнем? Или папа-сталкер вывел сына в люди – слышал Глеб о таком. Ну, детсад!

– Не читал, – мотнул головой мальчишка. – Читать как-то вообще не в кайф.

Он достал из плоски комок белесой слизи и со свистом втянул. Глеб сглотнул и отодвинул почти полную тарелку рассольника.

– Тебе сколько лет, кайфовый?

– Мне? Восемнадцать, – соврал мальчишка и добавил: – Меня Григорием звать, позывной – Бой. А ты Рамзес?

– Я Папа Римский!

Мальчишка снова развеселился:

– Нет, я видел Папу, он старый.

Из плоски появилось что-то уж вовсе неаппетитное, и Глеб не сдержался. Тело сработало на автопилоте, левая рука резко пошла на перехват, и вот уже, казалось, чужое запястье хрустит в Глебовом захвате. Но парень качнулся вбок, словно брошенный пружиной, и Глеб, ухватив пальцами пустоту, невольно оперся ладонью о столешницу. И тут же зашипел от боли – острая палочка прихватила его за кожу у большого пальца, прищипила к столу. Бой, держа на изготовку вторую палочку, смотрел на дело рук своих и стремительно краснел.

– Ой, извини, – произнес он, едва не плача. – Я не хотел, само собой как-то.

Глеб выдернул деревянный клинок. Прижал к ране салфетку. Досчитал про себя до двадцати и хрипло ответил:

– Все нормально. Не бери в голову.

– Тебе, наверное, японская кухня не нравится? – извиняющимся тоном спросил Бой.

– Если пришел в Зону, – досадливо ответил Глеб, – запомни самое главное правило: нужно много жрать. Тогда будет много сил. Оставь этих червяков птичкам.

Он украдкой огляделся; на них смотрели. Конец репутации, подумалось горько.

– Не скажи! – заспорил Бой. – Мы с ребятами из... одной японской секции на три месяца ходили в джунгли. Чисто себя проверить. Я тогда понял: восточная жарка рулит!

Глеб смерил мальчишку оценивающим взглядом.

– Зона, мать ее, – не джунгли! Врубился?

– Конечно-конечно, – зачастил Бой. – Я понимаю. Но я во многих местах бывал: в тайге, в горах. По Африке автостопом катался...

Глеб поднялся, не дослушав.

– Жрать нужно от пуза, – повторил он. – Успехов тебе. В Африке.

Кривонос настоятельно просил зайти, «как пожрешь», и Глеб заторопился. Гришка-Бой нагнал его уже за дверями бара, зашагал рядом, торопливо дожевывая.

– Скоро в Зону, – сообщил буднично. Словно в киношку собирался.

Мир сошел с ума, сделал вывод Глеб, но промолчал.

– Ты не думай! – в Гришкином голосе прорезались задиристые нотки. – Я много чего умею. Стрелять, драться – да ты сам видел! Выживать умею: в джунглях, в горах, в снегу, где хочешь. С парашютом могу. На воде держусь долго, когда триатлоном занимался, пятьдесят километров плавал...

Глеб молчал.

– У меня батя с мамой клевые. Сами экстремальщики и меня с детства приучали...

Глеб молчал, и Гришка сбился.

– В конце концов, они просто богатые люди, – закончил растерянно. – Сделали нормальную экипировку.

Глеб резко притормозил, и Гришка по инерции проскочил вперед, остановился, перегородив дорогу. Запахтел обиженно.

– Твои клевые экстремальщики знают, во что ты вляпался? – спросил Глеб.

– Не-а, – Гришка беспечно мотнул головой. – Они сейчас кругосветку замутили, на яхте. А я сказал – не хочу. Как-то вообще не в кайф. Ты что?

– Да так... – Глеб отвел взгляд. Выпороть его, что ли? Может, поумнеет. – Ну, сделали тебе экипировку. Я здесь при чем?

– Так мы же вместе идем! – Гришка растерянно заулыбался. – Тебе разве Кривonos не сказал?..

Кривonos сидел в собственном кабинете, узкой глухой комнатухе, рядом с огромным сейфом советских еще времен. В сейфе, по слухам, хранилось кощеево сердце, то бишь Севкина казна и долговые расписки. Глеба хозяин изволил принять, но слушал невнимательно, скучающе изучал ногти – на тех немногих пальцах, что ему оставила Зона. Ждал, когда Глеб выдохнется. А Глеб выдохся не скоро.

– Проболтался сопляк, – сделал вывод Севка, когда сталкер умолк, и сбросил с лица скучающее выражение. Придвинулся, задышал Глебу в лицо. – У меня к тебе серьезное дело, Рамзес, – зашептал интимно. – На прошлой неделе открылся проход к Ангaram, мне знающие люди свистнули.

Глеб, сморщившись было от нечистого Севкиного дыхания, разом забыл о безразличности. Севка поддержал многозначительную паузу и продолжил:

– Туда бегал один – ты его не знаешь, кое-что взял и вернулся почти целый. Сечешь, фартовый?

– Что взял?

– Не то важно, что взял, а то важно, что видел. А видел он «Тюльпан».

Глеб настороженно посмотрел на Севку.

– Не врет?

– Может, и врет, да уже не спросишь. Перепил на радостях, царствие ему небесное! – Севка обмахнулся-перекрестился куцей клешней и предложил будничным тоном: – Сходишь, возьмешь «Тюльпан» – спишу долги и сверху еще накинута.

«Тюльпан»? Да ты, Севка, оптимист! – подумал Глеб. Но уже представлял, как из уст в уста, горячечным шепотком разносится заманчивая весть среди «ходовых». Как лихорадочно скупаются по «точкам» провиант и боеприпасы. Как самые отчаянные уже спешат по опаснейшей тропе от Агропрома к Ангaram и многие наверняка погибнут, ибо тропа эта, словно балованная красавица, не каждому дается.

– ...я тебе так скажу, Рамзес, – Севка тем временем быстро шептал, не давая Глебу думать, хватал за коленку и заговорщицки подмигивал. – Такая масть не каждый заход выпадает. Ты везунчик, тебе и карты в руки. Я тебе припасов дам, патронов. Сопляк этот... как его?... отмычкой пойдет. А?

– Я не хожу с отмычками. Принципиально.

– Хорошо, не отмычка. Напарник. Соглашайся, Рамзес!

– Слишком молодой, сломается, – еще чуть поспорил Глеб. – К мамке запросится, что мне делать?

Севка небрежно отмахнулся.

– Пристрелишь! Не обманывай меня, Рамзес, не это тебя заботит. А что?

«Он хорошо улыбается, – мог бы сказать Глеб, – искалечит его Зона. Слишком самоуверенный – подставит, – мог бы добавить. – И еще он меня раздражает, если не сказать бесит».

– Пожалей мальчишку, – мрачно буркнул Глеб, сдаваясь.

– Нет, – жестко ответил Севка. – Он уже знает. И вообще, я никого не насилую. Не с тобой пойдет, так с другими.

Он демонстративно отодвинулся, и Глебу почудился в затылке ледяной укол, словно приставили к голове пистолет. Глеб обернулся и перехватил нехороший взгляд Севкиного телохранителя.

– Я всегда отдаю долги, – сказал Глеб, не опуская взгляда. – Готовь припасы, Кривonos.

– Вот и ладошки, – возрадовался Севка и кивнул охраннику: – Этого... как его? Позови живо. Чего вола крутить? – объяснил Глебу. – Поспите да пойдете.

Пока пришел хмурый Гришка, Кривонос расстелил карту.

– Мы здесь, – он поставил бутылку водки на серое пятно, означенное «р.п. Пески». – Идти нужно сюда.

Корявый мизинец, единственный палец на правой руке, ткнулся в дальний угол карты.

– Совсем рядом! – солидно бросил Гришка и приосанился; на него оглянулись все, даже бессловесные Севкины бойцы.

– Расстояния в Зоне меряют не километрами, – желчно буркнул Севка.

Он повел мизинцем по разноцветным карандашным линиям.

– Сначала идете на юго-восток, до Агропрома. Эта тропка давно известна, особых сюрпризов там сроду не водилось. От Агропрома забираете резко вверх, на северо-северо-восток. Здесь главное – не пойматься солдатам. Постепенно отклоняетесь на запад и вот здесь делаете резкий поворот. Ориентир – железнодорожный переезд и будка обходчика. Отсюда начинается самое опасное, пятнадцать километров строго на запад, до Ангаров.

– Что-то совсем не в кайф, – гнул свое Гришка. – Гляди, какой крюк.

– Люди ходят, – пожал плечами Кривонос, остро глянув на мальчишку. – Рамзес, выйдем на два слова!

Гришка надулся, но, когда компаньоны вернулись после короткого разговора, встретил их вызывающе спокойно. «Ох, не к добру, – подумал тогда Глеб, – что-то замыслил, стервец». Подумал, но не додумал, начали разбирать экипировку: Гришка свою, богатую, Рамзес победнее, даренную Севкой.

Глеб привычно рассортировал продукты, проверил аптечку, щедро отсыпал в рюкзак топливных элементов для КПК и фонаря. Туго скатал и пристроил сверху спальник. Перебрал и смазал «АКМС», с которым ходил в Зону уже несколько лет. Поправил на оселке заточку «чабанского» ножа, формой и размерами напоминавшего ятаган. Нож, невероятной убойности самоделка, снят был Вороном с залетного гастролера и дарен Глебу в минуту душевного расслабления. Из обновок Рамзесу достался камуфляж и армейские ботинки. Глеб присел пару раз, подпрыгнул, притопнул – одежда сидела ладно и удобно.

– Готов? – спросил Глеб, оборачиваясь, и осекся.

Гришка с натугой ворочал вещмешок огромных габаритов с притороченным сверху оружейным чехлом.

– Во, гляди! – Гришка достал из чехла некий агрегат. – Абсолютное оружие, специально для Зоны.

Он любовно огладил многоствольное чудище.

– Это «снайперка», – он показал на верхний ствол, – под винтовочный патрон. Переделка из «СВД» под схему буллпап – может стрелять одиночными или очередями по три патрона. Сюда ставится немецкая оптика, сюда можно глушитель, сюда фонарь или лазер. Хочешь спросить, почему буллпап?

Глеб не хотел, но Гришку уже несло.

– Во-первых, короче на двадцать сантиметров, во-вторых, на свободном месте крепится самозарядный дробовик, – Гришка показал нижний ствол. – Двенадцатый калибр. Картечью по крысам очень душевно получается. Это подствольный магазин на шесть выстрелов. Вот здесь переводчик огня с винтаря на дробь и обратно. Ну, как тебе?

Глеб усмотрел в чехле еще и объемистый короб и спросил свистящим шепотом:

– А это что?

Гришка перевернул коробку, рассыпав по полу содержимое.

– Специнструмент, – сказал, опасливо поглядывая на старшего. – А еще масло, запасной затвор, станок для набивки патронов, пули, дробь, порох...

Глеб с протяжным стоном ткнулся лбом в стену, и Гришка растерянно смолк.

«...семнадцать, восемнадцать», – досчитывал Глеб, когда Гришка снова открыл рот:

– У меня еще есть, – несмело предложил он. – Я на двоих заказывал. Будешь брать?

Глеб открыл глаза.

– Нет, – кротко ответил.

– Почему? – искренне удивился парнишка. – Клевая машинка.

Он стоял и улыбался от уха до уха, счастливый, что у него клевая машинка, клевый напарник и клевые приключения. Счастливый так безыскусно, что Глеба охватило чувство, опасно похожее на зависть.

– И где вас таких делают? – не сдержался, досадливо спросил он.

Бой удивленно задрал брови.

– Я в Киеве родился, – ответил неуверенно. – Жил в Москве, а сейчас во Фриско, там у родителей дом. А что, есть разница?

Глеб коротко выдохнул.

– Собирай мешок, – велел, – и спать! В четыре выходим.

Рамзеса разбудил Кривонос, лично. Неслышно, как ему казалось, сунулся в низкую комнату на чердаке, которую сам выделил Глебу, ощупью добрался до лежанки, склонился. Глеб очнулся еще от скрипа на лестнице, но хозяина опознал только по дурному запаху изо рта.

– Рамзес, вставай, – сердито зашипел Кривонос. – Плохие новости.

Глеб сунул нож обратно под серую подушку и поднялся.

– Вчера из «Ста рентген» целая толпа снялась, в сторону Агропрома, – волновался Севка. – Казака видели.

Глеб чертыхнулся про себя.

– Рамзес, я тебе хорошую цену дам! – сулил Севка и щерился в злой улыбке. – Только не подгадь. Сделаешь Казака?

– Посмотрим... – буркнул Глеб.

На сборы ушло несколько минут. Перед выходом Глеб кинул в угол монетку-копейку, забросил на плечи рюкзак и двинулся, благословясь.

Прошел по базе не здороваясь – даже суетливого Гришку будто не заметил и вышел за ворота, не прощаясь. Его не дергали, приметы здесь, в Зоне, блюли истово, не допуская промашек. За воротами Глеб остановился и поздоровался – это обязательно, без этого пути не будет.

– Здравствуй, Зона, – тихо проговорил Глеб. – Это я, Рамзес. Я вернулся. Не ожидала?

Зона не ожидала. Зона принимала Глеба за первоходка, встречала его ласковым рассветным солнышком и шумом леса. Глеб, впрочем, показным гостеприимством не обольщался. Хотя и ничего страшного тропа до Агропрома не сулила. Все по мелочи: крысы, псы и аномалии. Радиация еще.

Он зашагал небыстрым экононым шагом, едва отрывая ноги от земли, и шел так долго, несколько часов. Иногда переходил на бег, если позволяла обстановка – шагов сто, не больше. Таким способом он мог пройти много, дай Зона и напарник такую возможность.

Напарник пылил следом, с каждым километром все больше прогибаясь под тяжестью гигантского рюкзака. Шел неумело, растрачивая силы попусту, но молодость, выносливость и упрямство заменяли ему опыт. Гришка скрипел зубами, проклиная неподъемный груз, – и терпел. Глеб гадал, когда Бой начнет потрошить поклажу, и склонялся к мысли, что не позже вечера.

Дошли до пологой горушки, где стоял приметный, обросший черной плесенью телеграфный столб, до точки «А», как обозначил ее Кривонос на карте. Горку Рамзес обогнул, не рискуя забираться на возвышенность, где могла образоваться – чем Зона не шутит – какая-нибудь электрическая пакость, и только потом скомандовал привал.

Гришка рухнул как подкошенный, блаженно вытянул ноги. В своей немислимо дорогой камуфлированной попоне, с горбом неподъемной клади за плечами, он напоминал гору слоновьего навоза.

– Рамзес, зачем мы в обход поперлись? – капризно спросил Гришка, когда отдышался. – Почему не прямо?

– Лес! – пожал плечами Глеб. Не объяснять же, что в обозримом прошлом через этот Лес прошли только два человека – Рамзес и Ворон. А вернулся и вовсе один...

– За тобой костер, – смилостивился Глеб, оценив Гришкину усталость. – Я осмотрюсь вокруг. Отчетливо?

– Понял я, понял! – досадливо отмахнулся Бой, но вставать не спешил.

Глеб побродил в окрестных зарослях, ничего не нашел – сроду на этой тропе не было ничего интересного! – и повернул, когда от полянки потянуло сытным мясным запахом. Гришка таки изволил заняться делом и разжег костер. Грамотно разжег, без дыма. Глеб ужом выскользнул на поляну – Гришка сидел спиной и беспечно кашеварил. Бесшумный шаг – это второе главное умение сталкера, учил в прошлой жизни старина Ворон. Первое, вестимо, нажраться впрок, добавлял.

Напарник забеспокоился, только когда почувствовал тепло чужого тела за спиной. Глеб мгновенно перехватил парня одной рукой за лоб, а ножом аккуратно провел по горлу. Гришка закаменел, и Глеб почувствовал запах резкого мальчишеского пота.

– Поздно, – сказал он, когда Гришины пальцы шевельнулись в сторону пристегнутого на бедре ножа. – Ты уже мертв.

Он убрал нож и как ни в чем не бывало сел у костра. Гришка хрипел, трогая себя за горло и с изумлением рассматривая кровь на ладонях – Глеб его все-таки чуть порезал ненароком.

– Ты... ты... – выдавил парень, когда снова научился дышать. – Ты охренел, Рамзес, я тебя...

Гришка долго еще говорил, а Глеб с интересом слушал.

– Хорошо! – похвалил он, когда Бой выдохся. – Некоторых слов я не знал. Что за пушкой не полез – тоже молодец.

Глеб покачал у мальчишки перед носом вороненой «береттой», Гришка схватился за пустую кобуру и сделался совсем несчастным. Покраснел, глаза заблестели лишней влагой. Глеб кинул ему оружие:

– Следи за стволом, если уж взялся таскать. И это... я там дрова бросил, в кустах. Принеси, будь ласков.

Гришка вскочил.

– Ладно! – выпалил зло. – Будем считать, один-один – за тот случай в «Рассольнике». А за своим барахлом сам иди, я в носильщики не нанимался!

Он натужно вскинул на плечи гигантский рюкзачище, повесил на шею двуствольный агрегат и демонстративно зашагал прочь, едва не вступив в подозрительную лужицу.

– Под ноги смотри, салага! – рявкнул вслед Глеб, но без особого куража. Он притушил костер, достал из углей банку обжигающей каши с мясом и употребил во славу Зоны. Успел немного передохнуть и Гришку нагнал только спустя час.

Мальчишка, голодный и злой, тащил неподъемный груз, но не сдавался. Глеб его даже пожалел в глубине души, но все же гнал без остановки до самого вечера.

На привале выдал Гришке лишь одну порцию.

– В Зоне продуктами не бросаются, – объяснил. – Твоя дневная норма осталась на точке.

Гришка только глазами сверкнул. Теперь он правильно выбрал место, сев спиной к крутому земляному скату. Мгновенно схарчил полбанки каши и, отвернувшись, начал копать в рюкзаке. Глеб, набрав по дороге чистой воды, заварил в пустой банке чай и блаженствовал, делая вид, что не обращает внимания на напарника. Только раз посоветовал:

– Бронежилет выбрось, не воевать идем. – И Гришка послушался.

Когда Гришкин рюкзак обрел приемлемые габариты, уже стемнело. Костер уютно потрескивал в неглубокой ямке, и Глеб лег ногами к углям. В немецком спальнике оказалось тепло и просторно. Глеб обнял жесткий автомат, приготовившись спать, но к спине тут же привалился тяжелый Гришка и нерешительно засопел.

– Давно хотел спросить, – наконец приступил он к делу. – Как ты в Зону попал?

– Случайно.

Гришка помолчал, но, поняв, что продолжения не будет, снова заговорил:
– Вот говорят: Зона, Зона... а что-то совсем не в кайф. Марш-бросок, чесслово.

Глеб улыбнулся про себя.

В этот раз парень молчал долго, и следующий вопрос Глеб едва расслышал:

– Рамзес, зачем ты меня взял? Ты же меня за человека не считаешь.

– Не бойся, не отмычкой, – сонно бормотнул Глеб. – Ты уймешься уже? Дай поспать!

Гришка обиделся и тут же разозлился на себя за обиду, которую считал признаком слюнтяйства. Времени на терзания Рамзес ему отмерил с запасом: походные «Свис-Арми» показывали половину одиннадцатого, и ближайшие три часа Бою предстояло оберегать сон старшего. А он, старший, вон уже спит, даже дыхания не слышно. Не слышно?

Гришка напряг слух, но услышал только удары собственного сердца. Очень осторожно он придвинулся к Глебу, склонился над лицом и... Отпрянул, напоровшись на кинжальный взгляд. Рамзес смотрел в упор светящимися в отблесках костра глазами.

– Не смей приближаться! – ровным голосом проговорил сталкер. – В следующий раз выстрелю.

Гришка вернулся на место, не сводя глаз с лица напарника. Рамзес закрыл глаза и мгновенно заснул, его дыхание снова стало неслышным.

Чудеса! Гришка не лгал, когда хвастал своим опытом. Он многое умел, но здесь требовались какие-то совсем уж особые умения. Гришка сел чуть сбоку от костра. Потренировал глаза и теперь мог относительно хорошо видеть в окружающей темноте, благо костер постепенно прогорал. Вокруг стоял черный лес, летний и весьма шумный – но шумный обычным, совсем не зловещим образом: ветер, листва, скрип древесины.

И это Зона? Лучше уж в кругосветку!

Гришка раздраженно потрянул головой и стал смотреть в костер. Смотрел долго, не замечая, что начинает дремать, и вскинулся только от странного толчка. Шестое чувство, интуиция или еще какое-то, почти инфернальное ощущение сигнализировало Гришке, что рядом образовалось нечто, чего совсем недавно не было. Гришка быстро огляделся, но не увидел ничего необычного – ночь, лес, притухший костерок. Вот только звуки! За спиной с густым шорохом посыпалась со склона земля, а потом отчетливо хрустнула ветка.

Гришка осторожно двинул к себе винтовку – пальцы скользнули по холодному стволу, схватились за цевье, потянули. Винтовка не двигалась. Может быть, зацепилась, но Гришка почему-то был уверен, что ее держат за приклад. Он дернул, раз, другой, не решаясь оглянуться, отпустил и схватился за пистолет.

– Не дергайся, – очень тихо сказал за спиной Рамзес. Очень спокойно сказал, но за этим спокойствием Гришка почуял запредельное напряжение. – Вон он, напротив.

Гришка, до рези выкатив глаза, начал вглядываться в темноту по другую сторону костра и спустя долгую секунду различил фигуру – черную, чернее окружающей ночи. Кто-то неподвижно сидел у костра и молчал. У Гришки волосы зашевелились.

– Кто это?!

– Не вздумай палить, – еще тише ответил Глеб. – Возьми рюкзак и отползай без резких движений.

– К-куда?

Глеб одним словом обозначил маршрут, но Гришка не обиделся. Он начал пятиться, цепляя своим дуствольным монстром землю, траву и кусты, а рядом отступал старший. Черный не обращал внимания на их маневры; не двигался и не издавал звуков, будто умер.

– Мертвяк! – подтвердил Глеб, лихорадочно скатывая спальник. – Слышал я о таком...

Гришка суетливо дергал стволом из стороны в сторону, ему теперь со всех сторон чудились непонятные звуки. Оказалось – не только ему!

– А ну-ка, ноги в руки! – скомандовал Рамзес перехваченным голосом, и Гришка побежал, стараясь не потерять из виду тощий Глебов рюкзак. Осознавая, что вокруг происходит что-то невероятное: даже Рамзес, сносивший в Зоне три пары сапог, бежит сломя голову. Ибо ночью в Зоне не ходят, вспоминал Рамзес старину Ворона, это есть главное правило после бесшумного шага и впрок нажраться.

Разбрасывая комья земли и песка, забрались по насыпи и остановились. Костер сверху виделся едва заметным пятном красного цвета, и движения рядом с ним не замечалось. Гришка открыл уже рот – сказать что-нибудь колкое, но Рамзес схватил его за плечо, больно сжал, и Гришка осекся.

– Слышишь? – с придыханием спросил Глеб, и Бой услышал глухой нарастающий рокот, перешедший сначала в рев, а потом и в визг. От костра кричали, бездушно и громко, словно ревун воздушной тревоги. Не чувствовалось жизни в этом звуке, только механическая тупая угроза. Или призыв. Или еще черт знает что, и Гришка, не стесняясь паники в голосе, спросил:

– Это что, Рамзес?

– Это, м-мать твою, марш-бросок! – зло ответил Глеб, лихорадочно монтируя на лоб прибор ночного видения.

Он почему-то стал смотреть в другую от костра сторону. Гришка вспомнил, что и у него есть инфравизор, засуетился было, но тут же замер: Глеб глухо выругался.

– Смотри!

Гришка посмотрел. Со всех сторон на них двигались тусклые светляки: желтые, зеленые, бешено-красные; Гришка сначала услышал мерный топот, затем хриплый рык и взвизги и только потом догадался – глаза! Десятки пар псевдопесьих глаз, а рядом с псевдопсами, судя по звукам, еще сотни мутантов-слепцов спешат на зов. И через минуту сметут их с Глебом, как тряпичных кукол...

Стрелять они начали одновременно: Глеб очередями над землей, Гришка картечью – бестолково на таком расстоянии. Псы разом взвыли – кто свирепо, кто в предсмертном ужасе.

Гришка расстрелял магазин, сунулся в подсумок, но, как назло, в ладонь лезли только остроносые винтовочные патроны. Зарядить не успел – Глеб резко закинул автомат за плечи и боднул напарника в грудь. Гришка полетел с обрыва ласточкой, приложился спиной об землю – и рюкзак, зацепившись за что-то одним из бесчисленных ремешков-карманов-лямок, остался на склоне. Бой, едва не вывихнув плечи, кувыркнулся дальше, набирая в распахнутый в немом вопле рот пыль, грязь и землю. Через пару секунд он лежал под обрывом, живой и, видимо, здоровый, а рядом приземлился Рамзес. Весело ругнулся.

– Держись, пацан, – приказал, – сейчас нас будут рвать...

Он подхватил Гришку за плечи и поволок к костру, туда, откуда они бежали пару минут назад. Гришка хрипел и плевался. У костра он упал на колени и начал судорожно совать тупорылые ружейные патроны в патроноприемник. Дорогуший ремингтоновский механизм скрипел от набившейся грязи, но патроны принимал. Глеб залег чуть сбоку и тоже готовился стрелять. На черного по другую сторону костра они не смотрели, будто сговорившись. Будто и не было его.

А потом с горки посыпались, калеча друг друга, собаки, и стало не до черного. Глеб бил короткими очередями и орал Гришке:

– Стреляй!

Гришка пытался, жал на курок, но капризный механизм подвел, и Гришка, бессильно рыдая, отшвырнул двустольный агрегат в сторону. Выхватил «беретту». Слабые пистолетные хлопки почти терялись в грохоте автоматных очередей и реве песьих глоток. Потом всех словно накрыло акустической волной – черный снова запустил сирену, и все остальные звуки пропали. Следом пришла боль.

Гришка сжал голову ладонями, чтобы она не раскололась, и его мгновенно стошнило недавним ужином. Организм трепетал всеми фибрами, готовый опрокинуться в спасительный обморок, и только крохи гордости удерживали сознание на плаву.

– А!.. Ах...а, – мычал рядом Глеб, тыча перед собой пальцем. Гришка, мучительно сфокусировав взгляд, увидел, что собаки мечутся в панике.

Сирена оборвалась. В голове у Глеба словно пузырь лопнул, и его тоже стошнило.

– ...марш-бросок, говоришь! – услышал Гришка полный ненависти стон.

Мертвяк стоял рядом, и в серой полутьме скорого рассвета Глеб сумел рассмотреть его. На теле черного человека струпья мертвой кожи смешались с обрывками грязной

одежды; он напоминал огородное пугало торчащими в стороны лохмотьями. Глеб поднялся и заглянул черному в лицо. Лучше бы он этого не делал: в глазницах копошились черви, нос провалился, а нижняя губа, разорванная надвое, свисала вниз неряшливым клоком. Под острым кадыком угадывались обрывки широкого, когда-то модного галстука.

Мертвяк был давно и необратимо мертв, но двигался и издавал немыслимые звуки.

– Бой! – хрипло сказал Рамзес. – Кажется, у нас появилась отмычка.

Мертвяк глухо взревел, распугав собак, и небыстро двинулся к обрыву. Вокруг него образовался почтительный круг, выйти из которого Глеб не согласился бы под угрозой расстрела. Гришка брел следом, пошатываясь и придерживая чугунную от недавней боли голову. Двустольный агрегат волочился по земле – стало видно, что нижний ствол смотрит немного вбок. Глеб наступил на приклад этого мертворожденного уродца, и Гришка выпустил ремень, даже не оглянувшись на предмет своей недавней гордости.

Над обрывом мертвяк остановился, и сталкеры вместе с ним. Собаки не стали забираться следом, но здесь, вверху, нашлись новые стаи, и было их столько, что Глеб только охнул, взглянув с обрыва. В рассветной полумгле ручейки, потоки и реки всяческой живности стекали из запретного Леса на недавно еще спокойную тропу. Только мертвяки – а Глеб увидел еще двоих – шли наперекор потоку.

Что-то их спугнуло, когда открылись Ангары, сделал нехитрый вывод Глеб.

– А мы живые! – недоверчиво сказал Гришка и вдруг рассмеялся. – Мы живые, Рамзес, живые! – и всхлипнул.

Рюкзак с припасами ты потерял, хотел сказать, но передумал Глеб. И оружие у тебя только чтобы застрелиться.

– Да, мы живые! – сказал вместо этого. – Еще покувыркаемся...

– Рамзес, отзовись! – захрипела и перебила его рация Севкиным голосом. – Рамзес, по слухам, Казак уже возле Агропрома. Поспеши, Рамзес!

Мертвяк двигался небыстро и внимания на шагающих позади сталкеров не обращал. Впрочем, он ни на что не обращал внимания – только на Зону и ее ловушки, которые находил и обходил мастерски. Днем простоял сорок минут перед невинной полянкой, густо поросшей высокой травой, и Глеб уже почти решился выйти из-под надежного мертвякова покровительства, как трава вдруг зашевелилась, задрожала и выстрелила вверх сонмом острых молний. Тушка летающей твари упала в заросли и, судя по жадному шевелению, тут же была употреблена хищным растением. После этого мертвяк двинулся, и трава не тронула ни его самого, ни его спутников.

Глеб прикидывал расстояние и поглядывал на часы. Несмотря на темп, они должны обогнать Казака, ибо идут прямо через Лес, через его заколдованную сердцевину – всего несколько километров ужаса и смерти. Казаку же, будь он хоть стожильным, предстоит намотать не один десяток километров по довольно опасным тропам. Дай только бог, чтобы мертвяк-кормилец не свернул по своим, мертвяковым делам. Или он держит путь туда же, к открывшимся впервые за много лет Ангарами? Если так, то страшно представить, что там творится, в этих пресловутых Ангарах, если даже свирепые псы бегут прочь со щенячьим визгом!

– На Ангары прет! – подтвердил Гришка, сверившись с навигатором.

Гришка ожил после ночных приключений, его глаза разгорелись хищным азартным блеском.

– Вот это – Зона, вот это я понимаю! – признался он Глебу. – Самый кайф! Жаль, что патронов мало осталось.

Рамзес, расстрелявший в ночном бою полтора магазина, тоже сожалел. Патроны береги, учил Ворон, главное этого только нажраться впрок! Рамзес берег. Всегда брал две лишних пачки вместо бестолкового пистолета.

Обедали на ходу, вскрыв на двоих банку тушенки.

– Терпи, – сурово оборвал Глеб Гришкино недовольство. – Твоими запасами псы обжираются.

После обеда шли несколько часов, петляя по зарослям.

– Отклонились! – упавшим голосом доложил Гришка. Его GPS-навигатор показывал отметку в стороне от луча на Ангары. Глеб решил, что, пока отклонение не превышает тридцати градусов, отказываться от мертвякового покровительства нет никакого смысла.

Шли еще несколько часов, пока даже Рамзес не начал уставать. Гришка давно шагал, едва не падая; на разговоры или наблюдение за обстановкой у него банально не хватало сил. Если бы не мертвяк, первая же аномалия вывернула бы обессиленному Бою кишки.

Наконец мертвяк снова остановился и в этот раз стоял очень долго, сталкеры успели подремать вполглаза. Их разбудило далекое уханье, на которое мертвяк ответил механическим воем. Из зарослей показался еще один мертвяк, женщина, судя по рваным кожистым мешкам на груди.

– Да у него свиданка! – возмутился Гришка. – Вот гад!

Снова заухало, но уже с другой стороны. У Глеба неприятно закололо в затылке.

– Бой, отойдем, – скомандовал он. – Что-то мне неспокойно!

В сосняке они едва не напоролись на еще одного мертвяка, свеженького. Мертвый сталкер повернул к ним лицо с закатившимися под веки зрачками и ударил акустической волной. Рамзес почувствовал, как тошнота подступает к горлу, как стремительно уплывает сознание, и услышал сухой треск pistolетных выстрелов. Гришка всадил несколько пуль в грудную клетку мертвецу. Из того словно воздух выпустили с гулким хлопком; крик поменял тональность и стал заметно тише, зато мертвяк сменил курс и двинулся на людей.

– Пора делать ноги! – резюмировал Гришка. – Мы поссорились с крышей.

Глеб сорвал с плеча автомат; две пули – каждая в колено – надломили небыструю мертвякову поступь, но не остановили его. Глеб подозревал, что даже на култях мертвец поползет по своим неведомым делам.

Сталкеры пошли через сосняк походным шагом, постепенно отдаляясь от преследователя.

– Смотри по сторонам, – мрачно приказал Глеб. – Отчетливо понял?

– Не маленький! – солидно ответил Гришка и едва не вляпался в лужицу с подозрительным маслянистым налетом.

Глеб вел напарника медленнее, чем мертвяк. При всем его, Глеба, чутье и опыте, не всякий сюрприз он мог распознать и некоторые, возможно, безопасные места обходил, перестраховываясь. Даже если болт с ленточкой-хвостом летел идеально ровно.

– Отвали! – обрывал он Гришкино ворчание. – Трава была жухлая, а теперь снова зеленая. Почему? Не знаю, поэтому обойдем. Отчетливо!

На горки не влезал, в овраги не спускался.

– Рамзес, отклоняемся! – злился Гришка и совал под нос навигатор. – Скоро параллельно пойдем.

Глеб останавливался, доставал карту, смотрел на солнце и компас.

– Не понимаю, – признавался. – По моим расчетам, идем точно. Твоя машинка жучит!

– Сам ты! – устало возмущался Бой. – Это ж спутниковая система.

Глеб чувствовал себя неуверенно. Чутье подсказывало, что к рельсам пора бы и выйти, но – увы!

День клонился к вечеру, но почему-то не темнело, солнце будто прилипло к небосводу, а когда его цвет начал приобретать зеленоватый оттенок, даже лихой Гришка заробел и перестал доставать Глеба претензиями.

– Шабаш! – остановился Глеб, когда его часы отмерили полночь, а шагомер – шесть пройденных километров из планировавшихся четырех с половиной. – Привал, ужин, глубокий здоровый сон.

Гришка, разменявший без нормального сна вторые сутки, упал в траву, подставил зеленому тусклому солнцу лицо.

– Рамзес, ты что-нибудь понимаешь?

Глеб пожал плечами – Зона!

– Как-то вообще не в кайф. Что делать-то? ДжиПиЭс кажется, что мы между Канадой и Гренландией.

«Ты главного не заметил», – подумал Глеб, но, оказалось, Гришка заметил:

– И воды нет.

– Воды здесь нет вообще, – помолчав, ответил Глеб. – А где есть – дрянь вода, сплошная радиация.

На двоих оставалась неполная Глебова фляга.

– Подкрепляться, наверное, не стоит, – виновато проговорил Глеб. – От тушенки пить захочется. Спи, я покараулю.

– Не смогу заснуть, – признался Гришка и тут же провалился в беспробудный сон.

Его разбудил близкий рев мертвяка. Гришка разлепил загноившиеся глаза, глянул вокруг: зеленое солнце висело в небе, Рамзес с автоматом у плеча выцеливал кого-то в кустах.

– Собирайся, – скомандовал бумажным голосом. – Он нас догнал.

Гришка встал, одной рукой проверил нож, другой – пистолет.

– Я готов, – сказал и сам не узнал сухого от безводицы голоса.

Горло будто наждаком продрало. Человек живет без воды трое суток, вспомнил Гришка. В тепличных условиях. Под присмотром врачей. «Здесь я загнусь гораздо быстрее», – понял он.

Рамзес протянул ему широкую фляжную крышку, до краев наполненную теплой водой с привкусом обеззараживающей армейской таблетки. Гришка, строго по науке, смочил язык, потом ополоснул рот и только последний глоток выцедил с наслаждением, словно изысканное вино.

– Рамзес, мы найдем воду? – спросил он.

– Найдем, – буркнул Глеб и протянул кусок рафинада. Завтрак.

Два часа шли по компасу, потом, так и не выйдя на рельсы, по Глебову чутью и лесным приметам.

– Правильно идем, – стиснув зубы, божился Глеб. – Я здесь четыре года хожу, я знаю.

– Может, мертвяки рельсы сняли? – глупо пошутил Бой.

На обед ели холодную тушенку и допили воду. Глеб пытался докричаться до Севки, но рация только шумела на всех каналах.

– Коматоз, – сделал вывод ослотившийся от еды и воды Гришка. – Ведь не поверят потом, скажут – гоните.

Глеб взглянул исподлобья – напарник щурился на зеленое солнышко и улыбался.

– Оптимист... – не то осудил, не то позавидовал ему Глеб.

– Ага, – легко согласился Гришка. – Иначе вообще не в кайф.

– Куда нам идти, оптимист? – спросил Глеб. – У нас еще сутки в запасе. На потрепыхаться.

– Мне кажется, ты правильно шел, – твердо ответил Гришка.

Они пошли дальше, и почти сразу разморенный обедом Гришка напоролся на аномалию. Глеб никогда не видел такого: в воздухе между деревьями парили мелкие черные точки, словно туча мошкар. Гришка, опередивший напарника на полшага, вступил в тучу, и Глеб успел только вскрикнуть. Гришка оглянулся недоуменно:

– Ты что?

– Шаг назад, быстро!

Гришка отступил. «Мошкар» стало меньше, но на одежде и лице напарника появилось много черных оспин.

– Видишь? – Глеб показал стволом между деревьями.

– Где? – Гришка смотрел, едва не сунув в тучу нос, но ничего не видел.

Глеб сплунул и повел Гришку в обход. Несколько часов спустя расплзшиеся оспины превратили Гришку в рыжего негра.

– Твою мать, что родители скажут! – сокрушался Гришка, пряча испуганные глаза. – Это солнце, черт! Оно заходить будет, как думаешь?

Глеб шел теперь всегда чуть позади напарника, сняв автомат с предохранителя. Они брели медленно и устало. Мертвяк наверняка уже нагонял их.

– Рамзес, это была аномалия? – спросил спустя время Гришка. – Когда ты закричал, а я потом начал чернеть?

– Да.

– Какая?

– Не знаю. Здесь никто не ходил, – объяснил Глеб. – Никто не знает, какие тут аномалии.

Гришка долго молчал, потом сказал:

– Я вперед пойду. Раз уж так получилось...

Он шел, механически выбрасывая и подбирая затем болты. Воду он увидел первым. И единственным.

– Рамзес! – заорал. – Ручей! Ручей, Рамзес!

Мальчишка, исхудавший и почерневший, кинулся к огромному камню, затянутому черным моховым покрывалом, и принялся биться лицом в крутой гранитный бок, хватая ртом воображаемую воду. Глеб смотрел, закаменев, но когда Гришка отвалился в сторону, вытирая с лица настоящую вкусную воду, сам заспешил. Воды не было, хоть плачь, хоть камень грызи. Только горький мох.

– Напился? – спросил Гришка расслабленным голосом. – Я тогда... посплю... немного... – Не бросай меня, Рамзес, – попросил он, уже засыпая.

Парень отключился, а Глеб еще долго ползал вокруг камня, пытаясь найти, добыть, раскопать воду. Заснул здесь же. Проснулся, разбуженный инстинктом, и успел развалить очередью гигантскую крысу с круглым прозрачным пузом. Крыса брызнула в стороны какой-то слизью, и Глеб решил убраться от греха, пока жажда не заставила его жевать гнилые крысиные потроха.

Гришка не проснулся, даже когда Глеб его едва не задушил в попытке привести в чувство. Рамзес вытряхнул рюкзак, отобрал все самое необходимое – остальное бросил – и взвалил тяжеленного напарника на плечи. Когда тронулся в путь, опять услышал за спиной тяжелый рев мертвяка.

Глеб не был оптимистом и понимал, что эти сутки станут последними. «Это ведь счастье – иметь возможность распорядиться своим последним днем, – рассуждал Глеб. – Я проведу его с пользой: буду нести тело глупого, но обаятельного мальчишки, которого не уберег от чистейшей глупости – желания стать настоящим сталкером. Потом он умрет и мне станет легче. Я, пожалуй, доем тушенку и сахар. Потом буду долго стрелять в мертвяка, и, наконец, узнаю, что ему от меня нужно. Жаль, рассказать кому-нибудь не получится».

Жизнь, однако, имела на Рамзеса свои планы. Глеб понял это, увидев мертвяка прямо перед собой, в десяти шагах. Сталкер опустился на колени, неловко уронив Гришкино тело.

– Здравствуй, Миша, – сказал он мертвому Ворону. – Вот ты и нашелся. Кто же тебя так?

Он смотрел на развороченную разрывной пулей грудь друга, на почерневшую от крови одежду, на серое лицо с закатившимися глазами. Ворон долго не двигался, но потом издал-таки звук, странный, потому что воздух вырывался разом из развороченной груди и запрокинутой глотки.

У-у-у-у!

Их преследователь ответил Ворону, и этот ответный крик начал постепенно удаляться.

– Спасибо! – поблагодарил Глеб и взвалил на плечи свою ношу. – Я тебя все равно найду, – пообещал он на прощание. – Честное слово! Ты знаешь зачем, Миша.

Через полчаса Глеб споткнулся о чей-то труп и уронил Гришку прямо на рельсы. Флягу с погибшего сталкера Глеб не снял – срезал. И тут же высосал до половины. Смочил Гришке губы и влил немного в рот – тот причмокнул, но не очнулся. Только потом Глеб осмотрелся: ржавые рельсы, сплошь заросшие бурьяном, уходили влево и вправо, сколько

хватало глаз. Солнце – теперь красное – мячиком падало к горизонту. Глеб вздохнул прерывисто, унимая чувства, и включил рацию.

– ...бога-душу-мать, – заорал Севка. – Рамзес, где ты шляется трое суток? Казак дошел до Ангаров и взял «Тюльпан». Это достоверная информация. Делай что хочешь, но «Тюльпан» принеси! И не вздумай меня кинуть, на ремни порежу... То есть денег дам, Рамзес, сколько скажешь...

Утром Гришка проснулся как ни в чем не бывало.

– Вышли? – обрадовался. – А когда? Ничего не помню!

Глеб разглядывал его лицо, боясь радоваться: действительно ли черные пятна начинают съеживаться или это обман зрения? За ночь он распотрошил поклажу некоего Шпыря, погибшего на пути к Эльдорадо от трусливого выстрела в затылок. Впрочем, судя по наколкам и количеству чужих вещей в рюкзаке, людская благодарность просто настигла героя в неожиданный момент. Глеб вручил Гришке рюкзак с продуктами и, главное, флягу с полулитром вонючей питьевой жидкости.

– Торопиться некуда, – объяснил. – «Тюльпан» уже взяли.

– Казак? – вскинулся Гришка. – Эх, проплутали мы, упустили время. Что будем делать? Поищем другой хабар?

Глеб усмехнулся:

– Кривоносу нужен «Тюльпан»!

– Зачем ему? – небрежно поинтересовался Гришка, но спрятать жадного интереса не сумел. – Что это за штука такая, «Тюльпан»?

– А то ты не знаешь? – не поверил Глеб.

– Слышал кое-что, – осторожно протянул Гришка. – Только гон это, про вечную жизнь и бессмертие. Дурное фэнтези.

– Гон, – весело согласился Глеб и подумал: а зачем, действительно, Севке «Тюльпан»? Что-то он подозрительно сильно волнуется на этот счет. Слишком горячо для холодного коммерческого интереса. Хотя какая разница, Рамзес? Все равно отдавать цветок беспалому кровососу ты не собираешься.

– «Тюльпан» нужно взять! – твердо заявил Глеб.

– Я на такую статью не подписывался, – отрезал Гришка. – Если ты хочешь валить Казака, то без меня, пожалуйста. Я тебе, конечно, благодарен, но...

– Я не хочу валить Казака, – перебил его Глеб. – Собирайся, хватит болтать!

Они споро собрались и двинулись к Ангарама. После Леса поход по шпалам казался легкой курортной прогулкой, хотя аномалий хватало и здесь, но знакомых, привычных и почти родных. Вскоре нашли еще один свежий труп, а потом еще два.

– Это Казак постарался? – спросил встревоженный Гришка.

– Не в его привычках, – ответил Глеб.

Отшагали почти восемь километров и за дугой крутого поворота увидели наконец далекие ажурные конструкции.

– Ангары! – устало объявил Глеб. – Когда-то здесь стояла номерная воинская часть. На поверхности складировались снятые с вооружения самолеты, в подземных хранилищах, ходят слухи, боеприпасы с бактериологической начинкой. Приготовься!

– А что? – забеспокоился Гришка, но тут же сообразил. – Казак! Он же еще вчера дошел, значит, должен уже вернуться. А мы его не встретили...

– Казак – мужик гигантских габаритов, – начал инструктаж Глеб. – Огромной силы и выносливости. На медведя выйдет с кулаками – и забьет насмерть. Казак здесь родился, в Зоне, всю жизнь ходит. Это его дом, и если в его доме появился кто-то, кто способен его убить, то... Приготовься, в общем!

Последний километр дался нелегко, даже Глеб едва не угодил в «ведьмин студень». Шли изнурительно долго, растратив почти все пробные болты, и почти у самых ворот наткнулись на медвежье тело Казака.

– Прикрывай меня! – приказал Глеб.

К вящему Гришкиному удивлению, Рамзес занялся не Казаком, а его следами, нырнувшими за ржавые створки. Глеб заглянул в узкую щель ворот, долго там что-то высматривал и только потом вернулся к телу.

– Он вышел из подземного хранилища, – объяснил Глеб, осторожно переворачивая огромное тело автоматным стволом. Гришка ахнул, Рамзес отпрыгнул, не в силах сдержать отвращение: незнакомая тварь обняла цепкими крючьями лицо сталкера и, судя по шевелению хитинового панциря, интенсивно питалась.

Гришка сглотнул, пытаясь удержать спазмы в желудке.

– Интересная дрянь, – процедил Глеб, подбираясь с ножом к гигантскому паразиту.

Он попытался подцепить с одной стороны, с другой, не преуспел и сунул лезвие ножа в стык хитиновых пластинок. Тварь затрепыхалась, громко защелкала твердыми надкрыльями и отпустила человека. Глеб приподнял ее на лезвии, обнажил коричневое брюхо, усеянное крючьями и жвалами, и брезгливо стряхнул. Гришка начал стрелять, пока она была еще в воздухе, разрывая тварь в клочья точными попаданиями.

Глеб переждал обстрел и только потом объяснил:

– Не нужно стрелять в мою сторону. Вообще, запомни главное правило – нужно меньше стрелять.

– Почему? – немного удивился Гришка.

– Это неконструктивно. Я обычно стреляю в ответ и редко промахиваюсь... – Глеб осекся.

Гришка поднял с земли круглый тубус, похожий на трубу гранатомета.

– Это... он? «Тюльпан»?

– Дай! – каменным голосом потребовал Глеб и шагнул вперед.

Гришка, глядя в его бешеные глаза, замылся на долю секунды, но потом все же протянул контейнер. Молча. Глеб принял его, не опуская глаз. Они еще долгие секунды царапались взглядами, пока Казак не замычал тем местом, где у него недавно были губы, а теперь – только объединенные десны.

– Жив! – выдохнул Глеб, а Гришка снова охнул.

– Рамзес, у меня аптечка... – начал он, но договорить ему не дали.

– Аптечку – потом. Сначала «Тюльпан». Мне. Живо, – прозвучало у него за спиной.

Севка Кривонос говорил отрывисто, боясь, видимо, сорваться в истерику, дрожа лицом от жадности и нетерпения. Его бойцы сгрудились за спиной командира, но, что удивило Гришку – если можно было удивиться еще больше, – никто из них не изготовил оружия.

– Я догадывался, – глухо проронил Глеб. – Все время чувствовал на затылке твой свинячий взгляд.

– «Тюльпан»! – потребовал Севка. – Или хочешь, чтобы я этому... как его?... яйца отстрелил? Не жалеешь себя, пожалей щенка, Рамзес!

– У меня есть позывной! – зарычал Гришка, выхватывая пистолет. Это получилось у него молниеносно и красиво, как в кино. Долго тренировался, понял Глеб.

– Ну же, мясо ты гнилое! – Севка не потратил на Боя ни секунды внимания. – «Тюльпан» или я стреляю!

Севкина куцая рука потянулась к кобуре, и Гришка, закричав по-заячьи, впервые в жизни выстрелил в человека. Пуля проделала в Севкином лбу аккуратное отверстие и снесла затылочную кость, расплескав попутно мозги.

Севка утер проступившую на лбу черную кровь и достал-таки пистолет. Прицелился Гришке между ног.

– Подавись, упырь! – Глеб бросил Севке в ноги тубус.

Гришка издал горловой звук, будто его душили.

– Это мертвяк, – спокойно объяснил ему Глеб. – Какой-то особый, я таких не видел. Бессмысленно стрелять ему в голову. Лучше в руку, это его задержит.

Севка спрятал пистолет и бережно поднял контейнер. Отщелкнул замок, раскрыл. У Глеба перехватило дух: нечто на длинном тонком стебле, переливающееся миллионами завораживающих оттенков, и впрямь напоминало тюльпан.

– Как ты догадался? – добродушно спросил Севка.

– У тебя изо рта воняет!

– Ничего! – Севка бережно огладил футляр. – Теперь недолго осталось. Я теперь снова буду живой и здоровый. И молодой.

– Ты что живой, что мертвый, все равно гнида, – с ненавистью процедил Глеб, и Севка заржал, брызгая из черепа серо-черными каплями.

– Слушай, ты... как тебя? – спросил он Гришку, когда отсмеялся. – Жить хочешь?

– Не с тобой! – через силу выдавил Бой.

– Со мной, крысеныш, – ощерился Кривонос. – Если пойдешь со мной отмычкой, оставлю жизнь и денег дам. Соглашайся, здесь делов-то на два дня. Домой поедешь...

– Да пошел ты, – тоскливо произнес Гришка, и Глеб увидел, как заблестели его глаза.

– Стреляй давай!

– Зачем? – удивился Севка. – Все равно это... восстанете. А мертвяками вы мне опаснее. Я вас, ушлепков, запру где-нибудь, а там, глядишь, и Ангары закроются. Сами пойдете или вам сначала пальцы переломать?

Гришка опять потянулся к оружию, но Глеб перехватил его руку.

– Это неконструктивно, – напомнил. – Давай-ка бери его за ноги.

Сам подхватил Казака за подмышки и потянул по старым следам.

Когда над головой с могильным грохотом упала железная плита, а сверху на плиту стали заталкивать что-то тяжелое, Глеб зажег фонарь. Начал что-то искать по углам и за делом развлекать Гришку разговором. Бой отмалчивался, раздавленный обстоятельствами.

– Ты же оптимист? – усмехнулся Глеб из дальнего угла.

– Мы все потеряли, Рамзес, – глухо ответил Гришка. – Если хочешь, я расскажу веселый анекдот в тему. Если это тебя развлечет...

Глеб от души чихнул, раз, другой, потом вернулся к напарнику с невзрачным кирпичом в руках.

– Мы ничего не потеряли, Гришка! – Он обнял парня за плечи в порыве чувств. – Ну, сам посуди, что мы потеряли? Мы живы и фактически здоровы...

– Ага! Заперты в подzemелье, а еще я черный, как гуталин. Артефакт огромной силы в лапах у мертвеца-подонка. И Ангары скоро закроются...

– Все не так, Бой, – терпеливо поправил его Глеб. – Ангары закроются со стороны железной дороги, а мы с Вороном уже ходили сюда через Лес. Из подzemелья найдем дорогу – или мы не сталкеры? Или не мы через Лес прошли?! В руках у Кривоноса осталась красивая пустышка, а настоящий артефакт, – Глеб подбросил кирпич, – не обязательно блестит. Только не все это понимают. Это как вершки и корешки, в одних красота, в других – главная сила и польза. Вершки я бы и так Севке отдал, за долги, а полезные корешки припасены для одного хорошего человека. Для Мишки Ворона – вот кто жить должен!

Гришка засопел ошарашенно.

– Ты что же, – обиделся он, и Глеб расслышал в его голосе прежние, задорные нотки, – заранее все знал?

– Кабы все! Кто же знал, что Севка нас отмычками послал.

Глеб посветил вокруг и нашел заваленный наполовину проход в глубь подzemелья:

– А еще представь, сколько там всего интересного! Дух захватывает!

– У нас раненый враг на руках, – напомнил Гришка.

– Какой же это враг? – удивился Глеб. – Такой же ходок, как мы. А хоть бы и враг – знаешь, что самое главное в нашем деле?

– Нажраться впрок? – невинным голосом поинтересовался Гришка.

– Это тоже, – усмехнулся Глеб. – Но вытащить своего, врага или друга, – это важнее. Сегодня ты вытащишь, завтра – тебя. Только так мы и выживаем, свободные.

– Ты свободовец?! – поразился Гришка.

– Нет. Эти банды – «Свобода», «Долг» – они не для нас. Свободными называют тех, кто ходит в одиночку, как ходил Казак, или парами, как мы с Вороном. Мы не воюем, не делим сферы влияния и не прогибаем других под себя. Нам плевать на хозяев, кем бы они ни были. Мы первопроходцы, мы пашем Зону, понимаешь? С каждого нового «трамплина» мы прыгаем лично, каждую «мясорубку» проверяем собственным ливером. Здесь еще сто лет ходить – и останутся нетронутые уголки.

– А... зачем?

Глеб помолчал.

– Затем, что это жизнь, – ответил он наконец, – а не унылая возня. Затем, что это нужно каждому из нас и, может быть, другим людям. – Глеб разозлился от непривычных слов. – Да что ты пристал?! Будто сам не понимаешь!

– Понимаю, – серьезно ответил Гришка. – Это в кайф! Глеб, бери меня в пару, а?

– Посмотрим, – проворчал Глеб, отводя взгляд, но Гришка его правильно понял.

– Я тут одну штучку заказал, – деловито похвастался он. – Вернемся – покажу! Архинужная вещь в нашем деле.

Глеб со стоном ткнулся лбом в каменную стену.

Валерий Гундоров **Красная Книга. Гомо вампирус**

– Да-да. Именно, э-э... Отшельник. Их нужно проводить. Это члены франкфуртского отделения «Гринпис». И их заключение нам крайне необходимо. Их слово окончательное, если не решающее, в вопросе выделения грантов. Поэтому вы должны оказать им всемерное содействие. Покажите им, где живут кровососы, в каких условиях...

– Да в замечательных условиях они живут, э-э... профессор. Вот только я из-за безбашенности наших немецких друзей башку подставлять не хочу. Даже за деньги. Даже за неплохие деньги. Кровосос, если дотянется, комбез сталкерский за два удара в клочья рвет. А завалить его – три рожка бронебоек акаэмовских в упор выпустить надо. Желательно в морду, в щупальца, если в затылок не получилось. А вы мне, профессор, предлагаете самому голову в эти самые щупальца засунуть. Ежели вам брылей кровососых надо – так и скажите. Я их вам натаскаю. Только буду их с уже мертвых срезать, а отстреливать монстриков перед этим стану с безопасного расстояния.

На последнее предложение о щупальцах и об отстреле упырей профессор Сахаров отреагировал как-то странно. Начал подавать мне знаки, чтобы я говорил потише, озирался, оглядывался. А потом трагическим полусшепотом предложил мне больше не упоминать о щупальцах, по крайней мере – пока не уедут его немецкие коллеги. Но те брыли, которые я ему принес на продажу, он, конечно же, возьмет. И то, что нарезано с других мутантов, – тоже.

Сторговались мы с профессором неплохо. За принесенные запчасти от монстров перепал мне неплохой костюмчик, которыми ученые охрану своих экспедиций снабжают, практически новый. Что самое главное – не рваный и не дырявый. Видимо, предыдущий хозяин костюмчика загнулся от более естественных причин, нежели пуля или клыки какого-нибудь монстра. А за новую «натовку» и цинк бронебойных патронов к ней Сахаров меня почти уговорил сводить этих чудиков немецких на кровососов полюбоваться. Я для блезира чуток поломался и сумел выторговать еще кусок «пленки». Причем с условием обработки половиной «пленки» моего нового комбеза. Не знаю, откуда «ботаники» эту «пленку» берут, только есть у них запасец, и, судя по всему, неплохой. И работать с этим артефактом они сильно наловчились, пожалуй что даже лучше, чем ученые на Большой земле. Да еще я и стопроцентную предоплату выторговал.

На следующее утро на подходе к бункеру-лаборатории останавливает меня долговец. Прямо в воротах. И давай выпрашивать про пароль, куда и к кому иду, зачем иду, чего несу.

– А вот скажи мне, о доблестный воин, страж яйцеголовых, для какого индейского барабана тебе знать, куда я иду, к кому и чего несу? Но отвечу я тебе, о вопрошающий! Пока иду прямо в бункер, ежели пошлешь – пойду по адресу мелкими шажками, а ты быстренько отправишься вслед за мной, как только светило местной науки настучит твоему командованию, куда ты проводника отправил. Так что отзынь, не засти. А в шмотках моих я и жене в лучшие годы ковыряться не разрешал.

Долговец осознал и отошел. Прохожу в бункер, а там Сахаров с Кругловым двух бюргеров обхаживают, чаем-водкой поють, с чайниками-рюмками туда-сюда снуют. Меня увидели, разгальнулись, что куры в курятнике. Сахаров между нами мечется, представляет друг другу: «Герры немцы, это ваш... э-э... проводник... э-э... герр Отшельник. Герр Отшельник, это... э-э... герр Гюнтер и герр... э-э... Питер». Мне сразу вспомнилось: «Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса». Чуть было не ляпнул: «А хотите, я вам отрежу. По кусочку». Вовремя тормознулся, представляю, как фейсы у них повытягивало бы.

Для начала наши немецкие друзья возжелали побывать в месте обитания семейства кровососов и понаблюдать их поведение в естественной среде. Я только молча посмотрел на профессора. Сахаров сразу стал распинаться про невозможность такого действа ввиду его личного опасения за драгоценные жизни европейских представителей. Немцы расхрабрились, начали доказывать свою готовность пожертвовать всем, чем только можно, во имя науки. Мол, они просто капитаны Куки, и подайте им сюда туземцев, которые их кушать станут. Хотел было я их уже к немецкой матушке послать с ихними затеями, вернуть Сахарову «натовку» и отправиться восвояси, но тут Круглов вмешался. Быстренько дойчам разложил про основные демократические ценности, про то, что они их в Зоне пачками насаждают и пытаются всю Зону переделать на европейский лад, потому что из Европы Зону тоже можно сделать, но лучше уж из Зоны – Европу. И что местное правительство было бы готово даже парад секс-меньшинств с участием западных политиков и демократов провести, только придется всех завозить, потому как в Зоне – ни тех, ни других, ни третьих. Я к нему присоединился.

– Я! Я! – говорю. – Натюрлих! И штрассе у нас есть, ровное, асфальтированное, прямо от Кордона и до самой Припяти. Еще можно туда же поборников демократии из России и Украины пригласить вместе с ихними пи... э-э... полоотклонившимися. Самолично приду на такой парад посмотреть и всех знакомых позову.

А Круглов продолжает, что, присоединяясь к мнению западных коллег, также считает кровососов представителями класса хомо вампирус и, соблюдая незыблемость демократических ценностей, не может пойти на грубое вмешательство в их личную жизнь и вторгаться без спроса в их жилище. Поэтому он предлагает понаблюдать со стороны. Немчики немного подскисли, но потом скрепя сердце согласились.

Вот тут встал вопрос: а куда вести делегацию престарелых юных натуралистов? Сахаров начал предлагать Армейские склады.

– Профессор, – говорю, – а Воронин согласится своих бойцов туда посылать? Лукаш, если вы попросите, своих, конечно, даст. Только Воронин обидится. То, что «Долг» со «Свободой» – как кошка с собакой, даже снорки знают. А оно вам надо? К тому же в том районе то зверье от Припяти прет, то фанатики шарятся. Да и выискивать кровососа по деревне – удовольствия мало. Того гляди – зажмут где-нибудь между домами.

– Я предлагаю идти в Темную долину. Там, говорят, в одном из зданий кровосос обитает. – Круглов внимательно посмотрел на меня, потом обвел взглядом всех присутствующих. – И застава долговцев там рядом.

– Так бандюки там еще ближе, – уперся я. – У вас информация, конечно, хорошая, но неполная. Там одна из баз бандюков по соседству. Мне что-то в войнушку играть с ними неохота. Я проводником быть согласился, а не Рэмбой. Если вам повоевать – то наемников наймите, простите за каламбур, или долговцев. И что-то, доктор, я не помню, чтобы в списках экспедиции была ваша фамилия. Мне двух импортных «ботаников» хватит. Не хватало еще с толпой бегающих за бабочками идти. И вообще, толком объясните, что они с кровососом делать хотят?

Нет, я, конечно, всякого от этих умников ожидал, но такого... Дойчи спелись с юсовцами, и их большие головушки озаботились супер-пупер мыслью, что кровосос – это какая-то там загибулина на ветвях цивилизации, что кровососов надо изучать и сберегать, потому что загибулина эта – переходный период от чего-то к чему-то. Короче, как обычно – вот изучим – и всем будет щасте. И главная цель этой экспедиции – изучить и описать кровососов для последующего занесения в Красную книгу, а также попытаться вступить с ними в контакт.

– Знаешь что, профессор? Умникам этим кровососа я покажу, только в контакт с ним сами пускай вступают. А то у меня с кровососами антагонизма какая-то. А им, если охота – вэлкам во всю спину. Надеюсь, ко мне не будет претензий, если я их по частям из этой экспедиции принесу?

Сахаров раскудаhtался, руками взмахивает: «Как так, как так?!» На мои объяснения, что кровососов я хочу видеть не в Красной книге с запретом на отстрел, а в той, где истребленные животные записаны, он внимания не обратил, ему эти паганели нужны были обратно живыми, здоровыми и в хорошем расположении духа. Чтобы грантов дали. Да побольше.

– Профессор, у вас ведь дружба с военными? – Я дождался уклончиво-утвердительного ответа и продолжил: – В таком разе пойдем на Агропром. Там в подземелье нужная вам тварюга водится. Предупредите вояк, чтобы нас не трогали. У этих последователей Брема клаустрофобии нет?

Гюнтер с Питером заверили, что ради кровососа они в реактор голяком готовы, не то что в какие-то подземелья. Сахаров пообещал немедленно связаться с вояками. Круглов проникся и от участия в экспедиции отказался. Немчики по-русски немного лопотали, я самые основные слова: «хальт» – типа «всем стоять», «хенде хох» – «ничего руками не трогать» и «варум» – «для какого болта вы это лапали?» или «а на кой болт вам это надо?» – знал, так что проблем с переводом и общением быть не должно. Не на пресс-конференцию идем, чего там больно разговаривать? Выходить решили сразу, не затягивая. Выброс прошел недавно, следующий ожидался не раньше чем через неделю. Как раз времени хватит сходить к Агропрому, а то и назад вернуться.

От Янтаря до Бара нас сопровождал долговский квад. Так и пошли – в центре я в свежеприобретенном костюмчике да два гринписовца в ярких оранжевых новых комбезах. А вокруг нас неравномерным треугольником – один слева сбоку, один перед нами, один справа сзади – долговцы в своих черно-красных костюмах, четвертый метров на пятьдесят вперед ушел. Всегда бы так по Зоне ходить! Солнышко пригревает, ветра нет, «намордники» у всех отстегнуты, долговцы снаряжение немцев на себе тащат. Гюнтер маленький, кругленький, ростом меня пониже, мордочка с розовыми щечками, лысинкой и очочками – слева от меня семенит. Справа Питер – с угрюмым выражением худощавого лица и нависшими бровями, его плечо как раз на уровне моих глаз получается. И при этом рыжий и с конопушками. Штепсель и Тарапунька баварского розлива. Идем – даже в ногу затопали.

– Дойчлан солдатен, унтер-офицерен,

Трам-пам-парарам, трам-парарарам!

Ну, непроизвольно получилось. Только немчики от меня шарахнулись, как черт от ладана. Долговцы идут, посмеиваются. Так до Бара и дотопали. На Баре оставил я всю эту экспедицию возле долговского штаба, а сам к бармену заглянул, арендованный сундук перетряс. Немного выложил, немного взял – в общем, как обычно перед походом. С барменом парой слов перекинулся, с народом пообщался. Потом к экспедиции вернулся.

– Сегодня тут ночуем. Пока на Агропром дорогу после Выброса проверят. Проверять уже ушли. Так что завтра с утра и тронемся. Герр Гюнтер, герр Питер, вы тут ночуйте, в штабе у долговцев, Сахаров с Ворониным на этот счет договорились. А у меня своя лежка есть. Выходим с утра, так что водку с долговцами пить не советую.

Достал КПК – время сверить. Они увидели – разулыбались, свои пэдзашки достали, супертонкие, навороченные. Тыкают в них пальцами, щерятся. А я в ответ ухмыляюсь. У моего КПК вид, может быть, и неказистый, и вместо закладки в книгу его использовать вряд

ли получится, только корпус у него на заказ в одной российской фирме изготовлен из припрега – высокопрочного пластика. Корпусок этот кувалдой не разобьешь. А начинку в него умельцы местные напихивали, сочетав несочетаемое, как это только наши Кулибины делать умеют.

Утром в сопровождении трех квадов и нескольких свободных сталкеров, которым было просто по пути, мы выдвинулись к Свалке. Немцы доброго совета не послушали и всю дорогу до блокпоста сожалели, что лучше бы они умерли вчера, когда начали пить с должовцами. Один из квадов остался на блокпосту, двое других, возглавляемые бывалыми сталкерами с такими характерными должовскими кличками – Регул и Сержант, шли с нами. Сопровождающие квады мне понравились, по оружию, экипировке, поведению видно – не первый год Зону топчут. Новую «натовку» я убрал в заглашник, не рискуя идти на подобное мероприятие с непристрелянным стволом. «Винторез» на кровососах уже опробован, пяти выстрелов кровососу обычно бывает достаточно, чтобы осознать преимущество тяжелой пули перед когтями. Прихваченный мною в качестве трофея в одном из рейдов ствол уже продолжительное время служил мне верой и правдой. В паре с 9-мм «Гадюкой» он составлял самый оптимальный комплект для охоты на такого опасного противника, как двухсоткилограммовый кровосос, способного фантастически быстро передвигаться, становиться невидимым и убивать двумя-тремя ударами когтистой лапы.

Сведения о вновь образовавшихся аномалиях на всей дороге от Свалки да строений Агропрома мне на КПК сбросили, я с должовскими их сверил – довольно подробная картинка получилась. Дорога оказалась практически чистая. Квад впереди топал, квад сзади, европейские гости в середине плелись. Когда бандюки сунулись – мне пришлось немчиков на асфальт ронять. Они упали и замерли. Я было подумал – подстрелили. Оба за голову ухватились и стонут. Бандитам хватило пары выстрелов из подствольников, чтобы осознать, что фигурки в оранжевых комбезах – не такая уж легкая добыча, и фигурки в черно-красных комбезах могут это очень убедительно подтвердить. Немного найдется дураков, готовых перехлестнуться с двумя квадами сразу, поэтому бандиты быстренько ретировались в поисках более легкой добычи. А я объявил привал и буквально силой заставил отнекивающихся Гюнтера и Питера выпить по сто пятьдесят граммов водки, экспроприированной из фляги одного из сопровождавших нас должовцев.

– А вот нечего было их с вечера накачивать, так что флягу давай сюда. – Долговец после этих слов резко замолчал и покорно отдал требуемое. Видать, я прямо в точку попал.

Следующая остановка была уже возле входа в подземелье. Переговорив с должовцами, определили – один квад остается на поверхности охранять вход, второй спускается под землю и контролирует вход изнутри. Потом идем мы с гринписовцами и аппаратурой.

Группа Сержанта ушла под землю, оставшийся квад под ласковые матюки Регула грамотно занял круговую оборону. Минут через сорок нам дали снизу сигнал – чисто. Ежеминутно поминая их немецкую мать, стал я загонять развеселившихся после «похмельных» горе-ученых. Гюнтер начал требовать продолжения банкета, вдвоем с Питером они «уговорили» экспроприированную у должовца флягу, после чего все-таки решили идти к кровососам. Аппаратуру пришлось тащить мне. Большую часть оставили на поверхности, нести я согласился только камеру и еще пару каких-то приборов.

Хмельные немцы по дороге начали строить планы знакомства и общения с кровососом, мне оставалось только кивать и поддакивать.

С Сержантом определились, как и до какого времени нас ждать. В случае истечения контрольного времени квад, сообщив на поверхность, должен был идти на наши розыски. КПК под землей нормально не работал, сигнал спутника был очень слабым, если мой КПК и местные переделки должовцев еще что-то через раз принимали, то супернавороченные у немцев просто тихо загнулись. Поэтому с Сержантом мы условились о системе световых сигналов. И гринписовцам, и должовцам я объяснил, что идем только втроем, а то бойцы буханием берцев всех кровососов в округе разгонят. Да и вообще боялся, что должовцы, в силу своего не особо специфичного отношения к монстрам, вместо вечера

интернациональной встречи «Монстры – немцы» устроят кулинарный праздник фаршированного свинцом кровососа. Насколько у меня получилось сделать вывод, командование не озаботилось поставить квады в известность о цели экспедиции, просто отдав приказ на сопровождение.

– Сержант, только сразу палить не начинайте. Немцы – они тупые, с бодуна, – тут я посмотрел на веселящихся гринписовцев, которые, перемигиваясь налобными фонариками на манер светомузыки, пытались дуэтом исполнить некое подобие немецкой песенки. – Вернее, уже не с бодуна. Как видишь, всё намного хуже. Они уже косые. Думаю, станем назад возвращаться, нас издалека слышно будет. Хотя ты прав, это Зона, загадывать ничего нельзя. Только не хотелось бы от своего же охранения напоследок маслину в лобешник словить, какой-то это неправильный хеппи-энд будет. Слушай, а Сержант – это звание, должность или фамилия? В «Долге» при поступлении такие погоняла присваивают? Это вместо погон?

В ответ выслушал пожелания и указание направления, куда я могу... э-э... идти со своими вопросами. Вместо этого решил, забрав немцев, двигаться в тоннели. Сержант скептически посмотрел на «двух веселых гусей» и предложил перенести поход на попозже.

– Да я бы вообще с Янтара не уходил. Или из Бара. Но – оплочено... Так что – янки... тьфу ты, дойчи, дойчи – гоу хоум ту гомо вампирус. Слышь, Сержант, мож, забить мне на Зону, рвануть на Большую землю и в переводчики податься?

Перехватил «винторез» поудобнее, и двинулись мы втроем в глубь тоннелей. Отошли немного – тьма обступила, хоть глаз коли. Только три пятна от наших налобных фонарей по стенам пляшут. «Ботаники» сразу притихли и, по-моему, даже немного протрезвели. Я им знаком показал, остановились. Перевесил на них ихнюю аппаратуру, объяснил жестами, чтобы за мною след в след шли, и потопали дальше. Подсвечиваю под ноги, иду потихоньку, тишину слушаю. Эти два слона сзади пыхтят. Когда Гюнтер мне второй раз на пятки наступил, я не выдержал, развернулся и ствол «винтореза» ему в лобешник упер. Он все правильно понял, сразу и без слов, нервно сглотнул и мелко-мелко закивал. Я надел «намордник», проследил, чтобы эти два гуся лапчатых сделали то же самое, знаком показал двигаться дальше.

Обходя бурлящие лужицы «студня», прошли мы до конца прямого тоннеля, заканчивающегося загогулиной и дверью, ведущей к винтовой лестнице, опускающейся на второй подземный уровень. Спуск с лестницы прошел практически благополучно – я шел первым, Питер последним, Гюнтер большую часть дороги шел посередине, но на последнем витке ступеней с грохотом покатился мимо меня вниз, угодил аккурат между широко расставленными прутьями перил и шлепнулся прямо перед лужей «студня». Я спустился по лестнице, достал из сумочки на поясе болтик, жестом остановил Питера, кинувшегося поднимать неудачливого собрата, и бросил в «студень» перед ними болтик. Ядовитое шипение уничтожаемого аномалией болта было слышно даже в закрытых комбезах. Судя по тому, как бюргеры шарахнулись от лужицы, их проняло и впечатлило. Во время скоростного спуска Гюнтер раздолбал один из навешанных на него приборов, который немедленно был отправлен в «студень», а процесс его уничтожения аномалией заснят Питером на камеру. Знал бы, что их такие вещи интересуют, возле Бара устроил бы им «аномальную» экскурсию, не таскаясь по подземельям Агропрома.

Когда эти эйзенштейны с тарантинами вдоволь наизгалялись над несчастными остатками аппаратуры, двинулись мы дальше. Перед небольшой дверкой практически в конце тоннеля я остановился, убрал «винторез», достал «Гадюку», свинтил с нее глушитель, снял с предохранителя и передернул затвор. Потом осторожно заглянул за дверь, дав знак немцам оставаться на месте, шагнул внутрь комнаты, по виду – бывшей элеваторной, с трубами, вентилями, брошенными и поржавевшими инструментами, и пальнул два раза из «Гадюки» в дальний темный угол, куда не доставал свет налобного фонарика. Грохот выстрелов разорвал гнетущую тишину подземелья, волной прокатился по тоннелям, и тишина вновь вступила в свои права. Еще немного подождав и для очистки совести послушав, я вернулся к «ботаникам». Пальцами правой руки изобразил перед лицом

шевелиющиеся щупальца, потом показал на дверь, потом на Питера, показал ему палец – «первый», Гюнтеру два пальца – «второй». Сам подвинулся, освобождая им дорогу, убрал «Гадюку» и снял с плеча «винторез».

Питер осторожно двинулся к двери, замер в нерешительности, но, подталкиваемый сзади Гюнтером, пригнув голову, сунулся в дверной проем. Глухой утробный рев прокатился под сводами тоннелей, гринписовцы на мгновение оцепенели. Темная фигура появилась прямо перед Питером, застывшим в дверном проеме. Гюнтер заверещал так, что было слышно через шлемофоны двух комбезов – его собственного, закрывающего орало, и моего. Я с удовольствием впечатал приклад «винтореза» ему в затылок.

Взрыв «РГД-5» перетряхнул тишину подземелья, «Гадюка» с грохотом расплевала две обоймы. Удовлетворенный результатом, я оглядел лежащие тела, снял «намордник» и отправился в обратную дорогу, к кваду Сержанта.

На подходе ко входу я немного потопал, постучал по трубам, короче, пошумел, привлекая внимание. Потом помигал фонарем ранее обговоренное число раз, дождался ответных вспышек и подошел.

– Что у вас там за войнушка? – Сержант встревоженно смотрел на меня. – И где «ботаники»?

– Они хотели кровососа – они получили кровососа. Дай пару бойцов, гансиков сюда притранспортировать надо. Один я их сюда не выпру, откормленные больно.

– Сам с тобой пойду, только наверх сообщу. – Сержант подозвал к себе бойца и начал вполголоса отдавать ему распоряжения.

– Слышь, командир, некогда ждать, пока у тебя боец наверх сбегает. А капэкашка тут даже у меня толком не берет, с «разеровской» начинкой и прибамбасами. Отсылай его и пошли. Мне Сахаров гринписовцев по запчастям приносить не велел, только полным комплектом.

– Да угомонись ты, сталкер. Мы же не американская армия, которая без туалетной бумаги воевать не станет. Все просто, как апельсин. Вербку видишь? – Долговец указал на свисающий из отверстия люка шнур с привязанной пустой консервной банкой.

– Я вижу, что вы тушенку тут без меня жрали, пока некоторые в поте лица вкалывали, понимаешь. И что это за перпертуймобиль? – Увиденная конструкция меня не впечатлила.

– Телефон это, деревня! – заулыбался Сержант.

– Ой, вот не надо джаза! Чукча телефону знает. Телефон – он маленький и сотовый. А эта ваша фиговина телефон напоминает так же, как я – телеграфный столб. Если такой, как в детстве из спичечных коробков или двух консервных банок делали, то вервочка должна через дырочку в днище баночки протягиваться, а не за крышку привязываться. И должна быть свободной, а не захлестнутой вокруг лестницы.

– Ну, тогда это телеграф. А банка – это звонок. А столб телеграфный ты один в один напоминаешь. По материалу изготовления. – Долговцы довольно заржали.

– Ну, звони давай в свою «Мотороллу». Да пошли уже, хватит ржать. – Долгая болтовня в мои планы не входила, нужно было забирать немчиков и делать отсюда ноги.

Боец-долговец обмотал ладонь веревкой, подергал, подождал, потом стал подергивать шнур короткими рывками.

– Морзянка, что ли? – Я посмотрел на Сержанта.

– Ну. А ты чего ожидал? Интернета с оптоволоконной связью?

– Я ж те сказал – чукча телефону знает. А это телеграф. Ладно, заканчивай быстрее, иди пора.

Выслушав доклад бойца, Сержант отдал распоряжение, двое оставались около входа, мы с ним, прихватив здорового долговца по кличке Петя Паровоз, двинулись за потерянной экспедицией.

– Петя, а ты мультик про крокодила Гену смотрел?

Петя искоса посмотрел на меня, ожидая подвоха, и буркнул:

– Это где еще про Чебурашку и старушку Шапокляк? Ну, в детстве смотрел.

– Вот и чудненько, долго объяснять не надо будет. Петь, давай я понесу твой автомат, Сержант – твой рюкзак, а ты понесешь нас с Сержантом? Мы так быстрее дойдем.

Сержант хрюкнул, потом согнал улыбку с лица и велел Паровозу не обращать внимания на всяких балаболов, а следить за обстановкой.

Вышли мы к месту проведения фестиваля дружбы с кровососами. Два тела в оранжевых комбезах лежали на полу. Комбезы на спине прочеркивали параллельные разрезы, в районе пятой точки куски комбеза были просто выдраны. Поперек белеющих полужопок прошлись красными полосами кончики ногтей.

– Ничего себе! Первый раз такое вижу! Это чего же с ними делали? – Сержант ошарашенно смотрел на гринписовцев. – Это их точно кровосос так уделал? Обоих насмерть, что ли?

– Нет, ну... пациент скорее жив, чем мертв. Сомлели просто хлопчики. И очухиваться категорически не хотят. Кровосос их помял маленько. Зверушка тут за углом лежит, отхватив количество свинца, несовместимое с жизнедеятельностью организма. – Я, сама скромность, как заправский гид-экскурсовод, провел должовцев по местам своей боевой славы.

– Что-то как-то странно их кровосос подрал... – Сержант подозрительно посмотрел на меня.

– Тут, понимаешь, какое дело, – я запнулся, пытаюсь сообразить, как лучше объяснить, – вас ведь толком друг другу не представили. Это – представители организации «Гринпис». Они сюда приехали подружиться с кровососами, записать их в Красную книгу и вообще напредоставлять им всяких-разных правов. Вот и целью этой экспедиции было подружение с кровососом. Тока он их, видать, слегка превратно понял, ну, дикая скотинка, европейским обхождением не научена. Мож, из-за оранжевых комбезов за самок их принял?

– Так они гомики, что ли?! – взревел Сержант, скидывая предохранитель и направляя ствол автомата на валяющихся в отключке гансов.

Я едва успел вцепиться в ствол и отвести его в сторону.

– Стой, стой, стой!!! Непосредственно акта не было! Поэтому не факт, что «ботаники» – гомики. К тому же я Сахарову их живыми назад вернуть обещал. Так что забираем их отсюда, тащим к «ботаникам» – и пусть там сами между собой разбираются. Тебе Воронин приказал их охранять? Вот и охраняй, а не устраивай тут суд Линча. Нет, Сержант, с такими, как ты, нас никогда в дерьмократическую Европу не возьмут. И не видать нам ихних благ вместе с америкосовскими культурными ценностями. А так хочется гамбургер с колой в Припяти прикупить!

Сержант утихомирился, четко и внятно объяснил, где и в каком виде он наблюдал «Гринпис», ихних гомиков, все европейское сообщество с пиндосовским вкупе, ихние гамбургеры и Воронина с такими заданиями. После чего категорически отказался нести немцев, все еще находившихся в состоянии грогги. Я на камеру Питера заснял всю панораму вместе с мертвым кровососом, в назидание потомкам, после чего флегматично на все это взвiraющему и что-то жующему Паровозу была дана команда на транспортировку тел. Здоровяк-долговец невозмутимо закинул за спину автомат, подхватил под одну руку Гюнтера, под другую – Питера и неторопливо тронулся к выходу. Ноги Гюнтера болтались, не доставая пары сантиметров до земли, Питера – волочились по бетонному полу. Кровожадный Сержант предложил тащить их за ноги до самого Бара.

– Да у них шлемофоны попадают, – я усмехнулся, представив себе эту картину.

– Ничё, гвоздиками прибьем. А по лестнице пару раз протащим, для проверки. Чтобы убедиться, что шлемофоны держатся.

По дороге, видимо, от тряски и задевания разными частями тела стен и косяков, Питер пришел в себя, и Паровоз дальше потащил одного только Гюнтера. А я нежно прихватил Питера под локоток и сопровождал его, как старушку через улицу. Гринписовец смотрел вокруг ошалевшими глазами, смутно осознавая, где он находится, и восклицал «О, майн Гот!» при каждом ощупывании головы и пятой точки. Шедший сзади Сержант что-то бубнил себе под нос и периодически начинал плевать.

Долговцы потихоньку скалились и вполголоса переговаривались, поглядывая на «членов европейской научной экспедиции». Гюнтера привели в чувство, обоим вкололи антидепрессанты из армейских аптек, после чего первая совместная зоно-европейская научная экспедиция по изучению кровососов поднялась на поверхность.

Стоящие на охране входа долговцы во главе с Регулом в наше отсутствие развлекали себя отстрелом всего мимо проходящего и пробегающего. На тот момент в их коллекции присутствовало пяток бандитов, переоценивших свои силы, стайка слепышей и один псевдопес. Долговцы оставались верны своим постулатам, методично уничтожая Зону во всех ее проявлениях.

– А вороны где? Прямо явно их тут для коллекции не хватает.

– Да пусть себе летают. Они вроде не мутанты. – Регул довольно улыбнулся. – А что у вас там произошло? Что с этими-то случилось? Чего у них задницы голые?

– Да кровосос их маленько помял. Комбезы вот подрал им. Еще легко, можно сказать, отделались. Обделались, можно сказать, легким испугом. Нет, кровососа добивать спускаться не надо, он мертвый уже. – Объяснение, конечно, не совсем подробное, но до Бара хватит. Это в Баре тот же Регул может зажать где-нибудь между столиками и не отпустит, пока не получит полного и всеобъемлющего объяснения. И будет его добиваться, ласково и неназойливо потыкивая по ребрам. А на задании лишнего любопытствовать не будут, только минимально необходимая информация.

Из спальника Питера я выдрал подкладку, разорвал ее по длине на две полосы. А потом этими полосами немцев обвязали. Долговцы им раны обработали. Поорали болезные маленько, окрестных ворон поразогнали. Зато, на радость долговцам, на их крики из-за ближайшего холмика псевдопес выскочил. И сразу принял участие в игре «попади в псевдопса, а если не попал сразу из автомата, то кто больше раз стрельнет из подствольника». Короче, от псины такие мелкие клочки остались – «карусель» позавидует. Пока бойцы резвились, я намотал полоски на немцев на манер подгузников, специально оставленный длинный конец протянул по спине и концы завязал на шее. Вид получился – оранжевые мачо в памперсах и в майке – это со спины. А спереди – те же мачо, только в памперсах и шейном платке. Пока бойцы обсуждали внешний вид горе-ученых и особенности охоты на псевдопсов из подствольного гранатомета, я подошел к Регулу.

– Слышь, командир, вы трофеи обдирать будете?

– Бандюков мы уже ошмонали. Если ствол нужен – дешево отдадим. Только у них ничего путного не было. «Калаши»-раскладушки да «пээмы». – Регул указал на сброшенное кучкой трофейное оружие. – Если надо, выбирай.

– Нужны мне такие стволы, как рыбе зонтик. Шкуры с собак драть будете?

– А чего там драть-то? – Регул в голос засмеялся, стоявшие рядом бойцы, слышавшие разговор, заржали – жеребцы в конюшне позавидуют. – Если чего тебе с них надо – зубы там на амулеты или еще чего, забирай по-быстрому. Только не борзей, сталкер, мы тут экспедицию сопровождаем, а не тебя на охоте. Дорогу до Бара сам знаешь. Если что – ученых сами уведем, а ты можешь тут оставаться, шкурки снимать. Только смотри, чтобы с тебя самого шкуру не содрали.

Осмотр собачьих тушек разъяснил причину веселости квада. Шкуры только на дуршлагги годились, так качественно песики были уработаны. Посрезал я с собак хвосты – все равно на Янтарь идти, ученым сдам, да с псевдопса хвост срезал – бармену загоню, на обед с ужином хватит. На меня в «Долге» пайка не выписана, самому о пропитании заботиться надо.

До блокпоста на Свалке дошли без эксцессов. Сержант только меня озаботил – шел в сторонке мрачнее тучи, ни с кем не разговаривал, с Регулом парой фраз перекинулся – и все. Я на всякий случай между ним и гринписовцами вклинился. А те шагали, как куклы заводные. Так их приплющило.

Подходим к блокпосту, а там шум, стрельба. Сержант Регулу крикнул что-то, типа, что теперь его очередь повоевать, и со своим квадом сорвался. Оставшиеся привычно заняли

оборону, оранжевокомбинезонных бесцеремонно уронили в какую-то ямку. Регул подсел ко мне.

– Объясняй давай, бродяга, что там произошло? Эти там точно только кровососа видели? Идут – будто контролером зомбированные.

– Слышь, командир, я тебе не медик. Но это называется, по-моему, посттравматическим шоком, вызванным сильным нервным стрессом, происходящим на фоне сильного абстинентного синдрома. Сами их водовкой накачали.

– Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай, – Регул ухмыльнулся, – их не водка драла, их кровосос драл. Только как-то странно он их драл. С жопы в основном. Он обычно в горло метит и в голову.

– Ну, а от меня-то ты чего хочешь? У кровососа и спрашивай! Он животное хитрая, его не обманешь. Кто чем думает, того туда и бьет. – По выражению лица долговца было видно, что объяснение его не удовлетворило. Только, на мой взгляд, нельзя было ему рассказывать про все, что в подземелье происходило. «Ботаников» мне живыми Сахарову сдать надо. Без шальных пуль. – Куда дотянулся, там и рвал комбез.

– А Сержант чего такой? Будто тушенки просроченной наелся. Молчит, не разговаривает. А?

– Командир, ну чего ты ко мне привязался? У Сержанта и спрашивай! – Я уже начал слегка заводится. Врать не хотелось, но долговец со своими расспросами не отставал. – Он же расстроенный, а не я! Я, как видишь, просто безмерно счастлив находиться посреди открытого поля на лоне матушки-природы в такой расчудесной молчаливой компании, наслаждаясь окрестной пасторалью и чудными звуками певчих птиц на фоне лучей заходящего солнца. Сержант, может, просто расстроился, что без него кровососа завалили.

На мое счастье, вернулся квад Сержанта, оказалось – гон от Темной долины выскочил на блокпост, а вслед за ним бандиты попытались к Бару прорваться. В общем, обыденная ситуация. К моему удивлению, Сержант свой квад оставил на усиление блокпоста, а сам вместе с нами отправился в Бар.

Пока немцам в штабе оказывали квалифицированную медицинскую помощь и подыскивали комбезы на замену, я присел около входа на улице и связался с Сахаровым. Объяснил ему всю ситуацию, рассказал, что европейская научная экспедиция подверглась нападению кровососа и в настоящий момент находится в сильнейшем стрессовом состоянии. Высказал мысль о нецелесообразности их транспортировки на Янтарь. И вообще – что им лучше вернуться в свой Франкфурт, или как его там. А если от них чего надо на Янтарь доставить – так я все равно завтра-послезавтра подойду.

В это время перебинтованных, уколотых и напоенных водкой ученых, держащих под мышками свернутые драные оранжевые комбезы, повели мимо меня из штаба на склад к Петренко – переодеваться. А в штаб зашел Сержант.

Я раньше думал, что у долговцев в штабе звукоизоляция хорошая. Ошибался. В принципе, ничего нового я не услышал, все те же фразы, что и в подземелье, про то, что долговцы должны своим делом заниматься, а не всяких гомиков по Зоне прогуливать. Стандартный военно-боцманский репертуар. За исключением пары описаний поз из Камасутры, в которых Воронину, ученым и европейскому сообществу предлагалось поуестествляться. И, как я понял, в Зоне одним свободным сталкером стало больше.

Гюнтера и Питера оставили в штабе. Я им объяснил, что вся их экспедиция, вернее, последствия встречи с кровососом засняты на камеру, а кровососа, к моему величайшему сожалению, пришлось убить, чтобы спасти их драгоценные жизни. Они по этому поводу особо возражать не стали, потрясли мне руку, покивали: «Данке, данке шен» – и ушли рассматривать заснятое на камеру. А я в бар отправился, за псевдопсячий хвост договорился с барменом на ужин и завтрак, с народом пообщался. Там как раз Игрек из рейда пришел, притащил какой-то новый артефакт. Так до ночи всем баром пытались разгадать, что с ним делать можно и к чему приспособить. Единственное свойство, которое сумели определить, – то, что эта немного фонящая фиговина, брошенная в стакан, водку превращает в воду. Народ расстроился, сразу посыпались предложения выкинуть его подальше. Игреку стали дружно

сочувствовать – мол, если бы наоборот – то больше и по Зоне мотаться не надо, сиди – камешек в ведра махай. А можно было бы и на Большую землю податься. А так только в диверсанты идти. Конкурентам водку портить.

К вечеру следующего дня я сидел в бункере на Янтаре и пил с Кругловым чай. Он мне рассказал, что немцы уже добрались до своего «Гринписа» и, на удивление, сразу же решили вопрос с грантом. Правда, почему-то не на цели изучения и дружбы с кровососами, а на сугубо медицинские, по изучению ихних брылей, в свете применения в современной медицине. В Красную книгу их решили не вносить, наоборот, дали дополнительный грант на разработку средств для их уничтожения. Так что Сахаров, донельзя довольный, умчался бумаги оформлять. Напоследок мне предложили переночевать в бункере, в гостевой комнатке.

– Нет, спасибо. К сталкерам в лагерь пойду, за дорогу. Слушай, тут еще половина куска «пленки» моей с прошлого раза осталась, ну, когда мне комбез обрабатывали... Вернешь?

– Конечно, верну. Только не половину, целую отдам. Сахаров велел. И просил передать, что всегда будет рад тебя видеть. Так что заходи, не стесняйся.

– Ой, я всегда такой стеснительный! Прямо по полчаса стою и краснею, прежде чем ручку поверну.

Выйдя из бункера, я огляделся. Неожиданно беззвучно из-за сложенных бетонных блоков поднялась и шагнула ко мне фигура в длинном кожаном плаще, матово блеснул ствол. Рука дернулась за оружием, и тут же я ее опустил.

– Леший! Черт ты лесной! Ты как-нибудь по-нормальному подходить к людям научишься? Так ведь и кондратий прихватить может. Или пальнут в тебя.

– Ну, чать я смотрю, как к кому подходить. Ну че, как там оно?

– Нормально все. Не остались «ботаники» без буржуйских денюжек. Проняло гансиков. Можешь дальше безбоязненно кровососов отстреливать. Вот, держи, – и я шлепнул в протянутую из широкого рукава плаща руку «пленку». – Тут даже больше, чем обещал. Так что можешь не только комбез, но и плащ свой замечательный обработать.

– А чем тебе мой плащ не нравится? – пробурчал Леший, пряча артефакт в карман. – Вон, немчура сразу купилась, за кровососа в нем приняли.

– За бандюка тебя в нем кто-нибудь примет. Особенно если к людям так тихо подкрадываться будешь. И завалят. – Я усмехнулся. Завалить Лешего – это кому-то придется очень постараться. Он не только умел гукать по-лешачьи и подражать голосу любой твари Зоны, но еще мог беззвучно передвигаться, появляясь и пропадая в самых неожиданных местах. Все это с лихвой компенсировало не самые его лучшие снайперские качества. – Ты вот мне скажи: зачем и, главное, для чего немцам портки на заднице продрал? Мы ж только немного им комбезы попортить собирались? На мальчиков, что ли, потянуло?

– Тю на тебя! Я просто вот чего подумал, ежели гансы нормальные мужики, то по гроб жизни обидятся, что на них с задку кто-то покушался. А если ненормальные, ну, эти... – то разобидятся, что им там все когтями разодрали. А что, вроде сработало... – Леший смущенно шмыгнул носом.

– Еще как сработало! Они вдобавок денег на отстрел кровососов дали! Вот только с Сержантом нехорошо получилось. Он с Ворониным из-за всего этого разругался, из «Долга» ушел...

– Да нормально все получилось. Это мы с тобой знаем, что да как. И что кровососа этого еще третьего дня мы завалили, когда от Выброса на Агропроме прятались. Сержант не пропадет, зато он теперь никому ниче не должен, – Леший хохотнул собственной шутке. – А может, и взаправду немчикам нужно было настоящего кровососа показать?

– Ага! Либо он бы нас всех порвал, либо их, либо я у них на глазах «гомо вампируса» завалил бы. По-любому – «ботаники» остались бы без гранта, мы с тобой – в пролете, я – ваче под крест уйти мог. Так что – без вариантов. А ты, кстати, им чем комбезы драл и задницы корябал? Очень натурально получилось, и видно, что не ножом. А то я боялся, что долговцы усекут...

– А вот, – Леший вытащил из кармана плаща складной нож и отщелкнул здоровенное, похожее на коготь, кривое шило, которым прокалывают толстый брезент или парусину.

– А-а! Ну что, к сталкерам в лагерь пойдем или махнем в бар? – Две фигуры неторопливо двинулись к темнеющему в сумерках проему распахнутых ворот.

Sted ДНЕВНИК НЕИЗВЕСТНОГО СТАЛКЕРА

...Я начал вести записи, поскольку не знаю, что может случиться со мной завтра. С моей смертью исчезнет несколько страниц из огромной летописи Зоны, а я не хочу, чтобы это произошло.

Мое появление в Зоне произошло не по стечению обстоятельств, а по личной инициативе. Еще до страшных событий 12 апреля я не мог смириться с ролью маленького винтика в четко отлаженном механизме – нашем обществе. Если ты родился лишь винтиком, то тебе никогда не стать значительной деталью, рассчитывая только на свои силы.

12 апреля в Зоне отчуждения вокруг ЧАЭС произошел взрыв. Были организованы спасательные работы. Политики на экране телевизора успокаивали всех своим оптимистичным настроением, и сам президент уверял, что сделает все возможное для спасения очутившихся там людей. Это были первые часы.

А затем появилась ошеломляющая информация о том, что диаметр Зоны скачкообразно вырос на несколько километров. Спасатели, военные, гражданские и техника, находившиеся возле Периметра, мгновенно погибли. Людьми овладела паника. Все жители близлежащих городов и поселков были быстро эвакуированы. Многие бежали сами, спасая свою жизнь.

После долгих раздумий я понял, что мне нужно. Новые ощущения. Серая и невзрачная жизнь до того осточертела, что моментами пропадало всякое желание жить дальше. Наскоро собравшись, я отправился к Зоне отчуждения...

...Пробравшись через кордоны, я очутился в совершенно ином мире. Предметы, окружающая меня обстановка вроде бы те же самые, но в то же время ставшие смертельно опасными после взрыва. Я в этом убедился на собственном опыте, кинув камень в малозаметное завихрение. Мне показалось, что даже воздух в месте падения накалился. Над камнем заплескали маленькие молнии, и с нечеловеческой силой «незванный гость» был выброшен из этого аномального явления. Дальше я уже продвигался не так быстро, опасаясь новых фокусов, которые могла со мной сыграть Зона. По крайней мере, теперь я имел полную свободу...

...Сегодня утром я заметил толпу людей, которые двигались в сторону ЧАЭС. Наконец-то люди! Я уже немного одичал из-за одиночества и поэтому хотел обнаружить свое присутствие, но что-то меня насторожило. Присмотревшись повнимательнее, я понял, в чем дело. Они все как один шли, опустив головы и словно нехотя перебирая ногами. Прямо как зомби в голливудских фильмах. Некоторые из них были в военной форме, остальные – гражданские. Жуткая картина.

Это были, как я понял, жертвы радиоактивного взрыва, которые, когда Зона расширилась, попали в число пропавших без вести. Но что их тянуло к ЧАЭС? Что это за сила, превратившая людей в безвольных кукол?

Тогда я думал, что больше не увижу этих обреченных. Но в дальнейшем я не раз с ними сталкивался и убивал их без всякой пощады по той простой причине, что они тоже хотели моей смерти.

По черныбыльской степи медленно брели жертвы радиоактивного взрыва. Жертвы и одновременно будущие убийцы – кровососы, контролеры, снарки и другие порождения Зоны...

...Спустя месяц я встретил группу людей. На вид вроде бы нормальные, поэтому я решил подойти к ним поближе. Это оказались такие же, как я, искатели острых ощущений. Они назвали себя сталкерами. На мой естественный вопрос о смысле этого слова они ответили, что так называют себя все, кто без ведома военных пробрался на территорию Зоны. Так я неожиданно для себя стал сталкером...

...Время пролетало незаметно. Запасов продовольствия хватало, поэтому умереть голодной смертью мы не опасались. Спокойная обстановка притупляла чувство опасности. Все боялись только облучения, но, как показали дальнейшие события, бояться нужно было совсем другого.

Все произошло ночью, когда мы решили передохнуть в заброшенном поселке. Крики и пальба прервали мой сон и бросили в жестокую реальность происходящего. Я вскочил на ноги вовремя – две огромные твари, похожие на собак, подобрались совсем близко. Это было первым сюрпризом, который нам преподнесла Зона. Я никогда раньше не убивал, но инстинкт самосохранения превратил меня в такого же зверя, как те, что на нас напали. С остервенением нажимая на курок, я упивался видом поверженных врагов. Когда закончились патроны, я бил тварей прикладом автомата.

Мы выстояли. Из пятнадцати человек остались в живых только трое...

...Со временем в Зоне стали возникать целые группировки сталкеров, которые позже переросли в кланы. Сообща легче было отстреливать не в меру расплодившихся мутантов.

Скрытое ранее от глаз стало явным. Я научился определять гибельные места Зоны – места повышенной аномальной активности, которые ежедневно подкашивали ряды сталкеров...

...Чем больше я находился в Зоне, тем отчетливее понимал, что человечество недооценивает размеры катастрофы. Ученых, работающих в Зоне, интересуют лишь аномальные явления и предметы, а не человеческие жизни. Военные вообще действуют в интересах правительства, не давая возможности простым сталкерам приблизиться к разгадке Зоны. Сталкерские группировки «Свобода» и «Долг» слишком заняты своими разборками, чтобы думать о чем-то другом. Есть еще «Монолит». Но это вообще отмороженные фанатики. Вся надежда только на одиночек...

...Уже почти нет патронов, но происходят странные вещи. Мутанты, которых я встречаю на пути, стали обходить меня стороной. И я сам здорово изменился. Пропало чувство голода, пальцы на руках стали длиннее, а кожа приобрела красноватый оттенок, обрастая ороговевшими тканями. Меня, словно магнит, притягивает Саркофаг. Появилась удивительная легкость в движениях. Но временами ужас сковывает мое уже только наполовину человеческое сердце. Мое желание – стать свободным, но неужели Зона исполнит это желание, превратив меня в мутанта?..

...я не человек...

Из рапорта разведывательной группы лейтенанта Земельного.

...Во время патрулирования нашей группой секторов 2, 3 и 4а мы столкнулись с мутантом. Потерь с нашей стороны нет. При нем были найдены прилагаемые записи...

Сурен Цормудян (panzer5)
ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Течение подхватило лодку, и Григорий наконец смог отдохнуть, сложив вдоль бортов весла, вынутые из уключин, и откинувшись на свернутый спальный мешок. Теперь главное – не уснуть. Пока река Припять была безопасна, но территория Зоны уже началась. Надо быть начеку. Григорий жалел сейчас, что мало поспал в перевалочном лагере. Да там поспать сложно было. Из рейда вернулась группа сталкеров, и они устроили в Усове грандиозную пьянку по случаю благополучного возвращения. Они пили, шумели, трендели на гитарах и рассказывали уйму историй собравшимся в лагере новичкам. Причем Григорий знал, что большинство этих историй либо явно приукрашены, либо просто небылицы. Он на это не купился бы. Он уже третий год в Зоне.

Странное дело, после каждого своего похода он говорил себе: «Все, завязываю с Зоной ко всем чертям». Но, побыв во внешнем мире максимум неделю, он чувствовал, что его непреодолимо тянет обратно. Это называли синдромом сталкера. Такое бывает у военных после горячей точки. Причем чем больше горячая точка похожа на ад, тем больше ветеран по ней тоскует. Подобное происходило и с Григорием. Он мог ненавидеть Зону, но находиться вне ее ему было все труднее. Она затягивала, как наркотик. А что ждало его во внешнем мире? Да ничего. Безработица, одиночество и безысходность. Он и тут был одиночкой, но тут у него была Зона. И здесь-то он чувствовал себя уместным.

Более того, сегодня, как никогда, у него в Зоне появилась особая цель. Черное Солнце.

Перевалочный лагерь Усов. Три дня ранее.

Дул обычный ветер. И слышен был в лесу обычный щебет птиц. Здесь не было коварных аномалий и жутких мутантов. После рейда Григорий, по кличке Дикобраз, любил прийти сюда. Отдохнуть. Поторговать трофеями либо обменяться ими. Купить боеприпасы. В лагере цены оставались более или менее постоянными, тогда как у торгашей в Зоне была своя, неподдающаяся логике экономика. Идя к какому-нибудь барыге, ты совершенно не знал, какая будет сегодня цена на упаковку патронов к родному «АКМу». И Дикобраз старался затариваться здесь, у границы Зоны и внешнего мира.

Свое прозвище он получил за колючую щетину на стриженной голове и небритом лице. Ему эта кличка понравилась.

Иногда Дикобраз охотился в окрестностях лагеря на кабанчиков. Нормальных, а не этих чертовых зоновских тварей, которые могли быть то съедобными, то ядовитыми, да еще и сами иногда на тебя охотились.

И вот сегодня он вышел на охоту. День был ясный. Он рассчитывал набрать побольше дичи и что-то продать в лагере, а кое-что завялить и взять с собой в очередной рейд. Километрах в пяти от лагеря он и встретил эту странную группу людей. Они тоже смахивали на охотников. У них была пара иностранных джипов, дорогое снаряжение и новенькие палатки. Видно было, что ребята очень состоятельные и весьма крутые. Все как на подбор накачанные и стриженные. Он поначалу принял их за военных, поскольку они были облачены в камуфляжи. Но они только изображали из себя охотников. На самом деле им нужен был сталкер. Причем желательно бывалый одиночка. Они хотели сделать заказ. Начали они издалека. Пригласили к костру. Налили чарку. С интересом расспрашивали о Зоне. Их явно интересовало, насколько он опытен в выживании там. И, видимо, убедившись, что он им подходит, перешли к делу.

– Ты слышал о Черном Солнце?

– Один из мифов Зоны, – пожал плечами Григорий.

– Ты уверен? Почему ты считаешь, что такого артефакта не существует и это всего лишь миф?

– Да потому, что никто такой артефакт не находил и никто его не видел.

– Но ведь о нем рассказывают.

– Это еще ничего не значит. Про Исполнителя Желаний тоже рассказывают. Но я еще не встречал того, кто ходил к Исполнителю. А если кто и решал его отыскать, то пропал

навсегда. Про него только байки травят. Да еще в него верят эти психи из «Монолита», мать их.

– А ты сам к Исполнителю не хотел пойти?

– На кой черт? Чтоб сгинуть, как все, кто совался туда? Я предпочитаю сам исполнять свои желания. А то ведь он ненароком поймет меня не так. Истолкует по-своему. Я с детства всяким джиннам и золотым рыбкам не доверял. Помню про разбитое корыто. Да и не верю я в Исполнителя Желаний. И в Черное Солнце тоже не верю.

– А если мы скажем, что такой артефакт действительно существует?

– Ну вы-то откуда знаете?

– Это не столь важно. Знаем. Причем знаем, где его искать. И готовы заплатить за него миллион.

– Миллион? – Григорий усмехнулся.

– Баксов! Миллион! Ну как?

Лодка продолжала плыть по течению. Григорий думал о том разговоре. Конечно, он этим людям не верил. Миллион он хотел получить. Ведь это новая жизнь. Миллион – это настоящая жизнь! Но он понимал, что для того им и понадобился одиночка, что от одного легче избавиться, нежели от группы. Легче избавиться, чем платить. Они, конечно, рассказали ему историю, что уже нанимали группу, но те перестреляли друг друга, когда добрались до артефакта. Да и спецоборудование у них только для одного человека. А это оборудование ох как понадобится, ведь артефакт, по их словам, не где-нибудь. Он на территории атомной станции. Мало того, он под саркофагом! После аварии на ЧАЭС был вырыт специальный тоннель под четвертым энергоблоком, для того чтоб подавать в него жидкий азот, так как реактор продолжал тогда нагреваться и плавить грунт, уходя все глубже. Именно в этом тоннеле и находится артефакт Черное Солнце, порожденный неведомыми процессами, происходящими во взбесившемся ядерном реакторе. Так они сказали. Откуда у них такая информация, они не признались, хотя было очевидно, что эти парни не сталкеры и в Зоне никогда не были. Но было ясно и другое. У них в Зоне свои люди.

Дикобраз согласился. Он решил, что если Черное Солнце и существует, то главное – его найти. А уж как получить заработанные деньги, он решит. Во всяком случае, у него будет козырь. Артефакт.

Уже не было слышно щебета птиц. Небо стало серым. Он все дальше погружался в Зону. Лодку качнуло. Совсем рядом проплыло что-то. В мутной воде можно было разглядеть черную спину какого-то существа. Оно невозмутимо направилось на дно. Может, это просто сом? А может, неизвестный доселе мутант? Река стала желтеть. Но это не было аномалией. Лодка доплыла до того места, где воды Припяти сильно размывали песчаные илистые берега. Значит, скоро можно будет ступить на землю. Дальше через лес выйти к местечку Новошепельчи. Заброшенный поселок рядом с городом-призраком. Там у него старый схрон и убежище, где можно немного подремать. А потом обойти Припять и выйти к АЭС. Все казалось совсем несложным. Однако это Зона. А тут, как известно, простой и наикротчайший путь – самый опасный. Но Григорий успокаивал себя тем, что он уже тертый калач. Он в одиночку ходил к старой радарной станции, известной сталкерам как Выжигатель, а этим очень немногие могли похвастать!

Вот показалась затопленная баржа из Припятского речного порта. Это место, где путешествие по реке кончается. Дикобраз спрыгнул на берег. Тяжелый рюкзак с полученной от заказчиков экипировкой закинул на плечи и проверил свой «калашников». Автомат готов к бою. Теперь можно двигаться.

До болота было всего около ста шагов, и когда он достиг топи, его дозиметр затрещал. Каждый сталкер в Зоне знал, что топи концентрируют радиацию. Но это небольшое болото было на достаточном удалении от аварийного реактора, и тут всегда было относительно безопасно. Но не сейчас. Григорий понял, что, вероятно, за время его недолгого отсутствия произошел Выброс. И достаточно сильный. Но нет худа без добра. Значит, в ближайшие дни нового Выброса не будет. А этого времени ему хватит, чтобы пробраться на

станцию и добыть вожделенный артефакт, если тот, конечно, существует. Однако теперь надо быть предельно осторожным. Выброс активизирует деятельность мутантов. Они становятся агрессивнее и лезут туда, где в обычное время их нет. Следовательно, возрастает вероятность столкнуться с ними. И не только. Наверняка большинство разномастных группировок вышло на отстрел монстров. Можно угодить под шальную пулю. Или того хуже. Кому-то может приглянуться его особая амуниция, которую ему дали «пижоны».

Он двинулся по давно знакомой тропе через болото, прислушиваясь к детектору аномалий и треску дозиметра, который показывал уровень еще не очень опасный, но уже завышенный. Вокруг не было ни души. И звуков животных слышно не было. Но когда до заброшенного песчаного карьера осталось меньше полукилометра, он отчетливо услышал стрельбу. Стреляли из двух стволов. Причем пальба эта была не хаотичная, как в бою. Она была размеренная. Словно кого-то выкуривали... или расстреливали...

Дикобраз пригнулся. И двинулся дальше. Пока аномалий на пути не было, и радиационный фон не повышался. Это очень хорошо. Он уже достиг окраины болота и затаился в высоких зарослях камыша. Впереди был песчаный вал карьера. Стрельба была слышна уже близко, но выстрелы стали реже. Зато стали слышны голоса...

– Ну что, баклан, будешь говорить, где ваш цех, или и тебе башку снести на хрен?

– Вы меня и так убьете.

– Обязательно убьем. Если не скажешь. А если скажешь, будешь жить. Должен же кто-то в этом цеху работать. – Высокий рыжеусый наемник усмехнулся. Три его поделника стояли рядом, нацелив автоматы на одного человека. Судя по его синему комбинезону, он был из аномалов. Группировки, носившейся с идеей объявления Зоны суверенным государством. И главное, они в Зоне изготавливали оружие и обмундирование, а также модернизировали уже готовое. Довольно мастеровые и умелые ребята, хотя и с прибабахом. Но ни одна из вменяемых группировок с ними не враждовала. Ведь они были очень полезны всем, кому нужно оружие. А оружие в Зоне нужно каждому. Никто не знал, где у них мастерские. Они тщательно прятали свои мини-фабрики от посторонних глаз, иначе их монополии и безопасности придет конец.

Рядом с ним, стоящим на коленях перед группой людей, одетых в урбанистические камуфляжи, которые так любили наемники, лежали шесть мертвых тел в синих комбезах.

– Я вашим рабом не буду, – угрюмо произнес он.

– Ну, ты ошибаешься, если думаешь, что мы замочим тебя, как твоих корешей. Мы тебя сейчас резать будем, урод. Медленно и больно...

Внезапно голова рыжеусого наемника брызнула факелом крови и мозгов. Наемник покачнулся и упал рядом с теми, кого он только казнил. Его сообщники припали к земле, оцетинившись стволами во все стороны. Они находились на дне огромного котлована бывшего песчаного карьера, значит, враг где-то наверху, за песчаным валом. Или много врагов.

– Да где они, мать их?! – прорычал наемник в черной шапке-маске.

– Не стреляйте! – крикнул второй. – Мы заплатим! Мы скажем, где наш схрон с ценностями! Весь хабар отдадим!

– Охренел, что ли? – Третий ткнул его прикладом своего винчестера в бок.

– Да нас порешат вмиг! Заткнись и опусти ствол! – сказав это, второй тут же уткнулся лицом в желтый песок, который под ним стал быстро окрашиваться в кровавый цвет.

– Да твою мать!!! – заорал первый и стал стрелять из своего пулемета по песчаному валу вокруг себя. – Нате, падлы!!! – Крутясь на одном месте, он заметил, что и его поделник с винчестером уже мертв. А через миг пуля влетела и ему в затылок.

Аномал продолжал стоять на коленях и ошарашенно смотрел на мертвые тела врагов. Он протянул руку к пулемету мертвого наемника, и ему в голову тут же ударил большой ком сухой земли.

– Не трогай оружие! – послышался голос со стороны болота.

– Ладно, – досадливо произнес аномал. И посмотрел в ту сторону. Метрах в семидесяти от него по рыхлому склону карьера спускался человек в военном защитном

костюме с натянутым на голову капюшоном. За плечами он нес большой ранец. В руках незнакомец держал автомат Калашникова.

– Ну, вставай! – произнес незнакомец, приблизившись. – Ты кто такой?

– Я Мармеладный Джо, – ответил аномал.

– Как? – засмеялся незнакомец. – Что за погоняло такое?

– Я химик. Правда, год не доучился и диплома не имею. Сюда сбежал той весной. Короче, я специалист по производству «мармелада». А зовут Евгений. Вот и Мармеладный Джо. Слышал про «мармелад»?

Незнакомец покачал головой:

– Н-да, слышан. Говорят, что сто граммов этой сладости почище килограмма пластита.

– Ну, не килограмма, но полкило точно. Так что, если надо, тебе как спасителю даром полпуда отдам. Как тебя величать, кстати?

– Дикобраз.

– Дикобраз? Уж не тот ли Дикобраз, что притащил в прошлом году в базу «Долга» живого кровососа?

Григорий усмехнулся.

– Тот самый. Продал эту тварь устроителям боев на ринге. Говорят, бедный кровопийца всего один бой выдержал. Его вроде горец какой-то ножом уделал.

– Точно. Ролик с тем боем до сих пор по капэкашкам сталкеров гуляет. Большая честь для меня – с самим Дикобразом познакомиться!

– Ты не забывай, что этот Дикобраз тебе еще и жизнь спас, – подмигнул аномалу Григорий. – Это наемники? – он кивнул на трупы в серых камуфляжах.

– Да. Гады. Мы в Припять шли. Там на окраине несколько брошенных БРДМ стоит. А нам как раз запчасти от них нужны. Ну и угодили в засаду.

– Ясно. А где твой «мармелад»? Ты полпуда обещал.

– В Новошепеличах. Там мы базу организовали. Там и бээрдээмка, для которой запчасти ищем.

– Значит, нам по пути. Бери этот пулемет и пошли. – Он указал на снабженное оптикой оружие одного из наемников.

– Ребят похоронить бы, – вздохнул Евгений.

– Им уже все равно. Они мертвы. А на запах крови сейчас сбегутся всякие твари. Давай за мной. – Григорий двинулся в сторону Новошепеличей.

Аномал поднял оружие и тоскливо посмотрел на убитых товарищей. Затем торопливо пошагал за Дикобразом.

...Они уже больше часа шли по мертвому лесу.

– Я как-то с учеными разговаривал на Янтаре. Они говорят, что жизнь на Земле возникла благодаря тому же, что мы сегодня наблюдаем в Зоне, – неожиданно произнес Мармеладный Джо.

– Как это?

– После того как наша планета сформировалась, она была очень радиоактивна. По сути, она была одной большой глобальной Зоной. И это вызвало мутацию простейших белковых соединений. Сделало их агрессивней. Они стали конкурировать. Бороться друг с другом. Это положило начало эволюции. И в итоге возникло самое чудесное явление – человеческий мозг. Мы, по сути, продукты миллионолеть мутации и воздействия крайне агрессивной среды, которая была совершенным полигоном для испытания на прочность и выживание. Потому, видимо, людей сюда тянет. Это напоминает им на генетическом уровне о давно минувших веках, о колыбели жизни. Ностальгия.

– Охренеть! – дернул нагруженными ношей плечами Дикобраз. – Твое чудесное явление под названием человеческий мозг породило то, что ты сейчас видишь вокруг. А это смерть. Человеческий мозг создал атомную бомбу, чтоб бросать ее на себе подобных. Человеческий мозг засрал всю свою среду обитания. И сюда людишек тянет жажда наживы и

возможность вдоволь пострелять друг в друга. УБИВАТЬ. Понятно? Кто вообще мог тебе внушить такой бред? Сахаров?

– Круглов, – буркнул Евгений.

– Дурак твой Круглов и не лечится.

Где-то вдаль, за их спинами, послышался жуткий вой, разносившийся эхом над лесом.

– Псевдособаки, – испуганно прошептал Евгений и обернулся.

– Я же говорил, что твари сбегутся в карьер на запах свежей крови, – невозмутимо откликнулся Дикобраз. Он тоже остановился и взглянул на молодого химика. У того по щеке катилась слеза.

– Слушай, малец, что ты вообще со своей эмоциональностью делаешь в Зоне, а?

– Они были моими друзьями, а теперь их пожирают эти твари. – Евгений с укором посмотрел на Григория.

– Твои друзья мертвы. И твари пожирают трупы. Хочешь к ним присоединиться, ну так топай. Второго шанса выжить у тебя в таком случае не будет. И пулеметик тебе не поможет. Давай топай, дурак.

– Неужели у тебя в жизни не было близких людей? Хоть кто-то был тебе дорог?

– Я, – коротко ответил Григорий.

– Откуда столько цинизма?

– Заткнись, сделай одолжение.

– Ну извини. Понимаю, ты не хочешь говорить...

– Закрой рот! – Дикобраз остановился. – Закрой рот и не двигайся.

– Что?

– Ловушка.

– Где?!

– Кажется, прямо перед нами.

– Но я ничего не вижу.

– Ну так радуйся, балбес. Если видишь ловушку, значит, ты в нее попал, – ухмыльнулся Дикобраз.

– Ты чего болт не кидаешь?

– Я вот думаю, может, лучше тебя вперед послать?

– Чего?!

– Да шучу я. Медленно сделай три шага назад и присядь.

– Ну уж нет. Я тебе не верю.

– Ладно. Отойдем вместе.

Они попятились и на третьем шаге остановились. Григорий раскрутил болт и швырнул вперед. Болт пролетел метров семь прямо и резко взмыл вверх к вершинам деревьев. Затем завис на секунду и пулей устремился к земле. В этот момент земля с воющим звуком разверзлась трехметровой воронкой, поглотила болт и снова приняла обычный вид, хлопнув черную пасть и взметнув вверх сухую листву, пыль и мелкие опавшие ветки.

– Черт! – воскликнул Мармеладный Джо. – Что это было?

– «Задница дьявола», – ответил озадаченный увиденным Григорий.

– Никогда об этом не слышал!

– Немудрено. Я сам только что придумал. Я тоже с такой ловушкой впервые сталкиваюсь. Н-да. Век живи, век учись.

– И что делать?

– В обход пойдем.

Деревья стали редеть. С холма, на котором они оказались, уже были видны обветшалые строения заброшенного поселка. Справа от холма проходила дорога. Из потрескавшегося асфальта пробивалась трава и редкий кустарник. Ветки кустарника объедало большое мясистое создание на тонких ножках. Это был мутант, называемый сталкерами «плоть». Григорий и молодой химик затаились в траве. Дикобраз прицелился.

– Альфа-пес! – испуганно прошептал Евгений.

Григорий повернул голову направо. За дорогой, в кустах, медленно двигался человек в камуфляже. Лицо его было разукрашено белилами и напоминало череп. Его голову венчала стальная армейская каска, обтянутая маскировочной сетью. К каске были прикреплены три собачьих хвоста. Это было отличительной чертой бандитов из группировки «Альфа-псы».

– Он, скорее всего, не один, – шепнул Евгений.

– Само собой, – ответил Дикобраз, – по одиночке они не ходят.

– Небось на «плоть» охотятся. Или готовятся напасть на нашу базу. Черт. И предупредить нельзя. У тебя коммуникатора нет?

– Есть. Но он выключен.

– Почему?

– А если у врага радиосканер? У альфа-псов они точно есть. Они их с убитых вояк снимают. Сейчас бы нас вмиг срисовали даже по пассивному сигналу.

– Что делать?

– Надо ждать. В любом случае дергаться нельзя, пока остальных уродов не увидим. А этот, сто пудов, не один.

Остальные альфа-псы долго ждать себя не заставили. Девять бандитов появились из леса, с другой стороны от дороги.

Дикобраз вложил в подствольник своего «калашников» осколочную гранату.

«Плоть» заметила альфа-псов и, завизжав, бросилась в сторону холма.

– Твою мать. Ну на кой черт ты сюда бежишь? – процедил сквозь зубы Григорий.

Аномал уткнул пулемет сошками в землю и прицелился.

– Не стреляй, кулема ты чертова! – цыкнул Дикобраз. – Нам тогда точно конец!

Альфа-псы открыли огонь по мутанту. Тяжелые бронебойные пули подбросили испуганную «плоть», и на землю она упала уже мертвая. Один из боевиков достал большой тесак и направился к мертвому мутанту. Видимо, хотел сковырнуть трофей – глаз «плоти».

– Бери на мушку тех, что с автоматами. Снайпер, пулеметчики и этот с ножом – мои. Но только стреляй по моей команде. Ясно?

– Да, – кивнул Мармеладный Джо.

В этот момент в зарослях сухого кустарника, со стороны Новошепеличей, раздались ритмичные глухие хлопки. Снайпер упал на колено, как-то странно дернулся и завалился на бок, истекая кровью.

Альфа-пес, идущий к мертвой «плоти», резко развернулся, вскидывая свой автомат, и тут же пуля пробила ему череп, сорвав с головы каску. Остальные боевики бросились к кустам на той стороне дороги.

– Огонь, – шепнул Дикобраз.

«Печенег» разворотил спины двух боевиков. Граната из подствольника Григория разорвала пополам одного пулеметчика, а второму, находившемуся рядом, перебило руку и посекло лицо. Неизвестно, на какой наркоте сидели эти отморозки, но ни один альфа-пес не издал ни крика, ни стога. Даже предсмертного. Боевики попали под перекрестный огонь, и шансов у них не было. Последний убегающий был настигнут лучом «гаусса», который кто-то пустил с крыши отдаленного здания.

– Кто стрелял с той стороны? – прошептал Дикобраз.

– Наши, наверное, – ухмыльнулся Евгений.

– Наверное, не катит. Сейчас и нас тут положат за милую душу.

Из леса послышался окрик:

– Эй! Поющие в терновнике! Кто там стрелял по этим собакам?

– Свои! – радостно крикнул молодой химик.

– Свои пароль знать должны!

– Обочина! Говори отзыв!

– Пикник! Женька, ты, что ли? Покажи личико!

Евгений поднялся и замахал руками. На дорогу вышла дюжина хорошо экипированных бойцов в масках и в старом армейском образце.

– Блин, профессор, а мы думали, вам хана. Вторые сутки вас нет, и коммуниторы не отвечают! А где ребята?..

– Ну, выпьем за ребят, упокой, господи, их души, – произнес лидер аномалов по кличке Византиец. Все восемнадцать человек, сидевших за столом в подвале полуразрушенного здания, не чокаясь, выпили. Григорий не был исключением. Он поставил опустевший стакан, поморщился и закусил тушенкой из банки.

– Ну, спасибо тебе, сталкер. Хоть одного нам живым вернул.

– Да не за что. С него должок, кстати. Полпуда «мармелада» и осколочная граната, для подствольника, которую я на тех уродах с собачьими хвостами потратил.

– А ты жадный, – хмыкнул массивный детина по кличке Бездушный Макс. При его комплекции особо нелепо смотрелись маленькие круглые очки на кончике носа.

– Не жадный, а запасливый. Про гранату я пошутил. А «мармелад» он сам предложил.

Парень по кличке Панцирь молча сидел рядом с Евгением и курил трубку, выпуская дым сквозь густые черные усы. Он с нескрываемым недоверием смотрел на гостя, затем толкнул локтем Евгения и направился к выходу. Химик встал и пошел следом.

– Ты зачем притащил его сюда? – недовольно произнес Панцирь вышедшему следом Евгению.

– Но он жизнь мне спас!

– Не очень ли странное совпадение? Наемники допытывались у тебя, где наш новый цех, а ты взял и этого сталкера сам сюда привел.

– Но ведь это же Дикобраз...

– Да хоть сам академик Курчатов. Какая разница? Ты знаешь правила.

– У него через две улицы от этого места схрон и лежбище. Он и так сюда направлялся. И хорошо, что со мной. А то нарвался бы на наш патруль – и привет.

– Мне рюкзак его не нравится. Помнишь группу наемников, за которыми мы следили месяц назад? У них точно такие рюкзаки были.

– Помню. Эти наемники к станции шли.

– Что у него в рюкзаке?

– Говорит, амуниция. Он тоже к АЭС собирается, – пожал плечами Мармеладный Джо.

– А зачем?

– Не говорит. Да я и не интересовался.

– Ладно, – вздохнул Панцирь. – Пошли.

Они снова спустились в подвал.

– Не доверяете? – хмыкнул продолжающий трапезу Григорий.

– Доверяй, но проверяй, – угрюмо ответил Панцирь. – Ты не против выйти побеседовать?

– Братишка, не напрягайся, – Византиец посмотрел на Панциря.

– Нормально, – отмахнулся тот, – ну так что, сталкер?

– Ну пошли, покалякаем о делах наших скорбных. – Григорий встал и стряхнул с себя крошки хлеба.

Они вышли на улицу. Мимо проходил патруль аномалов. Три человека. Григорий обратил внимание на их оружие. Автоматы «ППШ» с современными калиматорными прицелами.

– Вы что, музей Великой Отечественной войны грабанули или смастерили машину времени? – хмыкнул Дикобраз, обращаясь к Панцирю.

– Во время войны в этих краях было сильно партизанское движение. Мы в припятских болотах нашли несколько партизанских тайников. Оружие всякое, немецкое, советское. «ППШ», «ППД», «ППС», «МП-40», винтовки, пулеметы трофейные. Боеприпасов

море. Много в идеальном состоянии. Вот и пользуемся. Кое-что продаем. Модифицируем. Прицелы вон приладили. На юге, ближе к Чернобылю, я в болоте даже танк немецкий нашел. Панцер-2 «Лухс». Негодный, правда. Видимо, на партизан охотился да и сгинул в топи. С тех пор у меня кличка такая – Панцирь.

– Занятно.

– Что за рюкзак у тебя? – Лидер аномалов резко сменил тему.

– Приглянулся?

– Я такой вижу второй раз. Первый раз мы наблюдали подобные рюкзаки у наемников, которые к станции шли. О том, какие отношения у нас с наемниками, ты сегодня в карьере убедился. И тут мы видим тебя с таким же рюкзаком. Напрягает это. Откуда он у тебя? Скажешь, что у наемников отбил, не поверю.

– Почему?

– Слишком просто, чтобы соврать, – невозмутимо ответил Панцирь.

– А ты тут у них типа особого отдела, что ли? Всех проверяешь? – хмыкнул Григорий.

– Типа того. Ты не ответил.

– Мне его заказчики дали с Большой земли. Вышли они на меня возле Усова. Это похоже на правду?

– Может быть, – пожал плечами аномал. – А что они заказали?

– Прогулку на АЭС.

Панцирь с сомнением посмотрел на Григория.

– Ты хоть понимаешь, чем это чревато?

– Я сталкер.

– И за чем?

– Черное Солнце.

Теперь аномал посмотрел на него как на полного психа.

– Ты в это веришь?

– Чем черт не шутит. А что ты слышал о Черном Солнце?

– Что оно якобы существует. Ты лучше у Всевидца спроси.

– У кого?

– Да живет на болотах отшельник один. – Панцирь махнул рукой в западном направлении. – Чокнутый экстрасенс. Очередное чудо Зоны. Он может за неделю предсказать, когда будет Выброс. И аномалии, и ловушки безо всяких детекторов обходит. Как чертов контролер. Может, чего и расскажет.

– А что с теми наемниками стало?

– Мы вели их почти до станции. Километра три оставалось. Уже и Саркофаг было видно. Думали их положить на обратном пути, когда они с хабаром идти будут. Дистанцию держали пятьсот метров. Следили в бинокли. Они переоделись в защитные комбезы, прошли еще немного, а потом ни с того ни с сего стали стрелять друг в друга. Полегли все. Что-то странное в этом было.

– А чего рюкзаки не забрали?

– Хотели. Они ведь рюкзаки в кустах оставили, где переодевались. Мы уже двинули туда, но вовремя заметили, что от станции несется лавина крыс. Миллионы. Верный знак того, что вот-вот произойдет Выброс. Ну и ноги в руки. Если крысы не сожрут, то Выбросом накроет. А потом идти искать их добро уже смысла никакого не было.

– Эти, в Усове, говорили, что нанимали группу до меня. Может, вы за ними и следили.

– Так на кой черт тебе туда идти?

– Ну, я же сталкер. Тем более что иду один. Друг в друга стрелять некому. – Григорий усмехнулся.

– Ну, дело твое. Видно, деньги большие на кону?

– Не без этого.

– Не боишься мне это рассказывать?

– А чего мне бояться? Вы только на своем «мармеладе» втрое больше делаете. И резона вам никакого нет нарушать баланс мира между вашей группировкой и сталкерами. У вас и так хлопот хватает. Наемники, альфа-псы, монолитовцы, мутанты. Чего вам еще и со сталкерами воевать?

– Ну, так, – одобрительно кивнул Панцирь. – Соображаешь.

– Если бы не соображал, то не продержался бы в Зоне столько. А как этого Всевидца найти?

– Завтра тебя проводят. А сейчас ночь уже. Отдыхать пора.

– А ты сам этого Всевидца видел? – спросил Григорий у Мармеладного Джо, который вызвался проводить своего спасителя до хижины отшельника.

– Нет. У него только наши старшие бывают. В последний раз Панцирь ходил. Потом вернулся и сказал, что нам срочно нужно менять место дислокации. И оказался прав. Через два дня случился Выброс, и на нашей старой базе появилось несколько аномалий и сильно повысился уровень радиации. Поэтому мы в Новошепеличи перебрались. Всевидец это и предсказал. Но сам я его не видел.

– Но что вообще о нем рассказывают?

– Да всякое, – пожал плечами Евгений, – странный он. Даже очень. Панцирь так и велел тебе передать, дескать, спроси, что хочешь, услышь ответы и уходи. А на остальное не обращай внимание. Ведет он себя как-то чудно. Вроде какой-то сталкер-одиночка ходил ко Всевидцу. Разговаривал с ним, а потом вдруг накинулся на него и убить хотел.

– И что?

– Погиб сталкер тот. И труп его отшельник своему волку скормил. Короче, нельзя поддаваться эмоциям. Вроде Всевидец провоцирует. Что-то типа этого.

– У него есть волк?

– Да. Ручной. Говорят, Всевидец его, раненного, отбил у стаи псевдособак и выходил. Тот теперь верой и правдой отшельнику служит.

– Что-то мне уже и идти туда не очень хочется, – хмыкнул Григорий.

– Да чего ты? Наши старшие ведь ходят, и ничего. Я же говорю, задай вопросы, получи ответы и уходи. Все.

– А какая плата?

– Он не берет платы.

Дикобраз еще раз посмотрел вслед удаляющимся аномалам. Они довели его до хижины. Точнее, до того места, откуда она была видна и оставалось до нее меньше ста шагов.

Это была маленькая сторожка. Крохотные, заросшие паутиной окна занавешены с внутренней стороны плотной и потерявшей цвет тканью. Вокруг сторожки валялся всякий хлам. Ржавые остатки велосипедов, деревянное корыто, битый кирпич, старый мотоцикл с коляской, головы от детских кукол с пустыми глазницами... и кости... много костей... Трудно было сказать, есть ли среди них человеческие, а желания проверять это у Григория не было никакого. Он встал перед гнилой досчатой дверью и стал озиаться. Волка нигде не было видно. Может, он в доме? В этот момент Григорий почувствовал, как что-то давит ему на спину, и без того перегруженную большим рюкзаком. Давил чей-то пронизывающий взгляд. Обернувшись, он увидел волка. Тот был совершенно белый. Словно седой. Спокойно стоял в двух шагах позади и смотрел на незваного гостя.

Дикобраз медленно поднял ствол автомата.

– Опустить свою пукалку, дурак! – послышался старческий крик из хижины. – Он тебя не тронет, если ты не падаль!

«А как он определит, падаль я или нет?» – подумал Григорий и тут же услышал ответ:

– По запаху. Да не стой как пень! Открой дверь и заходи, идиот чертов!

Григорий шагнул к двери, и зверь шагнул следом.

– Скажи ему, чтоб не шел за мной!

– Ты тупой, да? Как я ему скажу, он ведь волк и по-человечьи не понимает!

– А как ты с ним общаешься?

– По-волчьи.

Дикобраз открыл дверь и шагнул во тьму хижины.

– Значит, по-волчьи ему скажи.

– А у волков нет запрещающих фраз. Их общение строится на доверии и преданности. Либо на непримиримой вражде. Только абсолютное «да» либо бескомпромиссное «умри». Это тебе не людишки подлые, которым еще чего-то запрещать надо, чтоб в рамках держать. Заходи. Присаживайся.

В помещении стоял жуткий запах старости, сырости и еще черт знает чего.

– Куда садиться? Я ничего не вижу. Знал бы, прибор ночного видения достал.

– Перед тобой стол. На столе керосиновая лампа. Зажги ее. И не хвались своим прибором... хе-хе-хе...

Смех у хозяина сторожки был неприятным, кашляющим. Григорий нащупал лампу, достал спички и поджег фитиль. Комната была небольшой и совсем неухоженной. По углам такие паутины, что казалось, в них не то что муха, вертолет запутается. У противоположной стены топчан с висящей над ним старинной иконой. На топчане сидел древний старец в черном монашеском балахоне. Григорий еще никогда не видел такого морщинистого лица. У старца были длинные тонкие и прямые волосы. Совершенно белые, как у того волка. И у старца не было глаз. Только закрытые навечно веки во впадинах глазниц. Выглядел он зловеще.

– Ты слепой, что ли? – удивленно спросил Дикобраз.

– Это ты слепой, если, глядя на меня обоими своими глазами, еще и вопросы такие тупые задаешь.

– Так ты и есть Всевидец? Кто-то, видно, очень над тобой пошутил, назвав так. – Дикобраз усмехнулся. Старик ему не нравился, и Григорий даже не думал это скрывать. Что-то внутри заставляло его демонстрировать эту неприязнь.

– Остришь, да? – оскалился отшельник, показав кривые желтые зубы. – Ну раз такой острый, то пойдй мне дров своей башкой наруби. А то спущу на тебя Людоеда, он тебя, как тузик грелку, порвет.

– Людоеда?

– Так волка зовут.

– Милое имя. Доброе, – покачал головой Григорий.

– Честное.

Волк вошел в комнату и улегся в ногах у старика.

– Ну, говори, зачем пришел, – прокрихтел Всевидец.

– Если то, что о тебе рассказывают, правда, ты и так должен знать, – прищурился Григорий.

– Ты глупый или смелый, я что-то не понял? А?

– Я найти кое-что хочу. – Дикобраз решил больше не дразнить этого странного и жуткого старика, особенно учитывая то, что сейчас на него уставились хищные желтые глаза Людоеда.

– Черное Солнце, – кивнул Всевидец.

– Как ты угадал? – удивился Григорий.

– А ты к кому пришел, дуралей? А? Черт бы тебя побрал, ублюдок, скотина, мразь, чтоб ты сдох, сволочь!

– Эй-эй! Осади! Чего такое?!

– Ты это, – старик кашлянул и почесал макушку костлявой сухой рукой, – не бери в голову. Не так часто я с людьми общаюсь. Иной раз так поругаться с кем-то охота. Вот и наверстываю. Хе-хе. Одиночество, знаешь ли, тяжкое бремя.

– Это как посмотреть, – угрюмо ответил Дикобраз.

– А мне никак не посмотреть, – ехидно заметил Всевидец и расхохотался.

– Ну, так что с Черным Солнцем?

– Оно под реактором. В тоннеле.

– Так оно действительно существует?
– Ты глухой или тупой? А? Я же сказал тебе, оно под реактором, в тоннеле!
– И больше нигде его нет?
– Этот артефакт единственный в своем роде. Он уникален. Как уникально все, что единственно в нашем мире. Как наша планета, например. И потому хрупок. Будь осторожен с ним.

– А я смогу его достать? У меня получится?

Старик пожал худыми плечами.

– Я не вижу будущего. Я чувствую положение вещей и мысли. Но будущее, твое будущее, зависит только от тебя. А достанешь ли ты в будущем этот артефакт, я тебе не скажу. Ты ведь до сих пор даже не веришь в его существование. Но существует все, во что мы верим. А если мы во что-то не верим, то этого нет. Нет для нас, вне зависимости от того, существует это где-то или нет. Выбор дороги зависит от веры. И если ты веришь в Черное Солнце, ты его сможешь найти. Дорога и поиск приведут к нему. А если нет, то и искать не будешь.

– А какими свойствами этот артефакт обладает?

– Он меняет человека. Исцеляет его. Делает совершенным. Лишает его недугов. Физических недугов и психологических. Пороков лишает. Слабостей. Даже зомби. Они когда-то были людьми, а значит, Черное Солнце может исцелить и зомби.

– А как выглядит этот артефакт?

– Ты поймешь, когда увидишь.

– А ты сам не хотел получить его? Если он такой, как ты говоришь, он мог вернуть тебе глаза.

– Зачем? – Старик усмехнулся.

– Но как ты можешь жить во мраке?

– С чего ты взял, что я живу во мраке? Почему ты думаешь, что ты живешь не во мраке? Почему ты считаешь, что видишь больше, чем я, слепой сумасшедший старик? – Всевидец засмеялся. – Это ваша жизнь сплошной мрак. Погоня за наживой. Предательства, ложь, лицемерие, низменные страсти убогих и смертных. Это вы все во мраке живете. Потому и получили вы эту Зону. Она – воздаяние вам. Она – часть вашей извращенной веры. – Старик наклонился вперед, ближе к собеседнику, и зловеще произнес: – И Зона всего лишь начало! Потому что ВЫ такие!

Григорий задумался. Странно. Свою жизнь во внешнем мире он когда-то и сам считал мраком. И потому сбежал от нее сюда. В Зону. От предательства, лжи и всех низменных страстей. Тут все честней и справедливей. А оттого жестче и беспощадней. Что-то есть в том безумии, которое озвучил этот странный старик.

– Как ты глаза потерял?

Всевидец покачал головой и криво усмехнулся.

– Я получил то, чего желал. По существу своему. Вернее, по тому существу, каким я был много лет назад. Это со мной сделал Исполнитель Желаний.

– Что?

– Зачем ты все время переспрашиваешь? А? Знаешь, как это бесит? Да. Исполнитель Желаний.

– Значит, и он существует?

– Если ты в него веришь, – кашлянул, улыбнувшись, старик. – Его ведь для тебя минуту назад не существовало. А теперь ты в него поверил, и он для тебя сразу материализовался. Я тоже верил в него. Много лет назад. Я пошел к нему. Я был недоволен тем, что происходит в мире. И существование Зоны было одним из того списка недостатков и зла в мире, в котором я жил. Я хотел что-то исправить. А в идеале я хотел исправить все. И пришел к Исполнителю Желаний, потому что хотел сделать мир красивее. И Исполнитель Желаний исполнил мою просьбу. Он сделал мир красивее. Для меня одного. Он отнял у меня глаза, и я перестал видеть царившее вокруг мракобесие. – Всевидец расхохотался. – Весьма остроумный этот Исполнитель, да?! Проще глаза отнять у самоуверенного максималиста, чем

исправить мир, созданный им и ему подобными! Зато я вижу только то, что рисует мое воображение. Я вижу только тот мир, о котором мечтал. Я не вижу руин, гниющие трупы, войну. Я лишь понимаю это как данность. Но взору моему предстает иное. То, на что способно мое воображение. То, чего хочет мое естество. Следовательно, как ни крути, Исполнитель Желаний воздал мне по мечтам моим, хе-хе. А ты говоришь... Жить во мраке... Ты даже не представляешь, в каком красивом и идеальном мире я обитаю... Ты не можешь его видеть. А я могу. Ведь я – слепой безумец...

Странный разговор до сих пор вертелся в голове. Григорию было не по себе от этого. Старик действительно чудной. И это еще мягко сказано. И до сих пор холодил кожу на спине взгляд того волка. Дикобраз то и дело оглядывался, но зверя не было. Сколько еще в Зоне непознанного... И этот старик – тому лишнее доказательство.

Лес стал сгущаться. Григорий взобрался на пригорок и присел под сенью дерева.

Вдалеке, за лесом, там, где город-призрак, слышалось эхо автоматных очередей. В Припяти неспокойно. Григорий был доволен тем, что решил обойти город на пути к станции. Но и в лесу мог кто-то быть. Дикобраз достал из внутреннего кармана военной куртки модифицированный сканер. И включил прибор. Детектор начал сканирование. Там, где Дикобраз прошел меньше часа назад, светились три точки. Прибор выдал расстояние до них – пятьсот семь метров. Точки были неподвижны. Кто это? Группа сталкеров? Бандиты?

Неожиданных встреч Дикобраз не хотел. Он поднялся, закинул за плечи ранец и двинулся дальше. Пройдя метров сто, снова взглянул на экран. Три точки двигались и резко остановились. Расстояние пятьсот девять метров. Дикобраз вдруг вспомнил рассказ Панциря. Они шли в полукилометре за теми наемниками. Обычное расстояние для слежки, ведь на меньшем расстоянии их могли засечь. На открытом пространстве несложно следить при помощи бинокля или оптики своего оружия. Но тут лес. А эти трое явно следят за ним. Они постоянно держат пятисотметровую дистанцию. Аномалы? Вживили маячок, пока Григорий гостил у них? Он включил свой детектор в режим сканирования на разных частотах. Ждать пришлось недолго. Через две минуты на экране появилась мерцающая желтая точка. Причем на том самом месте, где он находился. Так и есть. Маячок. Но где? Ему подсказали ноющие от тяжести плечи. Рюкзак! Он быстро снял его и принялся осматривать. Все замки закрыты и запломбированы, как и было, когда он получил его от заказчиков. Никаких посторонних предметов видно не было. В сумке, которую дал ему Мармеладный Джо, только три пластиковые бутылки с полупрозрачным бордовым желеобразным взрывчатым веществом. Может, это не в рюкзаке дело? Григорий стал отходить от своей ноши и смотреть на экран. Расстояние до мерцающей точки пять метров. Двенадцать метров. Двадцать. Сомнений нет. Это рюкзак. Дикобраз спрятал его в стволе сгнившего дерева и передернул затвор автомата.

– Ну что там, Мазепа? – спросил сидящий на пне и уплетающий перловку из банки наемник.

– Стоит на месте, курва. Небось устал. – Наемник по кличке Мазепа смотрел на экран своего КПК.

– Гнедой, дай еще, что-то на жорево пробилою. – Первый наемник по кличке Паштет кинул пустую банку за спину.

– А ты поменьше дерьмо всякое кури. И не шуми. Раскидался тут. – Третий наемник подал ему еще банку из своего вещмешка.

– Да ладно, клиент не услышит. – Паштет издал хрюкающий смешок и вдруг откинулся назад, распластавшись на земле.

– Что за... – Гнедой поднялся и тут же упал с криком, схватившись за раненое плечо. Рядом распластался мертвый Мазепа с простреленной головой.

Раненый наемник попытался дотянуться до своего «винтаря», который он выронил, но тут ему на руку кто-то наступил.

– А-а-а-ай больно, сука!

– Кого тут пасете? – спросил улыбающийся Григорий, целясь в него из своего автомата.

– Иди на хрен!

– Ладно. Попробуем так. – Дикобраз выстрелил наемнику в ногу.

– Падла!!! – взвыл Гнедой.

– Не ори. Пуля навывлет прошла. Кость не задета. Фигня, а не рана. А вот сейчас, – сталкер уткнулся глушителем своего автомата жертве в коленную чашечку, – вот сейчас будет очень больно. И ноги ты лишишься. Навсегда.

– Не стреляй! Иди ты на хрен, не стреляй!

– Кого пасете, спрашиваю.

– Ежика какого-то чернобыльского!

– Чего? – поморщился Григорий.

– Ну, Дикобраз, что ли, кликуха. Это ты, да?

– Кто вас нанял?

– Это очень серьезные люди... – простонал Гнедой.

– Я тебя об этом спросил? – Сталкер сильнее надавил ногой на руку жертве. – Кто такие?

– С внешнего мира они. Это агенты. Шпионы.

– Какие шпионы?

– Иностранцы. Я точно не знаю. Знаю, что из какой-то страны, с Запада.

– А откуда такие соображения, а?

– Да я сам два года в контрразведке служил. Пока наш отдел не сократили. А связи у меня еще остались. Я и пробил по старым знакомым.

– Так почему их не арестуют?

– Да кто?! Чудак ты! Тут деньги большие замешаны. И очень влиятельные силы. Я вообще слышал, скоро в Зону прибудет целый контингент иностранный. Военные с учеными. Тогда всей вашей лавочке шанец полный! – Наемник нервно засмеялся.

– Это мы еще посмотрим. Что вам поручили эти агенты?

– Короче, ты должен был какую-то хрень на станции взять. А на обратном пути мы тебя валим. Берем эту хрень и несем им. Они нас в Усове ждать должны.

– Сколько пообещали?

– Сто штук в зелени.

– Каждому?

– На троих... Сто штук на троих...

– Хреновая арифметика какая-то. Как следили за мной?

– У тебя в нанокостюме маячок. На окраинах Зоны тебя по сигналу спутник ихний отслеживал, а ближе к центру помехи сильные. Сигнал до космоса не пробивается. Тут мы в дело вступили. А ты нас обскакал.

– До меня кто-то за этой хренью ходил? Кого они нанимали раньше?

– Не знаю. Вроде нанимали кого-то. Не знаю я. Не получилось там что-то. Все, что знаю, я сказал. Дай аптечку!

– На, – Дикобраз выстрелил наемнику в голову, – это тебе за ежика чернобыльского.

Красное солнце клонилось к закату, окрашивая горизонт в тона, наводящие на мысли о преисподней. Ад был рядом. Ад стоял в своей безмолвной невозмутимости, устремившись в небо высокой трубой. Ад был закован в саркофаг. Атомная станция. Четвертый энергоблок.

– Вот она, – прошептал Дикобраз. Где-то внутри покоился мифический Монолит, Исполнитель Желаний, которому поклонялись фанатики из одноименной группировки.

Где-то внутри дышало неведомой силой воплощение дьявола – ядерный реактор. Где-то там Черное Солнце.

Уровень радиации был опасно высок, но полученный от заказчиков костюм, сделанный из особой ткани и венчающий голову герметичным шлемом, работал исправно. Внутри костюма фон был не выше нормы.

Григорий медленно двинулся к станции, держа оружие наготове. Дозиметр стал трещать еще сильнее.

Случившийся несколько дней назад Выброс разогнал от станции всю живность. Это хорошо. Но расслабляться нельзя. Некоторые особо матерые твари, порожденные Зоной, могли уже вернуться. Так и есть. На большой бетонной площади у станции жуткого вида кровосос объедал тушу снорка. Даже в ста шагах от этой твари со щупальцами вместо челюстей было слышно, как кровосос чавкает.

Григорий дал короткую очередь и попал точно в голову твари. Кровосос упал набок с торчащим куском снорка изо рта.

Подойдя ближе, Дикобраз остановил свой взгляд на недоеденном снорке. Когда-то это был человек. Обычный человек. Со своими радостями и печалью. А теперь – исчадие ада. В такие моменты Григорий остро ощущал всю обреченность, которую несла эта Зона, появившаяся вследствие рукотворной катастрофы. Но к черту лирику... Где-то тут, у западной стены Саркофага, должен быть вход в подземный тоннель. Как и говорили наниматели, он накрыт массивной бетонной плитой. Дикобраз ступил на газон у подножия Саркофага. Дозиметр словно взбесился. Радиация была смертельная, но костюм продолжал надежно защищать его. Плита лежала там, где и должна была лежать.

Григорий сейчас был особо рад тому, что у него с собой полпуда «мармелада». Оставалось надеяться, что этого количества взрывчатки хватит, чтобы открыть вход в тоннель. Сталкер принялся разгребать землю под плитой. От его движений в воздух поднималась какая-то мерцающая блесками пыль, но он старался не обращать на это внимания. Он был сосредоточен на работе. От вожделенного артефакта его отделяли считанные шаги и эта плита. Очень хотелось пить. Однако попить сейчас не удастся. Шлем снимать нельзя, да и воду со всем своим скарбом он оставил в тайнике недалеко от станции, где не было такой радиации.

Вырыв яму, достаточную для закладки взрывчатого вещества, он стал минировать плиту. Затем прочно закрепил в яме ручную гранату с привязанной к кольцу бечевкой. Дело сделано. Дикобраз принялся отходить от плиты, разматывая клубок. Бечевки хватило, чтобы зайти за угол Саркофага и оказаться у подножия южной стены. Григорий потянул за конец шнура. Раз, два, три... Взрыв!

Взрывчатки хватило. Плита была разбита на множество разбросанных вокруг обломков. В грунте зияла чернеющая дыра колодца. Вход в тоннель, поврежденный взрывом. Григорий посветил туда фонариком. К счастью, там оказалась сваренная из железной арматуры лестница. Сталкер начал спуск под Саркофаг.

Свет фонаря выхватывал из темноты какие-то странные образования. Только внимательно приглядевшись, Дикобраз понял, что это застывшие ручьи из расплавленного бетона и стали. Прямо над головой был реактор, который невероятными температурами много лет назад превратил твердые вещества в жидкость. Теперь они снова затвердели и источали такую радиацию, что треск дозиметра превратился в пронзительный писк. Энергопотребление костюма превысило норму в три раза, чтобы сохранить жизнь человеку.

Григорий старался ползти быстрее, при этом боясь повредить костюм о торчащую арматуру или острые обломки бетона.

Путь кончился тупиком, но этот тупик светился странным белоснежным сиянием, в центре которого, прямо в воздухе, висел, чуть покачиваясь, совершенно черный шар, размером поменьше футбольного мяча. Он отбрасывал странные черные блики на светящиеся стены тупика. Эти блики хлестали вокруг, как солнечные протуберанцы.

«Ты поймешь, когда увидишь», – сказал тогда Всевидец.

Григорий понял. Перед ним Черное Солнце. Жуткая какофония звуков, сводившая с ума, резко прекратилась. Затих даже дозиметр. Теперь сталкер слышал только свое тяжелое дыхание. Звук его оглушал и создавал атмосферу нереальности. Григорий медленно протянул руки и бережно обхватил ладонями артефакт. Он был ледяной, это чувствовалось даже сквозь защитную и плотную ткань перчаток костюма. Ледяной и упругий, как мандарин. Возможно,

артефакт обладал верхним слоем, под которым скрывалась самая важная его часть – ядро Черного Солнца.

Дикобраз положил находку в жесткий подсумок для боеприпасов и двинулся в обратном направлении. К выходу.

Он испытывал настоящую эйфорию. Теперь, выбравшись из тоннеля, он особо остро осознал, в каком страшном месте ему довелось побывать всего четверть часа назад. И что самое главное, он вернулся оттуда целым и невредимым и с тем самым артефактом, за которым он сюда пришел. Григорий ощущал себя самым сильным сталкером в Зоне, человеком, равным Зоне. Он достал Черное Солнце!

Дикобраз быстро двигался к своему последнему перед станцией тайнику, где он может попить воды и избавиться от теперь уже ненужного костюма, заодно обработав дезактивирующим раствором свой автомат. Там можно будет часок передохнуть, разглядеть как следует свою добычу и наконец убраться от центра Зоны подальше.

Григорий чувствовал сильную усталость. Видимо, сильное напряжение и выброс адреналина в кровь во время нахождения под Саркофагом давали о себе знать. Он вдруг поймал себя на мысли, что еле волочит ноги. И самое главное, все, что он видел сквозь стекло своего герметичного шлема, было черно-белым. Что происходит?

Он помнил, что его зрение однажды уже было монохромным. Это случилось, когда он ходил к так называемому Выжигателю.

Неужели он сейчас настолько истощился в том тоннеле, что не различает цвета? Ясно одно: надо поскорее переодеться и убраться в безопасное место, там отдохнуть и привести себя в порядок. Впереди ведь еще неизбежные разборки с заказчиками...

Ему спутали все карты. Место, где он оставил свою основную амуницию и где переоделся в нанокостюм, буквально кишело зомби. Это были люди, которые практически не потеряли человеческий облик и способность держать в руках оружие, но полностью утратили человеческий рассудок и людское естество.

Жуткая злоба овладела Дикобразом. Как некстати появились тут эти твари! Сколько их, около двух десятков? Он затаился в кустах и дал длинную очередь. Двое упали сразу. Остальные присели и открыли шквальный огонь, быстро сообразив, откуда по ним стреляли. Неплохо для зомби.

Дикобраз откатился в сторону и понял, что ему не хватает воздуха, а мышцы сковала усталость. Он даже не в состоянии кинуть гранату. И он стрельнул из подствольника. Где-то глухо ударил взрыв. Убил ли он кого-нибудь, Григорий не видел. Он понял, что, затеяв бой с зомби, совершил серьезную ошибку. Надо было просто переждать, пока они уйдут.

Рядом взорвалась граната. И еще одна. Сталкер отползал к густо заросшей травой канаве. Взрыв третьей гранаты залепил стекло грязью. Зомби могут кидать гранаты? Это, по меньшей мере, удивительно. Дикобраз провел ладонью по стеклянному забралу и полз, посылая в траву короткие очереди. Он скатился в канаву и, собравшись с последними силами, рванулся по ней в сторону входа в большую сливную трубу. За спиной засвистели пули.

Он нырнул в черноту трубы, но фонарик включать не стал. Он полз все дальше в темноту, которая напоминала о тоннеле под Саркофагом. Позади грянул взрыв. Видимо, заваливший вход в трубу, так как преследование прекратилось.

Сколько полз Григорий, он не помнил, но чувствовал, что очень долго. Труба кончилась в Припяти. Это было еще одной неприятностью. Оказаться в городе-призраке, кишатом мутантами, зомби и боевиками «Монолита», – не самая приятная перспектива. Всего в полусотне шагов справа стоял девятиэтажный дом, бывший когда-то жилым. Сейчас он зиял пустыми глазницами окон давно покинутых квартир.

У входа стояли еще два зомби. Автомат шатался в руках, в глазах двоилось. Но Григорий все-таки убил их. Вокруг больше никого не было видно. Надо спрятаться в доме и

передохнуть там. Дикобраз стал выбираться из трубы, и вдруг динамики его шлема зашипели.

– Внимание! Внимание!!! Сталкер!!! Если ты слышишь эту запись, значит, ты еще жив! Запись находится в чипе системы жизнеобеспечения твоего костюма. Услышать ты сможешь ее только один раз. Поэтому слушай внимательно. У нас для тебя две новости. Одна хорошая, другая плохая. Начнем с плохой. Ты – зомби! Не удивляйся. Этим зомби тебя сделал костюм. Ты не различаешь цвета. У тебя болят мышцы. Ты – зомби. Нам надо было, чтобы ты им стал. Это наша страховка. Ведь только мы сможем исцелить тебя и снова сделать нормальным человеком. И мы сделаем это для тебя. Именно поэтому ты не можешь нас обмануть и уйти с Черным Солнцем. Именно поэтому ты придешь к нам и отдашь нам этот артефакт. В свою очередь, мы отдадим тебе твой миллион и вернем тебе нормальное человеческое состояние. Процесс зомбирования обратим. И это хорошая новость. Поверь нам. Мы твои друзья. И мы единственные, кто может тебе помочь. Иди на север, к границе Зоны. Иди к базе Усов. Там и встретимся. Верь нам. Мы поможем тебе.

– Твою мать!!! – заорал Дикобраз, срывая с себя шлем. Он швырнул его в сторону и бросился к дому. – Тва-а-а-ри-и-и-и!!!

Он не соображал, бежит он или волочит ноги. Но он двигался на пределе возможностей. Он не хотел верить в то, что услышал, но другая часть его разума говорила, что это правда. В темноте подъезда что-то шевельнулось.

– Нна-а-а-а-а-а!!! – орал Григорий, выпустив туда длинную очередь из автомата. Ворвавшись в подъезд, он почувствовал, что прошел по чему-то мягкому. Мертвое тело. Мутант? Зомби? Человек? Да какая теперь разница!!!

На лестничной площадке стояла детская коляска. Он отбросил ее в сторону и ворвался в ближайшую квартиру. Страшная правда мобилизовала в нем какие-то неведомые силы. Он метался по брошенному жилищу. В нем было пусто. Разбитые окна. Мебель пропала. Даже паркет почти весь кто-то утащил. В ванной комнате осталась только плитка на стенах и бельевая веревка под потолком с парой деревянных прищепок. В следующей квартире были следы пожара. И тоже пустые стены.

«Должно же быть оно где-то!» – думал в панике Дикобраз. Из третьей квартиры выскочили два десятка огромных и перепуганных внезапным вторжением крыс. Григорий дал по ним очередь. В жилище стояла незаправленная кровать. Разбитый телевизор лежал на полу. На столе школьный портфель и полуистлевшие учебники для пятого класса. В ванне лежал человеческий скелет. Кто-то давным-давно покончил здесь с собой. Того, что искал Григорий, не было и тут. Он бросился на второй этаж. Площадка была усыпана стреляными гильзами от разного оружия. В стенах пулевые отметины. В очередной квартире он наконец нашел то, что искал. Большое зеркало на комоде в прихожей. Посмотрев в него, Григорий убедился, что он – зомби.

Он рухнул на пол и, схватившись за голову, заплакал. Его обошли. Да так, как никто не мог предположить. Он проиграл. А с кем же он вел бой, перед тем как уйти по трубе в Припять? Теперь он понял, что это были люди. Ведь зомби – это он. Григорий понял, что зомби воспринимают людей именно теми, кем эти воспринимающие и являются сами.

Наверное, первая группа и перестреляла друг друга по этой причине. Они рано надели костюмы и, превратившись в зомби, убили друг друга. Именно поэтому нанимателям для второй попытки нужен был одиночка.

Из подсумка выкатился артефакт и, зависнув в паре дюймов над полом, стал слегка покачиваться, привлекая взор своей чернотой. Дикобраз посмотрел на него. А ведь Всевидец говорил, что Черное Солнце способно исцелить даже зомби.

Сталкер вскочил на ноги и, схватив артефакт, стал трясти его перед собой.

– Ну! Давай! Работай! Как ты это делаешь! Исцеляй!

Ничего не произошло. В зеркале по-прежнему отражался зомби. Григорий сбросил перчатки и, не обращая внимания на обжигающий холод артефакта, стал давить пальцами на оболочку Черного Солнца. Артефакт вырвался из рук и вывернулся наизнанку. Все вокруг превратилось в причудливое холодное сияние.

Григорий почувствовал, как волна за волной на него накатывается страшная боль. Она становилась все сильнее и сильнее. Ему казалось, что все его тело с каждой волной боли все заметней сжимается в комок. А висящий перед ним артефакт с каждым разом становился все больше и больше, приобретая человеческие очертания. Страшный крик агонии человека-зомби разнесся по округе.

Все длилось меньше минуты. Сияние исчезло. Там, где только что был Григорий Дикобраз, в воздухе, покачиваясь, висело Черное Солнце. Там, где секунду назад был добытый сталкером артефакт, стоял человек. Точнее, как две капли воды похожее на Григория Дикобраза существо.

Существо медленно взяло в руку Черное Солнце и взглянуло в окно на пустынный город. Оно было новорожденным созданием Зоны, но понимало, где находится. Оно обладало памятью и знаниями Григория. Это было совершенное существо. Ни пороков, ни слабостей, ни эмоций, ни болезней, ни страха. Только желание жить. И в первую минуту своего рождения у него уже была цель. Пронести этот артефакт через человеческое общество, попутно обращая тех, кто столкнется с артефактом, в себе подобных существ. И донести Черное Солнце до рук любого лидера любой страны, обладающей ядерным оружием. И тогда...

Тогда пройдет совсем немного времени, и вся планета станет райским местом для этих существ. Вся планета станет такой же, как... ЗОНА!

Виталий Мельник

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона с белыми разводами облаков. Именно в это время надо быть наиболее осторожным, ведь аномалиям все равно – день сейчас или ночь, а вот другим порождениям Зоны – нет. В такое время дневные создания ищут убежища, а ночные начинают выходить на охоту, поэтому имеется большая вероятность встретиться и с теми, и с другими. К тому же Андрей (а в сталкерской среде Андрон) относил себя к созданиям дневным, пусть и рожденным не в Зоне, а за ее пределами. Чувство самосохранения ему было не чуждо, и до захода солнца следовало найти убежище, чем он сейчас активно и занимался, буквально уткнувшись носом в карту. Которую он по случаю приобрел у своего друга сталкера Гнома, прозванного так из-за ампутированных по колени ног (после неудачной встречи с аномалией). Обычно Андрей шел проверенными путями там, где он бывал не раз, но сейчас, избегая нежелательной встречи с уголовниками, ему пришлось сделать незапланированный круг и оказаться в незнакомой местности. Каждый шаг, несмотря на сгущающиеся сумерки, приходилось делать с осторожностью, чтобы не попасть в природную топь болота или рожденную Зоной аномалию. Правда, данная местность не особенно ими изобиловала, и пока, потратив лишь с десяток шариков подшипника, Андрей обнаружил лишь одну «карусель», к слову, не отмеченную на карте Гнома. Он продолжал монотонно продвигаться по болоту, пока не увидел впереди небольшой островок с чахлой березой в центре. Что ж, лучшего места для ночевки не найти. Еще пятнадцать минут, и Андрей осмотрел островок. Не обнаружив ничего опасного, присел на землю, опершись на ствол дерева. Сняв рюкзак, быстро утолил голод консервами, этой нехитрой едой сталкера, чутко прислушиваясь к царившей вокруг тишине. Где-то далеко на востоке взывала охотящаяся стая собак. Разложив спальник, он оставил включенным детектор аномалий. Ствол «винтореза» прислонил к дереву, сняв его с предохранителя, патрон уже был дослан в патронник.

Забравшись в спальник, достал из наплечной кобуры «Гюрзу», проверил еще раз обойму, положил пистолет себе на грудь, после чего, успокоившись, закрыл глаза. Сон, словно витавший рядом, быстро принял в свои объятия уставшего сталкера.

...Транспортный «Ми-8», нутужно урча, низко летел над раскинувшейся внизу Зоной, неся в своем чреве оборудование научной экспедиции номер три и жену с дочерью главы

экспедиции Пономарева, что являлось грубым нарушением всех инструкций. Но деньги и влияние как на территории Зоны, так и за ее пределами сыграли свою роль. Летчики, несмотря на то что весь полет проходил нормально, а до базы экспедиции оставалось две минуты лета, нервничали, ведь с самого начала все пошло не так. Сначала при погрузке два контейнера с оборудованием слетели с погрузчика, сломав ногу одному из работников обслуживающего техперсонала, потом эти незапланированные пассажирки, и вдобавок ко всему вояки сопровождения не прибыли вовремя, а задерживать борт дольше уже было нельзя, так и взлетели без них. Установленная на вертолете аппаратура регистрировала и анализировала все аномалии, над которыми он пролетал, заносил их в компьютер и выдавая оптимальный маршрут полета.

Когда впереди уже показалась навигационная мачта базы экспедиции, детекторы внезапно взвыли, тут же затихнув, и вся аппаратура на борту вырубилась. Вертолет, перестав слушаться управления, начал кружиться на месте вокруг своей оси, медленно приближаясь к земле. Крик женщины и ее дочери стих в яркой оранжевой вспышке новой, неизвестной доселе аномалии, поглотившей вертолет и сжавшейся в точку спустя мгновение.

Искореженный «Ми-8» появился мгновение спустя в другой части Зоны и сразу рухнул вниз. Если бы кто-то смог заглянуть в его изуродованное чрево, то увидел бы, что внутри в отсеке и кабине все было покрыто толстым слоем инея, а груз, тела пассажиров и пилотов – отсутствовали.

Тихий плеск шагов идущей по болоту девочки, с интересом всматривающейся в непроглядную ночь, нарушил тишину. Она была одета в когда-то светлое платье, теперь измазанное и превратившееся в лохмотья, сползшие гольфы и сандалики, в руках у нее была кукла Барби, а за спиной – пустой школьный рюкзачок. На вид девочке было лет шесть, и она абсолютно не испытывала страха от того, что оказалась ночью в незнакомом ей месте. Продолжала идти, не боясь попасть в трясину или быть съеденной заживо ночными обитателями болота Зоны. Она вздрогнула, лишь когда позади нее раздался протяжный, зазывающий вой, к которому тут же присоединился еще один, еще и еще... вышедшей на охоту стаи. Собаки быстро нагнали свою жертву, забредшую далеко в болото. Девочка не пыталась убежать, кричать или плакать, она лишь сильнее прижала к себе куклу, когда окружившая стая бросилась на нее. Первым прыгнул вожак, оскалив клыки, целясь в открытое горло. Горячая кровь брызнула в разные стороны, орошая все вокруг. Девочка не издала ни звука, лишь злобное рычание дерущейся за добычу стаи нарушало тишину...

Андрей закричал, моментально проснувшись. «Гюрза» была уже у него в руке. Вскочив, он увидел окутавший островок туман. Ужас, навеянный сном, медленно отпускал его из своих объятий, бешено стучавшее сердце готово было выпрыгнуть из груди. Опустив пистолет, сталкер прислушался. Вокруг царил абсолютная тишина. Медленно и методично он осмотрел остров, не обнаружив ничего подозрительного, после чего вернулся к березе и застыл на месте. Она сидела там, на земле, закутавшись в его спальник и внимательно глядя на него. Это была девочка из его сна.

– Здравствуй, – ляпнул, не придумав ничего лучше, Андрей. Его маленькую гостью трясло. Сначала он подумал, что от страха, но, видя, как девочка кутается в еще не потерявший его тепло спальник, понял, что ей очень холодно. Мысли метались, как шальные, но справиться с ними он не мог, хотя, казалось бы, ему, бывалому сталкеру, давно пора привыкнуть к выходкам Зоны, и он бы нисколько не удивился, увидев здесь потерпевший крушение НЛО с экипажем или сборную Англии в полном составе, гоняющую мяч по болоту, но вот увидеть ребенка в центре Зоны он не был готов.

Поражало то, что девочка была точь-в-точь как во сне. Даже кукла Барби, голова которой выглядывала поверх ее измазанных рук. Что это все означает, времени думать не было. Туман рассеивался над болотом, и нужно было спешить, до границы Зоны с Периметром, за которым расстилалась нормальная земля, было километров пятнадцать, а это очень много по меркам Зоны, кроме того, уже вечером ожидался очередной Выброс. Достав из рюкзака запасную куртку, Андрей надел ее на девочку, осталось только закатать рукава – и в путь. Все расспросы он решил отложить до лучших времен. Сверившись с картой, Андрей

мысленно проложил наиболее короткий и безопасный путь, избегая мест с сильным заражением, ведь защитный комбинезон был только у него. Сложив спальник и вскинув рюкзак на плечо, сталкер присел на корточки перед неожиданной спутницей.

– Ну что, раз уж мы теперь напарники, давай знакомиться. Меня зовут Андрей.

Она продолжала молчать, лишь пожала плечами.

– Ну что ж, тогда в путь. И он, подхватив потеряшку, усадил ее себе на шею. Как ни странно, ее веса он почти не чувствовал, лишь едва ощутимую дрожь и холод, исходящий от ее тела. «Только б не было переохлаждения», – подумал он, ступив в едва достигавшую до щиколоток болотную жижу.

Темп они держали хороший, позади уже было около четырех километров, а по времени они опережали график движения. Туман полностью рассеялся, пригрело солнышко, и его молчаливую спутницу перестало знобить. Все шло нормально, и это настораживало Андрея, уж слишком легко отпускала его Зона с необычной находкой. Пока им попались лишь две аномалии, к тому же Андрей умудрился найти два довольно редких артефакта, правда, не без помощи своей новой напарницы. Первый артефакт – это была «ночная звезда» – он заметил лишь после того, как сидящая на шее спутница, довольно бесцеремонно ухватив его за волосы, повернула голову в нужном направлении. Второй была «вспышка». Он обнаружил ее сам, изучая местность через оптику ПСО-1 «винтореза».

Позади осталось болото, а солнце зависло в зените, когда он почувствовал, как напряглась девочка. Впереди был намеченный им проход между мерцавшими аномалиями. Ровная просматриваемая местность, а дальше начинались густые заросли бордового кустарника, и чуть в стороне – ржавый остов военного «Урала». Андрей прислушался, детекторы аномалий и движения молчали, ничто не вызывало опасения. Вскинув винтовку, он принялся изучать в оптику заросли кустарника, когда маленькая рука его напарницы указала на «Урал», или, точнее, на то, что от него осталось. Как попал сюда «Урал», трудно сказать, нормальных дорог здесь поблизости не было, до ближайшего блокпоста или военной части километров пятнадцать. Дважды осмотрев остов машины, он уже было решил, что девочка ошиблась, но вдруг внимание Андрея привлекло едва заметное на таком расстоянии серое облако, двигавшееся вдоль борта «Урала» туда и обратно, периодически замирая на месте. И тут он увидел причину появления такого количества мух.

Это был зомби, бывший вояка-срочник, раздувшийся и начавший разлагаться на жаре. Но поведение зомби было странным, он не бродил бесцельно по местности, а чего-то ждал, словно находился в засаде. Это означало лишь одно: где-то рядом – контролер. А притаиться он мог лишь в зарослях кустарника. Расстояние было оптимальным для его «винтореза», а вот контролер до них не дотянется. Зато он может натравить зомби. И то, что он пока этого не сделал, могло означать, что контролер их пока не заметил. Ссадив спутницу на землю, Андрей вновь прицелился в винтовку и начал медленно и методично обшаривать взглядом заросли кустарника. И он нашел его, контролер стоял, глядя в сторону «Урала», ближе к правому краю зарослей, почти сливаясь с ними своей темно-коричневой кожей. Глухо хлопнула винтовка, приятный толчок приклада в плечо, и пуля «СП-6» вошла в висок контролера, голова которого брызнула ярко-красными ошметками мозга. Вот тут началось самое интересное: зомби, потеряв своего хозяина, посыпались из-за «Урала» как горох. Было их пятеро, четверо бывших военных и один сталкер, судя по обрывкам экипировки, из одиночек. Пока они бесцельно суетились, выйдя из-под контроля, Андрей успел снять двоих. Оставшиеся, надо отдать им должное, быстро сориентировавшись, ковыляя, побрели в их сторону. Девочка жалобно застонала – это был первый звук, который она издала за все время. Но это не отвлекло Андрея. Расстояние позволяло ему, спокойно прицелившись, поразить оставшихся зомби. Последний, а это был сталкер, упал на землю с развороченной головой в ста метрах от них. Повесив винтовку на плечо, Андрей собрался было вновь пристроить девчушку на плечи, но та, вытерев слезы, упрямо покачала головой.

– Ну, нет так нет, – согласился вслух он и взял ее за руку, предварительно вытянув из кобуры и сняв с предохранителя «Гюрзу». Они медленно пошли в сторону «Урала». Ему пришлось проверить каждого зомби, прежде чем они подошли к покореженной машине.

Правда, его спутница спокойно отнеслась к этому. Тело контролера он проверять не стал, ему и отсюда были видны широко раскинутые в стороны трехпалые лапы и густая лужа крови, вытекшая из остатков головы контролера. Медленно Андрей начал обходить «Урал», выдерживая расстояние. Когда притаившийся за машиной зомби прыгнул на него, первый выстрел снес тому голову, и обезглавленное тело по инерции сбило Андрея с ног, благо он успел оттолкнуть девочку.

Скинув с себя разлагающееся тело зомби, измазавшись в зеленом гное и слизи, Андрей попытался встать, когда еще один мертвяк, напоминавший ходячее анатомическое пособие, схватил его за ноги, выбравшись по поясу из земли. Андрей выстрелил еще два раза в голову зомби, и в этот миг сильный ментальный удар лишил его сознания.

И все же он успел подумать: куда делась девочка и почему контролеров было двое? Чье-то прикосновение к его лицу привело Андрея в сознание, ознаменовавшееся резкой пульсирующей болью и головокружением, – так реагировал организм на ментальный удар контролера. Открыв один глаз, на большее он был неспособен, Андрей разглядел склонившуюся над ним его молчаливую спутницу, на лице которой было волнение. Увидев, что он пришел в сознание, девочка улыбнулась, правда, улыбка получилась какая-то грустная.

– Не переживай, со мной все в порядке, я еще немного полежу, и мы пойдем.

Судя по расположению солнца, он пробыл без сознания около часа, а значит, их фора во времени исчезла. Надо было спешить, все меньше времени оставалось до Выброса. С трудом, но он сумел подняться, по-стариковски кряхтя и морщась от накатывавшей волнами боли. Сейчас его волновали только две вещи: где его пистолет и что стало со вторым контролером? Ответ на первый вопрос он нашел рядом с тем местом, где упал. Подняв «Гюрзу», Андрей обнаружил, что в обойме осталось семь патронов, – странно, ведь стрелял он только три раза, но тут его внимание привлек еще один труп. Вне сомнения, это был второй контролер, его тело лежало возле кабины «Урала», а пустые глазницы уставились в небо. Андрей насчитал как раз недостающие восемь пулевых отверстий. Одно в переносицу, два попадания в глаза, следом шли перебитые локтевые суставы, развороченная дыра в левой груди там, где находилось сердце, и завершали картину раздробленные выстрелами колени. У Андрея сложилось впечатление, что контролера распяли в наказание, только вместо гвоздей использовали пули его пистолета. Но вот вспомнить, как это у него получилось после ментального удара контролера, он не смог. Дикая мысль коснулась его, он взглянул на девочку – та сидела на корточках, глядя руками волосы своей куклы. Нет, это бред, она бы и пистолет в руках не удержала, не то что выстрелить восемь раз точно в цель.

– Ну что, в путь, – сказал Андрей вслух. Она тут же поднялась, приблизившись, взяла его за руку, и вновь на ее лице появилась грустная улыбка. Трупы, лежащие вокруг, она словно не замечала, находясь в своем детском мире, где не было места этой жестокой реальности. А он вновь ощутил холод ее рук, и еще казалось, что потихоньку он сходит с ума. Сначала девочка из сна, теперь этот странный труп второго контролера, а ведь эти порождения Зоны были одиночками и никогда не охотились вместе. Много вопросов и пока все без ответа. Что ж, на Большой земле у него будет время обдумать все, только бы покинуть Зону.

Дальнейший их путь прошел без приключений, они быстро двигались по зараженной местности. Андрей все чаще задавал себе вопросы: что ему делать, когда они достигнут его поселка, как ему, не привлекая внимания государственных осведомителей, узнать, кто эта девочка и где ее родители, и что делать, если ему не удастся их отыскать? Отогнав хмурые мысли, Андрей сосредоточился на пути.

Первый периметр напоминал о старой границе Зоны, но с тех пор она значительно расширилась. О прошлом напоминали лишь остатки колючки, покосившиеся вышки и заброшенные блокпосты. Андрею пришлось воспользоваться штык-ножом, чтобы разрезать ржавые нити колючки и проделать проход. Оставались три километра до второго периметра и нормальной незараженной земли. Здесь шансы попасть в аномалию или столкнуться с живыми порождениями Зоны были минимальны, а вот наткнуться на патруль военных или

засаду мародеров – очень велики. Но, видимо, в этот день они выбрали весь лимит приключений и достигли бетонного забора второго периметра уже спустя час, когда день лишь начал клониться к закату. Еще полчаса ушло на то, чтобы убедиться, что лаз под забором никем не охраняется и опасности поблизости нет. Сняв рюкзак, Андрей пролез первым, следом его спутница, а впереди был редкий пролесок и его дом.

– Ну, пошли, осталось немного.

Каждый раз, когда он возвращался и видел свой дом, он ощущал накачивающуюся усталость и спокойствие. Так было и в этот раз, но сейчас у него оставалось еще одно дело. Тихо скрипнула выкрашенная в зеленый цвет калитка, а короткая тропка привела их к двери дома. Ключ был, как всегда, на месте, в желобе слива крыши. Открыв дверь, он приглашающе махнул рукой, девочка с интересом вошла в дом, разглядывая все вокруг.

– Ну что ж, ты обустраивайся пока, а мне надо еще, кое-что доделать, – сказал Андрей. Она замерла, внимательно посмотрев на него, кивнула головой.

– Ну, вот и ладно, – он присел перед ней. – Ты так и не вспомнила свое имя?

Девочка пожала плечами.

– Хорошо, я буду через час. – После чего он торопливо вышел из дома. Андрею почему-то казалось, что она знает больше, чем говорит, хотя говорить она не может или не хочет. Но он уже решил, что будет делать. В баре, как всегда в такое время, было шумно и мало свободных мест. Поздоровавшись со знакомыми сталкерами, он подошел к барной стойке, кивнув бармену. Тот лишь ухмыльнулся, приняв рюкзак Андрея, поставил перед ним на стойку бокал пива и ушел в подсобку, что-то напевая себе под нос. Андрей успел сделать лишь пару глотков, когда бармен вернулся, и положил на стол стопку купюр.

– Мне нужна информация, пропадали ли в последнее время в Зоне дети, – тихо проговорил Андрей. Бармен хмыкнул и ополовинил лежащую стопку. Голос его был хриплым, и казалось, слова даются ему с трудом.

– Вчера из Зоны не вернулся транспортный «Ми-8», летевший на станцию к умникам. Говорят, на борту была семья одного из ученых. Вертолет сегодня утром нашли, правда, пустой, а в обед вернувшиеся из поиска военные сталкеры притащили тела погибших лётчиков и женщины, а точнее то, что от них осталось. Их нашли в двух километрах от места падения вертолета у болот, а вот тело девочки ищут до сих пор. А теперь пей пиво или убайрися, мне нечего больше тебе сказать.

Андрей молча сгрел деньги со стойки и вышел из бара. В раздумье он шел домой. Машинально заскочил в открытый бывшими сталкерами магазин, приобретая еду и обдумывая услышанное. Значит, это девочка из вертолета, мать погибла, но жив отец. Что ж, выход на ученых у него был, но сегодня он не успеет передать новость. Придется дожидаться утра, а там уже к обеду ее отец будет знать, что его дочь жива. Теперь понятно, почему она все время молчит, пережив шок аварии вертолета и гибель матери.

Когда он ступил на порог, уже стемнело. Где-то в сарае пел свою песню сверчок. Андрей не стал включать свет, а взяв с окна свечу, зажег ее. Он быстро нашел девочку – свернувшись калачиком и прижав к себе куклу, она спала на диване. А на ее лице была улыбка. Стараясь не скрипеть половицами, он прошел к шкафу, достал плед и накрыл спящую гостью. Перекусив на скорую руку, Андрей лег на веранде и тут же уснул, сказавшись усталостью похода в Зону и пережитое там. Ему снился сон из детства, когда он болел и мать не пускала его на улицу, где играли его друзья. Он сидел у окна и смотрел на падающие хлопья снега и красивый узор на стекле морозного дня, где он выводил пальцем свое имя. Проснулся он от лучей солнца, светивших прямо в глаза. Андрей подскочил, взглянув на часы, выругался про себя: он проспал, время уже шло к обеду. Почему-то в доме, несмотря на палящее летнее солнце, было очень холодно. Войдя в комнату, он замер: вся комната – стены и потолок искрились от покрывавшего их инея. Он рванулся к дивану, уже зная, что ее там не будет. Плед был аккуратно сложен у шкафа, под ногами раздавался приятный хруст изморози, словно он летом оказался посреди зимы. И тут он увидел окно, на котором среди морозных разводов детским почерком было выведено имя Настя, а на подоконнике лежала ее кукла. Андрей вышел на улицу, ощущая внезапно возникшую пустоту внутри, словно с

уходом девочки он потерял что-то очень важное и нужное. Не закрывая дверь, он пошел в сторону бара, что-то подсказывало ему, что это еще не конец и все интересующие его новости он узнает там. Бар гудел, никто не заметил его прихода, лишь бармен хмуро провожал его взглядом, пока он не занял свободное место за столиком. Андрей не стал ничего заказывать, превратившись в большое ухо, а новости были, причем довольно интересные.

Началось все глубокой ночью, когда несколько сталкеров, засидевшихся в баре допоздна, дружной компанией шли в дом, который они снимали для ночевки перед очередным выходом в Зону и для хранения артефактов и экипировки. И каково было их нетрезвое изумление, когда вместо двери на пороге их ожидала груда покрытых инеем щепок, а внутри весь дом тоже был покрыт инеем. Из ценных вещей пропал лишь новый, только недавно купленный у ученых за большие деньги детектор аномалий. Все остальное: деньги, оружие, артефакты, лежавшие в том же тайнике, – никто не тронул. И никто бы не поверил этой пьяной компании, если б не еще три подобных случая проникновения в дома, хозяева которых, лишь проснувшись, обнаруживали пропажу нескольких предметов, при том что взять можно было гораздо больше и куда более ценные артефакты. Но ночной вор руководствовался лишь понятной ему одному логикой. Таким образом, за ночь деревня лишилась двух новейших детекторов и двух автоматов, являвшихся новыми секретными разработками министерства обороны, изготовленных и разработанных для армейского спецназа и военных сталкеров, действующих в условиях Зоны. Также, по неподтвержденной информации, из сейфа бармена исчезли экспериментальные костюмы для проникновения в наиболее зараженные участки Зоны. Прочие ценные вещи, как и в остальных случаях, остались нетронутыми. Теперь понятен этот тяжелый взгляд бармена при его появлении, придется искать новые точки сбыта артефактов.

Мысленно Андрей распрощался с выторгованным неделю назад у ученых сканером. Но больше его волновал вопрос: зачем это было делать маленькой девочке и была ли она все той же Настей после аварии вертолета и гибели всех находившихся на борту или это очередной новый фокус Зоны? Так ничего и не заказав, Андрей вышел из бара, не спеша поплелся в сторону дома. Распахнув дверь, он увидел, что солнце сделало свое дело и иней исчез. Приятно удивил нетронутый тайник, все его вещи были на месте. Казалось, постарев разом лет на тридцать, он, тяжело вздохнув, сел на крыльцо, глядя на горизонт, где начиналась Зона, почему-то вспомнил ее грустную улыбку и холодное прикосновение рук.

...Она медленно шла в глубь Зоны, девочка лет шести в порванном платье, без куклы, но с объемным детским рюкзаком за спиной, из которого торчали стволы автоматов. Смотрелось это неестественно – ребенок в центре Зоны, куда не каждый взрослый рискнет идти, да еще этот рюкзачок, который она так легко несла, словно не ощущая его веса. Это была странная девочка, она легко обходила все аномалии, ее не трогали порождения Зоны, пропуская дальше, а она продолжала идти без усталости. Остановилась лишь у большой лужи светло-зеленого цвета, напоминавшей желе или кисель. Сняв с плеч рюкзак, девочка бросила его в центр этого зеленого образования. Вместо того чтобы погрузиться на дно, рюкзак окутался белыми испарениями и внезапно исчез. Лужа не была очередной аномалией Зоны, это были ворота, через которые Зона получила свои первые артефакты из мира вне Зоны. Теперь девочка могла использовать не только тот материал, что попадался ей в Зоне, но и за ее пределами корректируя свои поиски. Ощувив мысль-благодарность, Настя улыбнулась своей грустной улыбкой и обратилась к серому небу Зоны:

– Не трогай его больше, он не вернется никогда. – Ее голос был тихим, но наполненным несвойственной ее возрасту силой.

Она была первой и удачной попыткой Зоны создать охотника за артефактами, она стала первым сталкером Зоны, идущим за хабаром за ее территорию, в мир некогда родной, а теперь враждебный, она была первой, но не последней.

Глава научной экспедиции профессор Пономарев опорожнил очередную бутылку водки, но алкоголь уже давно не действовал на него, словно он пил воду, и не было ожидаемого забытья и хоть временного отдыха от боли внутри его, боли от потери и одиночества. Он взглянул на часы – девять вечера. Поднявшись из-за стола, открыл дверь бокса и, оказавшись на улице, медленно пошел к ближайшей караульной вышке. Отделение спецназа, несущее охрану научной базы, привыкло к такому поведению профессора после гибели его семьи.

Поднявшись на вышку, Пономарев смотрел на восток, где в трехстах метрах от бетонного забора базы возвышался холм, поросший белой травой. И вздрогнул, когда она появилась вновь, его дочь Настенька. Он не стал кричать и бежать на тот холм, как делал это много раз до этого при ее появлении. Он стоял, глядя на нее, и слезы текли по его лицу, а вместо боли одиночества ощущал тепло и умиротворение. Как и всегда после своей гибели, Настя, помахав ему рукой, исчезала, словно утренний туман, чтобы следующим вечером появиться вновь.

Андрей сидел на крыльце, глядя на горизонт, туда, где начиналась Зона, куда он перестал ходить сразу после исчезновения Насти, хотя желание было. Но каждый раз что-то удерживало его, и он осознавал, что этот поход в Зону будет для него последним. Она продолжала приходить каждую ночь, оставляя после себя детскую подпись на замерзшем стекле окна, холод в доме и каждый раз новый артефакт на подоконнике. Все попытки подкараулить ее ни к чему не привели. Каждый раз она приходила и уходила незамеченной.

...В баре было пусто в такое время, отсутствовал даже бармен за стойкой, тишину нарушал лишь работающий телевизор...

«Власти обеспокоены участвовавшими случаями исчезновения детей вблизи тридцатикилометровой зоны отчуждения от зараженной местности, где продолжает жить от пятнадцати до сорока тысяч мирного населения. Все попытки местных властей при содействии военных пока не дали никаких результатов в розыске пропавших...»

Моя догадка блестяще подтвердилась, помещение действительно было огромным. Я не знаю, что здесь было лет тридцать назад, но, вероятно, что-то масштабное. Не обнаружив ничего подозрительного, я снова спрятал автомат за пояс, и, подтянувшись, выбрался наружу.

Андрей Абин (Andrewabin) **ДОЛГАЯ ДОРОГА**

Бар – центральный домик маленькой деревушки, в которой жили те, кто волей случая стал трудягой Зоны, сталкером. Бармен Гарик – бывший завскладом. Хитрый, прижимистый, такие люди нигде не пропадут, всегда отыщут уютное местечко под солнцем, на котором можно сладко есть, крепко спать и особо не надрываться на работе.

Справа от двери на стенке висела в рамочке книга Стругацких «Пикник на обочине». Чуть выше ее красовалась надпись: «Настольная книга сталкера». Морщась и кряхтя, я прихлебывал из кружки горячий бульон. Плевать, что он из концентратов, главное, что пахнет курицей и горячий. С похмелья это то, что нужно. За столом напротив меня сидел мой вчерашний собеседник. Гость из Европы, тудить ее растудить. Только рожа его была уже не такая лощеная, как вчера, – под правым глазом налился красивый синяк. Очень красивый, я бы даже сказал – душевный. Это обстоятельство согревало душу и, учитывая мою неприязнь ко всяким иностранцам, дополнительно лечило от похмельного синдрома.

– А если вы такие крутые и могущественные, чего ж тогда просто не вывезете его, – я кивнул в сторону профессора, – отсюда? Зачем вам понадобился я?

– Да ты нам, собственно, и не нужен. Это доктор настаивает на том, чтобы мы включили в операцию и тебя. А вывезти просто так действительно не можем. Ты ведь знаешь, Зона оцеплена тройным кольцом. Связей моего начальства хватает только на то, чтобы меня потом выпустили обратно. Во всяком случае, здесь, на юге Зоны, ситуация

контролируется украинскими властями. На севере – другое дело. Там подконтрольная НАТО территория, где возможности нашей организации многократно возрастают. Все уже готово для встречи профессора. У нас там имеется научная лаборатория, прямо на территории Зоны. Оттуда можно будет легко вывезти его в Европу и предоставить политическое убежище. Мы уже смогли вывезти из страны вашу жену и дочь, профессор.

– Неужели?! – встрепенулся молчавший до сих пор Зинченко.

– Да, их поселили в хорошей гостинице, на полном обеспечении, готовят новые документы. Они ждут вас, профессор, передавали вам привет.

– Ты слышал, Степан?! – Зинченко схватил меня за руку. – Это чудо! Это... это...

Пожилой ученый не смог выразить словами охватившие его чувства и заплакал.

– Степан, я прошу тебя, соглашайся! – Мокрыми от слез глазами Семен Иванович Зинченко смотрел на меня, как на икону.

– А где доказательства того, что и на самом деле все так, как ты говоришь? – спросил я у европейца.

Тот хмыкнул и полез во внутренний карман.

– Вот письмо от вашей жены. – Он протянул Зинченко конверт. – Я думаю, ее почерк не вызовет у вас сомнений?

Ученый схватил конверт, открыл его и впился глазами в текст. На лице его блуждала улыбка счастливого идиота. В этот момент я понял, что соглашусь вывезти профессора.

– А вы знаете, куда и чем бить, сволочи. – Я, прищурившись, смотрел европейцу в глаза, борясь с желанием огреть его чем-нибудь тяжелым.

– Знаем, – легко согласился он, – знаем.

– И что, вот так, запросто, вы устраиваете наши дальнейшие судьбы, даете новые документы и все такое прочее, не требуя ничего взамен?

– Ну почему же? Просто так ничего не бывает. Для начала я дам вам мини-камеры. Вы должны будете заснять все, что увидите по дороге. Потом вы, профессор, выступите с докладом о том, что ваше правительство проводило в Зоне различные эксперименты, опасные для человечества. Ну и, в конце концов, мы получаем вас самого, с вашими знаниями. Таким образом, вы отработаете услуги нашей организации и правительства.

– А я? А мне какой резон рисковать?

– Ну, и для тебя работенка найдется. По специальности. Нам нужны люди с опытом работы в Зоне. И потом, что ты теряешь, капитан, а? – Теперь настал черед европейца заглянуть мне в глаза.

Да уж. Что я теряю? Я потерял все еще тогда, в 2012-м, когда пошел служить по контракту. Размечтался о кренделях небесных! Карьеру хотел сделать! Вот она, карьера моя, из аномалий артефакты таскать, потом продавать их или на жратву и шмотки выменивать. На патроны те же, на водку... А профессия у меня редкая, даже фантастическая. Сталкер! О как! Не верите? Я тоже сначала не верил. Не хотел верить, что вместо спасателей нам пришлют заградительные отряды. А в то, что будет второй Чернобыль, похлеще первого, который в 1986 году случился, не верил вообще никто. Точнее, не хотел верить. Конечно, ведь Европа, мать бы ее так, денег отвалила на саркофаг. Похоронили джинна, залили бетоном. Так-то оно так, да только наш пытливый ум всегда что-нибудь новое измыслит. В чернобыльской Зоне, зоне отчуждения, не только ведь саркофаг был, там и лаборатории оборудовали секретные. А что? Удобно! Оцепили все кругом, мол, радиация, опасно и все такое прочее. А сами целый комплекс отгрохали. Под землей, конечно, чтоб со спутников не увидали. Да только шила в мешке не утаишь. Опять сработал пресловутый «человеческий фактор», и рвануло! Да так, что весь мир за голову взялся и в штаны наложил. Они ведь там, в лабораториях своих, и вирусами, и бактериями, и еще черт-те чем занимались. Физики-химики, блин! И дозанимались. Тут уж радиацией одной не обошлось. Вирусы-болячки полезли. Да и генетики там, оказывается, тоже не дремали. Супер солдатчиков делали. Наделали, блин. Теперь нечисти всякой без счета. Оцепление постоянно держать надо, чтоб мутанты различные мирное население не беспокоили. И ведь мало того, что «накрыло» по площади гораздо больше, чем в первый раз, так еще и растет Зона. Каждый месяц растет, метра на два.

Аномалии все чаще появляются в новых местах, мутанты все дальше лезут. Весело, в общем. Когда рвануло, то эвакуировали только верхушку: командование наше и начальство лабораторий. Больше никого вывозить не стали. Вирусов боялись. Поэтому окружили плотным кольцом, а тех, кто выйти пытался, на месте расстреливали. Слава богу, что детей в Зоне не было. Только научники, солдаты, обслуживающий персонал да самоселы на окраинах. В первое время померло много от радиации, болячек каких-то. А все, кто выжил, в кучки сбивались и пытались самостоятельно к Большой земле выйти. Да только все напрасно было. Зараженную территорию окружили тремя рядами колючей проволоки и оцепление выставили. Огонь без предупреждения открывали. Потом, когда паника улеглась немного, между населением новоявленной Зоны и солдатней из оцепления установились, так сказать, торгово-рыночные отношения.

Выпускать из Зоны никого не выпускали, а вот артефакты всякие, аномалиями порожденные, скупали с большой охотой, чтобы потом перепродать их в несколько раз дороже. Кому перепродать? Да мало ли кто их свойства исследовать захочет. Частные лаборатории растут как грибы после дождя. Кто скупал? А все кому не лень. По большей части из военных, солдаты, прапорщики. Офицеры рук не марали. Они свою долю от нижних чинов получали. Иногда объявлялись, так сказать, «частные лица». Эти, бывало, прямо в Зону приходили. Туда, где мы обосновались, на окраину то есть. Придут, заказ сделают кому-нибудь из сталкеров и назад уходят. Потом за «товаром» возвращаются. Вот и сейчас на моего собеседника не обращали почти никакого внимания. Косились иногда завистливо, ведь «частники» платили куда лучше вояк.

Кроме них еще иногда беглецы всякие объявляются. Кто от тюрьмы бежит, кто еще от чего-то. Так и пополняют наши ряды. Спросите, как я тут оказался? Очень просто оказался. По контракту в охране одной из лабораторий служил. Мне тогда казалось, что это не служба, а предел мечтаний. Во-первых, год за два шел, а во-вторых, жалованье очень даже приличное. А когда рвануло, решили эвакуироваться своими силами. Дотопали до границы Зоны, а по нам там огонь открыли. Вот такая история. Теперь сталкерю помаленьку да гражданское, так сказать, население Зоны от мутантов защищаю по мере сил. «Ну, кажется, изложил заказчику всю подноготную».

– Одно условие: он, – я указал пальцем на как раз входящего в бар парня по имени Сергей, – идет с нами.

– Как вам угодно, – выдохнул европеец и откинулся на спинку стула. – Давайте теперь обсудим ваш маршрут, – сказал он и развернул на столе карту.

Как-то само собой мне досталась роль командира нашего маленького отряда. Проложили по карте маршрут. Выходило, что топать нам без малого три дня.

– Мне пора, – сказал европеец, когда мы закончили колдовать над картой. – Вот, – он ногой придвинул ко мне под столом вещмешок. – Тут камеры, медикаменты и деньги. Вам ведь нужно купить какое-нибудь снаряжение, припасы, вот и купите. Я думаю, ты сам знаешь, где достать все необходимое.

Я кивнул.

– С камерами обращаться очень просто, но на всякий случай имеется подробная инструкция. Камер четыре штуки. Я рассчитывал на то, что доктор пойдет не один. До встречи!

– погоди, – я придержал собеседника за руку, – а где гарантия, что, когда мы с Серым приведем доктора, твои дружки нас не порешат?

– У нас нет никого, кто знает Зону с этой стороны. Вы будете первыми русскими сталкерами, попавшими к нам. Вы много знаете и умеете. Мы ценим таких людей. До встречи в лаборатории.

Лысый, я теперь его только так и называл, поднялся и ушел. А я, не теряя времени, подхватил его мешок и пошел собираться в путь-дорогу.

На сборы ушел остаток этого дня и еще весь следующий. Наконец рюкзаки были упакованы, и мы готовились провести свою последнюю ночь в нашем скромном жилище. В

углу комнаты потрескивала буржуйка. Серега, солдат-первогодок, чистил свой автомат, доктор что-то писал в блокноте.

– Что ты там пишешь, Иваныч? – спросил я, прихлебывая горячий чай из железной кружки.

– Это письмо моей семье. Если я не... если мы... короче, если что, то передай это моей жене.

– Не дрейфь, Семен Иванович! – подмигнул ему Серый. – Дойдем, куда мы денемся!

– И все же... – Профессор протянул мне блокнот.

– Я верну его вам через три дня.

Затрещала лежащая на столе рация. Сквозь помехи пробился голос Гарика.

– Степан, слышишь меня? К тебе снова гость. Тот же, что вчера был.

Мы молча переглянулись. Что-то пошло не так. Лысый не должен был возвращаться.

– Пусть идет, – ответил я бармену.

Через несколько минут Лысый грелся у нашей буржуйки.

– Планы немного меняются, – объявил он, – я иду с вами. Ваши спецы взяли моего напарника. Вернуться не могу. Успел только передать сообщение домой и еле унес ноги.

– С нами так с нами, – пожал плечами я. – Припасов хватит, снаряга у тебя своя. Вот только с оружием неувязочка.

– Оружие у меня есть, – Лысый показал пистолет, – только патронов мало. Две обоймы всего.

– Мне Гарик недавно обрез предлагал, – вспомнил Серый. – Может, спросить у него?

– Денег почти не осталось.

– У меня и денег немного есть. – Европейец достал из кармана тонкую пачку купюр.

– Ну, тогда, Серега, дуй к Гарику. Может, и вправду найдется у него что-нибудь. И вот еще что, возьми у него пузырь. На посолок выпьем.

Серым утром мы вышли из деревни и пошли по обочине размокшей грунтовки. Я остановился и оглянулся назад. Вот и все, прощайте, ребята, Гарик, спекулянты-прапорщики. Идите вы все на..! Первое время идти было легко, даже в карту смотреть не надо было. Ближе к полудню мы решили устроить привал. Сели под большим тополем на обочине. Серый закурил, Иваныч достал из рюкзака термос с чаем. Я разложил на коленях карту.

– Скоро придется с дороги, – сказал я присевшему рядом Лысому. – Дорога ведет в другую деревню, а нам надо севернее.

– Но ведь можно свернуть севернее возле самой деревни, к тому же в ней можно будет заночевать. – Лысый прикурил от зажигалки и выпустил дым в сторону. Легкий ветерок пригнал дым обратно.

– Знаешь, – повернулся к нему Серый, – я предпочел бы ночевать среди поля, чем там.

– Почему? – удивился Лысый.

– Потому что, по слухам, там обосновались малоприятные создания. Снорки или кровососы. А может, и те, и другие сразу.

– Это кто такие?

– Это, – Иваныч отхлебнул чая, – такие результаты генетических экспериментов. Получены путем...

– Иваныч, – перебил я его, – давай отложим лекции на потом. По дороге объяснишь человеку. Я скажу коротко: с этими тварями лучше не встречаться, особенно ночью.

– А так нам придется ночевать под открытым небом? – спросил Лысый.

– Не совсем. К вечеру нам нужно добраться до этого лесочка. – Я ткнул пальцем в карту. – Там и заночуем. Надо торопиться, до него еще километров пятнадцать топать.

Не успели мы сделать и ста шагов, как предупреждающе затрещали дозиметры.

– Серега, проверь по сторонам, обойти можно или нет.

– Радиация? – Лысый говорил тихо, наверное, от волнения.

– Да. Тут в Зоне знаешь, как бывает? Присыпало землей какую-нибудь железу, она и фонит. Хотя стоишь посреди поля и ничего такого рядом не наблюдается.

Вернулся Сергей.

– Можно обойти справа. Метров через тридцать.

– Так, давай, Серый, первый топай, Иваныч за тобой, ты, – я повернулся к европейцу, – за Иванычем. Только иди след в след, ни полшага в сторону! Я замыкающий.

Обошли мы радиоактивное пятно и двинули дальше по огромному, заросшему сорняком полю. Серый и я время от времени бросали вперед и по сторонам гайки с привязанными к ним лоскутками ткани, чтобы лучше было видно.

– Это зачем?

Я посмотрел на Лысого и усмехнулся.

– Эх, беда с вами, с иностранцами! Сразу видно, что Стругацких не читал! Гаечки эти нам вместо миноискателя. Только не мины, а аномалии указывают. Вот, смотри...

Я размахнулся и кинул гайку подальше вправо, туда, где над землей дрожало едва заметное марево. Как только гайка достигла границ марева, так ухнуло, будто воздушный шар лопнул.

– Степан, псы! – Зинченко одной рукой крепко ухватил меня за рукав, а другой указывал на приближающуюся к нам свору собак.

– Быстро в круг, оружие к бою! – Я присел, потянул за собой иностранца. Серега и Иваныч и без команды присели, взяли автоматы на изготовку.

– Красиво идут! – прищелкнул языком Серега. – Как в кино!

Псы и вправду шли красиво. Впереди трусил вожак. Крупный, похожий на волка. За ним так же неторопливо (а зачем спешить, если добыча ни убежать не сможет, ни спрятаться) бежали еще с десятков крупных собак.

– Значит, смотри, – говорил я Лысому, – у тебя обрез, так что подпускай поближе. Шагов на двадцать, а потом пали. Понял?

Он нервно кивнул.

– И ни в каком разе не вздумай убежать – схарчат в момент!

Собаки тем временем приблизились и бросились на нас, стремясь побыстрее преодолеть разделявшее нас расстояние.

Затархтел короткими очередями автомат Иваныча. Мы с Серегой стреляли одиночными, почти над самым ухом жажнул обрез. Половина псов уже валялась на земле, а остальные кружили вокруг нас, не давая прицелиться. И куда-то делся вожак. Вдруг из-за спины у меня выскочила серая молния! С огромной силой вожак ударил грудью в спину Иванычу. Не успел профессор упасть, а пес с рычанием рвал на нем куртку, стремясь добраться до шеи. Как по команде кинулись остальные псы. Мы отстреливались, отбрасывали их ногами и снова стреляли. Обрез Лысого молчал, зато он сам орал так, что перекрывал шум боя. Улучив момент, я глянул в его сторону и увидел, что он бьет вожака ножом, всаживая лезвие в бока твари почти на всю длину.

Две оставшиеся собаки, наверное, самые умные (или самые трусливые), улепетывали со скоростью ветра! Обессиленный, лежал Лысый, уткнувшись носом в землю и крепко сжимая рукоять окровавленного ножа. Рядом в луже крови валялся труп вожака. Серега помог профессору подняться на ноги. Тот хоть и был весьма помятым, но, как говорится, отделался легким испугом. Спас капюшон брезентовой куртки-штормовки. Помешал псине вцепиться в шею Иванычу.

– Ты бы его еще грызть начал, – сказал я, рассматривая труп вожака.

– Оружие заклинило, наверное, – ответил Лысый.

– Такие ружья не клинит, скорее осечка. А ты молодец!

Подождал Зинченко и протянул Лысому ладонь.

– Вы спасли мне жизнь. Я этого не забуду!

Европеец пробурчал что-то себе под нос и стал рассматривать убитого пса.

– Какая странная собака... – задумчиво произнес он.

– Это гибрид с волком, – пояснил ему Серега. – Жаль, времени нет, чтобы шкуру снять, – с досадой добавил он.

– А зачем тебе шкура? – удивился Лысый.

– Куртка из шкур псевдособак – так тут называют этих тварей – дорогого стоит. Если сталкер носит такую куртку – это бывалый, крутой сталкер. И все-таки, я сейчас! – Он побежал назад и вскоре вернулся с отрезанным хвостом псевдособаки. – Держи! Твой первый трофей! – Он торжественно протянул хвост Лысому.

Тот без особого энтузиазма принял трофей и стал вертеть его в руках, не зная, куда пристроить.

– погоди-ка... – Серый принялся шарить по своим многочисленным карманам. – Вот! – Он вытащил на свет божий маленький моточек суровых ниток и с их помощью прикрепил хвост к рюкзаку Лысого.

...Весело потрескивал костер, выбрасывая искорки вверх. Они летели, слегка кружась, и, поднявшись достаточно высоко, гасли.

– Они как звезды, только наоборот, – сказал европеец, – звезды падают вниз, а искры летят вверх.

– А конец у всех один, – буркнул ему в ответ Сергей.

– Ну, зачем так мрачно. Важно не то, что они сгорают, а то, для чего они это делают и как. Вот эти искры, например, прежде чем погаснуть, согрели нас своим теплом. Или могут отпугивать от нас разное зверье.

– Будем надеяться, что зверье отпугивать им не придется. – Сергей поднялся с земли и потянулся. – Пойду-ка я сам отпугну его.

– Против ветра не становись! – бросил ему вслед Лысый и снова уставился на огонь.

– У тебя имя есть? – спросил я Лысого.

Он поворошил в костре прутиком.

– Курт мое имя.

– Немец?

– Угу, потомственный фашист! – Курт засмеялся и посмотрел на меня.

– В смысле?

– Мой дед был танкистом во время Второй мировой.

– Ты это... – я немного замялся, подбирая слова, – там, в баре, я погорячился слегка. Меня по пьяному делу часто на защиту национально-патриотической гордости пробивает.

– Все нормально, я все понимаю. Ты офицер, а я тебя вербовать пришел. По сути, склонять к предательству. А если... – Он не успел договорить, потому что вернулся Серый. Вид у него был встревоженный.

– Снорки! – сказал он, понизив голос почти до шепота, и оглянулся в темноту.

– Чего?

– Снорки, говорю! Я дохлого снорка нашел, чуть в штаны не наложил, думал, живой, сволочь!

– Так! – Зинченко быстро зашнуровывал ботинки. – Значит, спать сегодня не придется?

– Спать надо, но вполглаза и с пальцем на спуске. Дежурить будем по двое. Первая смена моя. Кто со мной?

Серый и Курт вызвались одновременно.

– Серый, иди покемарь. Будешь в паре с Иванычем. А сейчас я с Куртом.

– И все-таки, мне так и не рассказали о снорках, – напомнил Лысый.

– Ты фильм «Обитель зла» смотрел? Ну, там еще Мила Йовович в главной роли.

– Смотрел когда-то...

– Вот там такие твари были, которые по стенам лазили, помнишь?

– Да вроде.

– Так вот, снорки на них очень похожи, только почеловечнее будут, в плане внешности.

– Откуда они такие взялись?

– В генетических лабораториях пытались создать суперсолдат, – вступил в беседу Зинченко. – Они должны были оставаться людьми, только обладать гораздо большей силой, ловкостью, быстротой реакции и прочими параметрами по сравнению с обычным, пусть даже очень хорошо подготовленным бойцом. Потом, когда вырвался на свободу вирус, он, видимо, внес свой вклад в изменение генотипа этих солдат, превратив их в снорков. И вот мы имеем то, что имеем.

– И много их тут, в Зоне?

Зинченко тяжело вздохнул.

– Около сотни.

Костер потрескивал по-прежнему, однако уюта возле него уже не было. Я вслушивался и всматривался в темноту, на другой стороне полянки то же самое делал Курт. Беспокойно ворочался Иваныч. Видно, сон к нему никак не шел. Да и немудрено. А вот Серега, похоже, все-таки уснул. Хрустнула сухая ветка. Или, может, показалось? Я снял автомат с предохранителя. Снова раздался тихий хруст, на этот раз вроде бы ближе. Я весь превратился в слух, доверяя ушам в этой темноте больше, чем зрению. Вспотели ладони, а кровь застучала в висках. Вдруг тишину разорвали два выстрела из обрезка и душераздирающий крик Курта. В тот же миг передо мной с ревом выскочил снорк. Я заорал и выпустил в него длинную очередь. Затарахтели выстрелы по другую сторону костра, рядом со мной короткими очередями плевался в темноту Серегин автомат. Ночь наполнилась сплошным ревом, в который слились крики людей, автоматные очереди и рычание снорков.

Все прекратилось так же внезапно, как началось. Я тяжело дышал, дергая автоматом из стороны в сторону, готов был открыть огонь на любое движение. Прыгал по кустам яркий луч Серегина фонарика, матерился Иваныч и стонал, ругаясь на чистом немецком, Курт.

– Что у вас там, Иваныч?

– Курта зацепили! Нога!

Серый витиевато выругался.

Я подхватил свой рюкзак и подбежал к Курту. Дела его были неважные. Правая нога ниже колена была залита кровью. Света от костра не хватало, чтобы рассмотреть все как следует.

– Степан, дай воды и подсвети фонарем! – Зинченко положил автомат и склонился над раненым. Я протянул ему флягу с водой и достал свой фонарь.

Зинченко срезал мешающую ткань штанины и промывал, как мог, рану водой.

– Хреновые дела... – комментировал он, – когтями знатно распахали! Шить надо! Дай аптечку!

Я протянул ему коробку. Зинченко вколол Курту антибиотик, обезболивающее и принялся зашивать раны. Курт тихо стонал сквозь зубы и ругался на родном языке.

До утра никто так и не смог уснуть, кроме Курта. Он уснул под воздействием лекарств и шока. Когда рассвело, мы увидели в нескольких метрах от костра трупы трех снорков – землистого цвета тела человекоподобных существ. Пришедший в себя Курт сфотографировал их, как и трупы напавших на нас днем псов. Серега выудил из своего рюкзака кусачки (запасливый парень!) и, кряхтя от натуги, добыл когти всех снорков.

– На сувениры, – пояснил он Курту. – Брелоки там или еще чего...

Позавтракав разогретой на костре тушенкой, мы пошли дальше. Курт при малейшем движении испытывал сильную боль в ноге и был так слаб, что самостоятельно передвигаться не мог. Пришлось сделать носилки из двух молоденьких деревьев и спального мешка Иваныча. Продвигались мы с черепашьей скоростью – переть по лесу носилки с раненым то еще удовольствие!

Когда мы почти вышли из леса, шедший впереди Иваныч вдруг взял оружие на изготовку и жестами заставил нас остановиться. Все-таки есть от Зоны польза – некогда неуклюжий человек после нескольких месяцев пребывания здесь двигался не хуже профессионального охотника за скальпами из какого-нибудь племени мюмба-юмба. Я

мысленно похвалил Зинченко и вышел на исходную позицию. За кустами была старая, невесть кем и для чего вырытая яма. На дне ее копошилось и скулило какое-то существо.

Подойдя ближе, я увидел, что это снорк. Он был ранен. Его правая рука (или лапа?) была почти полностью оторвана. Видимо, это был один из тех, которые напали на нас ночью. Увидев нас, снорк зарычал, оскалив ряд острых белых зубов.

– Не стрелять! – крикнул я Серому и профессору, которые уже вскинули автоматы к плечу. – Я думаю, что нужно его хорошенько заснять на камеру. Мало кто видел снорка живым и практически безопасным.

В это время снорк с яростным рычанием попытался выпрыгнуть из ямы и броситься на меня. Невольно я отскочил назад. Если бы тварь не была раненной, ей бы удалось задуманное.

– Ладно, давайте принесем сюда нашего иностранного натуралиста, я думаю, ему будет интересно.

Курт несколько раз сфотографировал снорка. При этом мы дразнили тварь палками, чтобы она показала себя во всей красе. Снорк сначала бесился, пытался выбраться из ямы, но вскоре бросил это занятие и только злобно рычал на нас. То ли рана давала о себе знать, то ли он осознал бесплодность своих попыток. В конце концов он уселся на дно и стал злобно таращиться на Курта. Курт убрал фотокамеру в чехол, посмотрел несколько секунд твари в глаза, потом вдруг схватил обрез и разрядил один за другим оба патрона в снорка. Вторым выстрелом он попал в голову, и картечь разнесла череп.

– Это ты погорячился, – сказал Иваныч Курту. – Черепушку нужно было целой оставить. Серый бы ее на сувениры взял. Хороший бы получился брелок.

Сергей посмеялся удачной шутке и подошел к носилкам.

– Взяли, что ли...

– Нет, теперь моя очередь. – Иваныч оттеснил его в сторону. – Теперь ты, Сереженька, дорогу указывай.

– Ага, значит, как по лесу через кусты носилки тащить, так Серый, а как в поле по ровному идти, так Иваныч!

– Да нет, просто в лесу аномалий не было.

– А, так я у вас теперь вроде миноискателя, да?

– А чего ж ты хотел, Серый? Молодым, как говорится, везде у нас дорога!

– Видал?! – подмигнул Серега Курту. – Совсем пенсионеры совесть потеряли!

Вот так мы и шли, беззлобно препираясь и шутя. А как же иначе? В Зоне без юмора никак нельзя. Мозги закипят быстро, и не заметишь, как заграбастает тебя Зона своими когтистыми лапами, скрутит, как мокрую тряпку, и сожрет, не подавится.

...Солнышко припекало чувствительно. Теплый в этом году сентябрь выдался. Как раз кстати подул свежий ветерок. Тихонько подул, ласково, жаль только, что в спину. Когда в лицо такая свежесть идет, то приятнее. И даже сил вроде прибавляется. Не успел я насладиться ветерком, как Серый, шедший метрах в десяти впереди, остановился и дал знак стоять нам.

– Ты чего? – подошел я к нему, когда мы с Зинченко опустили носилки на землю.

– Ветер странный какой-то.

– Почему странный? – Я вдохнул побольше свежего воздуха. – Отличный ветерок, свежий, приятный. – Ветер немного усилился.

– Посмотри на облака.

Я посмотрел на небо. В нем неподвижно висели редкие облака.

– Ну? Что такого?

– Облака стоят, а ветер есть.

Я почесал за ухом. А ведь и вправду, как это может быть, что тут, внизу, дует ветер, а наверху нет?

– Думаешь, «воронка»?

– Ага.

– Тогда давай разведем границы и обойдем подальше.

Мы разошлись в стороны, оставив Иванаыча с Куртом. Я пошел влево, а Серый вправо. Шагов через пятьдесят я уже почти не чувствовал дуновения и повернул назад. Серый помахал мне рукой, показывая, что и с его стороны дорога открыта. Вдруг его словно сильно дернули за руку. Он отлетел на несколько шагов в сторону и упал. Не успел он встать на ноги, как его снова поволокло по земле. Серый больше не пытался подняться, а полз на четвереньках. Было видно, что двигаться ему очень трудно. Я бросился на помощь, на бегу скинув рюкзак. Зинченко успел раньше. Он с разбегу плюхнулся на живот и схватил Серегу за куртку. Через секунду и я, лежа на животе, держал своего напарника за другую руку. Здесь дул ветер. Такой сильный, что свистело в ушах и трудно было дышать. Пятясь, как раки, мы с Иванычем тянули Серого из аномалии. Серый помогал нам, отталкиваясь ногами. Сантиметр за сантиметром вытягивали мы нашего друга из ловушки. Зона очень неохотно отпускала свою добычу. Однако и в этот раз мы победили. Подняться на ноги было выше сил. На четвереньках мы отползли от «воронки» на безопасное расстояние и повалились на пожухлую траву. Некоторое время мы только тяжело дышали.

– Эй, герои! – Курт как мог приподнялся на своем ложе. – Если мы продадим эти кадры в Голливуд, то вы станете кинозвездами! – Он смеялся, показывая нам мини-камеру.

Серый сел и дрожащими руками достал сигарету, прикурил.

– Да уж, – он выпустил в небо струю дыма, – интересное кино.

– Вы хотя бы понимаете, что мы видели?! – Зинченко вскочил на ноги. – Это же рождение новой аномалии!

– Ну и что?

– Как что?! Этого никто никогда не видел!

– Хотите, я назову ее вашим именем, когда стану наносить на карту? Тогда все сталкеры будут знать, что тут есть воронка Зинченко.

– А что? – согласился профессор. – Звучит!

– Ладно, ребята, я пойду подберу свой рюкзак, а вы не расслаивайтесь. Время уже к обеду, а мы мало прошли. И так отстаем от графика.

Идти было тяжело, несмотря на то что путь наш сейчас пролегал по полю. Хуже всего пришлось Курту. У него начался жар.

– Нам нужна вода, – сказал Зинченко. – Раны нужно промыть и перевязать. Может, здесь есть поблизости ручеек? – спросил он сам у себя без особой надежды в голосе. И стал осматриваться по сторонам, словно так он мог заметить какой-нибудь источник воды.

– Взгляни, Степан, что это там?

Я подошел к Зинченко и посмотрел в том направлении, куда он показывал рукой.

– Бульдозер, похоже.

В том, что посреди поля стоял бульдозер, не было ничего странного. Брошенная техника – обычное дело в Зоне. Видимо, раньше это поле принадлежало какому-нибудь фермерскому хозяйству.

– Может, пойти проверить, вдруг в нем есть горючее? Тогда можно будет ехать.

– Ты прав, Иваныч. Серый, пойдем проверим.

Нам повезло – бак был почти полный. Второй раз нам повезло, когда бульдозер завелся. Быстро разобравшись с управлением, мы подъехали к Иванычу, который хлопотал возле Курта.

Лес, маячивший впереди, оказался просто посадкой. Ее мы объехали по грунтовой дороге и в лучах заходящего солнца увидели вдалеке группу построек. Это не было похоже на дома. Скорее на ферму. Мне лично не очень хотелось соваться на неразведанную территорию. Однако там могла быть вода, так необходимая сейчас нашему товарищу.

Сергей не стал въезжать на ферму на бульдозере. Он остановился метрах в пятидесяти.

– Не глуши мотор, Иваныч, – сказал он Зинченко. – Если услышишь шум и если мы не вернемся через полчаса, то езжай стороной как можно дальше.

Не торопясь, подходили мы с Серегой к постройкам. Кто знает, что таится там, за темными провалами окон, за старыми кирпичными стенами? Солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом. Вовсю пели сверчки, стараясь перекричать друг друга.

Мы замерли возле входа в первое из строений. Не знаю, как Серый, а я был на пределе. Дважды вытирал об одежду потные ладони, а сердце стучало, как барабан. Серега приготовил фонарик. Жестами мы договорились, что на счет «три» врываемся в помещение. Серега показывал на пальцах: «один», «два», «три»!

Метался по сторонам луч фонаря, я тяжело дышал и был готов открыть огонь по любой тени, по всему, что шевельнется, будь то хоть снаряд, хоть человек, хоть мышь! Мы быстро прошли через всю постройку, проверяя каждый угол. Чисто! Так же быстро проверили остальные такие же строения – чисто! Я достал из внутреннего кармана куртки плоскую пол-литровую флягу, дрожащей рукой свинтил колпачок и с жадностью приложился. Помнится, так же поступал и сталкер из «Пикника на обочине». Только я пил не коньяк, а абсент собственного приготовления.

Постройки стояли квадратом, образуя довольно большой внутренний двор, посреди которого обнаружился колодец. В одном из углов двора сгрудились различные сельскохозяйственные приспособления – плуги, сеялки и тому подобное. Пока я осматривался и разводил костер, Серега пригнал бульдозер и помог Иванычу перенести Курта к огню.

Вода в колодце оказалась чистой. Притащив Иванычу ведро воды, мы оставили его заниматься перевязкой, а сами раздобыли другое ведро, подвесили его над огнем и варили суп из двух банок тушенки и пшена, прихваченного с собой профессором.

– Ну, как там? – Я протянул Иванычу походный котелок с горячей похлебкой.

– Хреново. – Он поковырял в котелке ложкой. – Уснул. Гангрена у него, похоже. Резать надо. Если через день-два не прооперировать, то...

Иваныч поставил котелок и вытащил из рюкзака бутылку водки и стаканы.

– Давайте-ка, ребята, за удачу, чтоб добрались поскорее.

Ночь прошла спокойно. Утром Курту стало лучше. Во всяком случае, он старался нам это показать, но мы-то знали, какая тень маячила у него за спиной. Доели остатки супа, выпили на дорожку. Курт пил больше всех.

Перед отъездом решили еще раз осмотреть все. Здесь могла найтись солярка. Пара канистр про запас нам не помешала бы.

– Степан, смотри, что здесь! – Зинченко показывал мне большой, похожий на дверь, люк в полу. – Как думаешь, что там?

– Да уж вряд ли склад удобрений... Серый, помоги!

Под тяжелым люком оказались ведущие вниз ступени.

– Ну что, проверим? – спросил меня Серега.

Я потер щетину.

– Давай! Что-то я не слышал, чтобы на фермах были подвалы, в которые ведут такие люки. А ты, Иваныч...

– Да знаю, знаю, – проворчал профессор. – Не глушить мотор и через полчаса ехать не оглядываясь.

Внизу обнаружилась бронированная дверь. После некоторых усилий мы смогли приоткрыть ее. В образовавшуюся щель пробился свет электрических ламп. За дверью было тихо. Мы слышали только собственное дыхание.

– Ну что? Взяли?

Тяжело, со страшным скрипом дверь поддавалась. Не хотело подземелье раскрывать свои тайны. Однако победила дружба. Тяжело дыша, мы стояли, направив автоматы в узкий бетонный коридор, освещенный забранными решетками лампами. Тихо. Осторожно вошли в коридор. Под ногами громко хрустела бетонная крошка. Через несколько шагов справа в стене обнаружился проход. Видимо, это было караульное помещение. Жесткий топчан у стены, стол, пульт с тумблерами и лампочками. Телефон. Вот и все убранство. Несколько металлических шкафов у другой стены. За столом сидел солдат. Точнее, то, что от него

осталось – обглоданный скелет в камуфляжной форме с погонами сержанта украинской армии. Рукой скелет сжимал телефонную трубку. На углу стола лежала книжка. «Устав караульной службы», – прочитал я.

Серый вопросительно кивнул головой. Я махнул в сторону коридора, пошли, мол, дальше. В конце коридор разветвлялся. Налево была казарма. Тут тоже валялись скелеты разной степени сохранности. Ничего интересного. Так же молча мы пошли в правый коридор. Здесь был арсенал, радиорубка и еще одна бронированная дверь в конце.

– Рация работает! – прошептал мне Серега. – Может, Курт сумеет связаться со своими?! Пусть пришлют вертолет!

– Давай притащим его сюда!

Оставив Иваныча на бульдозере, мы снова спустились в подвал. С носилками тут было бы очень неудобно, поэтому я тащил Курта на спине. Нам снова повезло. На этот раз потому, что Курт умел обращаться с радиостанцией. Пока он менял частоты, пытаюсь связаться со своими, я и Серега наведались в арсенал. Была бы моя воля – я бы все забрал! Но увы! Пришлось ограничиться ручным пулеметом Калашникова, патронами и ящиком гранат «РГД-5». Как и положено, запалы хранились отдельно от гранат. Перетащив добычу в радиорубку, мы принялись вставлять в гранаты запалы. Теперь нам было чем заняться, пока Курт щелкал переключателями и нес какую-то тарабарщину на немецком.

Неожиданно радио захрипело и выдало ответную фразу на немецком. Курт радостно завопил. Через пару минут разговора он повернулся ко мне.

– Им нужны наши координаты.

Я протянул ему карту, отметив на ней наше примерное местоположение. Курт передал координаты, выслушал ответ и выключил радио.

– Вертолет сможет забрать нас через десять километров отсюда. Вот тут... – он показал на карте место. – Идем скорее!

Серый перекинул через оба плеча набитые гранатами противогазные подsumки, повесил за спину «РПК», а на шею – автомат. Я снова взвалил Курта себе на плечи. В это время заскрежетала дверь в конце коридора. Из двери выходило человекоподобное существо с длинными когтистыми руками и шевелящимися щупальцами вокруг рта.

– Кровососы! – заорал Серый, вскидывая автомат. Длинная очередь прошила существо поперек груди. Я развернулся и побежал к выходу. Сзади Серый прикрывал мой отход. Он орал дурным голосом и стрелял почти непрерывно. Я свернул за угол, добежал до караулки и развернулся, удерживая автомат одной рукой. Из-за угла выбежал Серега. На ходу он менял магазин.

– Беги, Степан, их там до черта!

Из-за угла выскочили два кровососа.

– Пригнись!

Я срезал одного из них длинной очередью. Повезло – попал в голову. Поравнявшись со мной, Серый развернулся и расстрелял вторую тварь. А в коридор вбегали все новые кровососы. Теперь к ним присоединилась парочка снорков. Серега громко выматерился, отбросил заклинивший автомат и снял с плеча «РПК». Загрохотал пулемет, защелкали по бетонному полу пули. Один снорк распластался на полу с разорванной головой. Другой запрыгал, как мяч, подбираясь все ближе. Кровососы оказались умнее. Они вернулись за угол и иногда выглядывали, выжидая момент для атаки. Снорк был почти рядом, когда я наконец всадил в него длинную очередь. Серый поставил пулемет на сошки и лег. Он стрелял короткими очередями, не давая тварям выйти из-за угла. По ступенькам вниз сбежал Иваныч.

– Что у вас?..

– Забирай Курта! – рявкнул я ему. – Мы вас догоним.

Без возражений Зинченко потащил Лысого наверх. Я пятился за ним задом, держа коридор на прицеле.

– Серый, давай! Я прикрою!

Сергея поднялся с пола, подбежал ко мне. В это время у него из груди брызнула кровь. Сергея подняло от пола и швырнуло в стену. Воздух передо мной сгустился, потемнел. Кровососу трудно долго оставаться невидимым.

– Сука-а-а-а! – Я оглох от собственного крика. Пули рвали тварь в клочья, пока затвор не застрял в крайнем заднем положении. Это кончились патроны. Я присел возле Сергея. Он зажимал рану рукой и сучил ногами.

– Сейчас, сейчас, держись... – Я попытался подтащить его к лестнице. Оглянувшись – из-за угла высунулся кровосос.

– Оставь, Михалыч, – прохрипел Серый. Дрожащими руками он вытащил из противогазного подсумка две гранаты. Он протянул их мне.

– Я прикрою... – прохрипел он и зашелся кровавым кашлем.

Я поднял пулемет и выпустил пару очередей по осмелевшим тварям. Кровососы спрятались за угол.

– Давай... – Серый вновь протягивал мне гранаты.

Пелена застилала мне глаза. Неужели еще и контролер?! Нет, просто плачу. Я вытер слезы рукавом и выдернул чеки из гранат.

– Прощай! – Я крепко обнял Серого.

Поливая все пулеметным огнем, я пятился по ступеням. Я стрелял почти вслепую – слезы ручьями лились из глаз. Наверху я захлопнул люк, бросив сверху бесполезный пулемет без патронов. Иваныч уже забрался на рычащий мотором бульдозер и сел за рычаги. Как только я запрыгнул в кабину, он без лишних слов рванул с места. Только пыль за клубилась. Грохнул огромной силы взрыв. Даже на бульдозере мы чувствовали, как содрогнулась земля. Серый нас прикрыл, навсегда похоронив всю ту нечисть в старом бункере.

Полчаса мы неслись, не разбирая дороги. Один раз проехали прямо сквозь аномалию «трамплин». В тот момент нас тряхнуло, гулко хлопнул воздух... И еще раз... Нас оглушило, но все же мы вырвались из аномалии. Бульдозер оказался «трамплину» не по зубам.

...В стальном брюхе транспортного вертолета мы плыли над Зоной. А может, уже и за ее пределами. Мне было все равно. Я забился поглубже в угол, чтобы никто не мешал, и раз за разом прикладывался к фляге. В соседнем отсеке врачи уже колдовали над ногой лежащего под капельницей Курта. Ногу ему отрежут, а жить будет. Инвалиды в Европе не то что наши. Зуб даю – через пару месяцев у Курта будет такой протез, что он и в футбол играть сможет! Нам с Иванычем тоже предлагали медицинскую помощь. Мне сейчас ничего не нужно было, кроме как напиться, Иваныч тоже без царапинки. Только вроде как двинулся маленько. Сидит, поет:

– Солнце красит красным цветом стены древнего Кремля. Просыпается с рассветом вся советская земля!

На фотографию семьи при этом смотрит. Ну да ничего, это шок у него. Пройдет скоро. Вон, эскулап импортный уже ему укол вкатил. Успокоительное, наверное. Совсем устал старик. В его годы надо внуков нянчить, а не по Зоне шляться. Ничего, все теперь наладится. А я вот выпью еще. Помяну рядового Кабанченко Сергея, павшего смертью храбрых хрен знает где, в долбаном секретном бункере.

В голове уже гудело и ухало. Перед глазами вставали то кровососы, то снарки, то Серый. Я говорил с ними, кажется, еще смеялся. Где-то на грани сознания я еще понимал, что перебрал абсента и теперь у меня глюки. Однако, пока хватало сил подносить флягу ко рту, я пил, глотал зеленый яд, воспетый не побывавшими в Зоне поэтами.

А. Лобин ФИФТИ-ФИФТИ

Слон говорил, что в Зоне есть сказочно красивые места. Но они, наверное, где-то в другой стороне. Я пока видел только горелую лесопосадку слева и заросшую бурьяном низину справа. Рельсы, по которым мы шли, поросли бледно-желтой травой, так что и под

ногами ничего красивого пока не было видно. Слон шел первым, и его обтянутая кожей спина загоразживала мне половину горизонта.

Идти сильно мешала трава, которая не только путалась в ногах, но и скрывала сгнившие в труху шпалы, а главное – торчащие из них костыли, об которые я уже дважды споткнулся левой ногой. Но болело не сильно, значит, большой палец не выбит и не сломан, и, стало быть, Слону пока не надо вызывать для меня вертолет с «эсэсами».

Это хорошо, потому что, имея дело со Слоном, я всегда испытываю некоторое финансовое неудобство. Ведь это какой человек? Мама – банкирша, папа – главный редактор. Мог бы наш Слоняра учиться в Сорбонне и отдыхать на Сейшелах, только вот неинтересно ему ничего, кроме Зоны. Половина его этажа в доме занята снаряжением и виртуальными тренажерами, а вторая половина – библиотекой и личной кунсткамерой.

Но в настоящую Зону его все никак не пускали. Зато уж как пустили, он себя показал. Я даже начал бояться, что допуск отнимут обратно – так он скандалил с врачами (прививки делают не те!), затем в канцелярии (куда такие взносы за страховку?), и еще с кладовщиком (почему страховка двойная, а комплект снаряжения один?). Я так и понял, что плевать ему на всякие там допуски. Имея столько денег и находясь от Зоны буквально в паре километров, он бы уж нашел в заборе дырку. А я остался бы его ждать...

Не запутаться в траве, буйно растущей между шпалами, не споткнуться об эти клятые шпалы, не влететь с разгона в широкую слоновскую спину – эти и другие острые сиюминутные проблемы вытеснили из моей болящей головы даже страх перед Зоной. Слон, чем дальше, тем больше, тормозил, останавливался и оглядывался вокруг. Лично я ничего угрожающего не замечал, да не очень-то и пытался. Впереди был Слон, и если уж он ничего не заметит, так мне и пытаться без пользы.

– Ракетницу, – сказал Слон при разделе выданного снаряжения, – оставь себе. И детектор с аптечкой тоже.

Ракетница, детектор аномалий у него свои, много лучше того барахла, что нам дали. И аптечка есть, и еще много чего у Слона по карманам разложено. Фактически он забрал себе только маяк.

– Включишь ненароком – и все. И конец приключениям.

Деньгам тоже будет конец – вызов «Спасательной Службы» стоит столько, что и подумать страшно, но Слон об этом благородно умолчал, хотя страховой взнос и прочие услуги на двоих он оплатил...

Ну что ж, добились, чего хотели, – идем своими ногами по настоящей Зоне. Солнце еще высоко, но оно здесь какое-то неживое, как лампочка. Когда сидели у Периметра, помню, плечи грело очень ощутимо. Правда, тогда оно было уже в зените, потому что Слон вставать рано не умеет, а спешить не желает из принципа.

Ветер прошелся волной по бурьянному морю, упала горелая ветка. Слон остановился, сунув руку в карман, и полминуты постоял, к чему-то там прислушиваясь. Я пошевелил лопатками – спина от пота мокрая, хотя идем почти без груза.

– Присядем, – сказал Слон, опускаясь на рельс и доставая термос. А вот это он зря: его сто двадцать килограммов при росте метр восемьдесят – совсем не шутка. Разве можно с такой массой в Зону?! Ведь и пяти километров еще не прошли, а уже отдыхаем. И опять кофе пьем. А у самого и так темные мешки под глазами (тоже, значит, ночью не спал!), бледность и круги пота под мышками. Пожалуй, он до намеченной точки и вовсе не сможет дойти. Вот пройдем еще километр-другой, быстренько все испытаем – и обратно? Не ночевать же нам тут, в самом деле! А он потом так просто возьмет и вернется? Я бы на это не сильно рассчитывал – для него мой телеглаз и его испытания – всего лишь повод попасть в Зону. Значит, он куда-нибудь уйдет, не глядя ни на какую отдышку, и это может случиться достаточно скоро.

Поймите правильно – я очень надеялся на Слона. Да что там «надеялся», без него я бы просто и не подумал идти! Не знаю даже, что меня сильнее пугало – перспектива потерять его и возвращаться одному, или долгая прогулка в Зону с ним на пару.

Признаюсь смело: я боюсь. Боюсь давно, начиная, может быть, с того момента, как Слон показал мне жемчужину своей кунсткамеры – чучело слепой собаки. По мере приближения к Зоне страх усиливался. Он осел в моих легких, как дым сигарет, он забил все поры на коже и огромным солитером свернулся в кишечнике. Это только я, дурак, вчера вечером думал, что сумел его преодолеть. На самом деле он только спрятался, позволил мне немного притерпеться, чтобы заманить к себе в самое логово. И не случайно мысль – как бы все прекрасно сложилось, если бы Слону отказали в шестой раз, а он бы плюнул на все, нанял проводника и ушел бы в Зону без меня, – всю ночь и полдня не дает мне покоя.

Пока мы, правда, ничего ужаснее солдат на блокпосту не встречали. На самом деле это ведь еще не Зона, а так – полоса отчуждения. Я оглянулся – Периметра со всеми его колючками, растяжками и вышками уже не было видно – загораживала цепь навсегда обожженных напалмом бугров.

– Слушай анекдот, – сказал Слон, перед тем как достать бутерброды. – Летит самолет. Один нервный пассажир спрашивает у стюардессы, какие шансы долететь благополучно. Она и говорит: фифти-фифти. Он, конечно, весь бледнеет... Как, говорит, фифти-фифти?! А так, отвечает стюардесса, – или навернемся, или нет... Хочешь с колбасой?

– Да нет, спасибо... – Мне не хотелось колбасы. И кофе тоже не хотелось, и чувствовал я себя чем дальше, тем хуже. С той минуты, как мы вошли в Зону – и тоже, кстати, пили кофе с бутербродами перед выходом, – копилась у меня внутри какая-то горечь, тошнота подступала, сухость усиливалась во рту... Но не мог же я в этом признаться?!

Еще полчаса назад мне пришлось выгрузить под насыпь остатки утренних бутербродов, после чего я ощутил себя уже не умирающим, а просто похмельным. Литр минералки и два часа дивана могли бы сделать из меня человека. Жаль, что ближайший диван находился в вестибюле исследовательского центра. Мы провели на нем без малого двое суток: пока оформили заявку, пока дождались допуска в Зону. Вот уж не думал тогда, что захочу его еще раз...

– Але, Макс, ты как себя чувствуешь, кстати? – озабоченно спросил Слон, глядя мне в глаза. – Что-то ты бледный...

– Нормально со мной все. Пошли дальше. – Если не считать легкой головной боли и горькой сухости во рту, я действительно был уже почти в форме. Зря он смотрел так недоверчиво. Я что, обязательно должен был заболеть именно здесь и сейчас?!

– Может, все же глотнешь? Последняя чашка осталась, – сказал он как-то неуверенно.

– Не хочу.

– Ну ладно, пошли... Только теперь ты давай вперед. Хоть на глазах будешь... – Он выплеснул остаток кофе под откос и пропустил меня вперед.

Я подумал, что сейчас он начнет меня инструктировать, чтобы я падал мордой в грязь по первой же команде и не смел сворачивать в сторону. Но он ничего такого не сказал.

Идти во главе мне, в общем и целом, понравилось. Можно было не думать про Слона и не ждать, что его вот-вот сожрет какая-нибудь гадость, а просто переставлять ноги и глядеть по сторонам. Страх никуда не делся, но теперь он добавлял адреналина, а не изводил своими жуткими фантазиями.

Впереди замаячило какое-то строение, и я невольно прибавил шаг: в Зоне стены ничем не лучше открытого поля, но инстинкты городского человека в один день не рассосутся.

Три полосы дорожного полотна, которые здесь же и кончались – рельсы упирались в бугор, за которым тянулись только развалины. То, что я принял за здание станции, оказалось всего лишь стенкой с окошком и надписью «Касса». Единственный уцелевший объект – дощатая будка с двумя дверями, стоящая метрах в полста от платформы. Я в который раз подивился чувству юмора, которое, кажется, было у Зоны: бетонные столбы упали, стенки в два кирпича завалились, а уличный сортир стоит, как скала.

– Видишь дорогу? – спросил Слон. Я кивнул: как не заметить, проселок довольно приличный и травой не зарос. Он продолжил: – Если пойти налево, выйдешь прямо в Зону, к

Свалке, а если направо – через три километра блокпост. На дороге нет мин, только сигнальные растяжки...

– А если назад по железке? – спросил я, стараясь, чтобы это выглядело шуткой. Мне вдруг показалось, что он не зря так подробно объясняет дорогу домой.

– Назад нельзя, – неожиданно резко проронил Слон и пошел к сортиру, не выпуская из рук свою сумку.

Тоже мне, эстет. На людях ему, видишь ли, стыдно. Ну еще бы – дома у него личный туалет и отдельная ванная. А если в этом заведении парочка зомби себе логово свила?

Что ж, будем надеяться, Слон знает, что делает...

Просто так стоять и ждать было как-то неловко, и я занялся тем, зачем мы сюда по легенде явились, – испытаниями. Благо для этого не требовалось ничего, кроме свободного места. Аккумуляторы не сели, объектив функционировал нормально, капризничали только программы – все же они были предназначены для работы профессиональных видеокамер, зафиксированных на упоре, а не для любительских съемок. Изображение на экране планшета то плыло, то дрожало, и приходилось его постоянно регулировать, резать на отдельные стоп-кадры.

Снимать на DVD выход Слона из сортира я не собирался, поэтому в ту сторону принципиально не смотрел. В какой-то момент я увлекся и потерял счет реальному времени. Опомнился только после того, как мой бумеранг задел одной лопастью стенку и кувыркнулся в пыльную траву. Тогда я понял, что прошло уже не меньше получаса, что дверь в сортире открыта настежь и Слона нет, хотя все время было очень тихо...

В эту сторону мне хотелось меньше всего, однако если Слон ушел, то направиться он мог только к Свалке. И была эта дорога много хуже той, по которой мы прошли от поста и до станции. А я еще шпалы ругал... По сравнению с этими колдобинами полуразложившееся железнодорожное полотно с торчащими во все концы костылями было просто паркетом. Хуже всего обстояло дело с кругозором: проселок метался и вправо и влево, то вниз нырял, то вверх выскакивал, и вокруг все поросло этим самым проклятым чернобылем, прикрывалось кустами, а в одном месте на обочине стояли два грузовика, причем один практически рассыпался от ржавчины, а второй всего лишь оброс рыжим мхом. В общем, как-то так все время получалось, что где-то рядом, не дальше выстрела из рогатки, было место, где мог спрятаться хоть целый кровосос. Это здорово мешало мне идти, зато не было возможности думать о Слоне.

Я его не нашел. И это было не только страшно, но и странно до жути. Все-таки сто двадцать килограммов живого человека не могут так просто взять и растаять без следа. А все так и выглядело – ни крика, ни крови, ни даже травинки примятой.

Ясно было – он ушел. И сначала, осмотрев ближние ямы и груды мусора, я испугался за себя и обозлился на него. А потом подумал, что его мог увести контролер или другая местная нечисть, и тогда стал злиться и бояться наоборот.

До сих пор горжусь, что на раздумья мне хватило всего трех сигарет. Решающим аргументом стала мысль о том, что вот вернусь я один в родной город и придется всем (а это не меньше двадцати человек, в том числе его маман) по отдельности рассказывать, как так вышло, что я вернулся, а он – нет. Уверен, меня никто не обвинил бы всерьез, но друзей пришлось бы поменять все равно...

Короче, я встал и пошел. Сначала наугад, как ночью по тайге, затем одумался и начал каждый метр впереди гайками прощупывать. В этом стиле за час я прошел не больше километра. От постоянных наклонов – гаек при мне было не особенно много – у меня заболела спина, зато в голове от прилива крови несколько прояснилось.

И я перестал пучить глаза – все равно «мясорубку» или «изнанку» просто так не увидишь, а стал полагаться на детектор, который вполне исправно сработал перед «комариной плешью».

Я в одиночку шел по Зоне уже... третий час, и меня еще не съели. Как там Слон говорил: фифти-фифти?! Минусов было два: я не видел ни Слона, ни следов его присутствия, и кроме того, становилось все темнее...

Переломный момент наступил раньше, чем темнота затопила Зону. Я не выспался, я был на ногах уже часов восемь, мне приходилось постоянно смотреть под ноги, вперед, вокруг и на экран планшета. Я кидал и ловил бумеранг, вытаскивал и вновь совал в карман ракетницу. Курил на ходу, потому что останавливаться я боялся. Детектор обнаружил несколько аномалий, но их я обошел без особых проблем. А потом я поднялся на бугор и увидел, что дороги дальше нет – ее начисто завалило. Выглядело это так, словно кто-то вел самосвал, груженный железным ломом, а потом его позвали отвезти кому-то гарнитур, и он свалил весь груз прямо на дорогу и уехал.

Это еще не была сама Свалка – ее кучи виднелись метрах в ста дальше. По идее, обойти этот вал было можно, но с обеих его сторон были густые насаждения, через которые я и днем идти не рискнул бы. Сам завал возвышался чуть выше моей головы, и лежи это железо где-нибудь в Пензенской области, я бы обязательно полез напрямик. Детектор, кстати, молчал уже по меньшей мере час. Я даже тревожиться начал: полное отсутствие аномалий – это тоже ненормально, а стало быть, опасно до смерти.

Тогда я лег на спину, прямо на дорогу, закурил и зажмурил глаза. Почему бы, собственно, и нет?! Здесь и сейчас – в сгущающихся сумерках Зоны – было совершенно все равно, лежу я, сижу или бегу назад с воплем «Мама!». Хотя нет – бегать здесь было самоубийством.

И Слона я не нашел. И оружия у меня не было. И вообще я дурак! Назад нельзя, дорога перекрыта, ночь – и что я буду делать?! Это называется – попал! Чего мне дома не сиделось?! Нашел кому верить – он и сам, быть может, уже в чьем-нибудь желудке, и я тут надолго не задержусь!.. А затем я представил Слона, сидящего в сталкерском склепе, и то, как он угощает народ из своей фляжки настоящим коньяком, и ощутил что-то вроде ревности. Все же он скотина – ведь мог бы и прямо сказать, а не бросать как малого в детсаде!

Именно злость на Слоняру помогла мне собраться с силами и встать с тропы. Украинская ночь была действительно тиха, и звезды блистали исправно, но здесь, внизу, от этого светлее не делалось. Еще раз, теперь уже с фонариком, я осмотрел окрестности. Где-то метрах в двухстах сзади остались какие-то развалины, но возвращаться туда с фонарем по своим же следам было слишком опасно. Зато в трех шагах от дороги стоял старый «УАЗ» с металлическим кузовом. И ничего другого здесь просто не было: ни дома, ни ямы, ни дерева, на которое можно было бы влезть.

Сначала я проверил машину детектором, потом попытался снять своим телеглазом, бросил наугад пару гаек. Ничего. Только вылетел со звоном последний кусок бокового стекла. Еще минуты две я стоял, пытаюсь вспомнить, как назывался двадцать лет назад тот ящик, в который запирали задержанных: «собачник», «клоповник»? Не вспомнил.

Одно знаю точно: я был первым в мире человеком, который влез туда добровольно и с благодарностью.

Зря все же смеются над ульяновскими машиностроителями. Пусть этот вездеход в области дизайна мог соперничать только с гробами и школьными партами, зато кузов был сделан на совесть! Выкрошились стекла, сгнили сиденья, колеса ушли в землю по самые оси, а решетка на двери, стойки и днище вовсе не спешили рассыпаться в труху. Я беспокоился за петли, но и они функционировали исправно, хотя, конечно, с жутким скрипом. Серьезным недостатком конструкции было отсутствие запоров и ручек изнутри. Да и снаружи ручек не было, а замок был выдран «с мясом», так, что сквозь дырку были видны гильзы на полу.

Эта дырка подсказала мне решение. Следующие полчаса я занимался тем, что пытался ножом проковырять еще одну дыру в другой двери. В моем универсальном ноже имелись разные приспособления, в том числе бокорезы, напильник и пила, но не было ни одной электродрели, а без нее трудно проделать дырку даже в ржавом железном листе. И вот я стоял с фонариком в зубах и терзал проклятую русскую сталь то напильником, то бокорезами, а за спиной у меня шелестел, скрипел и лязгал металл.

Несколько раз я не выдерживал и оглядывался, даже светил фонарем и не видел ничего особо страшного. Но стоило мне отвернуться, как волосы на затылке начинали

вставать дыбом и чесалось между лопаток. И я уже совсем уверился, что куча эта разумна и ночью ползает вперевалку по округе, подгребая под себя столбы и провода, колючую проволоку, сломанные скамейки и ржавые машины вместе с их содержимым.

Что ж, нервы есть нервы, если они вообще есть...

Я не смог сразу взять и залезть в железный ящик, когда в двадцати шагах от меня творилось нечто совершенно непотребное. То есть я это чувствовал, но не видел практически ничего. Убедить себя, что самоходных свалок не бывает даже в Зоне, я мог только подойдя к ней вплотную и лично все пощупав. Было бы светло, ей-богу – так бы и сделал!

Было бы светло? Что ж, это можно...

Я проверил ракетницу, убедился, что заряжена именно осветительной, и выстрелил. Маленькое белое солнышко прыгнуло из моей руки вперед и вверх и несколько минут исправно освещало эту ржавую мерзость, а затем плавно опустилось вниз, разорвавшись напоследок снопом искр. То, что я увидел там в последнюю секунду, начисто выбило из меня всякий страх, и я даже сделал два шага вперед.

«Сталкерская лихорадка» действительно существует – это не выдумка жадных на чужие заскоки психологов и не простой профессиональный перекосяк! Иначе откуда ей взяться у меня – человека, который в Зоне меньше суток?! А я ощущал все три описанных симптома: зуд в ладонях, жжение в области солнечного сплетения и учащенное дыхание. Там, у подножия кучи, лежали россыпью собачьи кости и черепа. Как же я их сразу не разглядел?! Лежал, курил, на истерики время тратил! А потому, что искал не сокровища, а дорогу домой. Скелетики были уже и чистые, их, похоже, не одну неделю обмывали ласковые здешние кислотные дожди. У Слона, помню, был крест – свастика из четырех кривых клыков черномыльского пса. За эту феньку он, между прочим, выплатил полную стоимость спортивного мотоцикла «Хонда». А я заметил не меньше шести черепов, так что...

Удержал меня, конечно, не страх и не брезгливость, а единственно мысль о том, что в темноте я своими бокорезами больше поломаю, чем добуду, и лучше с этим делом подождать до утра. Отдал бы лишних полсотни, имел бы нож с нормальными плоскогубцами. Да, знать бы, где упадешь...

Приступ жадности был последним, что я смог вынести: слишком мало я спал прошлой ночью, слишком много беспокоился с утра и боялся вечером. Нервы у меня были, и они были всего лишь нервами – я устал. Поэтому, молча и не раздумывая, влез внутрь, пропустил через дырки кусок стальной проволоки и скрутил ее концы. Теперь, если только у местных мутантов не было кусачек, унести они меня могли только вместе с машиной. Остались небольшое зарешеченное окошко и отдушина в салон, но в них зверь крупнее крысы пролезть не смог бы, а я больше всего боялся почему-то зомби.

Сколько я пролежал в глухом забытии, не знаю. Я не засекал, когда вырубился, но когда собрался покурить, было двенадцать без пяти. Хотелось пить, курить и есть одновременно, а еще очень мешал жить мочевой пузырь. Возиться с проволокой не было терпения, и я облегчился в щель под дверью, затем попил, стал думать, оглядываться и вообще приходить в себя.

Итак: я запер себя изнутри в коробке, достаточно большой, чтобы вытянуть ноги. В свете фонарика я обследовал ее и нашел три гильзы от «макарова», резиновый коврик на полу и большую гайку, причем бронзовую, если судить по цвету и весу. А больше ничего интересного не было – ни скелетов, ни оружия, ни тайника со спиртом и артефактами. Из развлечений оставались только сигареты, и я закурил. А чтобы не думать о том, какой я дурак, я стал думать о водителе этой машины.

Вот ведь жил человек, серьезный и аккуратный, любил свой «уазик», мыл его и профилактику делал, постелил тут коврик, чтобы легче было отмывать блевотину и кровь после криминальных «пассажиров». Я не знал, как выглядела тогда форма украинских ментов, поэтому представлял себе средних лет мужика с короткой стрижкой и в нашей серой форме с красно-сине-белым на рукаве. Но это, впрочем, неважно.

Хорошо, если он остался жив, если сумел бежать перед тем Выбросом, который накрыл этот участок. Тогда он сейчас на дежурстве: зевает над телефонами, глядит на часы,

треплется по рации с патрульными или впикивает в камеру очередного клиента. А может быть, он сейчас уже в отставке. В таком случае уже спит. Может быть, он спит перед телевизором после четвертой банки пива, а может быть, в кровати с женой, или на даче давит массой надувной матрас или гамак.

А скорее всего, это он оставил те гильзы, что я сейчас в карман положил. Иначе как вообще они могли сюда попасть? Это было, наверное, так: он пытался вырулить задним ходом на дорогу, а его напарник стрелял прямо через лобовое стекло из укороченного «калаша» на 5.45, который кровососам идет вместо массажной щетки. И какая-то тварь стала рвать ручку на задней двери и оторвала ее, тогда он, спокойный и собранный профессионал, развернулся назад, далеко вытянул руку внутрь через вон ту дыру в перегородке и трижды выстрелил этой гадине прямо в морду. И даже не из «макара» засадил, а лучше из «стечкина». И она упала под колеса, мешая проехать. А им пришлось вылезти...

Но если так, он вряд ли сидит с женой у телевизора. Больше шансов, что днем он лежит где-нибудь тут неподалеку в канаве теплотрассы, а ночью бродит вокруг и в самые темные ночи приходит к своей машине, пинает давно сгнившие скаты, садится за руль на давно сгнившее сиденье и бессмысленно крутит руль, улыбаясь только верхней челюстью, потому что нижнюю давно потерял. А я тут на его любимый коврик пепел стряхиваю...

Я аккуратно погасил сигарету, затем спокойно досчитал до десяти и сделал ровно два глотка из фляжки.

Воображение мое – мой главный враг, я это знал и без Слона, который повторял мне это к месту и не к месту. Может, я и вправду зря пошел на радиотехнический? Может быть, по мне цирковое училище плакало?

Воды оставалось немного. Глотка три, четыре – максимум. И шоколад я съел еще на станции, остался брусок чего-то сублимированного, концентрированного и одобренного министерством.

После еды стало не то чтобы лучше, а как-то яснее, что ли... Ясно стало, что я в дерьме, но не в полном, а только местами. Ясно стало, что выход у меня только один – скоротать оставшиеся до рассвета часы и двинуть на выход. Несколько беспокоила необходимость возвращаться на станцию той же дорогой. Но это было скорее суеверие, чем четко сформулированный закон, а главное – других дорог я все равно не знаю.

И как вернуться, всю серию «Сталкер» снести в букинистический, журналы все туда же, DVD и фото стереть на хрен, а сувениры выслать Слону почтой! С ним придется разбираться на месте, конечно, если он вернется... А еще лучше не разбираться с ним никак – пусть сам живет, как может...

Этот план меня так вдохновил, что я даже начал понемногу собираться: вытряхнул в портсигар сигареты из последней пачки и переложил в другой карман ракетницу.

Луна взошла в конце концов, но мало чего осветила. Мутноватая мгла расслоилась на множество теней и бликов, вот и весь ее оптический эффект. Причем подсветка шла со стороны Свалки, поэтому мне было видно только самый верх кучи, где арматурные прутки и еще какие-то железки помельче торчали, словно шипы на спине у дракона.

И эта картина мне очень не нравилась, хотя на стенке где-нибудь она смотрелась бы превосходно. Что-то у меня такое в голове вертелось, с этой кучей связанное, что-то я такое заметил или подумал, когда увидел ее в первый раз. Что?!

Я лег на спину и начал отслеживать свои мысли и ассоциации в обратном порядке. Почему я выбрал это место? Не было сил идти дальше? Нет... Нет. Просто этот железный вал очень точно отрезал меня от Свалки и центра Зоны. Я еще подумал, что он меня очень удачно прикроет с тыла, потому что через такое препятствие не пройдет – во всяком случае, бесшумно не пройдет – даже крыса... Где-то здесь она крутилась, эта мысль... Вал, забор, Дракон, куча, железный вал, Дракон железный...

Я отвернулся и посмотрел на тропу. Там ровным счетом ничего не происходило. Жидкий, лунной подсвеченный туман залил все ямы и рытвины, но выше не поднимался. Бугор, на который взбегала дорога, был освещен хорошо, однако, кроме куста полыни, рассматривать на нем было нечего.

Тогда я лег опять. Все равно сделать пока ничего не мог. Зрела мысль – срезать к черту проволоку, приоткрыть дверь и вывалиться боком на грунт. И – назад, назад, по буграм и ложбинам, можно даже ползком. Но с этой мыслью я пока успешно справлялся: пусть и чувствовал себя теперь не солдатом в окопе, а скорее рыбкой в банке, зато здесь было тихо. А в той стороне, откуда я явился, стреляли из «калашников» короткими очередями, а в другой стороне, куда я шел, были собаки.

Следующие час или два прошли плохо. Уснуть я даже не пытался, а пытался думать о чем угодно постороннем: какая сука Слон, какой идиот я, и остальное в том же духе. Потом, конечно, не выдерживал: садился и смотрел на Это. Посмотрев, заставлял себя отвернуться и закурить. С каждым разом отворачиваться и не смотреть становилось все труднее.

Сначала я все валил на свое больное воображение и расшатанные нервы, но в конце концов стало ясно, что Дракон мой действительно оживает.

Я убедился в этом, когда догадался подключить свой телеглаз. В инфракрасном режиме очень хорошо было видно, в самом сердце этого монстра разгоралась красная искра, которая затем стала с огонек сигареты, а еще чуть позже – как пламя в паровозной топке. И острее запахло электросваркой, тихое потрескивание, какое издают старые кинескопы и ламповые радиоприемники, сменилось трансформаторным гулом. И вот уже без всякой техники стали видны голубые огоньки пока еще где-то в самых недрах железной груди.

Красивым я бы это зрелище не назвал, а вот завораживающим оно было: из ее глубин выскальзывали маленькие голубые огоньки, и скоро Дракон стал похож на новогоднюю елку или пень, усыпанный светлячками; из самой длинной и прямой трубы, как гоголевские ведьмы, выплыли две шаровые молнии и деловито уплыли в глубь Зоны; какие-то светящиеся нити потянулись вверх. Затем огоньки приобрели разноцветность, и уже представить было невозможно, что всю эту красоту выдает куча мятого железа. Тем более что вся эта сказка творилась на моих глазах – буквально рукой подать – круче любого лазерного шоу.

И я, конечно, перерезал бокорезами проволоку и открыл дверь. Сидеть, свесив ноги наружу, оказалось намного удобнее, только порог больно врезался в зад. Но даже в такой позиции я готов был любоваться Драконом весь остаток жизни. Собственно говоря, почему бы и нет?! Здесь, в Зоне, хорошего было немного – еще предстояло куда-то идти, напрягаться, бояться и думать, чтобы выбраться туда, где тоже, в общем, было не особенно сладко.

Впечатление несколько портили грохот, скрежет и лязг. Дракон, проснувшись, начал шевелиться, и посыпались со звоном мелкие чешуйки, лязгнули кости, скрипнули мышцы. В движении железо выбрасывало самые яркие и неожиданные сочетания, а застывая, приобретало только мертвенно-синий цвет, наподобие огней Святого Эльма. И светящиеся нити втянулись обратно.

Тогда я начал выворачивать карманы и бросать ему все железное, что нашлось: ракетницу, нож, все гайки Слона, ключи от квартиры и ключ от камеры хранения, остатки проволоки, планшет, отвертку... От каждого попадания в месте удара взлетала маленькая радуга и сноп красно-голубых искр. Это было прекрасно, но мало, тем более что добросить что-нибудь до верха никак не удавалось – гайки и ключи были легкие, ракетница тяжелая, а ножом я позорно промазал. Последним, что осталось при мне металлического, была фляжка.

Я прицелился, размахнулся и бросил.

Помню яркий сноп зеленых искр. Помню длинную красную молнию, летящий у меня над головой мусорный бак, помню судорожное мигание чего-то тускло-желтого. А потом я повернулся и побежал...

Я пришел в себя после того, как мне ткнули стволом в лоб, но не сразу. Сидел, крутил головой, удивлялся, что жив. Удивляться как раз было чему – даже здесь, за бугром, валялись обломки железа. Гарью пахло так, что глаза слезились.

– Налюбовался уже?

Ствол никуда не делся, он смотрел мне прямо в лоб. Держал его сталкерского вида мужик. Еще один стоял рядом и целился из пулемета в другую сторону. Судя по военизированной форме и мощности вооружения, оба они были из «Долга». Это радовало,

поскольку именно «Долг» охотнее других участвовал в спасательных операциях, защищая людей от Зоны. С другой стороны, людей, которые лазили в Зону за приключениями – вроде нас, двух идиотов, – они иногда совсем не спасали.

– Все чисто! – Из кустов вышел третий «должник», но не со стволом наперевес, а с детектором в руках. – На сто метров вокруг ни одной аномалии!

– Ну, еще бы, – отозвался первый, – если рядом с Трансформером. Вот посмотри на чудика, – он не стал показывать на меня, в этом, видимо, необходимости не было. – Вот тебе два чуда природы сразу! Во-первых, устроился на ночлег рядом с Трансформером, а во-вторых, остался жив.

Они посмотрели на меня еще, но без особого интереса. Собственно говоря, на что смотреть? Каждый, кто прожил в Зоне больше двух часов, такой же счастливчик...

«Должник» дождался, пока я встану, и сказал:

– Пошли, чудила...

И мы прямо через останки моего Дракона, которого они называли Трансформером, прошли мимо Свалки, потом свернули налево и часа через два оказались за колючей проволокой, где посреди огороженного пространства стоял один, но очень большой купол.

Сталкеры в него не вошли. Двое остались снаружи, а Первый и я прошли и сели в тамбуре, там специально для этого стояли самые обыкновенные парковые скамейки. Слишком долго мне ждать не пришлось: мы как раз прикончили по сигарете, когда к нам вышел солидный такой дядя в белом защитном костюме.

– Привел? – спросил он у сталкера так, словно меня тут и не было.

– А то! – ответил тот. – Лежал хлопчик аккуратно посреди разорвавшегося Трансформера. Но целый, везет ему. Получи, Михалыч, а рассчитаешься, как договорились.

– Вот как? А что детектор, не сработал?

Во мне стало нарастать какое-то глухое раздражение. Не то чтобы я претендовал на особое уважение, а только я к ним в питомцы тоже не нанимался.

– Не сработал ваш детектор. Вот! – Я сунул ему руку с прибором под самый нос. Эффект был – солидный глянул на выданный с их же склада детектор аномалий и сел на скамейку. При этом он как-то странно то ли свистнул, то ли всхлипнул. Сталкер тоже поинтересовался и тоже свистнул, причем очень громко, а потом сказал:

– Типичный случай дикого везения... Имей в виду первое, что надо делать с казенным детектором, это менять аккумулятор. Он у тебя еще вчера вечером сдох, понял.

Вообще-то детектор получал не я, а Слон. Помнится мне, тот гриб, с которым он тогда скандалил из-за снаряги, что-то такое действительно говорил... Но виноват, конечно, я сам – не надо на приятелей надеяться. Так я сидел и курил, приходя понемногу в себя, а они поговорили-поговорили, и «должник», подмигнув мне на прощание и даже хлопнув по плечу, вышел.

– Понравился ты им, – закулив, сказал Михалыч. – Соберешься в сталкеры, просись в «Долг». Могут взять тебя и сделать человеком.

– А почему это я обязательно должен проситься в сталкеры?

– Потому что статистика. Если уж не смылся в первые два-три часа, значит, еще вернешься, это проверено. Ладно, ладно... Знаю, что ты думаешь: «Домой и в Зону ни ногой!» – это все сначала так думают. Говорю же – линять отсюда надо в первые же часы. Максимум – полдня, иначе все, не вырваться... Чего уж там... Вертолет вызывать будешь? У тебя еще один рейс оплачен, – сообщил он деловито.

– Что значит еще один?

– То и значит, что первым улетел твой приятель, этот... толстый.

– Улетел? – спросил я тупо.

– Еще вчера. Аварийный вызов прошел часов в семь, точнее не помню. Ближе к десяти мы его и забрали. А тебя не смогли, ты же в Зону ушел. Так тебе вызывать вертолет? А хочешь – до вечера подожди. Вечером грузовоз будет, бесплатно прокатишься.

От вертолета я, конечно, отказался – меня сейчас больше волновал Слон.

– А он... где был?

– Да там же, на станции. Влез, говорит, в какую-то яму и ногу подвернул. Сказал, что ты куда-то сам умотал. – Михалыч посмотрел мне в лицо и заботливо предложил: – Чаю хочешь?

Я кивнул, и он ушел. А я, пока его не было, все пытался загнать в одну извилину Слона, вертолет и аварийный вызов в семь часов. Да еще со станции... Что с ним могло случиться?! Где он был?! Почему не откликнулся?! Как мы вообще могли разминуться?!

Ни на один вопрос ответа у меня не было.

А Михалыч кроме чаю в термосе принес еще и бутерброды с колбасой на тарелке. Вкусно.

– Ничего не понимаю, – сказал я, глотая первый бутерброд.

Он глянул на меня и осторожно так спросил:

– Ты что, с приятелем своим не ссорился?

– Нет.

– И не терялся?

– Это он терялся. А я на станции сидел, меня тогда тошнило немного...

– Вот оно значит что... – протянул он. – То-то мне его история показалась странноватой... Тогда ты, стало быть, и не понял ничего. Н-да... Который год в Зоне, к зомби привык, к кровососам тоже, а к человеческой изворотливости привыкнуть никак не могу... Ты думаешь, что тебя пустили в Зону, чтобы ты мог свой «велосипед» там испытать? Ты меня, конечно, извини, но такие штучки наши парни используют уже лет двадцать. Бумеранг – оно, конечно, и дешево и сердито, но с мини-вертолетов все же лучше видно.

– А зачем тогда?

– Вас туда пустили, потому что твой друг оформил шестую заявку.

– Не понял.

– Да что тут не понять. Из ста человек, которые просятся в Зону, только пятеро, не больше, идут туда по делу. Еще пятьдесят мечтают стать сталкерами, еще двадцать просто психи. Есть такие, что верят в Монолит или ищут вход в иные миры – это, в общем, те же психи... И есть еще процентов десять, которые в Зону вовсе не собираются!

– То есть как?

– То есть так! Присылают неправильно оформленные анкеты, забывают указать группу крови, не проходят медосмотр – много есть способов.

– А смысл?

– А это уж тебе виднее. Может, перед девушками покрасоваться – вот он я какой крутой, аж в сталкеры хочу, да злые дяди не пускают. А может, родителей попугать – тоже неглупо.

Я промолчал в ответ. Потому что вспомнил, как красиво Слон получал свои отказы. Он заходил в курилку и стрелял любую сигарету. Делал ровно три затяжки и топтал бычок ногами. Он выходил молча, а всем было ясно – эти гады опять обломали Слона...

– В общем, от таких клиентов есть особое средство: если приходит пять липовых заявок, на шестую автоматически дают «добро». Как правило, это помогает. А сейчас вас было двое, и он не посмел отказаться открыто. Выбрал другой вариант – вызвал спасателей. Сейчас, я думаю, уже пересекает границу с Россией. Только ты ему подгадил – не на выход пошел, а прямо в Зону. Неужели спасти его собрался?

И опять я ничего не ответил. И не то чтобы мне было стыдно: подумаешь, человек, которого я считал другом, оказался дешевым пижоном. Ах, как резко он спорил с должностными личностями! А как заботливо интересовался, не похужело ли мне от его кофейку с атропином? Ведь он бы меня спас, он бы сразу на законных основаниях спасателей вызвал. И в срыве программы виноват был бы я – ведь он меня больного бросить не мог!

Сука он, конечно!

Просто не о чем тут было говорить – это было опять фифти-фифти... Да и в прошлом это все... И чтобы перевести разговор на другое, я спросил:

– А что такое Трансформер?

– Аномалия, конечно. Конденсирует энергию в бешеных количествах – здесь ведь электричество прямо из земли прет, как в нормальных местах вода.

– А он опасен?

– В смысле убить – даже очень. В активном состоянии просто сорит шаровыми молниями, да и обычным разрядом может достать за сто метров. Другое дело, что видно его хорошо, даже и без детектора, – это же просто куча железа. Оно само там намагничивается и притягивает – за пару месяцев на ровном месте пустая бочка может собрать гору с хороший сарай. Слава богу, что мелкие еще безопасны, а большим много энергии надо – между двумя Выбросами не всегда успевают набрать. А если над активной аномалией идет дождь или снег – вода, в общем, – получается короткое замыкание, поэтому действительно большие Трансформеры встречаются редко. Ходят слухи, что они дают излучение, которое гипнотизирует живые организмы, даже людей. Человек под их воздействием как бы дуреет, раздевается и идет в пекло сам – но это слухи.

– Насчет излучения, скорее всего, слухи. Просто он очень красивый...

– Ты что, видел его?! – Всю рассеянность с Михалыча как ветром сдуло.

– Метров с двадцати. Я же рядом ночевал, в пустом «УАЗе». Жалко, в инфракрасном режиме такой красоты нет, а в обычном ночью ни черта не видно.

– Так ты что, умудрился сделать запись? А ну-ка, давай поглядим... – И директор базы «Зона-2» торопливо распахнул дверь лаборатории...

Сергей «Jacksom» Якушев В ЗОНЕ ОПЯТЬ ШЕЛ ДОЖДЬ...

В Зоне опять шел дождь. Так бывало достаточно часто – после второй катастрофы здесь воцарилась Вечная осень, с ее промозглыми туманами, противными дождями, низкой облачностью и безнадегой. Говорят, на Большой земле все это становится причиной многих самоубийств – после летнего буйства красок осенние пейзажи наводят жуткую депрессию. Не помню. Давно это было.

Холодные капли мелко слетали с неба, затянутого свинцово-серыми тучами, и стучали по крыше старого ангара на бывшем заводе «Росток». Я сидел на холодной бетонной плите рядом со своим матрасом и прислушивался к дождю. Сейчас его было хорошо слышно. Замолкли ежедневные пропагандистские увещания долгового рупора и призывы Бармена, в вечернем воздухе разносились печальные, часто исчезающие из-за отвратительной записи напевы женского голоса. Какая-то давно забытая песня. Она иногда возвращается во сне, вместе с картинками из прошлого. Замолчали гитары у костров – кто-то ушел в рейд за хабаром, другие уже легли спать, и только дрова негромко и виновато потрескивали, словно тоже не решаясь нарушить неожиданное спокойствие вечера. Стихли дневная стрельба и пьяные выкрики жаждущих крови мужиков в Арене.

Я любил это время. Эти несколько минут тишины всегда давали мне возможность расслабиться, снять напряжение рейдов, общее постоянное ощущение угрозы, вызванное Зоной и далекими вздохами ЧАЭС. Их называют Выбросами. Жуткими, расширяющими Зону то в одну, то в другую сторону, порождающими новые аномалии и до неузнаваемости изменяющими ландшафт. Зона жива, она дышит и развивается.

Костер за спиной приятно согревал и дарил надежду, что все остается прежним. Но это была иллюзия.

Последний Выброс был самым страшным за все полтора года, что я провел в Зоне. Навсегда исчезли Лиманск и путь к подземельям Припяти. Не осталось обходного пути к самой Припяти – только через Выжигатель Мозгов. Радиоактивные пустоши и бескрайние поля аномалий перекрыли привычный путь к Болотам, Рыжему лесу и еще многим другим, ставшим почти безопасными и обжитыми, местам Зоны. Росток уцелел, как и укрывшиеся в нем сталкеры. Теперь пришло время все начинать сначала.

Мягкие вибрирования ПДА привычно разбудили меня ближе к утру. Горизонт на востоке окрасился красным, и небо светлело. Со стороны Янтаря – теперь уже почти пересохшего озера – опять тянулся туман.

Мой рюкзак был собран еще с вечера. Я проверил кислородные баллоны и маску своего костюма. Уложил в карман разгрузки личный дозиметр. Набросил на плечи легкий рюкзак с припасами. «Эксклюзивная» «ГШ-18» – в кобуре на бедре, штык-нож на левой лямке «РПС», а выдавшая виды «АКСУ» на шее. Свернул матрац и спустился из ангара.

Росток оживал. Зевая и негромко переговариваясь, мимо прошел патруль «Долга» – здоровенные парни в черных комбинезонах и с «Абаканами». Под конвоем пятерки свободовцев хмуро прошагали к Арене мародеры, видимо плененные ночью. После Выброса все группировки объявили временное перемирие, и на Росток заглядывали не только «анархисты», как называли должовцы сталкеров клана «Свобода», но даже наемники.

Свой маршрут я проложил вчера вечером. Сначала Милитари – район военных складов, вотчина «Свободы». Затем оттуда через Темный лес в Темную долину. Там, если получится, на Кордон к Сидоровичу, у торговца с прошлого месяца остался должок за пару услуг. А уже оттуда через Свалку обратно на Росток. Этот путь еще месяц назад был вполне безопасным, но поэтому абсолютно невыгодным – все мало-мальски ценные артефакты там уже давно были собраны. Но сейчас, после Выброса, старая дорога просто исчезла. Предстояло отыскать новую.

Это всегда было прерогативой одиночек. Найти дорогу, доказать, что она почти безопасна. Нанести на карту все обнаруженные аномалии и радиоактивные поля. А дальше новой дорогой пользуются все: мародеры устраивают на ней свои засады, кланы начинают драться за контроль над нею, а одиночки, подставляясь под пули и тех, и других, попадая в аномалии и зубы тварей, ищут новые пути.

Я отлично знал, что шел по своему пути первым. В этом был свой риск, но и своя выгода. Если повезет и не вляпаюсь по глупости в «воронку» или «мясорубку», не попадусь на обед кровососу или стае слепых псов, удеру от снарка или контролера, то, вполне возможно, вернусь на Росток с мешком новых артефактов и смогу перевести домой еще пару тысяч. А если совсем повезет, то смогу навсегда покинуть Зону...

Тут я всегда криво усмехаюсь. Это болезнь – думать о том, что можешь вернуться. Из Зоны не возвращаются. Даже мертвым. Это знают все, но продолжают мечтать.

Мимо должовского блокпоста с заляпанными кровью воротами, усеянным трупами слепых псов асфальтом и осоловевшими от недосыпания и страха патрульными я выхожу к перекрестку. Впереди на западе – дикая территория Ростка. Железнодорожная станция, стройка и путь на Янтарь. Наемники, бандиты, зомби, «Мозг в колбе». Направо на север – Милитари. Мне туда...

Едва корпуса завода остаются позади, и я оказываюсь на дороге один, делаю первую отметку на карте ПДА – точка старта. Затем загоняю патрон в патронник и ставлю автомат на предохранитель. До первых хуторов Милитари несколько километров, а здесь, среди холмов, очень любят поджидать свои жертвы мародеры. Осторожно отхожу с дороги в кювет и достаю бинокль.

Внимательно осматриваю горизонт, чертыхаясь про себя – солнце уже вылезает из-за горизонта, и мой бинокль наверняка бликует. Но выхода нет.

Тихонько отползаю в сторонку, снимаю рюкзак и начинаю готовиться. Несмотря на старость, «ксюша» у меня не простая, а золотая. На корпусе есть планка для крепления оптических и ночных прицелов, а еще у меня имеется съемный глушитель – ПББС и бесшумный подствольный гранатомет «БС-1».

Полностью вооруженный, я снова готов к движению. Но на этот раз иду не по дороге, а параллельно ей, по склону холмистой гряды. Гряда прячет меня в своей тени и за деревьями, а вот мне отлично видно и дорогу, и обе ее стороны. Правда, такой путь здорово выматывает, но лучше отдохнуть пару раз, чем маршировать по открытой дороге, пока не нарвешься на чью-нибудь пулю. Кроме того, асфальт очень любит аномалия «электра». Ее невидимые электрические щупальца охватывают территорию в радиусе нескольких метров, и

едва кто-нибудь их заденет, следует разряд в добрую тысячу вольт. Человек погибает, даже не успев осознать, что произошло.

Негромко пискнул ПДА. Я сразу присел и на всякий случай осмотрелся.

По дороге идут трое. Длинные грязно-черные плащи с накинутыми капюшонами, руки в карманах, сутулая походка, тощие рюкзаки за спинами. Типичные бандюки. Они негромко переговариваются, и до меня доносятся отдельные слова. Я нащупал РГН – если меня засекут, то будет чем отбиться и без траты боеприпасов автомата. Но троица, не подозревая о моем присутствии, уныло прошагала по направлению к Ростку. Наверняка идут на Дикую территорию, там, возле старой станции, у них есть небольшой полевой стан. «Долг» периодически зачищает территорию, но единственная нормальная дорога на Янтарь к лагерю ученых – слишком заманчивая цель, и бандиты появляются там с завидной регулярностью.

Едва бандюки скрываются за поворотом, даю в эфир сообщение. Напрямую к должовцам обращаться не хочется, есть у меня и на них свой зуб, но предупредить ребят надо. Все-таки спокойный сон в Ростке – это их заслуга. Мою заметку найдет кто надо и пустит дальше. При входе в Росток бандитов будет ждать маленький сюрприз.

Выжидаю еще несколько минут и продолжаю движение.

Спустя час делаю первый привал. До первого блокпоста «Свободы» совсем рядом, но лучше обойти его с севера и зайти на Милитари через хутор. Там много аномалий, и свободовцы там не показываются. По крайней мере, так было раньше.

Бегом пересекаю дорогу и снова углубляюсь в тень холмов.

Легкий порыв ветра понес вперед пожухлые листья, но часть из них вдруг просто повисла в воздухе и завертелась в сторону, противоположную ветру. Так и есть. Прямо посреди узкой тропинки между двумя горбами холма притаилась «воронка». Страшная вещь. Почти невидимая, но смертельно опасная.

Для таких ловушек существует старый и давно проверенный способ: болт. Бросить, определить границы аномалии и спокойно обойти ее. Обычно хватает трех болтов для простой аномалии и пяти – для хитрой. «Воронка» была хитрой, но я обошелся четырьмя.

Благополучно обойдя аномалию, я выбрался за пределы холмов. Теперь передо мной лежала долина, покрытая редкими изломанными – последствия Выброса – деревьями. А впереди виднелась ржавая крыша водонапорной башни – она находится на окраине хуторка, в который я и иду.

Хутор – пара десятков полуразвалившихся от времени домиков. Гнилые стены, выбитые стекла и наспех заколоченные двери... Давно, еще в 86-м, отсюда спешно бежали жители. Затем кто-то вернулся. Но вторая Катастрофа навсегда изгнала последних. Теперь здесь обитали только редкие сталкеры-одиночки и отчаяние.

Я входил осторожно, прячась за стенами и внимательно осматривая пустые оконные проемы соседних домов. Прямо посреди улицы навсегда застыл ржавый «Запорожец», по соседству с ним расположилась «электра» – ее щупальца то и дело касались корпуса автомобиля, и аномалия с треском впустую разряжалась, выбрасывая в воздух кривые сгустки молний.

Детектор просто зашкаливало. Оно и понятно – «электра» сама по себе не подарок, так еще с каждого столба свисали серебристые космы «жгучего пуха». И сам «запор» сильно фонил.

Я присел у стены первого дома и достал бинокль. Но воспользоваться им так и не успел – воздух разрезал хриплый крик. Я никогда не спутаю его. Так вопит только кровосос. Подобный расклад меня не устраивал, и я уже собрался потихоньку уйти к блокпосту свободовцев, но тут ожил ПДА.

– Сталкер, помоги... Нас зажали в доме кровососы. У нас тяжелый «трехсотый», сами не справимся.

– Принял, – коротко отозвался я.

Помочь товарищу – святое дело. И тут не до шкурных интересов. Кроме того, неоплаченным такое никогда не остается.

Я вскинул автомат и высунулся сильнее, отыскивая взглядом громадную фигуру противника. Незвестный сказал, что кровососов несколько, и это намного усложняло дело. Следовало выключить сразу хоть одного, а лучше найти место повыше, где они не достанут. Где самое высокое место? Разумеется, на крыше. Хотя на северной окраине хутора стояла старая водонапорная башня, до нее добираться через весь поселок. ПДА отметил три дружественных объекта – сталкеры включили ответчики коммуникаторов и обозначили свое местонахождение. Дом почти в центре хутора. Вероятно, они забаррикадировались в одной из комнат или в подвале.

Осторожно прокрался внутрь домика. По трухлявой, скрипучей лестнице взобрался на чердак. Шифер на крыше отсутствовал, и через гнилые ребра стропил мне был хорошо виден весь хуторок. Тут же я отметил и первого кровососа. Огромная тварь мясисто-красного цвета стояла на колене возле осажденного дома. Стараясь не шуметь, я подобрался ближе, краем глаза отметил путь к отступлению – соседняя крыша – и поднял оружие.

– Начинаю, – передал в эфир, чтобы предупредить других, и нажал на спуск.

Специальный патрон выбил гранату из подствольника, и та по параболе врезалась в землю в метре позади кровососа. Взрыв взметнул в небо столб земли и двухметровую тушу монстра. Не теряя времени на перезарядку, я ринулся к соседней крыше. Я ни на секунду не сомневался, что кровосос жив. Эту тварь не убило бы и прямое попадание. Но у меня была минута-полторы, пока он не придет в себя. Что будет потом, я очень хорошо знал.

С хриплым выдохом я перемахнул на соседнюю крышу и услышал треск очередей – в бой вступили мои коллеги. Второй кровосос возник прямо из воздуха – вышел из стелс-режима – в паре метров от моего нового укрытия. Огромные руки с когтистыми пальцами, четыре щупальца с присосками вместо нижней челюсти и горящие глаза. Взревев, тварь бросилась ко мне. Я наугад дал очередь и рванулся к следующей крыше. Кровосос взлетел по лестнице на крышу, когда я уже прыгал на соседний дом, и без остановки метнулся следом.

Уже в прыжке я понял, что лечу навстречу смерти. Прямо по чердаку домика расползлась «электра».

– Черт! – Я изогнулся как смог, пытаюсь изменить направление полета, и с размаху врезался в стену.

На миг в глазах потемнело, и удара о землю я уже не почувствовал.

Кровосос же, так и не сумев вовремя остановиться, влетел напрямик в аномалию. Разряд в один миг превратил его в огромный кусок жареного мяса.

Я корчился на земле – все тело ныло от боли, и я не то что встать, пошевелиться не мог. Внезапно что-то резко поставило меня на ноги. Мгновенная испарина и сердце в пятки – новая тварь? – но на этот раз пронесло. Передо мной были двое: невысокий и коренастый, в бандитском плаще поверх комбинезона, и длинный, в костюме странного покроя – вроде обычный сталкеровский, но что-то в нем неуловимо отличалось.

– Оклемаюсь? – сильно картавя, проговорил коренастый.

– Пойдем в подвал, скоро будет Выброс, – посоветовал второй.

Я послушно поплелся следом.

Сталкеры расположились в подвале дома. В углу возле костра на расправленном спальном мешке лежал третий – худощавое лицо и странные шрамы. Он что-то неясно бормотал, словно бредил. Длинный присел возле раненого, а картавый посмотрел на меня.

– Денег нет, но оплатим хабаром. – Он порылся в мешке и достал два контейнера для артефактов. Взвесил в руке, словно раздумывая, какой отдать, и протянул оба.

Отказываться не полагалось. Разглядывать, что тебе всучили, тоже. Я просто уложил подарки в свой рюкзак и присел возле костра.

– Где его так? – кивнул на раненого. – Выжигателем накрыло?

– Не только, – отозвался Длинный, – мы под Выброс угодили... – и тут же, поймав взгляд картавого, умолк.

Выброс? Но ведь это было несколько дней назад! Откуда же вы столько времени идете, ребята? Не от Припяти же?

– Клык, – проговорил Длинный товарищу, – нам не дотащить его до Доктора.

– Другого выхода нет. Я не знаю, как ему еще помочь.

Раненый вдруг открыл глаза и вполне ясно произнес:

– Выброс...

– О, черт...

Сначала был удар. Упругий и жесткий одновременно, словно взрывная волна. Но я знал, что ощущается он только живыми организмами. Небо окрасилось красным и завертелось в каком-то невообразимом оптическом танце. Стало темно, словно опустилась ночь. Земля вздрогнула и затряслась.

Затем послышался рев монстров. Каждый Выброс гонит их прочь от центра Зоны, и огромные стада зверья мчатся не разбирая дороги. Влетают в аномалии, грызут друг друга, насмерть расшибаются о случайные строения и в кровь рвут себя на заборах из колючей проволоки... Кабаны, псевдоплоти, слепые псы, кровососы, даже псевдогиганты и контролеры.

И лишь затем пополз скрипучий скрежет – это землю вскрывала могучая гравитационная аномалия. Они кратковременны, но способны создавать горы, холмы, прорезать огромные тоннели и каньоны в земной коре. Именно такие во время Большого Выброса настолько изменили ландшафт на западе за Янтарем, что навсегда исчез Лиманск. Оставалось надеяться, что эта пройдет мимо нашего хуторка.

Нам повезло. Клык рискнул высунуться только ближе к вечеру. Негромко присвистнул и позвал нас. Длинный – я уже знал, что его прозвище Призрак, – поднялся на крышу и осмотрел горизонт в бинокль.

– По-моему, к Выжигателю уже не пройти. Какие-то горы появились на севере. Перекрыли все тропы. Ты не туда шел, сталкер?

– Нет, – отозвался я и поднялся к нему. Осмотрелся сам. – На Темную долину.

– Ну, там вроде ничего не изменилось.

– Заночуем здесь? – спросил снизу Клык.

– Нет, – решительно проговорил Призрак, – и так день потеряли. Стрелок долго не протянет...

Они ушли в надвигающуюся ночь. Раненого несли на самодельных носилках, но шли почему-то не к Ростку, а севернее – к Болотам. Все-таки надеются дойти до Доктора, хотя я им и говорил, что нормальной дороги там нет.

Утром, перекусив у затухающего костра, в путь отправился и я.

Стрелок. Я слышал о сталкере с таким именем, и не раз. Говорили, что это лидер очень крепкой группировки одиночек, которые поставили своей целью узнать истинную природу Зоны. Именно он первым нашел путь к Припяти и к самой АЭС. Несколько раз он пробивался к реактору, но монолитовцы, аномалии и высокая радиация не давали ему попасть внутрь. По заказу его группировки местные мастера создавали специальное оружие и снаряжение. Немудрено, что на Призраке был незнакомый мне комбинезон. Стрелок был из тех ветеранов Зоны, которые просто живут здесь. Как известные на всю Зону сталкеры-одиночки – Мастер, Чучело и Отец Диодор, бандиты Фраер и Кочерга, долговцы Прапор и Череп, свободовцы Макс и Кеп, парни из «Чистого неба» Осколок и Алекс.

Как правило, они в Зоне с первых дней и уже просто не знают иной жизни.

Стрелок был очень удачливым сталкером. Но на этот раз ему, кажется, не повезло.

Солнце уже достаточно высоко поднялось, когда я, оставив далеко справа высокий забор с колючкой и вышки – бывшие военные склады, а теперь базу «Свободы», – вышел к изломанному ограждению. Впереди был странный лес, изрытый небольшими котлованами. Сумеречный лес. За ним раскинулась Темная долина. Поправив автомат, я начал спускаться с пригорка.

Выброс повалил несколько деревьев. Обходить я не стал: долго и не всегда оправданно. Просто влез на первое, осмотрелся и перепрыгнул на второе. Путаясь в ветках, прошел к третьему и уже по нему спустился.

Вдруг в глазах потемнело, и меня резко шатнуло вперед. Чтобы устоять, я сел на землю и вцепился в оружие, пока не стало легче.

Такое бывало, и не раз. Это означало, что поблизости мотается тварюга, обладающая пси-способностями. Бюрер, контролер или чернобыльская собака. Первых я сразу отбросил: бюреры обитают в подземельях и не выносят яркого света, контролер никогда не бывает один – только в сопровождении «свиты» – контролируемых им созданий, а вот собака... Эта вполне могла быть поблизости. Впервые такая встретила меня в Рыжем лесу, когда я обходил Выжигатель и засады «Монолита», возвращаясь из Припяти полгода назад. Драться с ней не было ни сил, ни возможностей, я просто удрал, бросив рюкзак с тремя ценными артефактами – заказом бармена. Чтобы отработать потерю, мне потом пришлось выдержать четыре боя в Арене. Но теперь, когда другого пути нет, а в руках надежная «ксюша», пришло время отдавать долги.

Я проверил боекомплект – после схватки с кровососами я истратил один магазин, еще один повредился после падения, но мне его восстановил Призрак. Значит, семь обойм – двести десять патронов. Достаточно и для десятка таких чернобыльцев.

Первая псина, сияя серебристой, словно седой, шерстью, выскочила из-за поваленного дерева. Даже без обычного для них рева. Я полоснул очередью наискосок и запрыгнул обратно на ствол. Сразу заметил, что как минимум одна пуля попала куда надо – у собаки отнялась задняя часть тела. Теперь она, истекая кровью и скуля, сучила передними лапами и лязгала оскаленной пастью, но перебитый позвоночник не оставлял ей шансов. Вторая псина с хриплым рыком выпрыгнула из кустов, метясь мне в горло. Я отбросил ее ударом приклада и уже вдогонку пустил очередь, которая в щепы изрубила трухлявый пенек, но не задела собаку. Однако та поняла, что с наскока меня не взять. Еще две налетели с разных сторон, и я спрыгнул с дерева, отдавая им важную возвышенность, но уклоняясь от атаки. Снова рявкнула очередь, но обе псины словно растворились в воздухе. Фантомы! Меня опять зашатало, а перед глазами поднялась красная муть. Я упал на колени и вцепился в голову. Все-таки она не оставляет попыток достать меня. Хотя и получила по зубам рамкой приклада. Теперь собачье рычание оглушало. Уже не скрываясь, три твари разгуливали неподалеку, однако не нападали. Я знал, чего они ждут. Эти гадины слишком хорошо знали слабое место сталкеров – патроны. Едва я начну заменять магазин – там патронов семь от силы – они атакуют. И вот тогда шансов уцелеть почти не будет. Изорвут в клочья. И ведь не понять, которая из той троицы настоящая.

Я не стал рисковать. Бросил автомат и рванул из кобуры «ГШ-18». Первый выстрел – и исчез один фантом, второй и – о удача! Псина взвизгнула и, прихрамывая, метнулась в кусты. Я бросился следом, краем глаза отметив, как растворяется второй призрак. Чернобыльцу хватило еще четырех пуль почти в упор, а затем в издыхающее тело я всадил остаток магазина. Эти твари необыкновенно живучи, кроме того, их частенько спасает почти мгновенная регенерация тканей. Затем ножом добил вторую собаку. И только после этого перезарядил автомат. Оставшиеся в рожке патроны сыпал в кармашек разгрузки. Отхлебнул тонизирующего напитка из банки, восстанавливая силы, и занялся своими противниками всерьез.

Сидорович заинтересован в хвостах псевдособак. Ну а поскольку путь мой лежал именно к нему, следовало подготовиться к возможной просьбе торговца. Либо просто продать по сходной цене. Оба хвоста я уложил в специальный кармашек рюкзака, сморщившись от исходящего ими зловония, и затянул шнурок, перекрывая карман. Теперь хвосты сохранятся надолго.

Чуть впереди мне попался первый артефакт – среди изломанных деревьев, подле небольшой, явно затухающей «воронки» прыгала «золотая рыбка». Очень редкая и ценная вещь. Только здорово радиоактивная. Кроме того, она просто притягивает к себе пули – мощное гравитационное поле. Я уложил артефакт в герметичный контейнер и спрятал в рюкзаке.

Сделал отметку на карте и послал сообщение о собаках на опушке Темного леса. Где одна, там и вторая, а где две – там целая стая. Это правило я уяснил очень давно.

По моим прикидкам, до Темной долины оставалось полдня пути. Но это если напрямик, через лес. Но из-за «жгучего пуха» напрямик пройти не удастся. Все-таки на мне не экзоскелет и даже не спецкостюм «СЕВА», а обычный комбинезон сталкера, с легким бронежилетом и упрощенной системой фильтрации воздуха – очки и маска отдельные. Есть, правда, для резерва противогаз, это на крайний случай. Но в роще, где с каждого сучка свисает пучок жгучей гадости и сколько их еще на земле, это не поможет. Кроме того, там наверняка не продохнуть из-за мельчайших частиц этого самого «пуха». Оставался один выход – идти в обход и оставаться в лесу на ночь, чтобы с рассветом выйти к Темной долине.

Солнце уже клонилось к вечеру, когда я вышел на полосу поваленных деревьев. Здесь словно прошелся гигантский смерч – полоса продолжалась насколько хватало глаз и была шириной метров сто. Что самое удивительное – деревья валялись как попало. Над некоторыми кружили пучки листьев – там тоже прятались аномалии. Следовало быть вдвойне внимательным.

Перебирался через просеку я большими прыжками, стараясь не ступить на землю. И лишь оказавшись в сравнительной безопасности леса, перевел дух.

Секунду раздумывал, не остановиться ли на ночлег здесь, но затем решил и, сделав отметку в ПДА о новообразовании, двинулся дальше. И менее чем через полчаса пожалел об этом.

Неожиданно меня зашатало, перед глазами встала кровавая муть, а все тело словно налилось свинцом. Контролер!

Пси-монстр, умнейшее создание Зоны, сидел на поваленном дереве метрах в тридцати. У его ног уютно примостились две псевдособаки, а поблизости в полной готовности стояли зомби и кабан.

Я упал на колени – так переносить пси-воздействие чуть легче. Убрал от греха подальше автомат. Поднял обе руки. Убивать меня контролер явно не собирался, следовало показать, что и у меня нет дурных намерений.

– Большой, – хрипло проговорил я, едва ворочая языком. – Мир тебе...

Если контролер был в настроении и не голоден, с ним всегда можно пообщаться, это знали все. Вот только реально этого мало кто хотел, ну, кроме Доктора. Мой собеседник явно был расположен к общению. В отличие от тех же бюреров, которые хотя и обладали пси-способностями, но разговаривали, как люди, контролер общался исключительно на мыслительном уровне.

– Тебе тоже, сталкер, – прозвучало в моей отяжелевшей голове.

– Мне нужно пройти в Темную долину, Большой, – снова заговорил я. – Пропустишь?

– Ты друг Доктора, а Доктор друг всех Созданий Зоны. – Что из этого следовало, явно предстояло определить мне самому.

– Значит, и я друг созданий Зоны? Но я убил многих, в том числе и твоих сородичей.

– А я убил множество твоих. – Собаки у ног контролера заворчали и наконец-то обратили внимание на меня. Зомби тихо застонал.

Я надеялся, что они не отображают настроение хозяина.

– Так я могу пройти, Большой?

– Проходи, сталкер.

Просто так уйти я не мог. Нужно было что-то оставить в дар контролеру. Но что? Артефакт он не возьмет, они, счастливчики, не знают и не хотят знать цену этим камням. Хвосты чернобыльцев тем более. Они разорвут меня на месте за такой подарок. Еды? Но всего моего недельного пайка не хватит и одному кабану. Что же тогда?

– Не нужно подарка, сталкер, – усмехнулся контролер. – Ты уже все сделал. За тобой пойдут другие...

На ночь я остановился неподалеку. Залез на дерево, уселся на сук поудобнее, пристегнулся покрепче ремнем. Но, несмотря на усталость, я не сразу провалился в черное небытие сна. Из головы не шли слова контролера. Он был прав, этот монстр Зоны. Я открыл дорогу, и за мной пойдут другие. А уж этих он не пропустит. Изнутри жгло, словно я кого-то

предал. Кого? Тех, кто пойдет следом? Но у каждого своя голова. Я отметил в своем ПДА высокую пси-активность в этой части Темного леса. Каждый знает, что это такое. Каждый сам выбирает свою дорогу.

«Оправдываешься, – противно хихикнул внутренний голос. – Просто стыдно за то, что Зона тебя опять пощадила, а ты и не знаешь почему»...

...После легкого завтрака я продолжил путь. Контролера и его свиты не было слышно, видимо, ночью они ушли.

Деревья в этой части леса выглядели менее пострадавшими, и это давало надежду, что хоть часть старой тропы уцелела. Я сверился по карте. Если верить старым данным, то тропа была километрах в трех восточнее. Пришлось подниматься в гору. Высота холма хоть и небольшая – метров двести, но я предпочел бы путь под уклон. Старая тропа шла по ложине, вдоль ручья, но вот его, в отличие от тропинки, я так и не нашел. Несмотря на некоторую радость от более-менее приличной дороги, я насторожился. Так не бывает, что часть ландшафта исчезла, а другая осталась. Что-то здесь не так.

Завибрировал ПДА, предупреждая об аномалии. Я остановился и нерешительно бросил вперед болт. Никакой реакции. Сделал шаг, отыскал болт и снова его бросил, прямо на дорожку. Тропа вдруг вспучилась и взмыла в воздух, завертелась и схлопнулась, разбрызгивая грязные струи глины, травы и старых листьев.

Ах, чтоб тебя! Гравитационная аномалия! Прямо под тропой! Я попятился. Черт с ней, с дорогой. Лучше напрямик через завалы. Отметку на карте все-таки не забыл сделать, чтобы очередной новичок не вляпался по самое не хочу.

Я вернулся к месту ночевки и двинулся на юг. После нервной встряски идти было не так легко, я внимательно смотрел под ноги, невольно ожидая, что и сам сейчас окажусь в земляном мешке на трехметровой высоте.

Неожиданно впереди забрезжил свет. Неужели конец леса? Или очередная просека, вроде той, что осталась позади? Судя по карте, до опушки еще километр, не меньше.

Лес кончился внезапно. Впереди на пару километров растянулся лесоповал. Сотни изломанных, изрубленных, скрученных в спирали неведомой силой древесных стволов. Обойти все это не было никакой возможности. Пришлось опять прыгать по стволам и спотыкаться о ветки и сучки. С ближнего болота напал туман.

Едва мои ноги коснулись земли, как пронзительно завибрировал ПДА, предупреждая о многочисленных контактах. Сомнений не оставалось – наверняка меня брали в кольцо бандиты.

Я торопливо упал в пожухлую траву и перевел ПДА в режим детектора. Отдышался и неуверенно достал бинокль. Сквозь туман, высокую траву и низкий кустарник было мало что видно, но главное я разглядел – основные постройки уцелели после Выбросов, а это значит, будет где скрыться. На Темной долине я бывал, и не раз, поэтому расположение основных зданий знал неплохо. Другое дело, что все это было до Большого Выброса, когда Зона навсегда изменила привычный облик. Кто знает, что ждет меня в тумане в обычно спокойных местах?

Убрав бинокль, я медленно пополз в сторону старой АЗС, подле которой навсегда застыла красная, больше от ржавчины, чем от краски, пожарная цистерна. Рядом с ней стояло двухэтажное здание – видимо, диспетчерская – там я и планировал укрыться.

С каждым преодоленным метром количество окружавших меня бандюков неумолимо росло. Но самым смешным было то, что я не видел и не слышал ни одного из них. А затем мне стало не до смеха. Прямо в диспетчерской отчаянно замигала отметка нейтрала – ПДА работал с включенным ответчиком. Нейтрал не двигался, но и сигнала о помощи не подавал. Неужели ловушка? Тем не менее выбора не оставалось. Ползти на стройку, что высилась напротив АЗС, совсем не хотелось – еще до Выброса ее облюбовали бандиты матерого уголовника по кличке Боров. А у них особый счет к таким, как я. Было время, и мы, обычные одиночки, провели мастерскую операцию по выдавливанию бандитов со Свалки. Там Борова и подстрелили. Пуля вошла ему в скулу и разворотила лицо так, что ни один пластический

хирург не справится. К несчастью, бандит выжил, но жуткий шрам через все лицо ясно напоминал, что у всех бывают несчастливые дни.

ПДА снова завибрировал, на сей раз оповещая о почте. «Милитари, сталкер Семяцкий, аномалия „электра“». Вот те раз. Давненько такого не было. Я остановился и мучительно задумался, к чему это. Обычно все говорили, что получить сообщение о смерти Семяцкого – к удаче. Но я сам видел немало ребят, которые спустя миг после сообщения получали пулю в голову или попадались в невидимые лапы аномалий. Вот и думай. Немного утешало то, что бандюки наверняка тоже получили подобное сообщение и сейчас тоже гадают, к чему оно.

До диспетчерской оставались считанные метры, и я рискнул. Встал в полный рост и, легко перескочив через бетонную ограду, оказался во дворе АЗС. Справа у выломанной входной двери была лестница на крышу. По ней я и взлетел. Упал, прислонившись к парапету – если бандюки вздумают швырнуть гранату, будет хоть небольшой шанс, что уцелею, – и, держа лестницу на прицеле, снова взглянул на ПДА. Нейтрал был совсем рядом, наверное, на втором или первом этаже. И все так же не двигался. Что же происходит?

И тут рядом с ним начали проявляться отметки покойников. Ну, не совсем так. Просто заработали ответчики ПДА уже умерших сталкеров. После смерти хозяина они дают в эфир последнее сообщение и переходят в режим ожидания, пока поблизости не окажется другой ПДА. При появлении нового они включают маяк, сигнализируя: «Мы тут, но хозяин убит». Я насчитал порядка восьми мертвых сталкеров, все они лежали плотной кучей, а в центре тот самый нейтрал. Что он забыл среди жмуриков?

Двенадцать контактов. Из них один нейтрал. Остальные – бандиты. Я чуть высунулся из-за парапета и осмотрелся. Стройка – какое-то административное здание с гаражами – темнела впереди, едва виднеясь из надвигающегося тумана. А в траве подле диспетчерской из тумана проступили фигуры бандитов. Все они лежали. В самых разных позах, но явно были живы. Странно, но я не видел у них оружия.

И тут снова завибрировал ПДА, сообщая о почте и данных с детектора. Я все-таки сперва открыл сообщение. «Темная долина, сталкер Антон Лысый, кровосос». Стало плохо. Дрожащими пальцами нажал клавишу детектора. Твою... отметка нейтрала исчезла, а вместо нее появилась новая. Мертвеца...

Логово. Теперь все стало на свои места. Диспетчерская была логовом кровососа. Куча трупов – его обеденный стол. Одиннадцать бандюков поблизости – кладовка с продуктами на будущее. И я в самом центре.

Я поднялся в полный рост – опасаться, что подстрелят, было уже бессмысленно. Кровосос не подпустит к логову никого. Наверняка и на стройке давно ни души, и Боров уже откинулся, скорее всего, в той же куче валяется. Одного я не понимал: почему кровосос подпустил меня так близко?

Чуть в стороне в крыше была ровная квадратная дыра. Я осторожно подошел и глянул вниз.

Прямо подо мной лежала какая-то бесформенная груда. Это были мертвецы. Те самые жертвы кровососа. На миг меня привлекло едва заметное дрожание воздуха, а затем мелькнули два злобных желтых глаза и, на ходу обретая тело, из дыры прямо на меня прыгнуло огромное красно-бурое чудовище.

– Дерьмо! – взвизгнул я, падая на спину. Пальцы судорожно стиснули курок гранатомета, и с негромким хлопком из ствола вылетела граната.

Взрыв разворотил грудную клетку монстра. Но кровосос упрямо шагнул вперед и, падая на колени, вцепился мне в правую ногу. Воздух сотряс вопль смертельно раненной твари.

Следом заорал я, больше от страха, чем от боли, и вмазал по отвратительной морде кровососа прикладом, стараясь сбросить его с себя.

Монстр снова взревел, его тело на глазах восстанавливалось и обрастало плотью, а лапа, мертвой хваткой вцепившаяся в ногу, прорвала штанину и до крови процарапала кожу. Одно из щупалец оплело голень.

– Отвали, гадина! – Я снова стиснул автомат и вклепил весь рожок в рожа монстра, уже не думая о том, что могу изрешетить и собственную ногу.

Пули изорвали голову кровососа в кровавый дым. Однако мою ногу он так и не отпустил. Все еще находясь в шоковом состоянии и на грани истерики, я выхватил штык-нож и несколько раз полоснул клинком по его узловатым пальцам. Едва не пропорол себе ногу. Достал из рюкзака фляжку с водкой и отхлебнул. Горло и внутренности обожгло, а вот голова прояснилась.

Освободиться я смог только после того, как полностью успокоился и отрезал все пальцы кровососа. Хорошо, что помимо обычной шнуровки на берце ботинок находилась застежка-молния, и обувь я снял достаточно легко. Закатал штанину и осмотрел рану. По голени расплывался огромный синяк, пересеченный четырьмя рваными царапинами и странной сетчатой полосой – следом от щупальца с присосками. Нога посинела и онемела. Не теряя времени, достал аптечку и вытащил пакет с антисептиком – неизвестно, что до этого хватал кровосос своими лапами. Вернее, очень хорошо известно – мертвецов. Затем достал шприц-тюбик с сывороткой от яда кровососа. Воткнул его в ногу и, хрипло выругавшись, повалился набок, то и дело вздрагивая от судорог и спазмов – всегда так на нее реагировал. А затем и вовсе провалился в черное беспамятство...

...Шесть вертолетов «Ми-24» на бреющем двигались к окраине Рыжего леса, к холму, где за периметром возвышались пять шпилей-излучателей. Сталкеры называли это место «Выжигатель Мозгов», ученым оно было известно как лаборатория Х-10.

– Каскад, я Ветер Старший, приближаемся к объекту...

Медик смотрел в иллюминатор и хмурился. Алексеев покрепче стиснул свой «Абакан» и кивнул Григорьеву:

– Пospорим, кто первым доберется до лаборатории, командир?

– Осади, старлей, – добродушно усмехнулся капитан Григорьев. – Все там будем.

– Каскад, я Ветер Старший, противодействия пока нет, снижаемся, – снова заговорил пилот ведущей машины.

Вертолеты зависали в нескольких метрах от земли, и из их открытых дверей посыпался десант.

– Каскад, я Ветер, группа на земле, иду в режим ожидания. – «Крокодилы», обдав солдат порывом горячего воздуха, взмывали вверх, описывая дуги вокруг комплекса.

Они шли пятерками – два стрелка впереди, в центре – ученый-медик, позади пулеметчик и третий стрелок. В окрестностях лаборатории от излучения антенны восприятие настолько искажалось, что весь мир окрашивался в размытые желто-коричневые тона. Прямо из воздуха на солдат выпрыгивали фантомы монстров, но никто не знал, были ли они порождениями пораженного излучением мозга или, как миражи, создавались пучком электромагнитных импульсов.

– Размолотим неверных! – Это разнесся боевой клич «Монолита».

Первого фанатика снял меткой очередью Григорьев, а затем боевики в городском камуфляже посыпались со всех сторон.

– Засада!

Все шесть групп одновременно угодили под перекрестный огонь. Первая группа застряла еще у подножия холма, на котором находился комплекс, зажата с одной стороны радиоактивным полем, «электрой» и огнем монолитовцев с другой. Вторая группа, высаженная почти у ограды комплекса, была в более завидном положении, но солдатам не давали поднять голову снайперы, засевшие на трех вышках по периметру лаборатории. Третья и четвертая группы были высажены на крышу главного административного здания. Чтобы спуститься, они вынуждены были брать этаж за этажом. Пятая и шестая группы почти без помех прорвались к ограде комплекса, но оказались слишком близко к излучателям и теперь отбивались от стаи обезумевших псевдособак.

– Черт, Ветер, прикройте нас! – Первая двойка «Ми-24» прошла на бреющем над комплексом, ведя огонь из пулеметов. Наперерез им летели пули и дымные стрелы противотанковых ракет.

– Внимание, Ветер, это Каскад, немедленно, повторяю, немедленно прекратите огонь из тяжелого оружия! Ни в коем случае излучатели не должны пострадать! Подтвердите приказ!

– Каскад, я Ветер Старший, приказ понял. Отставить огонь.

Григорьев отполз под защиту стены, пока Васин поливал вышки длинными очередями из «Печенег». Медик полз вслед за командиром, Алексеев замыкал тройку. Ему в душу только что закралась подлая мысль, что их предали. Вертолеты беспомощно кружили в небе, не имея возможности поддержать огнем, а враг усилил натиск. Ну уж нет. Драться их учили всерьез. Алексеев вскинул свой «Абакан».

Выстрел из подствольника разметал первую вышку и похоронил засевшего на ней снайпера. Васин вскочил на ноги и перенес огонь на вторую. Алексеев заметил, как из нее выпало изорванное пулями тело, и это стало сигналом. Он подкатился к ограде и установил у стены связку пластита.

– Берегись!

Взрыв выворотил стену, снеся почти три секции. Вовнутрь полетели дымовые шашки, и пятерка, опустив дымчатые забрала шлемов своих бронекостюмов «Скат», устремились вперед.

Сопrotивление монолитовцев ослабло. Третья и четвертая группы вырвались из охваченного пламенем административного здания и вдоль железнодорожных путей двинулись ко входу в подземный лабораторный комплекс.

Истребив своих противников, к ограде вышла первая группа. Грохнул еще один взрыв, и на территорию комплекса ворвались пятая и шестая группы.

– Выброс... – вдруг одними губами проговорил Медик.

Алексеев обернулся на него – мол, что ты городишь, он сутки назад был, рано еще, – но слова застряли в горле, когда он увидел лицо парня. Серое, что было заметно даже сквозь дымчатое забрало бронешлема.

Монолитовцы наседали со всех сторон, зажимая группу у вагона, но вдруг стрельба прекратилась. Алексеев заметил, что противники, только что остервенелое поливавшие солдат огнем, оборачиваются в сторону ЧАЭС и опускаются на колени.

– Черт...

Спецназ просто остоленел. Неведомая сила вытаскивала их из укрытий и ставила на ноги. Всплески излучения из антенн окрасились красным, затем в мир вернулись краски – желтизна искаженного восприятия исчезла, и со всех сторон на солдат обрушилась блеклая пустота умирающего мира. Земля вздрогнула. Алексеев устремил взгляд к горизонту, где за далекими серыми коробками многоэтажек возвышался силуэт АЭС. Над нею взметнулся желто-красный в черных проплешинах фантом ядерного гриба.

– Выброс...

Мощный удар бросил офицера на колени. Небо завертелось и стало кроваво-красным, и Алексеев заорал, чувствуя неодолимое желание сорвать шлем и бежать куда глаза глядят. Остальным было еще хуже. Медик, так и не совладав с эмоциями, рванул в сторону и угодил в «электру» – клубок молний превратил парня в хлопья пепла.

Григорьев вздрогнул, снял шлем – его лицо покрывали уродливые язвы – и вдруг, так же как монолитовцы, торжественно опустился на колени и поклонился далекому Взрыву. Васин, наоборот, зло поднял оружие и, что-то несвязно бормоча, побрел в сторону, приволакивая обе ноги. Подобное происходило и с остальными: кто-то на глазах превращался в зомби, другие становились монолитовцами, третьи бросались в аномалии. И только старлей оставался прежним. Прежним ли?

Отбросив автомат, Алексеев побежал вдоль забора к дыре, то и дело вздрагивая. Фантом ядерного гриба звал его, настойчиво впивался в уши, а шум излучателей обратился в

органный гимн. Офицер, не разбирая дороги, вылетел за пределы периметра и покатился под уклон. Корчась и вздрагивая от невидимых ударов...

...Сознание вернулось, как вспышка молнии. Я сел и осмотрелся. Мертвый кровосос, разодранная нога. Сразу все вспомнилось. Но из головы не шел сон из забытья. Давно мне не вспоминалась та операция. Наверное, потому, что я сам выбросил, вычеркнул ее из жизни.

Не потому, что она меня пугала, просто это была та жизнь, к которой возврата больше нет.

Меня, избитого и окровавленного, на опушке Рыжего леса нашел сталкер Отец Диодор спустя несколько часов после Выброса. Наверное, хорошо, что именно он: любой другой с радостью пустил бы мне пулю в голову – к армейцам в Зоне относились хуже, чем к собакам, – и разжился бы моим снаряжением. А Отец Диодор был из тех, кто без необходимости не стреляет даже в кровососов. Только из самообороны. Он оказал мне первую помощь. Исповедал, причастил, а затем предложил выбор. Остаться здесь и ждать помощи или идти с ним: сперва в Лиманск, а оттуда на Болота к Доктору. После Выброса во мне что-то сломалось, я по-другому взглянул на свою жизнь и вообще на Зону. И пошел со сталкером. Именно он на неделю стал моим учителем. Учил видеть и обходить аномалии, чувствовать приближение монстров и уклоняться от схваток с ними. Приходить на помощь людям и делиться хабаром. Не возвращаться тем же путем, что пришел, и не оглядываться назад. Затем он привел меня на Болота.

У Доктора я прожил еще три недели. Его очень заинтересовало то, что я был единственным из всей группы, кто пережил Выброс. Не раз и не два он дотошно расспрашивал меня о подробностях гибели отряда, не замечая, что раз от раза я рассказываю со все большим безразличием. Наблюдал за мной во время очередных Выбросов.

А я наблюдал за его буднями. Сталкивался с зомби, бюрерами, контролером. Однажды стал свидетелем вообще жуткой сцены. На Болота приползли двое – окровавленный сталкер и намертво вцепившаяся в него псевдособака. И неизвестно, чья больше была заслуга в том, что они добрались к Доктору.

Доктор за неделю выходил их и отпустил, после чего подозвал меня к окну посмотреть на прощание. Они долго стояли и смотрели друг на друга – сталкер, едва не убивший собаку, и собака, едва не прикончившая сталкера. Затем сталкер достал из кармана кусок бутерброда и протянул псевдособаке, потрепал жесткую щетину на ее уродливой голове и, не оборачиваясь, ушел. А Доктор сказал, что еще двое отыскивали свой Путь.

Именно у Доктора я окончательно уяснил, что убивать создания Зоны следует только из самообороны. Человек, одинаково старательно лечивший и людей, и монстров, настолько выбивался из всего этого безумного мира, что во мне снова что-то сломалось. Он предлагал мне связаться с военными, чтобы меня забрали. Но я остался. Наверное, навсегда.

Позже, простившись с Доктором, оставив ему свой бронекостюм «Скат» и переодевшись в одежду новичка, я уже сам добрался до Ростка, очищенного долговцами. Генерал Воронин, командир клана, сам бывший офицер, предлагал мне вступить в «Долг», но я отказался. Клан давал защиту, стабильность и уверенность, но я предпочел стезю одиночки. Стезю человека, который, однажды избежав смерти, пытается судьбу снова и снова...

Доктор говорил мне об этом, когда я прощался с ним:

– Зона пощадила тебя. Но не пытайся понять почему и не старайся повторить. Прими это как данность, как принимаем все мы.

Верный заветам Отца Диодора и Доктора, я протянул в Зоне полтора года. Достаточно, чтобы стать матерым ветераном и накопить в теле столько радиации, чтобы процесс стал необратимым. Но уходить из Зоны было некуда. Другого мира я просто уже не знал.

...Кое-как затянув бинтами рану, я спустился в диспетчерскую и осмотрел тела убитых. Снял данные с их ПДА. Странно, но Борова среди них не было. Невероятно живучая и удачливая сволочь. Затем отыскивал живых бандитов. Они были рассеяны по территории

вокруг и находились в разной степени обездвиженности. Одних кровосос надел на штырь. Другим просто оторвал ноги, а затем остановил кровь. Такая пища сохранялась недолго, но это избавляло от необходимости охотиться. Видимо, он заманивал отметками ПДА других сталкеров. Помочь бандюкам было уже невозможно, и я просто добил умирающих. Прошептал общую успокоительную молитву, как меня учил Отец Диодор, и побрел дальше.

Несколько раз я замечал стаи слепых собак, гоняющих по лужайкам жирных псевдоплотей. В таких случаях я затаивался, чтобы животные не кинулись на меня, прервав свои увлекательные игры.

Так, собирая артефакты и обходя аномалии, припадая на землю и оглядывая горизонт в бинокль, я добрался до полуразрушенной фермы. ПДА мягко выдал с десятков отметок нейтралов, и я впервые за этот рейд позволил себе расслабиться. Знал – там, где есть несколько сталкеров-одиночек, обязательно горит костер, тепло и почти безопасно. Даже нога перестала болеть.

Я вошел на территорию фермы и сразу заметил троих сталкеров-часовых. Парни стояли подле крытых сараев и стискивали в руках автоматы. Двое опытные – на них потертые комбинезоны, лица обветрены и суровы, а один явно новичок – перемазанный глиной пыльник и испуганный взгляд. Помахав сталкерам, я вошел в сарай.

У дальней стены вокруг костра сидели еще шестеро. Кто-то быстро просматривал старую карту, что-то то и дело переспрашивая у товарища, один дремал, положив под голову рюкзак, еще несколько обедали. В темном углу сидел долговец и перебирал автомат.

– Мир вашему столу, – кивнул я, присаживаясь.

Долговец как-то странно взглянул на меня из тени, но промолчал. Остальные сдержанно поздоровались. Они больше походили на визитеров – тех, кто в Зоне проездом. Посмотреть, пострелять, набраться впечатлений. Не люблю я таких.

Один из сталкеров, видимо, самый болтливый, заговорил, явно продолжая:

– Ну, так слушайте дальше. Слухи о цене на этот артефакт ходят самые разные. Но все сходятся в одном: тот, кто найдет его, озолотится на всю жизнь. Вот только никому еще не удавалось даже близко к нему подобраться, хотя, где он расположен, известно почти всем.

Говорят, что Зона сама выбирает, кому что дать, если так, то истинного владельца Ценного пока нет. Но и шанс пробуют почти все.

Путь к нему неблизкий. Через Рыжий лес и вдоль берега Припяти. Его сторожат мутанты и аномалии, а еще, как рассказывают бывалые, контролер.

Один сталкер, уж не помню, как его звали, с напарником пошли разыскивать Ценного спустя всего пару месяцев после прибытия в Зону. И что с того, что зеленые? Зона сама решает, кому что, а значит, шансы равны и у матерых ветеранов, и у новичков.

До Рыжего леса они добрались без особых проблем, все-таки по несколько ходок в Зону у них уже было. Пару раз отбивались от бандюков, затем напоролась на засаду «Монолита», разогнали стаю слепых собак. Не впервой. Куда хуже стало в самом лесу. Здесь помимо аномалий обреталось множество самых разных мутантов – от слепых псов до кровососов. Все голодные и злые.

Первым их встретил снорк. Ну, каждый знает, что это такое. Мерзкая, что-то сипящая в старый рваный противогаз тварь, роняющая кровавые слюны и норовящая вцепиться тебе в горло. От такого главное оружие – иметь место для маневра. Он хорошо прыгает, но в этом его и главный плюс, и главный минус: в момент прыжка он ничем не защищен, а значит, если ты достаточно хладнокровен, всегда есть возможность нашить его свинцом. С другой стороны, если ты замешкался, подомнет под себя и разорвет – весит он не дай бог.

Сталкерам повезло. Пока снорк одного выслеживал и прыгал, напарник почти отстрелил ему передние лапы, после чего уже вдвоем они отправили зверюгу на тот свет.

После победы парни немного передохнули и двинулись дальше. Чуть впереди их ожидала очередная неприятность – «жарка». Более мерзкой является только невидимая «воронка». Пришлось бросать болты, и, поминутно рискуя быть изжаренными, сталкеры гуськом, след в след, начали нащупывать проход.

Прошли «жарку». Еще немного по леску, и вот он, берег Припяти. Теперь совсем рядом.

Отстрелялись от стаи собак. Слева река с неизвестно какими еще тварями, за ней станцию видно. И вот впереди странное сооружение. Вроде летнего кинотеатра. Без крыши, только стены. Вошли внутрь. Там опять монолитовцы. Отстрелялись, отбились. Нашли вход в подземелье. А там контролер. Стрелять сразу нельзя – Зона осерчает, как-никак – он главный страж. Стоит, шатается, а в голове у них вопросы зазвучали: «Кто такие. Зачем пришли?» Отвечают: «За Ценным прибыли. Хотим судьбу испытать». Контролер усмехается. А вопросы злее стали: «Почему решили, что достойны Ценный забрать?» Отвечают: «А кто, как не мы? Зеленые, а через Рыжий лес мимо Выжигателя прошли, вон она, станция, совсем рядом». Контролер еще шире усмехается. Говорит: «Один снарк – это не все дети Зоны. Рыжий лес – не Саркофаг с Монолитом». Тут парень постарше совсем разозлился. «Или убивай, – заявляет, – или пропусти, а не то сами пройдем и возьмем, что захотим».

Тут контролер и отступил на шаг. «Иди, – разрешает, – но твой напарник здесь останется».

Сталкер и пошел, хотя чувствовал, не видать ему больше второго номера.

В самом подземелье тьма – ничего не видно. И лишь в одном углу светится. Подошел туда, а там шарик – маленький, вроде «вспышки». Сияет. И что в нем такого ценного? Взял он его и исчез. Больше никто его никогда не видел...

А суть в том, что, каким бы ни был ценным артефакт, не бросай своего товарища монстрам...

Я слышал эту историю и раньше. Только конец у нее был иной. Однако визитеры, видимо, узнали ее впервые. Кто-то нервно засмеялся, не доверяя рассказчику, кто-то начал расспрашивать о точном месте Особо Ценного. А я просто быстро перекусил и, привалившись спиной к шершавой кирпичной стене, закрыл глаза. Неожиданно кто-то легонько хлопнул меня по ноге. Раненой. Я с неудовольствием открыл глаза.

– Ну?

– Слышь, сталкер, ты где Выброс пересидел? – Это был тот самый говорун.

– На Милитари, – нехотя отозвался я.

Наступила тишина. Все неловко взглянули на должовца. Тот пожал плечами.

– Так война началась?

– Сообщение же все видели. – Очень хотелось спать, а не попусту трепаться.

– А оттуда как шел? Через Лес?

– Да, – буркнул я. – Только там собак и «жгучего пуха» до черта. А может, и еще кто...

Услышав о новой дороге, сталкеры начали собираться. По расписанию, до следующего Выброса еще по меньшей мере двое суток. Успеют пройти. Главное – не нарваться на засады свободовцев – те наверняка попытаются перекрыть путь на Милитари. Но если мозги есть у Проводника, пройдут. А тот с картой, похоже, и есть Проводник, а говорун – второй номер. Видимо, ведут группу к Мертвому городу, не знают, что дороги нет, что ли? Хотя кто их разберет...

Попрощавшись, сталкеры покинули сарай. Долговец остался. Спать вдруг расхотелось совсем. Сквозь прикрытые веки я наблюдал за сталкером.

Он деловито собрал автомат – это был новенький штурмовой «Абакан», сложил свой мусор в небольшой пакет – так всегда делают ветераны, чтобы не оставлять следов, потом сбросят в аномалию – и тоже поднялся.

– Куда спешишь, Егор? – проговорил я.

Тот вздрогнул и вцепился в оружие, но моя «ГШ18» уже смотрела в лицо должовца.

– Все-таки живой, – процедил он.

– Я тебя, Висельник, и на том свете отыскал бы, – мрачно отозвался я. – И ты это знал. Садись и ствол убери.

Егор послушно уселся и отложил «Абакан».

– Продолжай, сталкер, – предложил он.

Это и было тем самым зубом, который я вынашивал к «Долгу». И началось это месяцев восемь назад. В Лиманске...

...Егор Висельник был молодым, необыкновенно перспективным и талантливым боевиком «Долга». Петренко сделал его своим помощником и потихоньку учил премудростям командирского ремесла, а Воронин смотрел на это сквозь пальцы.

В Зону Егор попал по воле судьбы – его, солдата-срочника, направили в контингент миротворческих сил, охранявших периметр. Отслужил полтора года, а затем попал в руки бандюков, которые взяли его на КПП и как заложника увели с собой. У Ростка сами бандюки угодили в засаду должовцев.

Вот так солдат Российской армии стал боевиком клана «Долг». О доме он не вспоминал, вольной жизни не хотелось – за полтора года армии дисциплину в него вбили намертво, а «Долг» – почти та же армия. Устав, звания, служба. Только экстрима больше, да и здесь, на передовой, воочию чувствуешь себя защитником человечества.

Первое время Егорка таким и был. Вместе с остальными устраивал облавы на бандитов, защищал Росток от стай монстров после Выбросов, собирал и относил артефакты ученым на Янтарь. Но постепенно нутро его стало проявляться во всей гнилой красоте. Пару раз он останавливал новичков-одиночек и попросту грабил их, прикрываясь надуманными историями о помощи клану. Уклонялся от серьезных боевых операций и дальних рейдов, но всегда оставался для своего начальства чистым и честным.

А потом судьба столкнула нас.

Тогда в Лиманск еще можно было добраться без особых проблем. В центре его обосновалась небольшая группа сталкеров-одиночек, еще не клан, но уже имевших свой общак, дилера и надежного перекупщика. Однажды после рейда я заглянул к ним, чтобы скорее избавиться от пары очень неудобных артефактов – сволочи так фонили, что я уже всерьез опасался за свою незаметность в темноте. Пока торгош изучал и оценивал хабар, я проводил время в местном подобии бара – глушил водку (в Зоне не пьют, а лечатся) и слушал байки бывалых.

Неожиданно в бар вломились четверо. Долговцы. Пьяные вдрызг. Но очень агрессивные. Сразу стали задирать молодняк, тыкать им в лица стволы, требовали отдать честь «защитникам от нечисти Зоны». До поры до времени я терпел, но когда высокий и красивый сержант, ядовито усмехаясь, заставил новичка выворачивать карманы, не выдержал.

– Не устал защищать от Зоны, боец? – едва сдерживая клокотавшую в горле ярость, проговорил я.

– А что, есть проблема, сталкер? – гадливо улыбнулся сержант, а его подручные подняли стволы автоматов.

Что такое четыре пьяных сопляка для старшего лейтенанта войск специального назначения? Спустя полторы минуты все четверо валялись в разных углах бара, а я холодно и методично крушил о бетонную стену их оружие.

– Хорошо, сталкер, – первым опомнился красавчик, – ты победил. Мы уйдем. Без обид?

Я отбросил последний обломок «Грозы» и широким жестом указал на выход, а сам уселся на место.

Они дождались вечера и бросились на меня, когда я выходил из бара. Ударили чем-то по голове, сорвали со спины автомат и рюкзак. Несколько минут били ногами. Молча, лишь сдавленно ругаясь. От верной смерти меня спас один из новичков. Он просто выглянул из бара, может, расслышал что. Увидев побоище, молча сорвал с плеча обрез и дуплетом разрядил оба ствола. Одному долговцу разmozжило голову, второму оторвало руку и раздробило грудь. Врезал разряженным оружием третьему. А вот сержант удрал. Наутро, когда я еще отлеживался в подсобке у бармена, в Лиманск нагрянул спец-отряд «Долга». Выволокли новичка, убившего двоих уродов, и поставили его на колени. Допросили. Парень оказался крепким – на вопрос обо мне ответил, что мертвый. Красавчик-сержант зло выругался, но все-таки свой трофей он получил еще вчера – мой «ГШ-18». Сейчас он вертел

пистолетом перед лицом новичка и измывался, чувствуя свою власть и силу. Никто из сталкеров не попытался выступить против.

Егорка Висельник, сержант-красавчик, лично застрелил новичка. Из моего пистолета. Уже после этой казни в Лиманск прибыл сам Воронин. Не стал разбираться. Однако, увидев «ГШ-18» – в Зоне пистолет такого типа был только у меня, и это все знали, – сделал единственно правильный поступок в подобной ситуации. Забрал пистолет и отдал его бармену, чтобы замять дело. Через три дня, когда у меня было уже достаточно сил, чтобы выползти из своего укрытия, бармен рассказал мне все и отдал оружие.

Я вернулся в Росток спустя полтора месяца. Воронин несказанно обрадовался, увидев меня живым. Из других источников он уже знал истинную причину стычки у бара в Лиманске. Но на вопрос о Егоре мрачно ответил, что тот несколько недель назад ушел на кордон. Воронин просил забыть о стычке, простить сопляка, но я лишь промолчал.

Полгода мы кружили по Зоне, но так и не встретились. На этот раз судьба преподнесла мне подарок.

– Время пришло, Егор, – негромко проговорил я.

– Убьешь меня, не сможешь вернуться на Росток, – резонно возразил Висельник, – Воронин лично тебя застрелит.

– Мертвым я уже был, – усмехнулся я.

Егор очень хорошо помнил мой «ГШ-18». Слишком хорошо. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, может быть, даже молить о прощении, но негромкий хлопок выстрела заглушил его реплику. Точно в лоб...

Я медленно собрался и вышел из сарая. Медленно и устало побрел по старой дороге на Кордон...

...Спустя сутки на ПДА сталкеров Зоны пришло новое сообщение: «Кордон. Сталкер Сергей „Одиночка“ Алексеев. Кровосос»...

...В Зоне опять шел дождь. Так бывало достаточно часто – после второй Катастрофы здесь воцарилась Вечная осень, с ее промозглыми туманами, противными дождями, низкой облачностью и безнадегой. Говорят, на Большой земле все это становится причиной многих самоубийств – после летнего буйства красок осенние пейзажи наводят жуткую депрессию. Но только не в Зоне. Здесь не бывает суицидов. И так слишком много смертей...

Сергей Берков aka Zed **ЗАМКНУТЫЙ ЦИКЛ**

Грязно-оранжевое солнце, мутно-серое небо и пучки бурой травы. Ах да, еще и этот треклятый нескончаемый дождь. Все верно, именно так меня и встретила Зона. Воздух здесь тяжелый и настолько густой, что иногда с трудом удастся вдохнуть. Словно не дышишь, а пьешь тягучий, с металлическим привкусом, кисель. Правда, через какое-то время все же привыкаешь и к этому, и к постоянной сухости во рту, и даже к вечному голоду. К слову, первые дни есть не то чтобы не хотелось, а просто не лезло ничего, и все. Зато потом чувство сытости возникало у меня довольно редко. По ночам, закутавшись в спальник и тщетно пытаясь согреться, я постоянно думал: на кой черт меня потянуло в это богом проклятое место? Так и не найдя ответа на этот вопрос, я в конце концов забывался беспокойным сном. А утром старался не думать об этом.

Мне осталось совсем немного. Я чувствую Ее. Этот отвратительный и одновременно манящий запах. Да, Она где-то рядом. Когда Она впервые коснулась меня, я ощутил, как внутри что-то оборвалось. Сжалось в комок, а потом лопнуло, вызвав приступ удушья и отвращения к самому себе. Ощущение, словно я был неким сосудом, до краев наполненным вязкой и вонючей жидкостью. Меня рвало, но это не помогало избавиться от подобного ощущения. В желудке уже не осталось влаги, но он продолжал инстинктивно сокращаться, пытаясь очистить организм. А Она стояла рядом и, глядя на меня, улыбалась. Улыбалась.

Улыбалась и улыбалась, улыбалась и улыбалась, улыбалась и улыбалась. Улыбалась! Мне хотелось выпарапать Ей глаза, разбить Ее безмятежное и такое красивое лицо. Превратить его в месиво. Растоптать и уничтожить Ее плоть и много еще чего, что я не хотел бы перечислять. Все это время где-то на задворках моего сознания притаился некто, наблюдающий за всем этим с интересом. Он не был недоволен или рассержен. Нет, ничего подобного. Казалось, он лишь немного огорчен или расстроен. Печально взирая из своего укрытия на происходящее вокруг, горестно вздыхал и качал головой. Когда я уже подумал, что этот кошмар будет длиться вечно, Она вдруг наклонилась ко мне и обняла. Прошептав что-то нежно, погладила по голове. А затем, словно любимое дитя, поцеловала в лоб. И агония закончилась. Когда я пришел в себя, Ее уже не было.

Я сдаю очень быстро. Мысли путаются. А мне так нужно все записать. Надо вернуться к началу. А что там, в начале?

Три дня в полной темноте. Вроде бы звучит не страшно. Но это только звучит. Свой последний день в большом мире я провел дома. Сначала хотел как-нибудь отметить это дело, что-то такое сделать, чего раньше никогда не делал. Что-то такое учудить напоследок, чтоб надолго запомнилось. Но потом, по мере того как я перебирал варианты, в моей голове созрела ужасающая на первый взгляд мысль, – оказалось, что я ничего не хочу. Ни в данный момент, ни вообще. Мне ничего не нужно было от этого мира. Больше ничего. То небольшое ценное, что у меня было, я уже потерял в ту страшную ночь, вместе с женой и ребенком. С ними ушел и смысл жизни. Что бы ни делал впоследствии, больше я не чувствовал себя живым. И это ощущение ходячего мертвеца постепенно вытеснило все остальные, превратив мою жизнь в существование. Словно я – гнилой овощ на грядке, или нет, сорняк в чужом огороде. Словом, лишний и больше никому не нужный предмет, фальшивая нота в сложном музыкальном произведении.

Так что последние часы до отъезда я провел, лежа на диване, уставившись в потолок. Рассуждая о смысле жизни и жалея себя. Не ахти какое занятие. Однако это помогло мне хоть как-то морально подготовиться. Голова, впервые за много месяцев, прояснилась, и я даже немного повеселел.

* * *

На место я приехал загодя. Сначала хотел на попутке добраться, но потом все же решил, что поеду на своей машине. Трасса была почти пуста. Иногда навстречу из ниоткуда вылетала какая-нибудь машина. Одна, вторая, третья, они со свистом проносились мимо. За долю секунды можно было рассмотреть напряженное и уставшее лицо водителя, старающегося успеть попасть в город до полуночи. Мгновение – и он уже далеко, где-то позади, все еще мчится по этой темной и чужой дороге. А его уже сменяет другой, такой же уставший и погруженный в свои мысли. Замкнутый в своем маленьком мирке. Пусть даже неказистом на первый взгляд, но зато своем. А иллюзия абсолютной власти над этим миром как нельзя лучше согревала уставшую от постоянной неустроенности человеческую душу.

Уже второй поезд проследовал мимо меня без остановок. Я начал было думать, что про меня забыли или попросту развели. Нервно теребя в руках сигарету, я периодически порывался закурить. Но каждый раз останавливал себя, напоминая, что давно бросил. И вот когда я уже готов был окончательно сдать позиции, а пагубная привычка одержать верх, очередной поезд, на этот раз товарный, ни с того ни с сего начал резко тормозить. Похоже было, что кто-то сорвал стоп-кран. Состав дернулся и, скрипя всеми сочленениями, встал. Откуда-то появился бородатый дед, лет семидесяти пяти, в грязной форме обходчика. При помощи трехэтажного мата он затолкал меня в один из товарных вагонов, и, прежде чем я успел опомниться, дверь с лязгом захлопнулась, и я погрузился в полную темноту.

Что было дальше, я плохо помню. Я старался побольше спать и поменьше думать. Думать в темноте опасно. Иногда цепочка рассуждений может завести так далеко, что уже неясно, кем ты являешься на самом деле и существуешь ли ты вообще.

Свернувшись клубком на мешках с какой-то крупой, я периодически проваливался в беспокойный сон. Даже пересказывать не хочу, такие кошмары мне раньше никогда не снились, я их и не старался запомнить. Последнее, что я увидел перед тем, как проснулся, –

это лицо моей Кати. Бледное и встревоженное. Ее губы шевелились, но слова тонули в нарастающем гуле. Рана на ее голове начала кровоточить. Поднимаясь все выше и выше, густая алая жидкость начинала заполнять все вокруг. Пока я не понял, что тону в ней. Я захлебывался. Дышать становилось все трудней и трудней. Грудь сдавливали тиски, а солоноватый привкус во рту вызывал рвоту. Сквозь кровавую пелену я в последний раз увидел Катино лицо. Даже в этом хаосе оно выглядело прекрасным. Силы были на исходе, но прежде чем меня окончательно поглотила тьма, я услышал ее крик и проснулся.

Я кубарем скатился со своего наместа, больно при этом ударившись головой о дощатый пол вагона. Уже собирался подняться, как вдруг ясно различил рокот двигателя вертушки. В следующий момент дверь вагона, визжа, распахнулась, и его залил свет прожектора. Я зажмурился, после долгого времени, проведенного в темноте, глаза нещадно резало, заставляя их слезиться. Прикрыв лицо ладонью, я разглядел, что лежу за своеобразной баррикадой из мешков, и меня не видно со стороны двери. Я был в относительной безопасности, пока кто-нибудь не полезет в вагон. Послышался шорох. Пол дрогнул и прогнулся под вошедшим. Я выругался про себя. Накаркал! Оставался все же шанс, что осмотр будет поверхностным.

– Ну че там, Петруха? А?

– Да хрен его знает. Щас посмотрю, погоду.

Говоривший начал медленно обходить вагон, ворочая мешки. Мои последние надежды рухнули. Помню, я лихорадочно придумывал, чем бы его таким треснуть, как вдруг снаружи раздались выстрелы, и кто-то завопил.

– Петруха! Давай сюда! Тикають, гады! Тикають! – Петруха с грохотом пронесся рядом со мной и выпрыгнул из вагона. Вскоре крики и выстрелы стали удаляться, и поезд вновь тронулся. Но перед этим дверь вагона вновь лязгнула, и опять воцарилась темнота. Но теперь я был ей рад. Рад и тому, что так легко отделался. Просто у кого-то нервы сдали раньше, чем у меня. Больше мой сон ничто не нарушало.

...Местность стремительно меняется. Еще вчера это был лес, а сегодня уже поле. Пару часов назад снова видел ее. Далеко, но это точно она. Босая, в белом платье, с длинными, до пояса, светлыми волосами. И она снова смеется! Как же ее зовут? Я должен это узнать...

Ну, вот и прибыли. Сначала ехали на грузовике. Потом еще долго шли пешком. Когда наконец показался лагерь, обнесенный оградой из бетонных плит, я уже настолько устал, что едва переставлял ноги. Рюкзак казался непомерно тяжелым, а от его лямок ныли плечи. Последним испытанием оказался начальник лагеря. На его небритом, усталом лице застыло странное выражение. Он долго мерил нас взглядом, а затем коротко и сухо изложил правила «проживания» в его лагере. После этой праздничной линейки все вновь прибывшие, как один угрюмые и помятые, расплзлись по домам, занимая свободные углы. Спал без задних ног.

КПК заглохло. Часть данных потерял случайно. Все, что осталось, тут.

1

День первый. Не самый веселый. Похороны. Бедолагу нашли недалеко от лагеря, всего в каких-то двухстах метрах. Немного не дошел. Как оказалось, он отыскивал чей-то схрон с артефактами. Ну и на радостях понацеплял их все на себя разом. Только не учел, что фонят они так, что чуть ли не светятся в темноте. Вот и загнулся – дурик. Его и обнаружили-то случайно, счетчик у Тишки зашкалил.

Могилу отметили крестом с памятной табличкой. Всю ночь пили водку, поминая Ваську и заодно выводя радионуклиды из организма. Борьба с радиацией удалась.

2

Пропал Пашка. Давно нет. Сегодня наши ушли на поиски. Надеюсь, найдут, а то жалко парня.

3

Пашка вернулся сам. Сильно потрепало его. Исхудал – просто жуть. Одни глаза и нос остались. Где был, говорить отказывается. Удалось выяснить только, что ходил он не один, а

еще было человек восемь. Все полегли на каком-то поле пожирателей. Что за поле и что за пожиратели, неясно. На все вопросы Пашка только прятал голову в колени и бормотал что-то несвязное. Да, и еще. Он с собой принес неплохой хабар. Скинул его за полцены. Все, кроме небольшой черной коробки. Которую он ни на секунду не выпускал из рук. Кто-то из сталкеров попросил посмотреть, но Пашка так ощерился, словно не человек, а зверь дикий. Чуть в горло зубами не вцепился. Еле оттащили.

Проследил за ним. Совсем чокнулся парень. Коробку свою он кутает в тряпье, словно куклу. Качает на руках, поет ей песенки и часами разговаривает с ней. Ужас! Что Зона с людьми делает! Лучше бы сразу убила.

4

В Зоне что-то происходит. Вчера видели стадо диких животных, старожилы утверждают, что это грумы. По мне, так название дурацкое и непонятное. Оказывается, его дали за тот звук, который они производят. Грум-грум. Ну, я понимаю, там, кровососы или мозгоеды, на худой конец. Но грумы? Ну и ладно. Так вот, они обитают где-то глубоко в Зоне, и здесь их быть не должно. Что-то их спугнуло, и они мигрируют. Не к добру.

Пашка не выходил из своей норы уже два дня. Со мной держится как-то странно, постоянно ловлю его взгляд на себе. Такой печальный, вопрошающий. Как будто он от меня чего-то ждет. К вечеру он все же выполз. Всклокоченный, глаза красные. Взгляд дикий. В руках тряпье с коробкой. Увидел этих грумов и враз побелел. Потом с криками бросился обратно к себе.

Укрепляли лагерь до темноты. С севера идет гроза, небо заволокло тучами, эх и надоел же это дождь!

5

Даже не знаю, с чего начать. Если и есть такое место, как Ад, то оно уж точно находится в Зоне. Сегодня стали тому свидетелями. К полудню небо потемнело, и заморосил дождь. А потом и вовсе перешел в грозу. Стоять в такую погоду в карауле нелегко, поэтому я и еще двое ребят засели в домике на краю лагеря прямо у центрального входа. Развели костер, сидим греемся, анекдоты травим. Как вдруг Петька вскакивает и к окну.

– Чуваки, там бандюга! – Репутация у Петьки никакая. И кликуха у него соответствующая – Брехло.

– Да ладно, брось заливать! Нас на такое фуфло не купишь. Где это видано, чтоб бандюганы в такую погоду шастали? Они, млин, нежные для этого слишком. Да и долговцы навряд ли без веской причины выползли бы из своей норы.

– Да не вру я!

– Ну если развел, смотри!

Я выглянул в окно. Никого. Только бесконечные потоки воды, падающие с неба.

Уже собираясь дать оплеуху Петьке, я в последний момент разглядел темную фигуру сталкера. Он еле брел по дороге, раскачиваясь и постоянно спотыкаясь.

– Точно. Кто-то идет.

К нам подошел Василий. Посмотрев на незваного гостя сквозь мутное стекло, констатировал:

– Че-то странно идет. Может, где-то контролер засел?

– Думаешь, зомби? – Петька потянулся к карабину.

– Да навряд ли. Хотя можем проверить.

– Ты что, хочешь туда выйти?

– А у тебя есть соображения получше?

– Да нет.

– Ладно, мы с Петькой к баррикаде. Васек, ты нас прикрываешь. Если чего, поднимай тревогу.

Добравшись до баррикады, стараясь перекрыть шум дождя, я окрикнул незваного гостя.

Никакой реакции. Я попробовал еще раз привлечь его внимание. Тщетно. Он продолжал тупо вышагивать к лагерю. Делать было нечего. Пульнув сперва в воздух, потом я

прицелился и выстрелил. В прицел было видно, как пуля прошла навывлет сквозь правую ногу. Хоть бы хны. Слева раздались выстрелы. Петька так же опробовал незваного гостя на прочность. Бесполезно. Мы взялись активно поливать его огнем. Это немного замедлило его продвижение, но и только. Когда на теле зомбака уже не осталось живого места, его вдруг забила мелкая дрожь, и, упав на колени, он запрокинул голову. Было видно, как под кожей у него забегали огоньки, и тело изнутри начало светиться. В следующую секунду оно взорвалось. В небо ударил ослепительный столб белого света. Он начал вращаться вокруг своей оси, постепенно ускоряясь и закручивая колеблющийся вокруг себя воздух. Набрав максимальную силу, это явление природы двинулось на лагерь, круша все на своем пути. Мы побежали. И вовремя. Наша баррикада, которую мы строили всю последнюю неделю, была сметена в считанные секунды. Огромные бетонные плиты какое-то время парили в воздухе, а затем, со свистом проносясь мимо, стали падать. Тех, кого миновала участь быть раздавленным, эта воздушная аномалия хватала многочисленными отростками и затягивала внутрь. Какое-то время люди болтались внутри ее, как тряпичные куклы, а затем их выбрасывало. Падая, они разбивались о землю. Те, кому посчастливилось приземлиться более удачно, пытались отползти подальше от беснующейся стихии. Вихрь не спеша передвигался по лагерю, методично перебирая людей. Словно ища кого-то. Отбраковав очередную партию, он вдруг замер. Вращение практически остановилось, и теперь это стало опять похоже на окутанный дымкой световой столб. Его щупальца нервно подрагивали, словно он принюхивался, как собака, почуявшая след. По столбу прошла рябь, и интенсивность свечения изменилась. А потом он вдруг обрушился на один из еще уцелевших домов, разбирая его по кирпичику. Из окна дома выбрался Пашка и побежал. Сразу несколько отростков ухватили его и поволокли по направлению к вихрю. Извиваясь словно уж и упираясь, Пашка цеплялся за все подряд, пытаясь хоть как-то замедлить свое продвижение. Он уже даже не кричал, а рыдал взхлеб. Оказавшись рядом со мной, он замешкался, но потом протянул мне руку, и на его перекошенном, бледном как смерть лице застыла мольба. Недолго думая, я схватил его повыше локтя и потянул. В следующий момент я ощутил нечто, похожее на удар электрического тока. Тело свела судорога, меня тряхануло, а потом отбросило на несколько метров. Перекувырнувшись несколько раз, я ударился головой о бетон. Когда я пришел в себя, Пашка был уже внутри этой штуки и его потрошили. В прямом смысле слова. Рассекая его тело сотней невидимых скальпелей, рубя и кромсая, невидимая сила выдирала из него органы, измельчала их, заставляя безумно страдать еще живую жертву. Это было похоже на гигантскую центрифугу, в которой отжимают белье. Наконец, превратив несчастного Пашку в фарш, она разметала останки по всему лагерю. Некоторое время эта адская мясорубка стояла в центре лагеря без движения, а затем раздался звук, похожий на гудок парохода. Низкий и протяжный. Потом еще несколько, и вот из восточного конца лагеря раздался ответный детский плач. В ту же секунду в том направлении устремились сверкающие щупальца и извлекли из-под завала ту самую черную коробку, которую принес с собой Пашка. Повиснув внутри столба, она, вдруг лопнув, превратилась в младенца. Радостно что-то лопоча, он барахтался в воздухе и, казалось, нисколько не боялся завладевшей им аномалии. Напротив, он был рад неожиданному спасению. Чтобы рассмотреть все получше, я выбрался из-под плиты, где лежал все это время, и подошел поближе. Не успел я опомниться, как меня с ног до головы опутали световые щупальца. «Каюк!» – подумал я тогда. Меня потянуло к центру столба, туда, где висел ребенок.

Малыш тянул ко мне свои маленькие ручонки, смешно дрыгая ножками. Радостно агукая, он вдруг схватил меня за нос и, ущипнув, засмеялся. Я и испугаться не успел, как вновь оказался на земле, а малыш и эта жуткая аномалия растаяли в воздухе.

Я еще долго не мог прийти в себя, сидя на земле и ловя ртом дождевые капли.

6

Схоронили пол-лагеря, наверно. Я кресты не считал, страшно. Так страшно, что даже пить неохота. Просто водка колом в горле встает. Но помянуть надо. Сгрудившиеся вокруг костра сталкеры больше были похожи на побитых собак, нежели на людей.

– Ну что, струхнул малость? – Я не сразу понял, что слова принадлежат сидящему рядом со мной сталкеру. Горлышко бутылки со звоном ударилось о мой стакан, и в него с шумом полилась горькая. – Давай помянем, что ли. – Выпили. Помолчали.

– Чего думаешь обо всем этом?

– Да не знаю, жуть какая-то. Пашку жалко.

– А чего его жалеть-то? – При этих словах я повернулся к соседу лицом. Им оказался тот самый бородатый дед, который сажал меня в поезд. Его испещренное глубокими морщинами лицо в свете костра выглядело зловещим. И беззубая улыбка, которой он меня одарил, только усиливала это ощущение.

– В смысле?!

– Да в прямом. Сам виноват. Сунулся, куда не следует, вот и получил по заслугам. Не зря же Страж за ним приходил.

– Кто-кто?

– Страж.

– Ты про эту мясорубку ходячую?

– Ага, про нее самую. Кто как называет. Кто Страж, кто «мясорубка», а кто уверен, что это воплощение самой Зоны. Только это не так, у нее другое имя.

– Чего-то я об этом ничего не слышал. Сам-то ты откуда про все это знаешь?

– Ну, мало ли чего ты не слышал. Поживи с мое, так еще не то узнаешь. – Он скрипуче рассмеялся.

– Так, значит, ты хочешь сказать, что знаешь, куда именно ходил Пашка?

Дед хитро прищурился.

– Может, и знаю.

– Ну и куда?

– А тебе зачем?

– Хочу знать, за что столько народу покосило. Что он такого сделал?

Дед задумался. Вороша палкой угли в костре, он долго поглаживал свою седую бороду. Потом вдруг крикнул и, закутавшись поплотнее в плащ, достал из его складок портсигар. Старая потертая жестяная коробка с отчеканенным на верхней крышке бегущим оленем, скрипя, открылась, обнажив нестройный ряд добротных сделанных самокруток. Достав одну из них, он протянул мне портсигар. Прикурили от лучины. Табак был кислый, но с приятным пряным ароматом, щекотавшим нос. Сделав пару затяжек, дед разлил остатки водки по стаканам и начал рассказывать.

– Что ты знаешь о таком месте, как Поле Пожирателей? Да и о самих «пожирателях»?

– Пашка лопотал про них, но никто так ничего и не понял. А он особо и не объяснял.

– А про «живую воду» слышал?

– Да, конечно! Очень редкий артефакт, говорят, может даже мертвого поднять.

– Так и есть. Только он не редкий.

– То есть как?

– Где искать, примерно все знают, а вот желание не у всех возникает.

– Это почему же? За него такие деньжищи дают. Да и самому бы не помешал.

– Все-то оно так, но...

– Но?..

– Этот артефакт рождается в аномалии «пожиратель», он же «трансформатор» или еще – «консервный завод». Обычно они располагаются веером на открытом месте. Отсюда и название «Поле Пожирателей». Обнаружить его с помощью болтов или других средств невозможно. Оно на них не реагирует. Взаимодействие происходит только с живыми организмами. Причем не просто с органикой, а необходимо, чтобы объект был именно живой. Как «пожиратель» это определяет, до сих пор неясно. Когда жертва попадает в зону поражения, вокруг нее, словно бутон, захлопывается гравитационное поле, под действием которого объект превращается в шар. Артефакт упругий, небольшого размера и источает тягучую маслянистую жидкость. Как он работает, никто не знает. При помещении его на больного артефакт начинает выделять тепло и пропускает через тело пациента своего рода

электрический разряд. Потом он просто растворяется в его теле, и дело сделано. То есть применить его можно только один раз. Таким образом, чтобы спасти кого-то одного, другой должен умереть. Жизнь за жизнь. Одни считают, что артефакт содержит химически активные вещества, которые стимулируют регенерацию клеток. Другие – что некие микроорганизмы. А есть и такие, кто искренне верит в то, что в этом шаре заключена некая жизненная энергия, если хочешь, душа того, кто угодил в «трансформатор». Так сказать, живые консервы.

– А ты сам их видел?

– «Пожирателей»?

Я кивнул.

– И на что это похоже?

– На что? Хм. С высоты – на бильярдный стол. Огромное поле, усеянное серо-бурыми шарами. А вблизи – на кладбище.

– Ты думаешь, Пашка туда ходил?

– Думаю, да. Скорее всего, он и его приятели ходили за «живой водой». Только нашли они там не только «пожирателей», а что-то еще.

– И что же?

– Мало ли в Зоне странного? А еще больше непонятного и вообще неподдающегося никакому объяснению.

– А Стражей ты тоже видел?

– Приходилось.

– Где?

– Там же, где и поле. Они всегда где-то рядом с «пожирателями». Видишь ли, я думаю, они как-то связаны друг с другом. Только вот как именно, не знаю. Долго находиться рядом с «пожирателями» нельзя. Там сильно фонит вокруг, да и с мозгами что-то странное начинает твориться. Всякая чертовщина мерещится, и мысли дурные в голову лезут. Однажды чуть руки на себя не наложил. Сколько людей там полегло. Эх! – Дед поежился.

– А где это поле находится?

– Что, собрался за хабаром?

– Да нет, просто интересно же. На всякий случай.

– Ну, если на всякий случай, то... – Он полез в карман и достал КПК. Такой древней модели я уже давно не видел. Постоянно выключаясь, он грузился, казалось, целую вечность. Наконец, после многочисленных пинков и танца с бубнами, этот динозавр издал нечто похожее на «ды-дан!» и благополучно отобразил приветствие на сильно поцарапанном дисплее.

– Дык, смотри сюды. Здесь небольшой поселок, а здесь речка. – Дед тыкал в экран своим большим мозолистым пальцем, возя им по карте Зоны. Из-за этого мало что удавалось рассмотреть на маленьком экране. Но суть я уловил. – Если двигаться на север от этого поселка и перейти речку вот здесь, то тут до поля рукой подать, каких-то три-четыре километра. А вот и поле. – Он указал на небольшой зеленый крестик. – Вообще, найти несложно. Давай я тебе солью координаты.

– Звать тебя как? – Я вдруг вспомнил, что не спросил его об этом.

Дед немного помолчал, а потом, протянув мне руку, сказал:

– Зови Лешим. Все зовут, и ты зови. – С этими словами он скрепил знакомство крепким рукопожатием.

– А я Кирилл.

Помню, мы еще долго сидели, а когда костер догорел и на горизонте забрезжил рассвет, сталкеры, разбившись на группы, стали расползаться из лагеря. Остаться здесь, среди этих руин, было бессмысленно, да и неизвестно – вдруг Страж вернется. Леший куда-то пропал. По крайней мере, его я не нашел. Упаковав свой нехитрый скарб в рюкзак, я в последний раз присел на обломок бетонной плиты. Окинув взглядом весь лагерь, пытался сообразить, куда же теперь двигаться. Так ничего и не решив, я уже собирался встать и попытаться догнать еще не успевшую далеко уйти группу сталкеров, как вдруг в лучах восходящего солнца что-то блеснуло у меня под ногами. Я нагнулся и, смахнув песок

ладонью, с удивлением обнаружил чей-то КПК. Сначала подумал, что вчера, напившись, один из сталкеров обронил его. Но когда я перевернул его, то на задней крышке красовалась надпись следующего содержания. «МОЕ! Пашка Косой». Я чуть не выронил компьютер из рук. Это Пашкин КПК! Прибор был сильно поврежден, но, потратив энное количество времени, мне таки удалось слить с него кое-какую инфу. Помимо карты там оказалась схема расположения «пожирателей» и безопасный маршрут между ними. Теперь я точно знал, куда мне идти. Решено, иду к «пожирателям»!

Голова словно чугунная. Я уже почти привык к постоянному шуму в ушах и першению в горле. Глотать больно, а по утрам из носа идет кровь. Загибаюсь я – это точно. Большой соблазн использовать консервы, но, перечитав Пашкин дневник, пришел к выводу, что не стоит. По крайней мере, не здесь, или пока совсем худо не станет. А пока обойдусь содержимым аптечки. Все же я не до конца понял, что произошло с Пашкой. Надо бы еще раз просмотреть его заметки. Может, я что-то упустил?

Вот они.

12.07

Целый день провел на этой гребаной вышке! Внизу беснуются ужасные твари. Даже не знаю, как эти монстры называются! Да и знать не хочу! Может, им надоест и они наконец-то отвалят? И зачем я позарился на этот комок прессованной травы и чьих-то костей? Что это и сколько оно стоит? Может, это вообще не артефакт? Обыскав помещение, нарыл очень странный шарик. На ощупь он теплый и постоянно вибрирует. Если надавить, из него течет что-то липкое. Их здесь, кстати, целый ящик. Видать, кто-то устроил тут схрон. М-да. Ладно, темнеет, надо устроиться на ночлег. Видимо, эти уроды так просто не сдадутся.

14.07

Бля. Других слов уже нет, да и сил на их поиск тоже. Я уже который день здесь сижу, а этих внизу стало только больше! Еда заканчивается. Патронов тоже мало осталось. Ночью гады пытались меня достать, пришлось накормить их картечью. Трех завалил, остальные пока не лезут. Если в ближайшее время они не передумают меня сожрать или кто-нибудь тут не объявится, мне придется туго.

Ненавижу это место всеми фибрами души! Дал бы руку на отсечение, лишь бы стереть эту проклятую Зону с лица земли! Если б не деньги, не было б меня тут!

15.07

Совсем худо. Уже пару дней ничего не ел. Воды осталась одна фляга. Сегодня днем издалека наблюдал, как эти твари напали на группу из пяти человек. У чуваков не было шансов. Их просто разорвали на части. Причем действовали монстры чересчур уж слаженно. И это внушает мне опасения за свою жизнь. Да, сегодня по приколу нацепил на себя этот артефакт. Никакого эффекта пока не ощутил. Кроме тепла и легкого головокружения, ничего не происходит. Хотя последнее наверняка от голода. Уже ночь, надеюсь, она будет спокойной.

16.07

Пишу левой рукой. Правая не шевелится. Просто висит как плеть, и все. Перевязал, как смог. Рука ноет и дергает. Ночью все же они меня достали. Такого я не ожидал. Пока основная часть ломилась ко мне сквозь дверь, двое из них поднялись по опорам вверх и напали на меня сзади. Причем при этом они не проронили ни звука! Я их и заметил только тогда, когда ощутил зубы у себя на плече. Откуда эти человекособаки – буду их так называть – понабрались такого? Жрать охота, так что кишки сводит. Епрст! Че делать-то?!

17.07

Почти не двигаюсь. Сил нет совсем. Постоянно проваливаюсь в какой-то бред. Всякая фигня мерещится. Рука сильно опухла. Воды больше нет. Как ни странно, внизу тихо. Но они не ушли, проверил. Еле-еле дополз до разбитого окна и глянул вниз. Сидят! Причем кружком сидят. Еще б костры развели, можно было бы подумать тогда, что они и впрямь разумные.

Ночью холодно. Но я придумал, как греться. Засунул за пазуху артефакт проклятый. Хоть как грелка, может, согреться. От него тепло и как-то спокойно.

19.07

Уже два дня тихо. Сегодня чувствую себя лучше, что странно при отсутствии пищи и воды. Рука уже почти не болит, и я даже могу пошевелить пальцами. Это так же странно, как и то, что делается внизу. Возможно, это лечебное действие этого артефакта. Ну что ж, если так, то я рад этому.

Утром видел вдалеке армейскую вертушку. Обрадовался, как ребенок. Лучше я им сдамся, чем тут подыхать. Пока думал, как им подать сигнал, они уже улетели. Непруха. Ладно, но почему есть не хочется? Да и пить тоже?

20.07

Сегодня у меня окончательно сдали нервы. Совершенно случайно обнаружил, что артефакт этот гадский прирос ко мне! В прямом смысле. Хотел переложить его поудобней, но не смог сдвинуть с места. Он расплющился в блин и плотно прилип к животу. Когда же я попытался подsunуть под него нож, то сильно себя порезал. Впрочем, рана затянулась в течение получаса. Чудеса какие-то просто. Но уж больно жутковатые.

К вечеру «блин» полностью растворился на теле. Что бы это значило? Очень хочется спать, сейчас проверю дверь и лягу.

* * *

Давно не делал записей. Даже не знаю, с чего начать. Что такое не везет и как с ним бороться? Вот как называется то, что со мной произошло. До сих пор не понял, как меня угораздило вляпаться во все это. Постараюсь изложить все как можно понятней.

Итак. Утром двадцать первого я проснулся от звука выстрелов. Судя по тембру, это был тяжелый пулемет, стрелявший длинными очередями. Думал сначала, вояки с вертушки поливают. Э, нет. Все оказалось намного хуже. Выглянув из окна, я увидел, как на некотором удалении от вышки две машины нарезают круги вокруг блокпоста. На одной из них и был установлен пулемет, который методично выкашивал лохматую братию, так долго державшую меня в осаде. Наконец-то я свободен! Болван тупой! Надо было делать ноги под шумок, а не махать руками с радостными воплями. Когда с монстрами было покончено, машины, визжа тормозами, остановились рядом с вышкой. Вскоре я услышал топот солдатских ботинок на металлической лестнице, ведущей наверх. Дверь открыли пинком. Она с размаху врезалась в стену, вызвав лавину штукатурки со стены. В дверном проеме появился здоровый небритый мужик. Одного взгляда на его одежду было достаточно, чтобы понять, что я попал. На рукаве черной куртки красовался череп с выползающей из глазницы змеей. «С бандюгами шутки плохи – это знают даже лохи!» – почему-то сразу всплыло у меня в голове.

– Опа! Это кто тут у нас крысятничает? Ты кто такой, а? Пацаны, смотрите, кого я поймал у нас на кухне.

Из-за спины первого появились еще двое. Одеты они были в такие же куртки с нашивками на рукавах.

– Чего тут у вас?

– Да крысу поймал.

– У тебя погонялово есть? Че молчишь? Язык-то из жопы вытащи, мочить мы тебя не будем. Пока.

Кровь гулко отдавалась у меня в голове. Я лихорадочно соображал. Стоит ли кидаться в окно или, может, пальнуть в этих, а потом попробовать завалить тех, что внизу. Но, вспомнив про пулемет, я сразу отмел эти мысли.

– Ну, так что? Звать-то тебя как, девица? – говоривший легонько толкнул меня кулаком в грудь. – Да не ссы ты!

– Пашка Косой, – проямлил я.

– Подавился колбасой! – Вся эта братия радостно заржала, как стадо парнокопытных.

– Ну и что ты тут делаешь? Раскосый ты наш!

– Да ничего, прячусь. Меня эти твари загнали сюда. Вот я тут и отсиживался, пока вы не помогли.

– Да? И давно сидишь?

– Уже несколько дней. Жратва закончилась, патроны тоже на исходе. Если б не вы, загнулся бы тут.

– Ладно, братва, грузи хабар и погнали. Пока еще светло, надо до лагеря добраться, а то я с лохматыми в темноте воевать не хочу.

Мое сердце замерло, когда один из бандитов, подойдя к столу, достал из-под него черный деревянный ящик. Тот самый, в котором хранились артефакты. Приоткрыв откидную крышку, бандит на секунду замер, а затем откинул ее совсем.

– Бля. Удав. А он нас обобрал. – Удавом оказался первый вошедший в дверь бандит.

– Че такое?

– Да сам смотри. Не хватает одной консервы!

– Ну-ка. – Удав подошел к ящику и, нагнувшись, пересчитал содержимое. Я медленно начал продвигаться к двери. И когда мне уже почти удалось до нее добраться, меня подсекли.

– Стоять, падла! Ты это куда собрался?! А ну, Длинный, пошмонай его.

Длинный, здоровенный бугай, два с чем-то метра ростом, схватил меня и принялся трясти, как грушу. Закончив, он легким движением осадил меня на пол.

– Пусто, – заключил он.

– Так, и где же недостающий артефакт? – процедил сквозь зубы Удав.

– Я не брал, – соврал я.

– Харе заливать! Кроме тебя здесь никого не было.

– Да на фиг мне сдался ваш склизкий шарик! – ляпнул я и тут же осекся.

– Значит, не брал, говоришь? – Удав поднялся с колен и подошел ко мне вплотную.

– Нет. – Я старался, чтобы мой голос звучал как можно спокойней.

– Угу. Проверим. – Достав из кармана странный, небольшого размера прибор, Удав принялся водить им вдоль моего тела. Сначала ничего не происходило, но потом устройство издало протяжный писк, и на нем загорелась зеленая лампочка. Дальше уже пищало и звенело у меня в голове. Удар был настолько быстрым и сильным, что сбил меня с ног. Помню, я с трудом сел, безуспешно пытаюсь остановить кровь, текущую у меня из носа. И тут же получил с ноги. Попинав немного, они усадили меня на стул.

– Врать нехорошо. Ты разве не знал? И чему тебя родители учили? – Длинный достал из нагрудного кармана мятую пачку сигарет. Закурив, он шумно выдохнул мне в лицо сизое табачное облако. Оно медленно расплывалось у меня над головой, заставляя глаза слезиться. Удав стоял рядом, потирая ушибленную руку.

– И крепкая же у тебя башка. Ну, так что, как дело было?

Я сплюнул. Кровавая слюна была густой и тягучей. Она медленно стекала у меня изо рта, падая большими каплями на пол. Ощупав языком зубы, я убедился, что вроде все на месте.

– Давай рассказывай, а то щас повторим процедуры.

– А чего рассказывать? Загнали меня сюда эти твари, день сижу, два сижу, а они все не уходят. Потом покоцали меня как-то раз ночью. Жрать охота и холодно по ночам. А этот шарик теплый был, даже горячий. Вот я и положил его за пазуху, чтоб согреться.

– Ну и?

– Ну, так он, гад, ко мне прирос! Я его срезать пытался. Так он ни в какую! А потом и вовсе рассосался. Вот и все. Я даже не знаю, чего это такое, и он мне сто лет не нужен был.

– Так прям и не знаешь? Говоришь, покоцали тебя? И небось заросло все само, да?

– Было.

– И что ты думаешь?

– Да ничего. Чудо.

– Ага, точно, самое что ни на есть чудо всамделишнее. Это «живая вода» была.

– Да ладно? – Я чуть со стула не упал, когда услышал.

– А, вижу, все же знаешь кое-что. И тогда должен знать, сколько этот артефакт стоит.

Я знал. И от этого мне не становилось лучше.

– Угу, знаешь. По глазам вижу. Ну вот, тогда должен понимать, что попал ты, мужик. Крепко попал. На очень серьезные бабки.

– Че, Удав, давай я его мочкану, а? – Длинный взвел свой «абакан».

– Да не, постой, мочить его у нас резона нет. Он эти деньги отработает. Правильно, да? Отработаешь же? – Удав взял меня за подбородок и пристально посмотрел в глаза. – Отработаешь, – улыбнулся он.

– Ну все, берите то, что есть, а этого спеленай и в тачку. Тока поживее!

Я не помню все дальнейшие подробности, да они и не важны. Меня и еще нескольких пленников бандюги выгрузили около небольшого холма и погнали прикладами наверх. Преодолев подъем, мы увидели цель нашего путешествия. С вершины холма открывался вид на огромное поле. На невысокой ярко-зеленой траве лежали те самые серо-бурые шары. Ни дать ни взять – бильярд. Конвоиры разошлись по обеим сторонам поля. Заложив руки за спину, Удав подошел к нашей нестройной шеренге.

– Ну что, пришло время отрабатывать долги, товарищи сталкеры. Перед вами так называемое Поле Пожирателей – самая страшная аномалия в Зоне. Ваша задача – раздобыть хотя бы один артефакт. Отпущу на все четыре стороны, но это если в живых останетесь. Все просто. Ну что, готовы? Тогда, на старт. Внимание. Побежали, родимые!

И мы побежали, но, спустившись вниз, остановились у самой границы поля. Никто не решался перейти ее первым. Видя наше замешательство, Удав дал очередь из «АК» в воздух.

– Ну что вы притормозили? Повеселей! А то мы сейчас вам поможем.

Сталкер, стоявший рядом со мной, вдруг сорвался с места и, петляя, побежал обратно.

– А ну стой, сука! Лови его! Стрелять по ногам! По ногам, я сказал!

Короткой очередью парню прошило обе ноги, упав лицом в землю, он, извиваясь, продолжал ползти, цепляясь руками за дерн.

– Так, бля, несите этого говнюка сюда. Живо!

Двое бандюгов подхватили подстреленного под руки и потащили обратно. Он кричал и матерился во весь голос. Подойдя к нему, Длинный с размаху пару раз врезал парню по ногам. Тот, вскрикнув, излил еще одну порцию мата.

– Ну все, добегался, твою мать! Я ж хотел по-хорошему, а ты, бля, чего учудил?! Так! Кажись, меня плохо поняли. Я, бля, вам, уроды, шанс даю! А вы, тупые куски мяса, не оценили это. Чтоб оживить спортивный интерес к нашим соревнованиям, я вам наглядно продемонстрирую работу «консерватора». Ребя, давайте кончайте его. – Удав шумно сплюнул.

Поднеся все еще упирающегося чела к краю и раскачав его на руках, бандиты перебросили приговоренного через границу поля. Какое-то время он лежал неподвижно, а затем, перевернувшись на живот, пополз. Парень преодолел, наверно, всего-то метра два, как вдруг воздух вокруг него сгустился, и по нему пошла рябь. Затем, переливаясь всеми цветами радуги, словно лепестки гигантского цветка, с земли стали подниматься силовые поля. На лице парня застыл ужас, он, видимо, понял, что происходит, и попытался отползти в сторону. Но не тут-то было. Когда бутон полностью закрылся, секунду ничего не происходило, а затем тело обреченного скрутила невидимая сила. Послышался треск ломающихся костей и предсмертные крики. Он кричал и кричал, даже когда все пространство внутри гравиполя заполнилось кровавой кашей. Потом крики разом стихли, и движение бутона ускорилось, сжимая останки несчастного до размеров футбольного мяча. Последовала короткая вспышка, и уже готовый артефакт, свободный от воздействия «пожирателя», упал на траву. Он подпрыгнул пару раз и, прокатившись немного, замер. В воцарившейся на какое-то время тишине было слышно, как кого-то тошнило. Воздух взорвался каркающим смехом Удава.

– Ну что? Как вам презентация? Думаю, прошла успешно. Итак, повторяю: либо мы сейчас вас всех перекидаем туда, либо вы сами попытаете пройти это поле. Ну так что?

Ему никто не ответил.

– Молчание – знак согласия. Считаю до трех, все, кто останется по эту сторону границы, получат свинец в ноги и потеряют шанс на участие в нашей эстафете. – Удав щелкнул затвором автомата. – Раз. Два. Три!

Зажмурившись, я прыгнул на траву, сделал несколько осторожных шагов и замер. Пока тихо. И тут один за другим рядом со мной начали захлопываться бутоны «пожирателей». От криков жертв и хруста костей гудела голова. Сердце выскакивало из груди, кровь бешено стучала в висках, а перед глазами все плыло. Я старался не обращать внимания на весь этот ужас, царивший вокруг, но это было просто невозможно. Петляя и прыгая с места на место, я медленно продвигался вперед. Как вдруг все стихло. Я обернулся. Позади меня не осталось никого. Только шаров на поле стало больше. Вдалеке маячили бандиты, а до «финишной прямой» осталось метра три-четыре. Обидно было бы стать консервой так близко к цели. Собравшись, я сделал шаг, и тут же воздух вокруг начал серебриться. Рванулся было обратно, но «пожиратель» уже заглотил меня. Давление вокруг возрастало очень быстро, и я уже начал ощущать, как трескается кожа на теле. Не знаю, что произошло, но в следующий момент мои мучения прекратились, и этот гигантский цветок просто выплюнул меня. Упав на землю, я тут же оказался во власти другого «пожирателя». Но и с ним повторилась та же история. Я понимал, что происходит. Эта вонючая аномалия не хотела меня есть! Или, может, почему-то не могла? Недолго думая, я побежал. Побывав еще в двух «пожирателях», наконец-то упал в рыхлый желтый песок с другой стороны поля. Прошел! Я ликовал – я самый крутой сталкер Зоны! Но бандюги явно не разделяли моей радости. Они что-то кричали с противоположной стороны и бегали взад-вперед вдоль границы поля. Ага, лохи! Вам сюда никогда не попасть! Однако пора было делать ноги. И я даже не подозревал, как был прав. Поднявшись, последний раз посмотрел в сторону Удава и его людей и начал взбираться на холм. Вдруг последовал сильный удар в спину. Тело начало стремительно неметь. Неужели подстрелили? Почти потеряв сознание, я нащупал торчащий в спине дротик. В глазах начало темнеть – транквилизатор...

Пробуждение было болезненным, по телу словно трактор проехал. Открыв глаза, я увидел Удава. Он присел на корточки рядом и спросил:

- Ну что, очухался наконец?
- Что случилось? – Я еле ворочал языком.
- Ну, скажем так, я защитил свои инвестиции. Ты ведь все еще мне должен.
- Я же вроде прошел поле?
- Да, прошел. И надо сказать, ты первый, кому это удалось. Но дело не в этом.
- А в чем? – Язык не слушался, а в мозгу творилось черт-те что.
- Хочешь все знать, да?
- Да.

И он рассказал. Все оказалось просто, как дважды два. Весь цирк с забегом был затеян только ради забавы. Изначально все, кто принимал в нем участие, были обречены. Как он там сказал: «Свежее мясо для Зоны. Чем больше хабар, тем больше бабок. Простая арифметика». Артефакты собирались при помощи нехитрого приспособления и металлической сети. Сеть с грузилами забрасывали в поле, а потом цепляли к машине и тащили. И так несколько раз. Естественно, чтобы «рыба» не переводилась, надо было время от времени ее подкармливать: «пожирателям» годилось только живое мясо. Вот бандюги и придумали эти бега. Отлавливали в Зоне одиночек и... Я тоже должен был, как и остальные, превратиться в обед для Зоны и таким образом отработать тот артефакт. Но теперь у Удава на меня появились совсем другие планы. Когда он их озвучил, я пожалел, что меня не слопали. Его интересовало, как я прошел поле. Я этого не знал и не мог объяснить. И тем более научить проходить мимо «пожирателей» кого-то еще. А Удаву очень хотелось посмотреть, что там, на той стороне. Вскоре я на своей шкуре убедился, насколько сильно он этого хотел.

– Будешь тралом, – просто сказал Удав.

* * *

Счетчик трещит уже вторые сутки. Я его выключил. Все равно фонит тут повсюду, а АнтиРад у меня уже давно закончился. Благо еще еда есть, хотя при таком раскладе я раньше

загнусь от радиации, чем от голода. Все же куда я иду? Она манит меня. Дразнит, а потом бросает. Что Ей надо?!

* * *

Удава и его отморозков больше нет. Я их всех порешил ночью, пока они сладко спали, обдолбавшись той розовой дрянью, которую мы там нашли. Хорошая вещь гранаты! Советую!

Я никогда не любил Зону и считал ее первостепенным злом и угрозой человечеству. Говорят, надо было идти в «Долг» с такими убеждениями. Может, и надо было. По крайней мере, не торчал бы сейчас здесь. А сидел бы в баре и попивал бы горячительные. Но теперь у меня есть шанс поквитаться с Нею. Я узнал достаточно, чтобы убрать эту язву с лица земли. У меня в рюкзаке лежит нечто такое, что заставит эту гадину подчиниться. Спасибо доброму человеку, научил меня как. Престранный дед этот Леший, но толковый! Ловко мы этих Стражей развели!

Иду обратно в лагерь. Леший куда-то сгинул. Ну и хрен с ним! Сам избавлю мир от Зоны!

Еле ушел сегодня от Стражей. Этот постоянно пищит и просит есть. Если так пойдет и дальше, он меня всего высосет и выжмет, как губку. Проклятая Зона!

Сегодня вернулся в лагерь. И встретил Его! Я же помню, что убил. Собственными руками! Бред! Может, это и не он? Вроде бы меня не признал. Леший тоже здесь. Я его не видел, но чую за версту – предатель!

Я уже так привык к мальцу, что у меня не поднимается рука сделать с ним то, что должен. У меня никогда не было детей, но теперь я жалею об этом. Пошла эта Зона, и Стражи, и Леший этот! И даже Она! Пошли они все куда подальше! Я сам себе хозяин! На следующей неделе приходит грузовик со станции. Договорился с челом, он меня вывезет из Зоны. Еще посмотрим, кто кого!

* * *

Она во второй раз коснулась меня. Я вдруг явственно осознал всю бесполезность своего существования. Мое сознание распалось на миллионы маленьких «Я», которые на разные голоса твердили о моей никчемности. На что ты потратил свою жизнь? Что стоящего ты сделал за все это время, что? Зачем ты вообще жил? Потерял жену, не смог уберечь дочку, оттолкнул всех, кто старался тебе помочь, и как итог – одиночество и полное забвение.

...Она появилась из ниоткуда и опять поцеловала меня. На этот раз в губы. И все прошло. Почувствовав облегчение, я уснул.

Я понял – осталось недолго. Совсем. Внутри меня что-то растет. Что-то новое. Я чувствую, нет, даже наверняка знаю – это меня убьет. Но зато появится нечто совсем другое, лучшее, более нужное, чем я.

Я знаю точно. Я – это Зона. Точнее, я стану Ею, когда придет время. Старый Хранитель умирает. Грядет время перерождения. Теперь я понимаю, зачем я был Ей нужен. Ей нужна моя душа. Только Она обладает достаточной животворной силой, чтобы питать ее. И чтоб заполучить меня. Бедный Пашка, он даже не понял, что стал слепым орудием в Ее руках. Обманутый и брошенный на алтарь, он до последнего думал, что сопротивляется. Я знаю, за меня тоже сделали этот выбор и привели на бойню, словно овцу. Но почему-то меня это не тяготит. Напротив, я даже рад этому. Я обрел смысл, свое предназначение. А значит, жил не зря.

Внутри кипит энергия. Она просто клокочет во мне. Достаточно одной капли, и я взорвусь, освобождаюсь. А вот и Пашка – та самая последняя капля. Недостающий кусочек в сложной мозаике. Он бежит через поле, что-то крича мне и размахивая руками. Что у него в них? Ах да, «АК-47».

Она в третий раз коснулась меня. Энергия, больше не сдерживаемая моей брэнной плотью, освободившись, устремилась по многочисленным артериям Зоны, заставляя сотрясаться весь этот сложный организм в предродовых судорогах. Зона стремительно просыпалась, стряхивая с себя весь мусор, накопленный за время многолетней спячки. Омолаживаясь и расцветая на глазах. Теперь это уже не заживо гниющий труп, а то, чем она должна была стать – чудом для всего живого. Колыбелью новой жизни.

Старый Хранитель умер, родился новый. Цикл замкнулся.

Я лежу на зеленом ковре из травы и луговых цветов, а Она сидит рядом и держит меня за руку. И все так же улыбается и гладит меня по голове. Все в том же белом платье. Ее длинные светлые волосы ниспадают на хрупкие плечи, а в небесно-голубых глазах светится такая искренняя любовь и нежность...

Дмитрий Калинин И БУДУТ СПАТЬ

Прежде чем идти дальше, уважаемый читатель, я бы хотел прояснить некоторые моменты, связанные с этим текстом. Много из того, о чем будет идти речь, – вовсе не выдумка автора, а реально существующие вещи. Более того, со многим ты, читатель, сталкиваешься каждый день, даже не подозревая об этом. На идею этой небольшой повести меня натолкнули «Хакеры сновидений». Вернее, натолкнуло само существование этой группы, хотя ни с кем из них я не знаком. Должен сказать, что некоторые факты и теории мне пришлось подкорректировать и даже слегка исказить, дабы уложить их в нить повествования, за что и прошу прощения у сведущих людей.

Приятного чтения!

Сновидения подобны морю. Они накатываются на мозг легкими волнами, а потом отступают туда, где плещутся вечно, – в Мир Образов, Алям-аль-Миталь. Дабы не ждать, когда эти волны захлестнут вас, повинувшись неизменному ежедневному ритму, можно, если желаете, уплыть в море и исследовать его глубины.

Роберт Ирвин, «Арабский кошмар»

1

Когда Андрей вышел из метро, на Москву уже опускались ранние осенние сумерки, превращающие городские огни в размазанные пятна на фоне приглушенных красок скучного комикса в стиле нуар. Легко сориентировавшись – первый вагон из центра, направо вдоль парка, Андрей не спеша двинулся по пустынной улице. Эта прогулка – как последняя проверка, думалось ему, проверка на вшивость, на твердость характера, ведь, если он дойдет до конца маршрута, назад дороги не будет. Назад, в прежнюю жизнь. А начнется тогда новая, опасная, без выбора, знакомая лишь по слухам, даже не жизнь – борьба за существование, высшая награда в которой – мечта.

Чтобы начать этот маршрут, Андрей потратил пять лет своей жизни. Он шел напролом, добиваясь цели, порой наперекор собственной совести. Но совесть ведь останется там – позади, в этом скучном комиксе, из которого только один выход, и мало кто знает, что откроется за ним смельчаку, рискнувшему отомкнуть замок.

Все началось с Кирилла. Старше Андрея на восемь лет, брат имел свой взрослый круг общения и неведомые младшему интересы. Он был серьезен и замкнут, интересовался многими науками, занимался спортом. Кирилл ходил в качалку, в одиночестве бегал по утрам в парке. Там лучше думается, говорил он, по обыкновению ухмыляясь уголком рта. Но Андрей помнил брата другим, с горящими глазами, увлеченно рассказывающим о неведомых странах, об иных мирах, о странных существах, которые могут быть как дружелюбны, так и враждебны, о могущественных артефактах, за которыми ведется непрерывная погоня и которые стоят всего золота мира, о новой жизни. Кирилл относился к младшему брату чуть отстраненно и снисходительно, впрочем, это вполне объяснимо, учитывая разницу в возрасте. Младший же, напротив, смотрел брату в рот. Старался подражать даже его манере усмехаться во время любой, самой серьезной речи, как бы иронизируя. Андрей с нетерпением ожидал тех нечастых моментов, когда, под влиянием каких-то событий, может быть, успехов или провалов, которые для ученого не менее ценны, Кирилл входил в то самое

состояние абсолютного рассказчика, когда по комнате витали картины, сотканные из слов и подсвеченные светом, струящимся из глаз обоих братьев.

А потом Кирилл пропал.

Задумавшись, Андрей чуть не пропустил поворот. Вот он – последний перед площадью. Теперь мимо пивного ресторана в подворотню – адрес и маршрут Андрей забыть не мог. В Москве, да и во всем мире, Сторожей всего несколько десятков, а хороших Сторожей и вовсе можно пересчитать по пальцам. С этим его свел Учитель. Сказал, что лучше Сторожа еще поискать, может быть, не очень виртуозен, но надежен на все сто процентов, что и нужно новичку, тем более для первого выхода. Сам Учитель услугами Сторожа никогда не пользовался, при случае вполне мог бы исполнить его обязанности. Андрей потоптался у подъезда хрущевки, вспоминая наставления – делать все в точности, как скажет Сторож, отвечать на все его вопросы предельно откровенно.

Он позвонил условленным образом в квартиру номер семнадцать на четвертом этаже. Через полминуты за дверью послышались шаркающие шаги. В дверном глазке помаячила тень, означающая, что хозяин изучает своего визитера. Приоткрыв дверь на цепочке, мужчина спросил негромким чуть хрипловатым голосом:

– Кто там?

– Андрей, от Учителя. Хочу приобрести таблетки от бессонницы.

Чуть помедлив, наверно, еще раз разглядев Андрея из темноты квартиры, мужчина открыл дверь и отступил в коридор, пропуская внутрь.

– Вы бы хоть свет включили, ни черта не видно, – пробурчал Андрей, пробираясь по длинному узкому коридору за шаркающими шагами хозяина квартиры и поминутно натываясь на какие-то твердые предметы, расставленные вдоль стен.

– Проходи сюда, на кухню, – человек проигнорировал замечание.

На большой кухне с высокими потолками было светло, и Андрей наконец получил возможность рассмотреть Сторожа. Это был невысокий, немолодой уже человек, с короткими сидящими у висков темными волосами. Глаза прищурены, что не оставляло надежды распознать их цвет. Смуглая кожа и обветренное лицо с тонкими морщинками вокруг глаз сразу навевало ассоциацию с моряком дальнего плавания.

Человек тоже разглядывал Андрея. Внимательно, с головы до ног, не пропуская ни единой мелочи, то и дело зацепляясь взглядом за какие-то только ему ведомые точки.

– Садись сюда, к окну. – Они сели на старые скрипучие стулья за кухонный стол. На столе стояла только стеклянная пепельница с парой окурков. – Кури, если хочешь.

– Нет, спасибо, не курю. Может быть, начнем?

Сторож не спеша достал из кармана спортивных брюк пачку сигарет, прикурил.

– Не спеши. Сначала мне нужно с тобой поговорить. Это важно. Учти, каждая неоткровенность, каждая ложь снижает вероятность твоего успешного возвращения. Я всегда задаю вопросы новичкам, потому что должен их хоть немного узнать. Не моя прихоть. Техника процесса такая. – Человек говорил, медленно произнося слова, делая паузы между фразами. Так и в гипноз вогнать можно, подумалось Андрею. – Значит, так. Ты новичок – это плохо. Но ты с Учителем – это хорошо. Первый выход?

– Да. Ну, не считая тренировочных.

Сторож кивнул.

– Понятно. Наслушался небось баек про разное. Так вот – все бывает. Почти все байки – так или иначе правда.

– Я... – Андрей уже выслушал подобные наставления от Учителя.

– Не перебивай. Сиди спокойно, дай насладиться ролью, – мужчина впервые улыбнулся. – Теперь я спрашиваю, ты отвечаешь.

Сторож помолчал несколько секунд, обдумывая вопрос.

– У тебя есть девушка?

– Да, а при чем тут она? – Андрей не ожидал подобного вопроса, поэтому сразу напрягся.

– Она ни при чем. Я к тебе не пристаю, не волнуйся. Сказал же, должен узнать некоторые вещи, которые тебя тут держат. Как ее зовут? Блондинка, брюнетка? Стрижка длинная, короткая? Есть с собой фото?

– Настя. Брюнетка. Короткая. Нет фотки, дома оставил. Предупредили бы, я бы весь фотоальбом притащил. Там есть фотка, где я на горшке, – очень меня, между прочим, характеризует. – Андрей начал раздражаться.

– Постарайся без лишних слов. Родители?

– Живы. Оба на пенсии, живут в Звенигороде.

– Братья, сестры?

– Брат. Был.

Сторож внимательно взглянул Андрею в глаза.

– Где сейчас?

– Послушайте, обязательно об этом говорить?

– Да. Что случилось с братом? Как звали?

– Кирилл. Пропал в Зоне шесть лет назад.

Хозяин квартиры откинулся на спинку скрипучего стула. Закурил новую сигарету.

– Кирилл Сухарев? Сухой?

– Вы его знали? – Андрей в нетерпении навалился на стол.

– Теперь понимаю, почему ты ввязался во все это... Слышал про него, знаком не был.

Что с ним случилось, не знаю, сразу говорю.

Оба замолчали. Неловкая пауза затянулась на пару минут, пока ее не прервал Сторож.

– Думаю, мне этого достаточно. Ничего особого тебе делать не придется, работай как обычно. Я буду видеть все то же, что и ты, слышать то же, что и ты. Только действовать будешь ты, вот в чем проблема. Рукой шевельнуть и ногой пнуть за тебя не смогу. Если впадешь в ступор – например, контролер тебя возьмет или летун присосется, – я вмешаюсь. Постараюсь вывести обратно в осознанку. Если решу, что опасность велика, вытащу тебя в реал. Если возникнет надобность, можешь мысленно или вслух – как хочешь – меня позвать. Только учти – любое обращение ко мне или мое вмешательство существенно снижает уровень осознания. Вплоть до вылета в реал. Так что решай сам. Вопросы есть?

– Ну да. Как вас зовут?

– Все зовут меня Нянькой...

Андрей много слышал про Няньку, чье имя стало практически нарицательным при определении Сторожей. Няньками называли Сторожей экстра-класса. И вот тот самый Нянька, стоящий у истоков своей профессии, практически легенда сталкинга, сидит напротив в маленькой кухоньке и попыхивает сигаретой, жмурясь от едкого дыма. Андрей знал, что Учитель имеет определенную известность в околосталкеровских кругах, но то, что он водит дружбу с самим Нянькой, заставило взглянуть на наставника другими глазами.

– Я про вас слышал. Не знал, что вы еще работаете.

Сторож затушил сигарету.

– А я и не работаю. Это хобби. Ладно, пора начинать. Пошли за мной.

Они вновь прошли уже знакомым темным коридором в комнату. Это была странная комната: стены и потолок покрашены серой краской, на окнах решетки, пол застелен выцветшим линолеумом, цвет которого невозможно было идентифицировать. На потолке, точно посередине, располагался круглый светильник. Из мебели в помещении была лишь старая металлическая пружинная кровать с полосатым бело-бордовым матрасом и в изголовье деревянный журнальный столик на кривых резных ножках. Сторож сделал приглашающий жест, отступая в глубь комнаты.

– Располагайся. Чувствуй себя как дома.

Андрей вошел.

– Удачи. – Сторож запер за ним обитую дерматином металлическую дверь без ручки, оставляя наедине с осенним мраком, лишь немного разгоняемым тусклой лампочкой, с подозрительными тенями, стелющимися по углам, и с собственными сомнениями, раздражающими грудь и притупляющими разум.

Андрей лег на скрипучую кровать и закрыл глаза. Он постарался успокоиться, ибо только спокойствие и контроль являются главными помощниками сталкера в водовороте безумных событий и хаосе Зоны. Глубоко вдыхая носом, Андрей разгонял перед мысленным взором темноту и медленно выдыхал ее через рот, очищая от копоти мир, в который он так стремился все это время. И вот час свидания приблизился. Как примет его эта капризная и опасная, но в то же время прекрасная и удивительная вселенная? Вселенная, где ответов больше, чем сможешь придумать вопросов. Вселенная, где можно найти мир, но можно потерять жизнь.

Андрей уснул.

2

Проснулся он дома, в своей кровати. В окно светило яркое солнце, ветер играл занавесками. Взглянув на часы – половина десятого утра, – Андрей быстро оделся. Армейские брюки цвета хаки со множеством карманов, удобные кожаные ботинки на толстой подошве, рубашка неприметного серого цвета. Надев рюкзак со снаряжением, Андрей окинул комнату последним взглядом и вышел из квартиры..

Удаляясь от родной улицы, Андрей замечал перемены, происходящие с городом, – листва на деревьях стала гуще, цвет ее поблек, бульвар стал шире, дома вокруг почти скрылись за стеной густой растительности, асфальт потрескался, и сквозь паутину трещинок стали пробиваться кустики пожухлой желтой травы. Было тихо, звуки города долетали лишь эхом до этого отдаленного места. Пройдя метров двести, Андрей заметил человека, сидящего на скамье под большой березой. Поравнявшись со скамейкой, он молча сел рядом с мужчиной.

– Опять продрых... Тебе лишь бы поспать... – пробасил человек и повернул бритую налысо голову к Андрею, обнажая два ряда ровных, сверкающих белизной зубов в широкой улыбке. Это был крупный мужчина. Рукава его выцветшей ковбойской клетчатой рубашки были закатаны до половины предплечья, демонстрируя сильные загорелые руки.

– Извините, Учитель, заспался, – Андрей тоже улыбнулся.

– Как и всегда, – мужчина посерьезнел. – Ладно, шутки закончились. Как прошло с Нянькой? Без накладок?

– Все нормально, – Андрей кивнул, – вроде солидный дяденька.

– Да, ничего себе дядя. И, главное, Сторож хороший. – Андрей улыбнулся, понимая, что эти слова предназначены для других ушей. Ушей, которые слышат через него. Слышат где-то далеко, в другом мире. В другой жизни. – Ну пошли. Вперед. С богом.

Они встали. Быстрым шагом два сталкера направились дальше на север. В сторону Зоны.

Как и когда появилась Зона, никто не знает. Вообще, мир сновидений более или менее научно люди стали изучать лишь ближе к концу двадцатого века. Несколько энтузиастов, начитавшись Кастанеды, решили найти способ проникнуть в мир, где все возможно, в свой личный персональный рай, в свою мечту, где нет законов, где ты сам хозяин и творец всего вокруг. А быть может, они руководствовались лишь благородной целью – посредством снов помочь человечеству избавиться от психических расстройств и патологий; сейчас уже никто не помнит, да и не хочет вспоминать. Они использовали техники древних индейцев, постепенно улучшая и дополняя их, доводя до совершенства. Тема стала популярна, стали появляться новые группы и одиночки – исследователи снов. Оказалось, что сон – это отдельный мир, куда человек попадает каждую ночь и где, при соответствующем умении, он может стать полноправным участником действия, а не только зрителем. В осознанном сновидении у человека работает сознание, позволяя ему принимать решения, делать выбор, действовать по своему усмотрению, влияя на ход этого спектакля, сценаристом и режиссером которого явилось его собственное подсознание. Более того, сны всех людей связаны в некую глобальную сеть, и наиболее продвинутые сновидцы научились проникать в чужие сны. Осознанными сновидениями заинтересовались правительственные спецслужбы,

надеясь извлечь пользу для себя из столь многообещающего явления, как проникновение в чужой сон с возможностью манипулирования личностью.

В этом мире действуют свои законы, он может быть не только красивым, но и уродливым, ведь всем из нас когда-либо снились кошмары. Он может быть крайне опасным. Он может быть смертельным.

По мере исследований люди научились составлять карты мира снов, и оказалось, что персональные миры у всех очень похожи. Как будто все люди видят один и тот же город, но лишь с небольшими изменениями. Лишь одно место в сновидческом мире у всех совпадает до миллиметра.

На севере каждого мира снов, за чертой города, за рекой, начинается Зона. Ее называли по-разному. И Зоной Катастроф, и Царством Летунов, и Черной Дырой, но обычно просто – Зоной. В Зону ведет мост через реку. И благоразумные сновидцы к этому мосту даже близко не подходят.

По мере движения Андрей с интересом наблюдал метаморфозы, которые подметил еще в начале бульвара. Цвета совсем поблекли, воздух как будто сгустился. Солнце давно скрылось за тяжелыми серо-синими тучами, медленно ползущими по низкому небу. Как-то разом в городе наступила осень. Андрей еще никогда так далеко на север не заходил. Зона уже близко.

К мосту они подошли примерно через двадцать минут. Река и мост через нее внешне не представлялись сколько-нибудь примечательными – грязная вода вяло текла по бетонному желобу, теребя спутанные локоны водорослей, тут и там всплывающих из мутной глубины. Тем не менее Андрей много раз слышал об этом месте. Говорят, эта речушка петляет по самым мрачным закоулкам Зоны, и иногда ее воды приносят к мосту страшные вещи – брошенную экипировку сталкеров, трупы людей и монстров, фрагменты тел...

Но сейчас река выглядела безобидной и умиротворяющей. Быть может, это знак, подумал Андрей, знак, который дает ему Зона в первый его выход, знак, что она его принимает, что не плавать ему в грязной воде речушки.

– Пришли...

Учитель похлопал Андрея по плечу.

– Теперь ты должен уподобиться натянутому канату. Который прогибается, когда надо, но никогда не рвется. Для первого раза прошвырнемся по близлежащим кварталам. Это место мы называем кордоном. Вряд ли мы тут найдем что-нибудь ценное, но мало ли что... И дрянь всякая сюда редко забредает. Но это не повод расслабляться. Прямо тут, у этого моста, пару недель назад летун ребят напугал. Раньше-то эти твари сюда не совались, а теперь бывает. Осмелели. Ну пойдем.

Они ступили на мост, шаги подкованных подошв армейских ботинок эхом разнеслись по желобу, держащему в узде мутный поток. На той стороне вроде бы ничего не изменилось – все те же редкие заброшенные пятиэтажки с темными окнами, голые деревья, растрескавшийся асфальт.

Учитель шел чуть впереди Андрея по широкой улице, оглядываясь и внимательно осматривая окружающие дома. Многие окна были выбиты. На дороге тут и там валялся какой-то мусор, рваные газеты, обломки мебели. «Как в фильмах-катастрофах, – подумал Андрей, – вымерший город, и за каждым углом смелого исследователя, ухмыляясь и потирая руки в предвкушении пира эмоций, ждет неизвестность».

– Побуду экскурсоводом. Посмотрите налево – здесь вы видите замок князя Бляновского...

Несмотря на легкомысленную болтовню, Учитель был предельно сосредоточен и напряжен, таким Андрей еще никогда не видел своего наставника.

– Шутка. Значит, так, я тебе раньше этого не рассказывал, берег на первую прогулку. То, что просыпаешься во сне всегда у себя дома, ты уже выучил. Местность вокруг дома варьируется индивидуально. А вот Зона – она, в отличие от остального здесь, одинаковая для всех сталкеров. Все видят и реку, и все, что за ней, точно, как под копирку. Еще странность этого места в том, что его аналог существует в реальном мире – это Чернобыль и окрainsы.

Сначала никто этого не замечал, потом, когда появились братья-сталкеры из Украины, оказалось, что дело обстоит именно так. Сам понимаешь, никто из нас – простых сталкеров – особо не рвется расследовать причины этого. Ученые давно предлагают некоторым наиболее опытным за большие деньги провести их до самой АЭС – по их теории, она и есть центр Зоны, но, насколько я знаю, никто пока не согласился. Вроде как военные пытались пробраться туда, но ни один из них не вернулся. Мы промышляем артефактами, продаем их перекупщикам. Если повезет, то ученые могут заказать что-нибудь определенное. Они платят щедрее. В принципе, любая вещь, вынесенная из сна в реальный мир, сама по себе является артефактом и обладает некоторой силой. Но годится она только на мелочь – типа амулета и оберега использовать, не более того. Но есть тут вещи и поинтереснее – некоторые необъяснимые штуки, мощные по энергетике, которые можно использовать для разных целей. Одни – как источники энергии. Например, «батарейка», – Учитель похлопал по своему фонарю, висящему на поясе, – я вот приспособил ее для фонарика, и теперь на обычные батарейки не трачусь. Еще «морской еж» есть – он от радиации помогает. Много разных диковин.

Учитель резко остановился.

– Стой!

Андрей остановился. Испугавшись не на шутку, он начал судорожно оглядываться в поисках опасности.

– Да не там, смотри правее. – Учитель указал рукой на двор между рядом стоящими домами. – Видишь, детская площадка?

Метрах в пятидесяти, за чахлыми деревцами, виднелась деревянная горка, некогда крашенная синей краской, а теперь облезлая, детская песочница, как ни странно, была с верхом наполнена свежим песком. Несколько металлических конструкций в форме животных ржавели под открытым небом. Ярко-рыжий песок выделялся на фоне этого тусклого пейзажа пятном, приковывающим внимание. Где-то за песочной горкой, а может быть, прямо в ней – было далековато, сложно разглядеть, – что-то двигалось. Лениво переваливаясь с боку на бок, некое бесформенное тело грязно-желтого цвета возилось, приподнимаясь и снова падая. Все это происходило в полной тишине.

– Что это? – шепотом спросил Андрей.

– Черт его знает, мы зовем его Песочным Человеком. Несколько раз я с ним встречался, но ближе, чем сейчас, не подходил. Ребята говорят, если поближе подойти, он скулит, как раненый кобель, и начинает к тебе ползти. Уйти от него проще простого – он медленнее улитки. Но проверять, что будет, если все-таки доползет, желания нет. Пошли дальше.

Пока детская площадка не скрылась за углом, Андрей поминутно оглядывался, стараясь разглядеть эту непонятную шевелящуюся грудку повнимательнее.

– Учитель, а дружелюбные существа тут встречаются? Или хотя бы нейтральные?

– Друзей тут точно не найдешь. Нейтральные бывают, но кто их знает, может, они и не нейтральные вовсе. – А это место мы называем Перекрестком. Посередине проезжей части есть любопытная аномалия: если в нее попадает какой-нибудь предмет, то он как бы выстреливается вертикально вверх с огромной скоростью. «Катапульта» называется. При мне ее открыли – один парень из нашей группы туда наступил. Пару минут ждали, когда обратно прилетит. Его ветром, конечно, отклонило от направления, упал в паре кварталов отсюда на крышу машины. Даже вспоминать страшно.

– А что случается с человеком в реале, если он в Зоне погибает?

– Либо с ума сходит, либо просто не просыпается – и все. Тихо так умирает во сне. Поэтому Сторож – это хоть какая-то гарантия от непредвиденных ситуаций. Два глаза хорошо, а четыре – лучше. Сторожа обычно бывшие сталкеры, опыт у них большой. Часто реагируют быстрее своего подопечного и успевают или предупредить, или вытащить из сна. Тому же Няньке несколько сотен человек жизнью обязаны.

Осторожно перейдя через дорогу, они вышли на узкую улочку, вымощенную булыжником и петляющую между старыми одноэтажными домами. Учитель сказал, что последней достопримечательностью на сегодня станет кинотеатр.

– Известен он тем, что там иногда кино крутят. Да, вот так вдруг включается аппарат, и несколько минут показывают кино. Там стоит пленка «Ирония судьбы». В аппаратную мы ломались-ломались, но она как-то странно изнутри заперта. Ничем эту дверь не смогли открыть. И выломать пытались – как скала. Через окошечко в зрительный зал видно, что свет там горит все время и тени иногда мелькают.

Петляющая улочка вывела их на небольшую площадь перед кинотеатром. Запустение царило и здесь. Мусор, опавшие листья и рваное тряпье пестрым покрывалом укутывали выложенный мелкой дорожной плиткой участок. Под хруст битого стекла Андрей с Учителем вошли в просторный холл кинотеатра. Здесь было темно, и разглядеть что-либо в дальних концах помещения не представлялось возможным. Андрей напрягся, в любой момент ожидая нападения неведомого монстра, выпрыгивающего из темного проема и набрасывающегося на жертв с гортанным криком. Учитель уверенным шагом прошел через холл и толкнул большую двухстворчатую деревянную дверь, ведущую в зрительный зал. В зале царила ночь, живущая во всех кинотеатрах, но не волшебной-загадочной, увлекающей зрителя в сказочный мир кино, а сухая пыльная чернота, как на забитом хламом чердаке. Некоторые сиденья остались на своих местах, большинство же громоздилось в большую кучу в дальнем углу зала, заслоняя край серого экрана. Андрей посмотрел на узкое окошечко аппаратной – оно действительно светилось, тусклым прищуренным глазом обозревая картину разрухи.

– Ну, похоже, не судьба нам сегодня кино посмотреть. – Учитель говорил негромко, но звук его голоса разнесся по залу невидимой волной, отражаясь от ободранных стен. – Пошли, походим по подсобным помещениям, тут частенько артефакты появляются. Видимо, какое-то особенное это место, хабарное.

Осмотр прилегающих помещений не дал ровным счетом ничего. Луч фонарика выхватывал везде всю ту же картину разрушения – разбитая мебель, бумага и мусор.

Уже направляясь к выходу, Андрей заметил слабый свет из-за поворота в дальнем конце коридора, уходящего от холла в глубину под зрительный зал.

– Учитель! – Андрей показал взглядом на свет. Неторопливым шагом они направились по длинному коридору. Повернув за угол, Андрей увидел, что свет идет от открытой двери. Приблизившись к яркому проему на расстояние вытянутой руки, он услышал шорохи и негромкое бормотание, идущее из комнаты. Учитель жестом остановил Андрея и первым заглянул внутрь.

Помещение было завалено рухлядью. В центре комнаты почти до потолка высилась гора из стульев, сломанных шкафов, офисных столов, оторванных со стен отделочных панелей, изрезанных портьер и прочего пыльного хлама. Пройти можно было только вокруг кучи мусора вдоль стены. Источник звука был где-то в глубине комнаты. Учитель вытащил из-за пояса пистолет, снял с предохранителя. Бормотание то затихало совсем, то возобновлялось с новой силой. Слов было не разобрать, но, без сомнения, это была человеческая речь. Приказав оставаться на месте, Учитель бесшумно скрылся в ущелье между стеллажом и свисавшей до пола грязной тряпкой. Андрей слышал, как бьется собственное сердце. Он боялся, что враг тоже слышит его. Слышит и таится прямо тут, за тонкой деревяшкой, роняя слюни из зубастого рта, оскаленного в кровожадной улыбке. Играет с жертвой. Ждет, когда у человека не выдержат нервы, чтобы выскочить, разорвать, растоптать останки новичка, дерзнувшего пробраться в его сокровенное логово.

– Андрей! Все нормально, иди сюда.

Учитель произнес эти слова спокойно и негромко, но Андрей прямо-таки подскочил на месте, ударившись головой об край торчащего из кучи стола. Потирая ушибленную макушку и чертыхаясь, он поспешил к наставнику, пробираясь между наваленным мусором и заодно вспоминая темный коридор в квартире у Няньки.

Учитель стоял в дальнем углу помещения над сидящим у стены странным субъектом. Пистолет он уже убрал.

– Вот, Андрюха, познакомься с очередным феноменом Зоны. Это Бомж. Считай, что тебе повезло, потому что встреча с ним считается у нас хорошей приметой. Он редко показывается. Я, например, его вижу всего второй раз в жизни.

Прямо на полу, на расстеленных газетах, сидел грязный, заросший щетиной человек. Он был одет в черное пальто без пуговиц, на голове его набекрень торчала вязаная шапка, держась на колтуне из спутанных седых волос. Под пальто на нем был засаленный до невозможности свитер и грязные тренировочные штаны с пузырящимися коленками. Незашнурованные кроссовки когда-то были белыми. Бомж совершенно не обращал на сталкеров внимания, ковыряясь в целлофановом пакете, набитом какими-то вонючими объедками, и был всецело поглощен этим занятием. Лица его практически не было видно из-за клочковатой седой растительности, из центра которой торчал внушительного размера грязный нос. Бомж что-то бормотал хриплым шепотом.

– Очень странно. – Учитель был возбужден. – Он обычно встречается где-то глубже в Зоне. На Свалке, на Складах, но здесь! Андрюха, тебе повезло!

– ...повезло... конечно, повезло... я везучий... там ка-а-ак бабахнет, а мне хоть бы что... повезло... – отдельные слова можно было разобрать. Бомж продолжал сортировать по пакетам объедки, бормоча себе под нос.

– А как же он тут живет-то? Как жив остался? Что ест? – Андрей был удивлен, даже обескуражен таким неожиданным зрелищем, как обычный грязный бродяга в Зоне, среди ужаса и смерти.

– ...что-что... ест что найдет... да, вку-у-усно... найдет еду и ест себе... да...

– А кто его знает! Непонятно, как он тут живет! К нему как-то приставили группу наблюдения, так он вроде ничего особенного и не делает. Лазит себе по домам, спит...

– Спит, конечно... как же не спать... сла-а-адко спит... все мы спим... вечным сном, хе-хе, хе-хе... – Бомж захихикал, после чего зашелся в приступе сухого мучительного кашля.

– А где объедки находит, непонятно. Монстры обходят его стороной. Они как бы не замечают его, а он их. Он вообще ни на кого внимания не обращает. Правда, говорят, что иногда он осмысленно разговаривает со сталкерами, но я что-то не очень в это верю.

– ...верю – не верю... верю... не верю... а мож, верю, да... – Откашлявшись, Бомж принялся тщательно собирать объедки и аккуратно складывать их в дырявый пакет.

– Вот тебе нейтральный персонаж, ты спрашивал. В любом случае, Андрей, твое боевое крещение можно считать успешным! Хоть не нашли мы ничего полезного... – Внезапно Учитель замолчал. – Ты слышишь?

Андрей прислушался. Даже Бомж замолчал, но копошиться продолжил, сопя и кряхтя. Где-то на границе слышимости возник тонкий свист. Его можно было принять за фантом, за шум в ушах, если бы не давление на барабанные перепонки.

– Как будто что-то свистит... – Андрей взглянул на Учителя.

– Значит, мне не показалось... Пора сваливать. Свист – признак летуна. Где-то он тут поблизости обретается. Пойдем.

Учитель направился быстрым шагом к выходу из комнаты, обходя торчащие обломки мебели. Андрей поспешил следом. Свист стал слышен отчетливей. Бомж снова принялся бормотать, не обращая внимания на неприятный звук:

– А что ж... я же говорил... да, говорил... говорил, не ходи?... говорил... а он пошел...

Свист стал нестерпимым. Казалось, свистит не в ушах, а в голове, раздавливая мозг.

– Да, говорил... а он говорит: Кирилл, расскажи сказку... сказку, говорит... надо же... Кирилл, расскажи сказку... хе-хе, хе-хе, сказку, хе-хе... сказку про иные миры, сказку ему...

Андрей остановился. Что-то в его мозгу переключилось. Его комната, разбросанные по полу игрушки, детская кровать. «Кирилл, расскажи сказку», – просит Андрей. Он лежит в кровати, накрывшись до подбородка. В комнате горит лишь ночник. Кирилл раздумывает несколько секунд, разворачивается, подходит к кровати, садится на край. Поправляет одеяло. Начинает рассказ.

– Андрей! Андрей, пошли! Он уже рядом! Скорей! – Учитель тряс Андрея за плечи. Он был взволнован, ноздри его раздувались, он тяжело дышал. Свист окончательно

поселился где-то в районе затылочной части. Схватив Андрея за руку, Учитель потащил его к двери из комнаты.

– Кирилл, Кирилл... хлебнул чернил... хе-хе... вот не пошел бы, и все... и все... а то, сказку ему...

В дверном проеме Андрей вырвался из цепких рук наставника и захлопнул дверь, оставив того в коридоре. Замок был исправен, Андрей запер дверь. Он побежал назад к Бомжу, запинаясь и падая. Учитель орал по ту сторону двери, колотил по ней руками и ногами, пытаясь выбить. Андрей подбежал к Бомжу, присел около него на корточки. Свист превратился в ультразвуковой визг, он был почти не слышен, но нестерпимо сверлил затылок. Голова гудела, будто колокол.

– Слышишь! Говори! Ты видел моего брата? Отвечай! – Андрей кричал бродяге в лицо, тряс его. Бомж вертел в руках какой-то небольшой блестящий предмет. Зажигалка. У Кирилла была такая же, бензиновая «Зиппо» с выгравированным орлом на гладком боку. Андрей выхватил зажигалку. Голова раскалывалась. Он обхватил голову руками. Учитель что-то орал за дверью. Бомж продолжал спокойно ковыряться в своем пакете. Андрей поднял взгляд на стену напротив. Дверь там была снята с петель и валялась рядом. Из темноты дверного проема на них надвигалось нечто. Оно было бесформенное, переливающееся и висело в воздухе примерно на высоте человеческого роста. Эта перламутровая пиявка плыла прямо на Андрея, и от нее невозможно было отвести глаза. Голова закружилась, зрение стало туманиться. Теперь уже не одна пиявка, а две или три.

Как сквозь вату до него доносились крики Учителя. Последнее, что услышал Андрей: «Нянька! Нянька, тащи!»

Потом мозг взорвался яркой вспышкой.

3

Андрей проснулся в квартире Няньки с жуткой головной болью. Сел на кровати. Уже наступила ночь. Каждое движение причиняло страдание, сравнимое лишь с утренним похмельем после буйной вечеринки. Через пару минут послышался лязг замка, металлическая дверь со скрипом отворилась.

На этот раз в коридоре было светло. Пока шли на кухню, Андрей обратил внимание, что в его правой руке с силой зажат какой-то металлический предмет. Сели на свои прежние места. Андрей с трудом разжал побелевшие пальцы, на желтоватую скатерть выпала старенькая зажигалка с выгравированным орлом. На торце были видны нацарапанные слова, но Андрей уже знал, что именно там написано. Он сам нацарапал их на зажигалке брата много лет назад. В это было трудно поверить.

– Это его? – Нянька наконец нарушил затянувшееся молчание.

Андрей кивнул.

– Черт... Учитель сразу позвонил, как вы вышли. Он сейчас приедет.

Андрей еще раз кивнул. На него напал какой-то ступор, голова была чугунная, веки весили по тонне каждое и до конца не открывались, плечи ссутулились. Сил пошевелиться не было. Он сидел, облокотившись на шаткий кухонный стол.

– Тебе повезло, что я с тобой был. Пришлось вытаскивать. Ну, да мне не привыкать новичков и дураков из огня выгребать. Летун это был, познакомься. Еще полминуты, и ты стал бы его добычей.

– Спасибо, что вытащили. – Андрей с трудом разлепил губы. Язык еле ворочался, говорить было трудно. Нянька уставился на зажигалку, играя желваками.

– Чувствую, сильная она. Сильнее обычных предметов из Зоны. До артефакта не дотягивает, конечно, но все-таки.

Дверной звонок разорвал тишину ночи и этой странной загадочной московской квартиры.

Через пелену тумана, застилающего глаза, Андрей видел, как Нянька вышел из кухни. Через вату в ушах он слышал, как Сторож открывает дверь, как переговаривается в коридоре с Учителем.

- Ну где он? Сейчас я ему покажу кузькину!
- погоди, не ерепенься. Тут дело посложнее. Сам тебе расскажет.
- Посложнее! Е-мое, да он чуть не сдох там в первый выход! Для самоубийства можно было придумать способ попроще, да и наше время не тратить!
- Успокойся, сказал! Поверь, у него был повод вернуться.
- Ладно... Как он?
- Нормально. Вовремя выскочил. Но еще бы чуть-чуть, и все.

Учитель вышел из дома явно впопыхах – на нем были тренировочные штаны, под незастегнутой курткой виднелась майка с каким-то веселым рисунком. Он сел на соседний стул, положил руку на поникшее плечо Андрея.

– Давай рассказывай. А потом я решу, увидишь ли ты меня, да и Няньку, еще раз или нет. Я слушаю.

Потихоньку слабость уходила. Голова перестала болеть, осталась лишь страшная тяжесть, пригибающая к земле. Андрей протер лицо рукой, она была влажной, все тело пробил холодный пот, и казалось, что с ним уходит тот кошмар, который он пережил. Пот возвращает его к жизни. Вот этой реальной, настоящей жизни. Где нет черных летающих пиявок.

– Пять лет я искал случая выйти в Зону. Вернее, что мне нужно в Зону, я узнал гораздо позже, сначала просто искал, куда мог запропасться брат. Ходил, спрашивал. Совал нос. Узнавал о его жизни. Оказалось, в сущности, я не знал своего родного брата. Много узнал нового о нем. Не сразу нащупал нити. Сами знаете, как это у сталкеров – редко кого пускают в свой круг. Два года назад встретил вас. И сегодня, представляете, сегодня – в первый свой выход – я нашел зацепку! Бомж говорил о нем! Там была его зажигалка! Его, я ее даже на ощупь узнаю!

Учитель, нахмурившись, взял «Зиппо», повертел между пальцами. На торце корявыми буквами было нацарапано: «Пока эта зажигалка у Кирилла – с ним ничего не случится. Брат».

– Ты вытащил предмет из Зоны... Сам, в первый выход. Молодец...

– Да. Я ее даже не сразу заметил в руке. Плохо себя чувствую.

– Немудрено. Летун – одна из самых опасных тварей. Питается нашей энергией. Высасывает тебя, словно коктейль через трубочку. Скажи спасибо Няньке. А ты, – Учитель повернулся к Сторожу, – делай очередную зарубку – еще одну жизнь спас. – К Учителю снова вернулось хорошее настроение.

– Ладно, Андрюха, не кисни! Поехали, отвезу тебя домой. Поспишь, отдохнешь пару дней. Потом потихоньку снова вылезем. Осмотримся. Обещаю, что помогу тебе найти брата. Разберемся, мы же не лаптем щи хлебаем! Ты вон, оказывается, какой способный – уже хабар притащил!

Попрощавшись с Нянькой, Андрей с трудом спустился на улицу, опираясь на плечо наставника. Старенькая «Тойота» Учителя стояла с открытой дверцей прямо посреди двора.

Доехали быстро – час был уже поздний, машин на дорогах почти не было. Выходя из автомобиля, Андрей спросил:

– А этот... летун... после него сколько нужно восстанавливаться?

– По-разному бывает. Смотря сколько он успел у тебя сил высосать. Иногда просто выспаться достаточно. Иногда день-два отдохнуть спокойно, в баньку сходить. Ты давай спи. Позвоню тебе через два дня.

Поднимаясь домой, Андрей понял, что тяжесть почти прошла, в голове прояснилось. Спать хотелось со страшной силой. Именно спать, в общепринятом смысле этого слова. Спать, чтобы смотреть сны, уютно положив голову на мягкую подушку. Смотреть сны, приносящие спокойствие и радость, восстанавливающие силы, физические и духовные. Но как он мог просто спать? Сейчас, когда цель так близка! Да, он будет спать, но одновременно бодрствовать. Будет работать, искать, не видеть сны, а делать их.

Теребя в кармане зажигалку, Андрей отпер дверь в свою квартиру. Он зажег свет в коридоре, прошел напрямик, не раздеваясь, в спальню. Лег на кровать. Закрыв глаза.

Тьма перед его взором сгущалась, и Андрей выдыхал ее через рот. Вдыхаемый воздух разгонял ночь, заполняя собой пространство. Оно пока виделось словно через толщу воды. Картинка была расплывчатой, но с каждым вдохом детали обретали четкость, краски наполнялись яркостью. Андрей вступил в новый сон.

4

Солнце все так же светило в открытое окно. Занавески слегка колыхались от прикосновений сквозняка. Андрей проснулся бодрым и полным сил.

Зажигалка лежала поверх аккуратно сложенной на стуле одежды.

Быстро одевшись, положив «Зиппо» в карман брюк, Андрей выскочил на улицу и побежал по известному уже маршруту. Редкие прохожие удивленно смотрели на бегущего улыбающегося во весь рот молодого человека. Кто они, эти люди в его сне? Случайно забредшие зрители, спящие в своих постелях? Или, быть может, путешественники, кочующие из сна в сон в поисках развлечений? А может быть, это просто порождение его мозга, серая толпа, сборище не имеющих ни разума, ни души плоских картинок, исчезающих сразу за поворотом?

Андрей преодолел путь до моста намного быстрее, чем в прошлый раз. Как ему показалось, дорога стала короче. Бульвар был не такой длинный, улицы как будто сжались, словно севшие после стирки джинсы.

Река. Мост. Граница. Андрей уже не боялся этого места. Он будет просто осторожен. Ведь это первое правило сталкера – быть осторожным. Постояв полминуты, отдышавшись, Андрей сделал шаг внутрь. Зона уже знает его. Он свой.

Легко сориентировавшись, Андрей быстрым шагом направился в сторону заброшенного кинотеатра. Он старался внимательно смотреть по сторонам, но захлестывавшие мозг мысли не давали сосредоточиться на безопасности. Кирилл гнал его вперед, передвигал его ноги. Глаза искали лишь ожидаемые ориентиры на пути к цели.

Вот и перекресток. Светофоры, казалось, мигают азбукой Морзе: «Давай, Андрей! Вперед! Ты близко!» Петляющая улочка промелькнула смазанным пятном.

Он вошел в темный холл, огляделся. В том коридоре было темно.

Бомжа на старом месте не оказалось. Расстеленные на полу газеты, разбросанные пакеты, обеды – вот все, что осталось от давешнего приключения. Андрей посветил на проем, откуда тогда появился летун, – пусто. Сел на корточки, стал перебирать разбросанные на полу предметы, надеясь найти хоть какую-нибудь зацепку.

Не найдя ничего интересного, Андрей вышел на улицу.

Что делать? Куда идти? Неужели вот так повернуться и возвратиться в свою уютную кровать? Дрыхнуть, в то время как брат, быть может, нуждается в помощи? Нет, так поступают трусы. Надо методично обследовать кварталы, ведь зацепки могут быть в любом месте! Начать от кинотеатра и продвигаться вглубь, день за днем, дом за домом. Рано или поздно ему повезет, он был в этом уверен. Ведь смог же он вытащить зажигалку из сна! Значит, талант есть, а везения ему не занимать.

Андрей обошел кинотеатр, за ним начинался небольшой парк.

В глубине парка, в рощице голых деревьев и кустов, горел костер. Начинало темнеть, огонь притягивал к себе внимание, оранжевыми отблесками мерцая на ветках, хаотично перемещая причудливые тени по странным сооружениям, некогда дарящим радость детям и взрослым, ставшим теперь лишь скелетами умерших восторгов.

У костра никого не было, но с такого расстояния сложно разглядеть наверняка. Андрей перебежками начал продвигаться в сторону брошенного лагеря. Это могло быть место привала сталкеров. Андрей знал, что они обычно прибывают к какой-либо группировке, одиночек немного. Значит, их, скорее всего, несколько человек. Если это бандиты, то дело плохо, лучше не связываться. Если военные, тогда благоразумнее тоже пройти мимо. Если ученые или простые сталкеры, промышляющие хабаром, – можно смело подходить, разрешат посидеть у костра, даже накормят, если будет чем. Приблизившись к костру метров на тридцать, Андрей только теперь разглядел неподвижно сидящего прямо на

земле человека. Мужчина был одет в обычную одежду сталкера-одиночки – без знаков отличия, присущих какой-либо группировке, в коричневом свитере, джинсах. На голове синяя бейсболка.

Набравшись храбрости, Андрей вышел из-за будки, где когда-то продавали билеты на аттракционы, медленно подошел к костру так, чтобы пламя находилось между ним и незнакомцем. Человек не подал виду, что заметил Андрея. Лицо его было скрыто козырьком кепки. Голова немного опущена, он, казалось, задремал у костра, разморившись от исходящего тепла. «Очень странно, – подумал Андрей, – ведь заснуть в Зоне без напарника чревато крупными неприятностями».

– Эй! Проснись, сталкер! – Андрей негромко позвал человека, стараясь не напугать его.

Мужчина не шелохнулся.

– Э-эй! Алле!

Никакой реакции со стороны спящего не последовало. Андрей обошел костер и тронул мужика за плечо.

Очень медленно, как будто это стоило ему невероятных усилий, человек поднял голову. На Андрея из-под козырька кепки, не мигая, уставились широко открытые глаза. Хрусталик был сужен до состояния крошечной точки. Взгляд мутноватых серых глаз был пустой и безжизненный. Андрей отпрянул. Мужик, не отрывая взгляда, начал медленно подниматься с земли. Андрей мелкими шагами отступал назад. Мужик открыл рот, по губам и подбородку потекли слюны желтоватого цвета, смешанные с уже запекшейся кровью. Из глотки его вырвался дикий животный крик. Он встал, медленно передвигая ноги, двинулся на Андрея, вытянув руки вперед.

– Черт, зомби!

Андрей побежал. Обегая кусты, он со всех ног мчался обратно к кинотеатру. Улучив момент, оглянулся. Зомби преследовал его с необычайным проворством. Пыхтя, запинаясь за камни и корни, мужик бежал достаточно резво. Кепка с его головы слетела, открыв ужасную рану, окаймленную окровавленными спутанными волосами. Андрей припустил с новой силой. Зомби, видимо, почуяв, что догнать добычу будет нелегко, снова издал оглушительный вопль. Когда до спасительных улиц, где, петляя между домами, можно будет оторваться от преследования, оставалась какая-нибудь сотня метров, из деревянного вагончика, стоящего у входа в парк, прямо перед Андреем, вышел еще один зомби. Андрей резко свернул на тропинку, уходящую вдоль забора в глубь парка. Шипя, второй зомби присоединился к погоне. По хрипам, визгам и воплям за своей спиной Андрей понял, что погоня не только продолжается, но и состав преследующих пополнился. Выскочив на широкую просеку, освещенную фонарями и засыпанную гравием, Андрей снова оглянулся. За ним гналось уже более десятка мертвецов. Разглядывать омерзительные подробности не было времени. Андрей побежал по просеке, отдаляясь от уже знакомых мест с аттракционами. Силы стремительно покидали его. Ноги налились свинцом, рюкзак давил на плечи, сказывалась встреча с летуном. Вопли зомби оглушали, разрывая окружающую тишину на долгие километры вокруг. Впереди показалось какое-то небольшое кирпичное здание. Подбежав поближе, Андрей узнал в нем обычный совковый туалет. Он влетел в дверь с буквой «М» и запер ее на засов. Тяжело дыша в крошечную темноту вокруг себя, он подумал, что, если в этом заведении есть хозяин, его уже ничего не спасет. Зомби долбили в дверь около пяти минут, потом все стихло. Андрей включил фонарик и осмотрел помещение. У дальней стены располагалось несколько туалетных кабинок. Двери с большинства были сорваны, две кабинки закрыты. Справа от входа к стене приделаны три раковины, зеркала над ними разбиты, оставшиеся в раме треугольные осколки были мутными, как и показываемое ими отражение.

Вот дурак! Надо было послушаться Учителя! Если бы сейчас он шел с Учителем, то ничего этого не случилось бы! А если бы и случилось, то Нянька вытащил бы его в два счета! Ведь сам проснуться в любом месте Зоны сталкер не может – это не его владения.

Чтобы проснуться, надо выйти за ее пределы, перейти через мост. Хоть на шаг, хоть на полшажка, но выйти!

Андрей сел на пол, прислонившись к стене. Черт! Что же делать?

В запертую дверь туалета постучали. Несильно, но достаточно твердо, чтобы понять, что это не показалось. Андрей вскочил на ноги, погасил фонарь. Щель под дверью светилась тонкой желтой линией, создаваемой лампой над входом. Линия прерывалась двумя периодически перемещающимися тенями.

«Ноги.

Значит, человек.

Или зомби.

Зомби настолько вежливы, что стучат в дверь, прежде чем кого-то слопать?»

Андрей не знал, насколько они сообразительны, Учитель про мертвецов еще ничего не рассказывал.

Стук повторился. Андрей не дышал. Сердце колотилось как бешеное.

– Андрей, ты тут? – Голос принадлежал, несомненно, Учителю.

Андрей бросился к двери, открыл ее и попал прямо в широкие объятия своего наставника.

– Вот ты глупый все-таки. – Учитель был неожиданно спокоен. Андрей подозревал, что потом он еще получит свою порцию люлей, но теперь ему было на это наплевать. Облегчение разлилось по телу, заполняя каждую клеточку. Все закончилось. Наконец-то!

От облегчения у Андрея на глаза наворачивались слезы, к горлу подступил ком.

– Так, теперь тихо. Пошли.

Часто кивая, он пошел за Учителем вдоль стены здания. В руке Учителя блеснуло дуло автоматического пистолета. «Это хорошо, что он с оружием», – подумал Андрей.

В этот момент с жутким треском вылетела дверь женского туалета, обдав их градом щепок и окутав облаком пыли. Из темноты послышался все тот же оглушающий дикий вопль, заставляющий мурашки пробегать по всей спине, бросающий в холодный пот, затуманивающий мозг и наводящий на разум оцепенение.

– Назад!

Они заскочили обратно в мужскую половину, закрыв дверь на засов.

Учитель одной рукой сгреб Андрея, завел его себе за спину. Наставив на дверь пистолет, отступил вглубь.

Желтая светящаяся полоска разделилась на три части.

Кто-то стоял вплотную к двери.

Откуда-то издалека слышались вопли и визг. Зомби возвращались, чтобы продолжить свою охоту.

Дверь содрогнулась под ударом существа снаружи.

Учитель отступил еще на несколько шагов.

Снова удар.

Почему он сразу не ломает дверь? Он ведь выломал ту, в женском туалете, одним ударом! Он играет. Как кошка с мышкой. Видишь, мышка, я сильный. Почувствуй неотвратимость своей участи! Попробуй ее на вкус! Предвкушение – это сильное ощущение.

Еще один удар, уже сильнее. Дверь жалобно скрипнула. Крики снаружи раздавались уже совсем рядом.

Удар. Доска по центру двери дала трещину.

Удар. Трещина побежала до половины двери.

Удар. Щепки полетели внутрь помещения, впусив узкий луч света, пересекавший лоб Учителя тонким шрамом.

Удар. Луч стал шире. Шрам стал толще. Вопли за дверью оглушали.

Учитель втолкнул Андрея в оставшуюся целой кабинку и захлопнул дверцу. Андрей вскочил на унитаз ногами, схватил ручку дверцы, щеколды не было.

Удар. В помещении стало светлее.

Что произошло потом, Андрей не совсем понял. Вдруг раздался громкий треск, и помещение наполнилось страшным шумом и криками. Сквозь вопли прогремело несколько пушечных выстрелов. Звуки борьбы, глухие удары, хриплое дыхание, чавканье, хрипение и сопение раздавались в течение нескольких минут.

Потом наступила тишина.

Андрей почти не дышал. Руки и ноги тряслись в диком танце. Слезы катились по его щекам и падали на кафельный пол кабинки.

За дверью послышалось несколько шаркающих шагов.

Хоть бы это был Учитель! Хоть бы он! Он должен выжить, он сильный! Гораздо сильнее многих!

Андрей вынул из кармана зажигалку, зажал в кулаке.

Снова шаги. Андрей представил Учителя, раненного, стоящего посреди помещения, усеянного трупами. У наставника почти не осталось сил. Он подволакивает сломанную ногу, идет к кабинке, чтобы выпустить его, Андрея, чтобы вместе выйти на улицу и вернуться домой живыми.

Стараясь усмирить дрожь, Андрей наклонился и приник к щелке между дверцей и косяком.

В этот момент сильнейший удар снес дверь с петель и вмял ее Андрею в лицо.

Лежа среди деревянных обломков, истекая кровью, Андрей смотрел на наклонившегося к нему огромного зомби. Половину лица мертвяка занимало кровавое месиво. Единственный налитый кровью черный глаз внимательно разглядывал свою жертву. Ухмыльнувшись тем, что осталось ото рта, зомби обдал Андрея таким смрадом, что тот невольно зажмурился.

Андрей поднес зажигалку к губам.

5

Очнувшись, Андрей не стал сразу открывать глаза. Он лежал на спине, свежий ветерок обдувал лицо. Пахло весной, свежей травой, юной природой, уже проснувшейся после зимы и с большим энтузиазмом преображающей мир вокруг.

– Давай открывай глаза, брат. Я знаю, что ты очнулся. Ты никогда не мог меня провести, притворяясь спящим, помнишь?

Андрей вскочил и уставился на сидящего рядом человека.

Кирилл, как всегда, улыбался уголком рта. Его немного усталый взгляд был абсолютно спокоен. Он сидел рядом на густой зеленой траве, сложив руки на коленях. Брат совсем не изменился. Все те же густые кудрявые черные волосы, внимательный немигающий взгляд.

Андрей огляделся. Они сидели на пригорке, прямо на земле под молодой березкой.

Неподалеку раскинулся живописный лес. Солнце ярко светило на голубом небе без единого облачка. Невдалеке высилась громада странного сооружения. Единственная огромная труба устремилась ввысь.

– Это ЧАЭС. Мы в самом центре Зоны. – Кирилл снова улыбнулся.

– Ты живой? – Андрей все еще не мог прийти в себя. Столько событий обрушилось на него за один-единственный день. Даже в самых смелых мечтах не мог он предположить, что так быстро найдет брата.

– Как видишь. А вот ты мог быть уже не живым, что было бы очень грустно.

– Это ты меня спас? – Андрей не мог поверить, что все происходящее сейчас – реальность. С другой стороны, о какой реальности может идти речь, если они во сне. Это сон! Я выскочил в бессознательность! Нет, я полностью себя контролирую. Где же я? Это действительно мой брат?

Видимо, след душевного смятения как-то отразился на лице Андрея.

– Все нормально. Мы все еще в твоем сне. Хотя сложно сказать, чей это сон на самом деле, но это уже философия. Да, это я. Приходи скорее в себя, брат!

– Ты меня сюда принес?

– Да, если это можно так назвать.

– Учитель?

– Тот сталкер, что пришел за тобой? Смелый... Он умер.

У Андрея не было сил осознать то, что его наставника не стало. Он воспринял эту информацию как должное. Может быть, потом эмоции нахлынут, но сейчас Андрей не чувствовал совсем ничего.

– А где этот?... Зомби?

– Здоровяк-то? Ну там где-то остался. Я о нем не заботился, только о тебе. – Кирилл явно забавляло смятение брата. – Мертвяк немного расстроился, что я лишил его ужина, но ничего. Думаю, скоро к нему заглянет еще кто-нибудь.

– Я этим занимался, чтобы найти тебя.

Кирилл посмотрел Андрею в глаза.

– Я знаю. Не надо было.

– Как не надо?! Ты же мой брат! Я хотел тебя найти! Я хотел, чтобы было по-старому!

– А зачем, Андрей? Зачем по-старому? У тебя своя жизнь, у меня своя.

– А как же родители? Они тебя очень ждут! До сих пор!

– Я знаю. Я для них уже миф, они тоскуют о мифе. Зачем же портить его своим присутствием?

– Черт! Ты дурак! Мы тебя любили! Мы тебя любим! – Андрей уже кричал, размахивая руками.

– Все равно, мне в том мире не место. Вот мой мир. Я стремился сюда всегда, много лет, и наконец моя мечта осуществилась! Я стал частью этого прекрасного мира! – У Кирилла загорелись глаза, как бывало тогда, в детстве. – Андрей, послушай меня! У меня есть теория! Я почти нашел разгадку Зоны! Я раскопаю, в чем суть, и докажу, что моя теория верна! Я глубоко здесь завяз! Я продвинулся в управлении осознанным сновидением почти до самой грани, отделяющей человека от Бога! Я – Бог, Андрей! И ты можешь им стать, если захочешь! Ты хочешь? – Кирилл подался всем телом вперед.

– Ты сумасшедший.

– Нет, я – Бог, говорю тебе! Мне стоило только посмотреть на того здоровяка зомби, и он развернулся и ушел. Я могу сделать, что они пойдут за мной и сделают все, что я скажу! Я могу все! Мне не нужна еда, вода, мне тут не нужен сон, ведь я уже сплю! Послушай, Андрей, – Кирилл схватил брата за руку, он был чрезвычайно возбужден, – послушай меня! У меня есть теория, послушай. Зона – это сон одного человека. Он каким-то образом связан со всеми снами всех людей! Я думаю, что все сны объединены в одну структуру, по которой можно перемещаться в любом направлении. Что-то произошло, и именно этот сон, сон про Зону, внедрился во все миры сновидений. В каждый сон, Андрей, в каждый! У каждого есть место, где река, где мост, ты его видел! Я думаю, что это случилось после аварии на АЭС. Там кто-то спит до сих пор, понимаешь! Он не просыпается, поэтому Зона и не исчезает! Может, он в коме, может, еще что-то, неважно! Если мы его найдем, то сможем контролировать Зону! Это один человек!

– Кирилл! Это бред! Хватит! – Андрей вырвал руку. – Я хочу уйти. Выпусти меня отсюда.

Кирилл отшатнулся от брата, словно от прокаженного. Огонь в его глазах медленно угасал. Он тяжело вздохнул.

– Конечно, иди. Просто закрой глаза, повернись и сделай несколько шагов. Ты проснешься там, где заснул.

Андрей протянул на раскрытой ладони зажигалку.

– Вот, это твоя. Сегодня нашел.

Кирилл взял подарок, удивленно осмотрел со всех сторон.

– Да, это она. Где ты ее нашел?

– У Бомжа отобрал. Прощай.

Андрей постоял в нерешительности несколько секунд, потом шагнул к Кириллу. Братья обнялись.

– Прощай, Андрей.

С этого момента усталость окончательно вытеснила все из головы Андрея. Даже не только из головы, все его тело было сплошная усталость. Он отвернулся, закрыл глаза.

– Андрей!

Он оглянулся.

– У Бомжа, говоришь, отобрали... А ведь это мысль... – Кирилл задумчиво крутил старенькую «Зиппо» в руках, в его взгляде вновь возник тот самый блеск, затмевающий яркостью даже блики от полированного бока зажигалки. – Отобрал у Бомжа...

Андрей зажмурился и сделал шаг домой.

Эпилог

Грязный человек сидел на краю детской песочницы. Он просеивал между пальцами яркий оранжевый песок, выискивая мелкие камушки, и аккуратно складывал их в стоящую рядом коробку из-под печенья. Человек был в вязаной шапке, держащейся на колтуне спутанных седых волос, в пальто без пуговиц. Тренировочные штаны висели на коленях мешками. Бомж был всецело поглощен своим занятием, он совершенно не обращал внимания на шевелящуюся желтоватую грудку у своих ног. Грудка то поднималась одним боком, то опадала. Она была похожа на пьяного в стельку человека, которого накрыло упавшей палаткой, сидящего встать, но постоянно поскользывающегося на мокрой земле, не в силах сладить со своими ногами, и опять падающего. Бомж бормотал себе под нос хриплым шепотом:

– Да... страшно это было... а сколько уж лет прошло... давно, давно... в тыща девятьсот восемьдесят шестом, да... в апреле месяце. Да... был я на работе. Сидел, как обычно, скучно это было, хе-хе... а потом как бабахнет, и перед глазами прям все поплыло. Отрубился я тогда... да... в отрубе, значит, был... да... это вроде как уснуть, тока крепко. А потом сон мне стал сниться, да... сон, значит... Да, я все сплю, сплю, заспался чего-то, хе-хе, хе-хе! И ты во сне ко мне приходишь, песик! И все они ко мне во сне приходят, шлятуют туда-сюда, туда-сюда! Они дураки, а песик хороший, да... песик. Песик хороший.

Бомж принялся почесывать мохнатый бок желтой массы, из складки которой на него уставился мутный слезящийся глаз.

– Хе-хе! Песик, скажи «Гав»! Ну скажи «Гав»! Что же ты, песик? Хе-хе... песик хороший...

Масса на секунду замерла, из глубины желтоватого тела донеслось негромкое довольное урчание.

Анна Горелышева ПАРЕНЬ ИЗ ТРУПОВОЗКИ

И он сделал то, что всем – малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам – положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

Откровение св. апостола Иоанна Богослова. Глава 13

– Доброго утра, дамы и господа! И снова в эфире ежедневное утреннее шоу «Меченый атом»! – бодро провозгласил ученый, стремительно врываясь в лабораторию и на ходу набрасывая белый халат.

– Привет. Все смеешься, – страдальчески поморщился его коллега, сидевший за компьютером.

Вновь прибывший довольно хохотнул, плюхнулся на свое рабочее место и быстро пробежал пальцами по клавишам.

– Через несколько секунд мы узнаем имя нашего очередного победителя! – Шутник выдержал интригующую паузу и продолжал: – Итак, кто же сегодня выиграет бесплатную путевку в незабываемое путешествие?

– Товарищ юморист, а нельзя ли потише? – ворчливо осведомился третий сотрудник из дальнего угла лаборатории. – Ну невозможно же работать!

– А вот и он, наш победитель, встречайте! – обезоруживающе сверкнув белозубой улыбкой в ответ на претензии недовольного, объявил остряк. – Победителем становится... становится-а-а... человек, проживающий по адресу, – он мельком взглянул на экран, – улица Спортивная, дом 8, квартира 71! Аплодисменты!

Сотрудники дурашливо захлопали в ладоши, поддерживая игру.

– В качестве бесплатного приложения к суперпризу наш победитель получает также электронный жучок, который поможет нам ни на минуту не упускать его из поля зрения, – продолжал остряк. – Мы с огромным интересом будем наблюдать за нашим героем, которому на пути к заветной цели предстоит преодолеть множество препятствий, сразиться со шнорками, контролерами и кровососами, отразить атаки бандитов, добыть секретные документы из подземной лаборатории, отключить таинственные пси-излучатели, побывать в мертвом городе Припяти и дойти до самого Саркофага...

– Чтобы убить наконец болтуна из группы «О-сознание», который с утра пораньше не дает работать всему коллективу, – грубо оборвал его коллега, сердито хлопнув ладонью по столу. – Кончай уже дурака валять, берись за дело!

– Есть, товарищ режиссер! – ничуть не смутившись, бодро согласился шутник. – Моделирование ситуации по программе «Меченый атом». Серия экспериментов № 16, дубль 27. Мотор, хлопушка! – Он снова пробежал пальцами по клавишам, запуская программу. – Через несколько минут мы вернемся в студию! Не переключайтесь!

Внезапно напозла рваная туча, потемнело, ударил близкий раскат грома, хлынул дождь. Меченый пробежал десяток метров по шоссе до какой-то ветхой придорожной постройки, смутно угадывавшейся в дождевой мгле. Под крышей этой полуразвалившейся бетонной коробки болтался облезлый, побитый дождем и ветром сине-белый знак автобусной остановки.

Внутри уже сидел, прячась от дождя, какой-то сталкер, меланхолично взирая на падающие в лужи капли.

– Привет, – вежливо поздоровался Меченый.

Сталкер без интереса взглянул в его сторону, кивнул и снова уставился в пространство.

– А что, здесь и автобусы ходили? – спросил Меченый.

Сталкер посмотрел на него, как на идиота, и ответил:

– Как видишь, ходили.

– А куда?

– Парень, ты что, под контролера попал, что ли? Известно куда – в Припять.

– А-а-а... В Припять... – в задумчивости наморщив лоб, повторил Меченый. – А это где?

– Да как тебе сказать-то... В трех километрах от ЧАЭС. А ты вообще откуда взялся, что такие вопросы дикие задаешь? С неба упал?

– Не-е-е, – неуверенно ответил Меченый. – Я из труповозки. Ничего не помню...

– Из труповозки? – Сталкер удивленно присвистнул. – Ни фиги себе! Тогда понятно.

Видимо, излишним любопытством он не отличался, поскольку больше у Меченого ничего не выспрашивал – отвернулся и снова задумчиво уставился в дождливую хмарь.

– А далеко дотуда? – помолчав, спросил Меченый, когда ему надоело разглядывать раскачивающийся и неприятно скрипящий на ветру знак автобусной остановки. – До Припяти, до ЧАЭС?

– Далеко, – бросив на него угрюмый взгляд, ответил сталкер и предостерегающе добавил: – Ты не вздумай туда соваться, если еще пожить хочешь. Гиблые это места.

– Понятно, – удрученно кивнул Меченый.

– Тебя как звать-то, брат? – видимо, из вежливости поинтересовался собеседник.

– Меченый...

Сталкер удовлетворенно кивнул и представился сам:

– А меня Утконосом зовут.

– А... почему? – осторожно спросил Меченый, удивленный таким странным именем.

– А по аналогии с Дикобразом, – с готовностью пояснил сталкер, широко улыбаясь, и добавил: – Почему может быть Дикобраз и не может быть Утконос? Это у нас в «Долге» один такой товарищ есть, юморист и любитель фантастики, он мне такую кликуху прилепил. Самого, кстати, Тахоргом зовут, – с ухмылкой сообщил Утконос.

Произнесена эта бессвязица была с полной уверенностью, что теперь-то Меченому все должно стать предельно ясно. Но Меченый не понял ни слова.

– А кто такой Дикобраз?

Собеседник поскуchnел, посмотрел на Меченого как-то сочувственно-жалостливо, как на ущербного, и невразумительно ответил:

– Да был тут один такой, еще до тебя...

Меченый понял, что больше он ничего не добьется, и перевел разговор на другую тему:

– Ты из «Долга», значит?

– Ну, – небрежно подтвердил Утконос, ткнув в шеврон на рукаве своего комбинезона: концентрические окружности – то ли прицел, то ли экран локатора – на фоне щита. – Хоть «Долг» знаешь, и то хорошо.

В деревне о «Долге» говорили разное, но все новички сходились на том, что в этот клан берут только опытных, проверенных в бою и хорошо знающих Зону сталкеров. И Меченый задал следующий вопрос:

– А где тут в Зону пробраться можно по-тихому, не посоветуешь?

– Посоветую, – легко согласился Утконос, достал КПК и, минуту покопавшись в каких-то программах, сказал: – Тут недалеко дыра в ограде есть, у железнодорожного моста, я тебе координаты по bluetooth'у скинул.

– Это как? – не понял Меченый.

– Ну, тундра дремучая! – поразился Утконос. – Ты и этой игрушкой пользоваться не умеешь?

Меченый смущенно пожал плечами, достал свой КПК, повертел в руках, включил.

– Научись обязательно, в Зоне это крайне полезная штукавина, просто необходимая, – посоветовал сталкер. – Пока для тебя здесь много непонятного, открой справку и почитай. – Он ткнул в экран наладонника стилусом, показав, где найти справочник. – Вот увидишь, брат, еще не раз тебе этот приборчик жизнь спасет.

Меченый кивнул, стараясь вникнуть в структуру капэкашного справочника.

– Зачем же тебе в Зону тогда? Ты ж так в первой аномалии угробишься! – недоумевал Утконос. – Погулял бы пока тут, возле кордона, с народом бы поговорил, опыта бы поднабрался. А так, умирать в Зону идти, – ну, не понимаю я этого, брат, уж извини.

– Мне надо, – упрямо заявил Меченый. – Задание у меня.

– Это кто ж таким зеленым, как ты, задания-то раздает, на верную смерть без зазрения совести посылает? – хмыкнул Утконос. – Сидорович – угадал?

– Ты его знаешь? – удивился Меченый.

– Кто ж его не знает, – хохотнул сталкер и, посерьезнев, добавил: – Мой тебе совет – не связывайся с этим барыгой. Плюнь на это его задание. Сидорович нечестно играет. Что он тебе, золотые горы пообещал, что ли, что ты так легко купился?

– Ну, – замялся Меченый. – Я ему, в общем, обязан... Он мне жизнь спас... Говорит так, во всяком случае.

– Как знаешь, – сухо ответил Утконос и снова замолчал.

Меченый уткнулся в свой КПК, пытаясь разобраться в мудреной технике. Понажимал какие-то кнопки в безуспешных поисках карты, где могла бы стоять отметка безопасного прохода в Зону. Неожиданно экран мигнул и показал надпись: «Кто это подарил мне жизнь? Жизнь моя! Принадлежит мне!» Меченый от неожиданности чуть не выронил приборчик.

– А это что – тоже справка? – осторожно поинтересовался он.

– Нет, это программуля такая, случайные цитаты выдает. – Утконос страдальчески поморщился, в очередной раз удивляясь неосведомленности Меченого. – Как правило, из братьев Стругацких. Иногда очень к месту выдает, – подмигнул он, прочтя фразу.

Меченый хотел было спросить, из какого клана эти братья Стругацкие, но, заметив кислое выражение лица своего собеседника, не решился.

Меченый стоял, в растерянности опустив автомат, и разглядывал карту в тусклом свете налобного фонаря. Дыхание все еще не восстановилось после стремительной пробежки по подземному коридору и стычки с вынырнувшими из-за угла вояками. Ныла и кровоточила рваная рана на предплечье, оставленная мощной лапой кровососа, рукав куртки намок и отяжелел, теплые струйки стекали в ладонь. Меченый не знал, что эта быстрая и сильная тварь, умеющая становиться невидимой, на которую ушло полмагазина, называется кровососом, про себя он назвал ее полупрозрачным монстром. Нужно было достать из рюкзака бинт и перевязать руку, нужно было найти спрятанные где-то здесь флешку с какой-то ценной информацией и усовершенствованный «АК», в конце концов, просто-напросто пора было сваливать отсюда, потому что из тоннеля уже снова доносились голоса военных. Но он не мог отвести взгляд от карты. Воткнутые возле населенных пунктов красные флажки когда-то давно, наверное, отмечали что-то важное. Кое-где они располагались густо, а в левом нижнем углу почти совсем отсутствовали, единственный флажок торчал на берегу реки, напротив городка с названием Припять.

«Припять, – повторил про себя Меченый. – Опять Припять». Он уже слышал недавно это название, и сталкеры в поселке на кордоне говорили что-то насчет Монолита, который вроде бы находится где-то поблизости. Но сейчас было важно не это. Слово отзывалось каким-то неясным, но, казалось, очень глубоким и важным воспоминанием. Названия окрестных сел тоже казались полужнакомыми – Новошепеличи, Семиходы, Копачи, Теремцы... Масштаб карты-километровки не позволял разглядеть отдельные дома, но рисунок улиц Припяти напоминал о чем-то...

Вспомнив совет Утконоса – «когда тебе что-то непонятно, почитай справку», Меченый вытащил из кармана наладонник и машинально ткнул кнопку включения. На экране почему-то снова первым делом появилась случайная цитата: «Зачем вам подорожная, вы же неграмотны!»

Выглядело это настолько оскорбительно, что у Меченого непроизвольно вырвалось: «З-зараза!» Машинка явно была умнее его, и мало того что прекрасно понимала это, так еще и издевалась над ним! Меченый со злостью ткнул стилусом в экран, и цитата сменилась другой: «Все правильно, городишко наш – дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, – говорю, – это дыра в будущее. Через эту дыру мы такого в ваш паршивый мир накачаем, что все переменится». Он вдумчиво прочитал эту фразу, перечитал еще раз. Легче не стало, понятнее – тоже.

Меченый опустил на корточки и впился взглядом в план городка, обхватив голову руками и мучительно пытаясь вспомнить. Если бы ему удалось понять... Наверное, все сразу стало бы ясно...

Меченый осторожно выглянул в окно. На территории НИИ «Агропром» было неспокойно – метались в темноте лучи прожекторов, выла сирена тревоги, где-то внизу периодически раздавались одиночные выстрелы. «Меня ищут», – как-то отвлеченно подумал сталкер, сворачивая в трубочку тонкую пачку каких-то сверхважных документов и засовывая ее во внутренний карман куртки. Документы он все-таки нашел и остался при этом жив. Пора было бежать отсюда, а то начнет светать – и тогда военные его точно пристрелят.

Сталкер вдохнул поглубже и осторожно, перебежками, двинулся вдоль стены здания в сторону ворот. Кажется, пока его не замечали. Спасительная стена быстро закончилась. Он, пригибаясь, преодолел несколько метров открытого, простреливаемого с караульных вышек по углам пространства и вжался спиной в стену следующей постройки, последней перед воротами.

Детектор движения попискивал, показывая все увеличивающееся количество врагов, за воротами нервно и отрывисто переговаривались часовые. Как Меченый ни вслушивался, разобрать слова не получалось.

Сердце учащенно билось, сил на последний рывок почти не осталось. Ну, надо решаться, ну! Время сейчас работает против него.

Перед тем как прорываться через ворота, он на всякий случай оглянулся и застыл, пораженный: луч прожектора скользнул по глухой стене здания, из которого только что выбрался Меченый, а на ней... на ней была порядком облупившаяся от времени фреска. Она в одно мгновение фотографически отпечаталась в его мозгу. Сюжет фрески был незатейливо научно-соцреалистическим: группа ученых – создателей светлого будущего – отчетливо смахивающий на Циолковского седовласый корифей и молодые сотрудники, на заднем плане какие-то спутники, планеты с изрытой кратерами поверхностью, футуристического вида межпланетные станции. Эту настенную роспись он тоже когда-то видел. Только не здесь. Как такая роскошная фреска могла оказаться на глухой стене какой-то подсобки заштатного сельскохозяйственного института? Нет, он видел ее где-то в другом месте... Кто такой Циолковский, почему центральный персонаж композиции напомнил его? Некстати навязчиво встала перед глазами картинка: быстроходный теплоход на подводных крыльях – «ракета» – покачивается на волнах у речной пристани, сходят по трапу пассажиры, на борту название: «К. Э. Циолковский».

Эти обрывочные воспоминания нахлынули и отступили в одно мгновение, как ни странно, придав Меченому решимости. Он поудобнее перехватил автомат и бросился к воротам, где ждали враги.

– Эй, парень, информация не нужна? – окликнул Меченого притулившийся у стойки сталкер в черном плаще и надвинутом на глаза капюшоне.

– О чем? – заинтересовался Меченый, машинально перекидывая в руках банку с энергетиком.

– О Выжигателе Мозгов на Радаре, например, – ответил сталкер. – Думаю, тебя это заинтересует. За чисто символическую плату.

– Выжигатель? Да ну его, – сказал Меченый. – Много тут у вас таких чудес, кому они нужны...

– Как знаешь, – неодобрительно хмыкнул информатор. – А что же тебе тогда интересно?

– Припять, – не задумываясь, ответил Меченый. – Можешь рассказать что-нибудь о Припяти?

– О Припяти? – Информатор, кажется, немного растерялся. – Что именно?

– Все, что знаешь.

– Припять – это город недалеко от ЧАЭС, – пожал плечами информатор. – До первого взрыва там жили в основном сотрудники станции. Рядом совсем, пешком на работу ходили через лесок. Он теперь Рыжий лес называется... Кстати – гиблое место: радиация до сих пор убойная, аномалий полно, и все блуждающие. Не советую туда соваться... Вот, если хочешь, могу за чисто символическую плату предложить карту безопасных маршрутов через эту местность...

– Разберемся, – прервал его Меченый. – Ты от темы, брат, не уходи. Много народу жило?

– В Припяти-то? Тысяч сорок-пятьдесят...

Меченый присвистнул:

– Большой город! – Он сделал пару глотков из банки и приготовился слушать дальше.

– Да, говорят, был большой, красивый образцово-показательный городок энергетиков. Дворец культуры чуть ли не лучший в республике, спорткомплекс по высшему разряду, какая-то особо продвинутая планировка микрорайонов. Типа, город будущего. Недолго, правда. Потом, когда в 86-м 4-й энергоблок рванул, все население Припяти эвакуировали. Ну, как и все деревушки в радиусе тридцати километров, а территорию эту сделали Зоной отчуждения.

Меченый слушал, боясь пропустить хотя бы слово, весь подавшись вперед и забыв про свой напиток.

– А потом случился первый Выброс. И теперь мы «маємо то, що маємо», – закончил информатор. – Еще вопросы остались?

– А что там было, в Припяти, до аварии?

– Ну, сказал же тебе – люди жили, все, как в обычных городах. Ты что – сильно давно в Зоне, что ли, забыл, как люди в городах живут? В твоём городе? И тут так же было.

– Свой город я не помню, – с сожалением признался Меченый. – Амнезия, говорят. Частичная. И все-таки, как там было?

– Опять за рыбу деньги! Ну ты, блин, въедливый. Все, как везде, было – дома, магазины, школы там, типа, поликлиника, кинотеатр, стадион. Ты толком скажи, чего тебе с этой Припяти надо?

– Стадион? – переспросил Меченый. – Недостроенный?

Перед глазами вдруг встало яркое, отчетливое воспоминание, как будто стоп-кадр из старого фильма – взмывший свечой над сеткой волейбольный мяч, на который он смотрит, запрокинув голову, и отчаянный, пронзительный крик товарища по команде: «Гаси-и-и!»

– Откуда я знаю? – удивился информатор. – Тридцать лет прошло, разве теперь разберешь, достроенный он или нет?

– Да я так спросил, – замылся Меченый. – Вспомнилось что-то такое...

– Ты, парень, ерунду какую-то болтаешь, – мрачно заметил информатор. – А на зомбированного вроде не похож. Или темнишь что-то. На кой тебе эта Припять сдалась?

– Я там был уже, кажется, – вздохнул Меченый. – Только вспомнить не могу, – он в задумчивости поболтал в банке энергетик.

– Ха-ха-ха, ну ты даешь – был! Там же Выжигатель Мозгов на пути к Припяти, как туда пройдешь? Его ж отключить сначала надо. А может, и правда был, попал под Выжигатель, вот и спрашиваешь всякую хрень? – Информатор хитро ухмыльнулся. – В последний раз предлагаю – рассказать про зомбирующие антенны на Радаре?

– Не надо, – отмахнулся Меченый. – Вот за инфу о Припяти спасибо. Сколько с меня? Информатор в недоумении пожал плечами:

– Нисколько, эта информация ни для кого не секрет и никого не интересует.

– А пройти, значит, туда, не отключив Выжигатель, никак?

– Ну, были тут такие ребята, неразлучная троица, – Стрелок, Клык и Призрак, по слухам, они туда прорвались, но назад ни один не вернулся, – нехотя сообщил сталкер.

– Стрелок? Знакомое имя... А где они могут быть сейчас, не знаешь?

– Сказано же тебе – ушла эта компания к центру Зоны, после этого никто их не видел. Хотя это все непроверенные слухи, сталкерские байки. Доверять этому тоже особенно не советую, мало ли в Зоне всяких легенд ходит, всему верить – никакой верилки не хватит.

– Понял, – согласился Меченый. – Спасибо. Последний вопрос: можешь мне Припять на карте показать? – спросил он, протягивая информатору КПК.

Информатор равнодушно пожал плечами, нашел на спутниковом снимке местности Припять, ткнул стилусом:

– Вот Припять, вот Радар, а вот мы. Усек теперь, что мимо Радара туда никак?

– Брат, а скажи мне еще одну вещь, – нерешительно попросил Меченый. – Раз уж ты все тут знаешь. Кто такие эти Стругацкие?

Информатор уставился на него абсолютно сумасшедшим взглядом.

– Ты что, хочешь сказать, что Стругацких не читал? – переспросил он.

Меченый отрицательно покачал головой.

– И Тарковского не смотрел? – уточнил информатор.

– Не-а, – подтвердил Меченый. – То есть – не помню. Они что – поляки, что ли, с такими фамилиями?

Информатор откровенно просиял. Как кавээнщик, удачно спровоцировавший соперника на капитанском конкурсе задать предсказуемый вопрос.

– А еще у них в команде Юрковский был, – радостно сообщил он громким таинственным шепотом. – Юрковского ты тоже не знаешь? Изобретателя электронной рулетки? Тоже – головастый был немец! – Он со значением покачал головой и показал большой палец.

То, что это какая-то крайне остроумная шутка, можно было догадаться, но пора ли уже смеяться, Меченый не понял, поэтому предпочел промолчать.

– Эй, Меченый! – окликнул из-за стойки бармен, дождавшись паузы в разговоре. – Подзаработать не хочешь? Тут на тебя долговцы виды имеют.

– Чего-чего? – спросил Меченый, подойдя. – Долговцы? Какие еще виды?

– Зайди к ихнему командиру, Воронину, у него для тебя работа какая-то есть, – сообщил бармен. – Да и вообще, с «Долгом» познакомишься, тебе всяко полезно. Может, чего у них узнаешь по своим вопросам.

– Да я с ними в общем-то уже знаком... А что, «Долг» как-то с Припятью связан?

– Вот у Воронина и спросишь. Как из бара выйдешь – сворачивай направо, там за углом ихняя база будет.

Долговцы не рассказали ничего нового о Припяти, правда, пока генерал Воронин вводил его в курс дела, Меченый разглядывал карту местности за его спиной. Карта была такая же, генштабовская километровка, которую он уже видел в подземелье. И тоже с флажками, даже вроде бы на тех же самых местах.

Когда Меченый попробовал было задать вопрос о Припяти, Воронин резко оборвал его, дав понять, что откровенничать с ним не собирается – неизвестно, кто он и откуда взялся, доверия ему пока никакого. Меченый это и сам понимал, поэтому, скрепя сердце, согласился на задание командира «Долга». Поручение для начала ему дали вроде бы немудрящее – втереться в доверие враждебному клану «Свобода» и выкрасть у них экспериментальный гранатомет. Меченого свободовцы еще не знали и пристрелить на месте при попытке приблизиться к их базе, по идее, не должны были.

Так и получилось – его беспрепятственно пропустили на базу «Свободы» и даже предложили принять участие в намечавшейся ликвидации спецотряда «Долг», который засел в соседней деревне.

– Некогда, – мотнул головой Меченый. – У вас тут повар есть? Где его найти?

– Известно где – на кухне. На первом перекрестке свернешь направо, – ответил часовой-свободовец. – Там увидишь, не заблудишься.

– Спасибо, – ответил Меченый и побежал искать повара, который, по предположению долговского командира, мог знать, где «Свобода» прячет гранатомет.

Вот только направо он свернуть не успел. Свободовцы заняли под свою базу территорию бывшей воинской части. И здесь, среди барачного типа домов, на перекрестке, Меченый увидел наполовину обрушившийся памятник – бетонный солдат в советской форме времен Второй мировой войны, выкрашенный облупившейся и потускневшей от времени краской «под серебро», держал в руках склоненное знамя. Совершенно типовой, растиражированный памятник, из тех, которые в изобилии раскиданы по городам и весям бывшего СССР. На постаменте были выбиты даты «1941 – 1945» и такие же стандартные, затертые, прилагавшиеся к ситуации слова «Ничто не забыто».

Меченый обошел памятник раз, потом другой. Потом присел, рассматривая его, на обломках разбитого бетонного вазона. Памятник тоже был знакомым. Меченый не мог вспомнить, где он видел этот памятник, не помнил даже, такой же, или какой-то другой похожий, или десять других похожих, но что-то глубоко в подсознании было связано с этими типовыми сельскими обелисками.

– Але, ты живой?! – Меченый очнулся от воспоминаний, только когда его сильно тряхнули за плечо. – Мыслитель роденовский, блин!

Меченый с трудом отвел взгляд от памятника и ошарашенно посмотрел вверх.

– Ты тут чего сидишь? – напирал незнакомый свободовец.

– Да вот... – довольно бессвязно ответил Меченый.

– Блин. Или зомбированный, или обдолбанный.

– Чего надо? – огрызнулся в ответ Меченый.

– Вот, блин. Это ты мне скажи, чего тебе тут надо?

– А какой сейчас год? – неожиданно даже для себя ляпнул Меченый.

У свободовца вытянулось лицо.

– Две тысячи двенадцатый с утра был, третье мая, – с недоумением ответил он, почесав в затылке. – Ну, блин, елки-палки...

– Мая? А почему листья на деревьях сухие? Как будто осень... И дождь все время идет...

– О господи, – произнес свободовец, закатив глаза.

Две тысячи двенадцатый, значит. Меченый снова посмотрел на постамент памятника и вспомнил еще не старые лица улыбающихся ветеранов. Сорок пятый был очень давно. Столько не живут. Значит, это не могут быть его воспоминания. Это чья-то чужая память...

– Парень, слушай, валил бы ты отсюда, – с неопределенной интонацией посоветовал свободовец. – Если делать нечего, чем тут сидеть, – вон, помоги лучше ребятам на Барьере. С той стороны снова фанатики лезут, а наших маловато...

– Что еще за Барьер? – спросил Меченый.

– Последняя застава на пути в глубь Зоны, – усмехнулся свободовец. – Форпост цивилизации, блин.

– А дальше что?

– Дальше? Радар, Выжигатель Мозгов, Припять, ЧАЭС... И черт его знает, что там еще может быть... Я там не был, тьфу-тьфу-тьфу.

– Да, ты прав, брат. – Меченый в задумчивости покусал губу. – Но мне надо туда. Иначе я, наверное, так ничего и не пойму. – Он подхватил автомат и зашагал в сторону Барьера, оставив свободовца в абсолютном недоумении.

Запыхавшийся Меченый выскочил из кустов и увидел впереди полускрытые в буреломе буйно разросшихся деревьев городские постройки – типовые пятиэтажные хрущевки и «точечные» блочные девятиэтажные дома. «Главная улица», – почему-то сразу понял Меченый. Вот и город Припять, который он так старательно и безуспешно пытался вспомнить.

В нескольких метрах впереди стояла группа должовцев, сталкеры выжидающе смотрели на Меченого. «А-а-а, это им я, наверное, должен помочь зачистить монолитовских снайперов и прорваться к ЧАЭС», – догадался он. К ЧАЭС... Меченый потряс головой и оглянулся. Он ясно видел знакомую полосатую трубу за домами впереди, и в то же время что-то настойчиво подсказывало ему, что станция должна быть за спиной, южнее города.

– Эй, ты, наверное, Меченый? – окликнул его один из должовцев.

Долговцы предельно кратко ввели его в курс дела, и они вместе рванули вдоль главной улицы, отстреливая засевших в пятиэтажках монолитовцев. На одном из домов Меченый успел заметить табличку с надписью «проспект Ленина». Неожиданно улицу преградило поставленное поперек здание, и должовцы свернули направо. Меченый не пошел с ними – помог только выбить монолитовских снайперов из здания, похожего на детский садик, и свернул влево.

– Спасибо за помощь, Меченый! – поблагодарили по радиации должовцы. – Как видно, у тебя своя дорога! Что ж, удачи!

Меченый осторожно пробрался между группой искрящихся голубыми разрядами «электр» и стеной полуразрушенной хрущевки. Свернув за угол, он увидел впереди, в сыром и зябком предрассветном тумане, контуры здания очень знакомых очертаний. Он сделал еще

несколько шагов. Все сомнения отпали – это был Дворец культуры. Именно тот ДК, куда он неоднократно ходил на елки, в детский бассейн-лягушатник и в секцию волейбола, где читал в библиотеке научную фантастику и перелистывал подшивки журнала «Юный техник»... Его родной ДК в его родном городе. Не хватало только светящейся синим надписи по крыше фасада – «Дворец культуры „Энергетик“».

– Массаракш, – выругался сталкер. – Змеиное молоко!

Глаза застилали слезы, и больше всего ему сейчас хотелось плюхнуться на землю, точнее, на бетонные плиты главной площади родного города и разрыдаться в голос. Это его родная Припять, он нашел и вспомнил ее! Что же с тобой случилось, любимый город? Почему теперь все говорят о тебе как о мертвом городе в центре Зоны?

Он автоматически взглянул влево, в сторону улицы Лазарева. Взгляд зацепили высотные дома вдоль улицы, но совсем не те, которые он ожидал там увидеть... Знакомых шестнадцатиэтажек с гербами, куда они вместе с соседскими ребятами ходили кататься на лифте и с крыш которых так замечательно были видны антенны РЛС, не было. Той самой РЛС, которую все здесь называют Выжигателем Мозгов и которую он все-таки отключил. Или нет, как же она может быть той самой?..

Меченый в замешательстве остановился на перекрестке. Вместо длинного «тольяттинского» дома между высотками находился приземистый застекленный павильон с вывеской «Гастроном». Пройдя по улице чуть дальше, он убедился, что здесь нет ни здания ГПТУ, где учился его сосед Серега, ни нового КБО с его любимым кафе-мороженым на углу Спортивной. Не было и самой Спортивной, не было и восьмого дома сразу за бассейном... Меченый почувствовал себя как в кошмарном сне, когда что-нибудь родное и привычное внезапно оборачивается чужим и пугающим...

В полной растерянности он достал КПК, включил его и прочитал очередную цитату: «Я забрался в свою комнату и попытался поэкспериментировать с книгой-перевертышем. Однако в ней что-то застопорило. Может быть, я делал что-нибудь не так или влияла погода, но она как была, так и оставалась „Практическими занятиями по синтаксису и пунктуации“ Ф. Ф. Кузьмина, сколько я ни ухищрялся». «Понедельник начинается в субботу», – понял Меченый. Стругацких он тоже вспомнил. Читал – именно в этой самой библиотеке в этом самом ДК. Или не совсем в этом?..

Меченый не помнил, как он добрался до Монолита. Не помнил, как прятался от вертолетов в радиоактивных развалинах промзоны ЧАЭС, как метался в поисках входа в Саркофаг, кидал гранаты в БТР, снимал снайперов с гаусс-пушками, засевших на крыше главного корпуса, как блуждал по коридорам здания, отстреливаясь от солдат «Монолита», и как попал в шахту бывшего реактора. Опомнился, только когда увидел перед носом разломанные ТВЭЛы. Он не помнил, видел ли он их когда-то раньше, и не мог сказать, как он их узнал. Впереди виднелось какое-то голубоватое сияние, радиометр захлебывался в писке. Меченый принял радиопротектор, повесил на пояс все, какие были, артефакты, защищающие от радиации, и шагнул навстречу сиянию. Это и был мифический Монолит – огромный монокристалл, исполняющий желания, святая святых одноименного клана. Кто бы мог подумать, что он существует на самом деле... А на самом деле, существует ли?

– Я вижу твоё желание, человек! – Меченый не мог понять, действительно ли он слышит голос Монолита или тот звучит только в его мозгу. – Все, что ты пожелаешь, будет исполнено. Говори!

Меченый засмеялся. К чему разговоры, раз уж он пришел туда, куда его заранее вели, раз все его мысли известны и все его действия просчитаны наперед?

– Это же все ненастоящее, я же знаю, что так быть не может, – сказал он. – И мой город ненастоящий, и станция никакая не взорвалась, и год сейчас не 2012-й... Вы меня просто обманываете. Или пугаете. А мне не страшно.

– Я исполню любое твоё желание, человек, – повторил Монолит. – Говори!

– Хоть бы ничего этого не было! – в сердцах махнул рукой Меченый.

– Рома, семь-пятнадцать. Просыпайся. – Мамина прохладная ладонь быстро провела по Ромкиным волосам. – Я убегаю, завтрак на столе.

– Что? – Ромка прямо-таки подскочил, сбросив одеяло.

– Не опоздай в школу, – предупредила мама уже с порога. – До вечера!

Ромка сел на краю дивана, зачем-то разглядывая свою правую руку и мучительно пытаясь вспомнить, что ему такое снилось. Что-то очень интересное и страшное одновременно. Разрозненные обрывки сна быстро уплывали из памяти.

Ромка подошел к окну, в задумчивости покатал босой ногой волейбольный мяч. За ночь стекло покрылось искристыми морозными узорами, и за окном ничего не было видно. Ромка подышал на стекло, потом прижал к нему ладонь, протапливая в изморози маленькое окошко. Все равно в темноте ничего было не разобрать, только горели фонари на улице и окна соседних домов. Тогда Ромка забрался на подоконник и высунул голову в форточку.

В комнату ворвались остро-свежий воздух и клубы морозного тумана. На улице все было как обычно. В «Лазурном» свет еще не зажгли, а в школе уже светились окна столовой. Скользили по стенам домов и расчищенным пешеходным дорожкам блики света от редких проезжающих мимо машин. Искрились в этих пробегающих бликах деревья, кусты и провода в инее. Прошел полупустой пока что рейсовый автобус, завернул к магазину, забрал с остановки озябших пассажиров. В скверике у кулинарии укутанная в шарф тетя Таня с третьего этажа неторопливо прогуливала своего добермана. В южной стороне, далеко за крышами домов, привычно светились огоньки атомной станции, куда только что уехала к утренней смене мама.

Успокоенный Ромка спрыгнул с подоконника, наскоро сделал зарядку и побежал умываться, чтобы и в самом деле не опоздать в школу.

– Не сталкер, а прямо Алиса в Стране чудес какая-то, – досадливо поморщился главный остряк. – «Хоть бы ничего этого не было!» Будет, дружок, можешь не сомневаться – будет.

– Это ведь ребенок, – пожал плечами его скептически настроенный коллега. – А чего мы, собственно, ожидали?

– Я так и знал, что наша очередная попытка моделирования опять закончится полным провалом, – спокойно заметил третий сотрудник. – Наш подопытный снова вернулся. Нашел свой город и вернулся, как и следовало ожидать.

Ученые из группы «О-сознание», они же Хозяева Зоны, смотрели на раскинувшийся на огромном экране во всю стену ландшафт, подернутый предрассветным туманом. В центре условного тридцатикилометрового круга, очерченного красной линией, на берегу извилистой речки дремал маленький уютный город. Светился огоньками окон и уличных фонарей, занесенный снегом и окутанный клубами морозного пара.

– Мы опять выбрали какого-то нетипичного представителя... – с сомнением произнес один из ученых. – Методика у нас ни к черту, видать...

– Может, просто недостаточно хорошо стерли ему память, – возразил другой.

– Стерли, как положено, – сухо ответил его коллега.

– Здесь ключевое слово – «опять», – вмешался третий сотрудник. – Не он первый, не он последний. Все повторяется с завидным постоянством.

– Ждем вас завтра в утреннем эфире в это же время, – с невеселой иронией передразнил остряка один из коллег. – Ежедневное утреннее шоу «Меченый атом» прощается с вами и желает хорошего дня.

– Вот именно, – задумчиво произнес первый. – Хорошая повторяемость. Может, уже пора закончить эксперименты и начать интерпретировать результаты, как вы считаете, господа Хозяева Зоны?

– Рановато выводы делать. Сначала завершить серию надо, – лениво возразил главный балагур. – А потом уже интерпретировать.

– Да чего там, и так закономерность ясна. Эти люди не оставят свой город. Они его любят. И он их, кажется, тоже.

– Эти сегодняшние припятские ребяташки, – ученый кивнул на экран, – подрастут и вернутся. И всегда будут возвращаться. Нам трудно понять, почему так, но наши эксперименты все время дают один и тот же результат. Они не бросят свой город, не забудут и не успокоятся. Они станут всячески мешать осуществлению наших планов – сознательно и неосознанно. Преодолеть их сопротивление будет ох как тяжело...

– Но мы постараемся, – твердо заявил один из Хозяев.

– Им тоже будет трудно, – задумчиво проронил другой. – Но и они тоже будут стараться...

Тимур Гончар aka cyborg СЧАСТЬЕ ДАРОМ

В трейлере Профессора, как всегда, воняло. Потом, водкой, кислым запахом несвежего белья, табачным дымом. Вся нехитрая мебель трейлера, уже изрядно подпорченного временем и природой, давно была иссохшей, скрипящей, буквально разваливающейся, но в то же время – какой-то уютной. Возможно, этот уют создавали многочисленные стеллажи вдоль одной из стен, заставленные книгами, какими-то рукописями, пожелтевшими бумагами, старыми формулярами и еще бог весть чем. А может, уют обитал в углу, где располагалась кухонька – замызганная двухблинная электроплитка, затертый до дыр уголок да узкая доска на креплении, нечто среднее между столом и барной стойкой. На криво приделанной полке над плиткой стояло множество бутылок. В противоположном углу трейлера расположился топчан, на котором были свалены несколько рюкзаков и прочий хлам.

На кухне расположились трое. Хозяин, дряхлого вида плешистый старик с бело-желтыми клочьями волос за сморщенными ушами, сидел на табурете, ужасно сутулясь и покачиваясь. От него пованивало мочой и водкой. На нем была ужасного вида телогрейка, теперь уже неопределенного цвета, во многих местах порванная, из которой выбивалась желтоватая, как волосы старика, вата. Гости развалились на своем излюбленном месте – старом уголке.

– Черт бы тебя побрал, дед, – раздраженно произнес длинный тощий парень с кривой ухмылкой. – Сколько можно наливать эту дрянь? Так же и к праотцам недолго... Не в Зоне, так у тебя!

Он гнусно захихикал, но все же выпил мутноватую жидкость из стакана, отрыгнул и захрустел соленым огурцом, блаженно закатывая глаза.

– Не парь, Гвоздь, – спокойно проронил второй человек, постарше. – Беду не накликай.

– Та шо нам, – икнул Гвоздь, подмигивая. Потом вдруг посерьезнел, наклонился к собеседнику и сказал:

– Ты меня не учи, Смирный. Я, покуда жив, буду из помойки этой все брать, понял? Пока не обрыднет. Или пока денег не наколочу. Ну а потом...

– И что потом? – усмехнулся Смирный. – Рванешь отсюда? Бабу найдешь? Детей настругаешь? Не-ет, Гвоздь, иная доля наша. Ковыряться здесь до самой смерти. Вопрос – как долго?

Казалось, он хотел продолжить, но все-таки замолк, налил в стакан сивухи и выпил залпом, не закусывая.

– Ты, Гвоздь, еще допрыгаешься, – заговорил старик. Голос его, на удивление, был достаточно крепок и никак не вязался с внешним видом Профессора. Разговаривая с ним, Смирному всегда хотелось прикрыть глаза. Гвоздь поморщился от менторского тона, но смолчал.

– Я видел многих сталкеров, – продолжал Профессор. – Видел... Но все они лежат в земле, гниют. Кто в Зоне. Кто от патрульных пуль сгинул. Кто умер не физически – всякое

видел. Но вам, молодые люди, я могу сказать одно: если дерзок – дерзай, если заносчив – уходи, пока не поздно...

– Слушай, дедуля, – ехидно проговорил Гвоздь, – а ты-то чего сюда перебрался? Ты ж ведь какой-то ученый там был, диссертаций много настрочил? Видать, и хлебушек маслом намазать можешь, а все живешь в своем сортире. На кой это тебе?

Профессор долго смотрел на него отрешенным взглядом, потом вздохнул.

– Вы вряд ли сможете понять это... Мною двигало любопытство, да не мной одним. Нам было ужасно интересно, что это такое – Зона. Подарок это или проклятие? Контакт с внеземным разумом? Дар природы? Послание из будущего? Ответов на эти вопросы нет до сих пор.

– Любопытство побуждает на отчаянные шаги, – тихо не то спросил, не то предположил Смирный.

– Не любопытство, – вздохнул старик. – Безысходность...

Они налили снова. Выпили. Помолчали. Слышно было, лишь как мотыльки бьются о лампу над столом да гудение сверчков за тонкими стенами трейлера.

За стеной послышался шорох. Гвоздь дернулся. Рука Смирного потянулась к кобуре. Профессор безразлично повернул голову.

В дверях показалась темная фигура. Грязный комбинезон, лицо теряется в тени капюшона. Винтовка за плечом. Рюкзак.

Сталкер. Солдат удачи в хаосе.

Человек откинул капюшон, бросил рюкзак на топчан, винтовку бережно поставил в угол и присел рядом с Профессором. Стало совсем тесно.

– Ну здоров, Терентий, – протянул руку Смирный.

– Терентий я был раньше, – ответил сталкер. – Теперь Тэк, ты же знаешь.

Он налил самогона и жадно выпил, не закусывая.

– Ну что, о чем гутарите? – спросил Тэк.

– Да ни о чем, так, философствуем, – ответил Смирный.

– А, сопли жуете, – понимающе кивнул Тэк. – Небось опять про Зону – как да откуда?

Профессор взглянул на Тэка, почему-то покачал головой и шумно отхлебнул свой чай.

– Вообще-то это интересно, – сказал Смирный. – И потом, зная природу явлений, происходящих там, это может стать полезным...

– Как по мне, это бесполезно, – перебил Смирного Тэк. – Ну вот скажите, какая уже разница, как это произошло? Ну, будете вы понимать все ваши явления, и что? А если это понимание окажется настолько страшным, что разрушит человечество? Что, если это понимание будет нести горе, а не счастье?

Молчавший доселе Гвоздь встрепенулся, хихикнул и заявил:

– Правильно, Тэк, бред собачий это. Есть Зона – ну и черт с ней. И нам хорошо, и ученые мозги свои сушат, и военщина при деле. А что там внутри и по каким законам Ньютона там яблоки падают – не нашего ума дело. Хотя странные дела там творятся. И даже люди имеются!

– Чего-о? – протянул Тэк. Гвоздь его сильно раздражал. Был тот нагл, самоуверен и отвратен. Мог завести в Зону напарника и спокойно прирезать ради хабара.

– Есть-есть! – оживился Гвоздь. – В поселке возле станции. Люди, которые пережили взрыв и не ушли.

– Мутанты, что ли? – вяло поинтересовался Тэк.

– Нет, – замотал головой Гвоздь, бешено вращая хмельными глазками. – Люди. Только другие...

Тэк взглянул на Профессора. Спокоен, как всегда. Лишь один мускул под правым глазом дернулся... Или показалось?

Гвоздь все тарахтел. Смирный дремал, откинувшись на спинку и сложив руки на груди.

– Идиот ты, Гвоздь, – проронил Тэк устало и зло. – Сдохнешь ты скоро, чуе мое сердце.

К Профессору сейчас ходили многие, это была своего рода традиция, но все так, пунктиром, бросить пару слов и уйти или же выпить после ходки стопку, а потом нарезать в баре. Тэк и Смирный были из тех немногих, кто шумному бару предпочитал миниатюрную кухню Профессора. Они все были люди с образованием, им было о чем говорить. Смирницкий, по прозвищу Смирный, был когда-то врачом, неведь как попавшим в круги сталкеров. Он оправдывал свое прозвище уравновешенным характером. Несмотря на медлительность и инертность, в Зону ходил уже лет восемь, впрочем, без особых достижений.

О Тэке было известно еще меньше. Он никогда не обсуждал свое прошлое, но было видно, что он человек умный и интеллигентный. Порой казалось, что он не любит жить, что рискует жизнью из-за игры в кошки-мышки со смертью. Впрочем, истинные мотивы его связи с Зоной были непонятны. Лишь один раз, изрядно выпив, он рассказал Смирному, что когда-то был женат. На вопрос, где жена теперь, коротко и горько бросил: «Умерла».

Личность Профессора была еще более загадочна. Никто не знал даже его настоящего имени. Поговаривали, что Профессор занимался проблемой Зоны очень давно, был ученым с мировым именем, но как-то пропал в Зоне на несколько дней. Нашли его случайно, живым и здоровым физически, но психика его, мягко говоря, пострадала. Нес он какую-то несусветную чушь, пытался организовать какие-то комиссии, специальные экспедиции, но все лишь сочувственно улыбались. Возможно, именно это способствовало его переезду на кордон и отшельническому образу жизни. Смирный же подозревал, что старик просто прикидывается дурачком, а на самом деле знает намного больше, чем говорит...

– Действительно, идиот, – спокойно сказал Смирный о Гвозде. – Давай выпьем, Тэк.

Он разлил самогон по стаканам. Чокнулись, выпили. Старик прихлебывал свой чай.

– Скажи-ка, Профессор, – закуривая, сказал Смирный. – Вот Тэк говорит, ни к чему нам знать о Зоне правду. Я, например, к обратному склоняюсь. А что об этом думают ученые умы?

«Ну все, – подумал Тэк. – Напился Смирный. Философствовать тянет». Однако на этот раз беседа завязалась совсем неожиданная. Профессор вдруг выплеснул содержимое своей кружки прямо на пол и налил в нее спиртное. Затем он обвел сталкеров тяжелым взглядом, жадными глотками выпил самогон и сказал:

– Я полагаю, что Зона – это дар. И проклятие тоже. Возможно, испытание человека. Испытание всех нас. Я занимаюсь Зоной очень давно, молодые люди. Еще когда этой не было...

– Как так? – оживился скучающий Тэк. – То есть еще с хармонтской?

Старик покачал головой.

– Зона у Хармонта была не первая... Это... вам трудно будет понять... Тогда эти места назывались Зонами Посещения, предполагалось, что это дело рук пришельцев, внеземного разума... Их было шесть, Зон этих, возникших одновременно в разных местах Земли, эта – седьмая.

– Интересно, – сказал Смирный. – Я слышал, Хармонта давно не существует, как и тамошней Зоны.

– Ты прав, Смирный, – кивнул старик. – Очень давно. С тех пор, как заварилась там одна история... Был такой сталкер, Рэдрик Шухарт, по кличке Рыжий. Отчаянный был, стервец. Дочка еще у него мутантка была... Неважно... В общем, стали ходить слухи, будто бы в Зоне Шар Желаний находится, который любое желание исполняет...

– Погоди, отец, – зевнул Тэк. – У нас тоже слухи ходят. Только про Монолит. Я думаю...

– Вы дальше дослушайте, – резко произнес Профессор. – Он все-таки дошел до Шара этого. Да только вот потом и случился мощный взрыв в Зоне. Причем накрыло весь Хармонт и окрестности.

– Да байки все это... – начал было Тэк, но Смирный так грозно шикнул на него, что тот замолчал.

– Ну а что ж он пожелал? – спросил Смирный, загасив окурок в консервной банке.

– Не знаю, – пожал плечами Профессор. – А что бы пожелал ты?

– Ну, уж я бы нашел что!

– Да ну? Вот только Шар исполнял желания сокровенные. Те, которые ты можешь прятать от себя, от других, от всех, но не утаишь от него... Ты ведь знаешь, что ты хочешь на самом деле?

Минуту они смотрели друг другу в глаза, затем Смирный спрятал взгляд и закурил еще одну сигарету.

– И что дальше было? – спросил Тэк.

– Дальше неинтересно. В живых не осталось никого. Всё оцепили, со временем поставили еще один кордон. Теперь не знаю, что там. Но интересно другое. Одновременно с этим взрывом произошел взрыв здесь на станции, и появилась новая Зона. Совсем другая. Радиоактивная. Со множеством мутантов. С иными артефактами и аномалиями.

Смирный присвистнул, затанулся и подмигнул Тэку. Тот спросил:

– Профессор, ты говорил, что Зона – это испытание...

Старик усмехнулся.

– Это всего лишь домыслы старого, выжившего из ума ученого... Скажите, каким стало человечество к моменту возникновения Зоны? Может быть, Зона – это наш шанс понять, насколько мы корыстны, алчны и жестоки, что видим в необычном выгоду для себя, причем настолько, что готовы грызть друг другу глотки? А исполнение желаний? Вот истинный соблазн, перед которым не устоит никто, даже праведник, возжелавший искромсать мир по своему образу и подобию...

– Но ведь тот Рэдрик... Профессор, он ведь добрался до цели! Он ведь загадал желание! Но мир не разрушился, апокалипсис не случился!

– Но он разрушил все, что было дорого ему. Разве это малая цена? Возможно, ему надо было много. Слишком много. Или же ничего.

Повисла тишина.

Тэк кашлянул.

– А может быть, парень не сумел корректно сформулировать желание... – предположил он. – Абстрактные понятия сродни бомбе, если у них есть возможность сбываться...

* * *

Патрульные лениво шагали вдоль дороги, тихо переговариваясь и покуривая от скуки. С ними так же лениво семенила немецкая овчарка. Ее розовый язык забавно мотался в такт. «Собака – это нехорошо», – отметил Смирный с досадой. Здешний участок не был горячим, сталкеры не лезли зазря на рожон – охрана здесь плотная, блокпосты расположены почти рядом – вот и цена одной из самых безопасных троп в Зону. Хочешь – рискуй. Смирный решил рискнуть. Подумал, что овчинка стоит выделки. Один блокпост удалось обойти тихо. Но там патруль без собак был. Здесь, если зверюга учует запах сталкера, начнутся проблемы.

Пока что Смирный лежал в кустах и обдумывал свои дальнейшие действия. Надо прорываться все равно. Назвался груздем, как говорится... Он еще раз принял к биноклю. Вроде бы тихо, патрульные бредут себе по дороге дальше, псина шлепает рядом, ни у кого никаких подозрений. Эх, жаль, Тэк не пошел с ним. Всегда он такой серьезный и рассудительный, не чета другим. Посчитал всю эту затею глупой. Зато стреляет будь здоров из своей «снайперки». В копеечную монету попадет с пятисот метров. Сам Смирный стрелял неважно. Лучше у него получалось с ножами, но ввязываться в рукопашную с военными – это самоубийство.

Прошел еще один патруль, на этот раз из трех человек, затем в направлении блокпоста прокатил открытый «бобик» с пулеметом. Смирный взглянул на часы. Если схемы

патруля не липовые, через минуту можно будет перебежать дорогу, а там уже считай, что в Зоне. Насторожило, что про автомобили ничего в схеме не говорилось, да и про собак тоже.

Все, время. Смирный взглянул на дорогу, поднялся и побежал с небольшой насыпи вниз, молясь, чтобы не споткнуться. Перебегая дорогу, краем глаза задержался на удаляющемся патруле, стараясь не думать о том, что будет, если кому-то из вояк приспичит обернуться. Грузно плюхнувшись на обочину, Смирный отдышался. Снова проехал «бобик». «Что-то они зачастили, – подумал он. – Как бы костью в горле не стали». А может, случилось что? Вот тогда это сильно подпортит его планы. Но идти назад уже поздно.

Шел он осторожно, зная о непредсказуемости Зоны. Рука постоянно притрагивалась к кобуре – стали сдавать нервы. Совсем некстати было бы встретиться лицом к лицу с кровососом или стаей псевдособак. Правда, все-таки разок зазевался, и его чуть не затянуло в «воронку», но все же ему удалось вырваться. Смирный пролежал на траве минут пятнадцать, приходя в себя, мокрый и дрожащий. Когда адреналин в крови немного угас, снова двинулся в путь.

Минут через двадцать пять Смирный вышел на опушку. Странная она была, какой-то правильной округлой формы, словно некий великан ставил среди леса свой огромный стакан, оставивший круглый отпечаток. На опушке росла зеленая трава, причем неестественно зеленая, наподобие той, что показывают в рекламных роликах по телевидению. Сам лес был рыжевато-желтым, а опушка ярко-зеленая. Это могло быть красиво. Однако не здесь и не сейчас.

Смирный почувствовал, что вновь покрывается испариной. У него было чутье на опасность. Что-то здесь не так. Дрожащей рукой он вытянул из кармана болт и бросил в центр опушки. Ничего не произошло. Болт упал как ни в чем не бывало. Немного подождав, Смирный бросил еще один, затем еще. Все было спокойно.

– Ха, делов-то, – сказал Смирный самому себе, сделал несколько шагов и потянулся за одним из болтов.

И тут началось.

Он сам не понял, что произошло. Его отбросило назад. Обдало жаром. Моля всех известных ему богов, Смирный обхватил ствол одного из деревьев и наблюдал, что творится на поляне. Однако он успел увидеть лишь что-то черное в траве, причем неестественно, потусторонне черное, от которого тошнило, буквально выворачивало наизнанку. Затем раздался громкий хлопок, и у Смирного потемнело в глазах. Когда он пришел в себя, то подумал, что сошел с ума – вся поляна была покрыта инеем, а с веток свисали сосульки.

– Чер-рт... Вот черт, – вставая с холодной земли, тихо выругался Смирный.

Челюсти постыдно дрожали, может быть, даже и от холода. Никогда не слышал о такой аномалии. Он отметил странное место на карте и обошел эту опушку большим крюком, заодно согревшись.

Через полчаса он приблизился к блокпосту. Снова прополз на брюхе пару сотен метров, пока не выбрал удачную точку наблюдения, достал бинокль. Шлагбаум, штаб, или что там у них, колючка, двое часовых, остальных что-то не видно... Он подождал еще, периодически наблюдая за блокпостом. Послышался шум мотора, и к шлагбауму подъехал еще один «бобик», на сей раз фургончик. Вскоре подкатил еще один. «Что это они разъездились», – промелькнуло в голове у Смирного. Из первого автомобиля вышло четверо солдат, прошли через КПП и скрылись в здании. Солдаты из второй машины открыли фургон и выволокли трех человек в наручники. Сталкеры. Грубо толкая их в спину автоматами, солдаты направились к месту укрытия Смирного. Тот суетливо снял «штайер» и затаился, опасаясь даже дышать.

Смирный догадывался, что сейчас произойдет. Кому дорога жизнь сталкера? Только ему самому. Смирному очень хотелось открыть огонь по военным, но он понимал, что это было бы верхом глупости. У него есть своя задача. И своя жизнь. А эти ребята, к сожалению, проиграли.

Все, что ему оставалось делать, – это наблюдать. Солдаты завязали сталкерам глаза и поставили их у старого дуба. Один что-то доказывал солдатам, кажется, умолял. Раздался

треск автомата, и все кончилось. Один из солдат подошел и добил пленников выстрелами в головы.

Смирный тяжело и часто задышал. Вот сволочи! Гады! Один солдат махнул рукой товарищу и побрел к КПП, а второй – в направлении Смирного. За несколько метров до его укрытия солдат стал к дереву, готовясь справиться нужду.

Зачем он это делает, Смирный так и не понял. Вся его рассудительность улетучилась в один момент. Он в секунду вылетел из кустов, в два прыжка оказался за спиной солдата, который успел только обернуться, и ударил его в висок. Солдат упал на землю и застонал. Смирный, не намеревавшийся терять инициативу, быстро перевернул солдата на живот, присел сверху и оттянул голову назад и вверх, обнажив бледное горло, к которому приставил нож.

– Что ж вы, гады, самосуд устраиваете? – тихо зашептал Смирный. – Будешь скулить – зарежу. Дернешься – зарежу. Крикнешь – зарежу оч-чень больно! Понял?

Солдат попытался кивнуть.

– Это хорошо. Колючая проволока свежая, что ли?

– Д-да... ох...

– Дыр нигде нет?

– Н-не з-знаю... нет... не убивайте, пожалуйста...

– А-а, – осклабился Смирный, – вот вы как заговорили! Как самим пострелять, так пожалуйста, а как только ножик к горлу, так все штаны обделал... Сколько человек на КПП?

– Пятнадцать...

– А эти, на «бобиках»? Тоже ваши?

– Эти н-не... То офицер из какого-то отдела... я не знаю... не убивайте-е...

Он снова захныкал.

– Заткни пасть, – сурово сказал Смирный. – Сиж тут с тобой, как бельмо на глазу...

Все это время Смирный наблюдал за дорогой. У шлагбаума стояло двое часовых, больше никого не было видно. «Все, другого шанса не будет», – решил Смирный.

Он резко поднялся с солдата, отбросил его автомат, подхватил «штайер» и понесся к дороге. Плененный вояка был так напуган, что даже не кричал, что было очень на руку, когда дорога каждая секунда. Добежав до «уазика», Смирный выстрелил в водителя, который курил в кабине. Часовые обернулись на звуки. Смирный короткой очередью, не целясь, выстрелил в направлении шлагбаума. Солдаты попадали, поднимая переполох своими воплями. Смирный быстро вывалил труп водителя, выстрелил в колеса первой машины и сел за руль. Двигатель был заведен, и Смирный, вдавив газ, резко крутанул руль, пригибаясь. В борт застучали пули. Совершив обратный маневр, на скорости он снес шлагбаум и, петляя, двинулся по дороге, наблюдая в зеркало, как мечутся солдаты возле второй машины и стреляют вслед. Еще несколько пуль с металлическим звоном попали в створки дергающихся задних дверей. Смирный инстинктивно пригнулся. Кажись, пронесло! Он нервно засмеялся. В груди бешено колотилось сердце. Ничего, совсем немного осталось. Совсем немного!

До развилки Смирный доехал без приключений. «Уазик» оставил прямо на ней – если все-таки погоня будет, пусть поломают голову, в какую сторону направился сталкер. Впрочем, Смирный очень сомневался, что военные организуют погоню. Они боятся Зоны как огня, особенно малоизведанных мест. Они берут нахрапом, массированными рейдами, тщательно спланированными, а силами одного блокпоста делать ничего не будут.

Через километр стали видны корпуса санатория «Десна». Построенный в семидесятые, он был здравницей для простых трудящихся и партийных деятелей низшего звена. Незатейливая советская архитектура, выложенные мозаикой сцены счастливой советской действительности вкупе с царящей разрухой и темными проемами окон создавали ужасный диссонанс.

Смирный не любил поселки и прочие антропогенные места в Зоне. Уж очень неуютно и чужеродно они смотрелись, да и опасности от них исходило гораздо больше. В них почти всегда обитали мутанты, аномалии отличались излишним коварством.

На всякий случай он держал «штайер» наготове. Проходя мимо полуразрушенного здания столовой, Смирный дернулся от жестяных звуков в ней. Он быстро присел на колени, стволом ища опасность. Во мраке столовой он разглядел темный силуэт, метнувшийся со стола, и снова звук падающей жестяной посуды. Кажется, собака. Хорошо, если одна, а не со стаей.

Он шел по асфальтированной дорожке. Асфальт давно потрескался, из трещин пробивалась трава. Смирный вспомнил ярко-зеленую траву на той опушке, и его передернуло. «Тьфу, совсем нервный стал», – пожурил он самого себя. Ну, ничего. Теперь он совсем рядом...

Очень здесь было неуютно. Высокие сосны, обступающие старые здания, неподвижными стражами охраняли покой. Ни ветерка, ни птицы. Никого. Даже мутантов нет, что очень странно. Впрочем, эти могут появиться совсем внезапно.

Ему надо найти водонасосную станцию. Или водораспределительную, черт ее знает. В общем, где она конкретно располагалась на территории, он не знал. В процессе поисков он видел одного снарка, который что-то ковырял в остовах старенького «Москвича». Смирного поразило тот факт, что снарк, едва заметив его, молниеносно ретировался в кусты. «Поведение более чем странное для этих уродов», – подумал Смирный. И тишина. Густая, вязкая, прямо хоть ложкой ешь. Словно все здесь приготовилось к чему-то. Или к кому-то.

Распределительная станция, а заодно и бойлерная находились у пропускного пункта. Кирпичная труба торчала, как назидательно указывающий в небеса перст. Смирный взволнованно вздохнул. Ну, сейчас все закончится. И прояснится, врал старик Профессор или нет.

Смирный обернулся, чтобы запомнить кое-какие ориентиры, и застыл. Он ощутил, что за его спиной что-то изменилось. Причем кардинально. Он резко повернулся и оцепенел.

У пропускного пункта стояла стая псевдособак. Голов на триста. Несколькими цепями. Словно милиция на футбольном матче. С такими же непроницаемыми мордами. А на них двигалась толпа... людей?

Люди ли это?

Откуда здесь люди?! Неужели Гвоздь был прав? Или он не про этих рассказывал?

Люди были обнажены. Причем они были как-то неестественно чисты, неправильно чисты. Они толпой надвигались на псевдособак. И тут одна из них завывала пронзительным басом, вторая подхватила, затем третья, пятая, десятая... Истошный и дикий вой давил уши, щекотал нервы, пытался проникнуть в душу. Люди, до этого момента спокойные, пришли в замешательство. Их спокойствие уступило место панике, и они бросились прочь от псевдособак.

Смирный попятился назад. Обернувшись, он, к своему ужасу, заметил, что сзади него тоже собачье оцепление. А на него неслась толпа. Одно он знал точно – с собаками ему не справиться.

Профессор, будь ты проклят со своими историями!

Смирный истощенно заорал и сделал несколько очередей из «штайера» в воздух. На людей это не произвело никакого эффекта, они реагировали лишь на звериный вой. До дверей бойлерной Смирному оставалось метров сто. Люди были совсем близко. Еще секунда, и они обступили его колышущимся морем теплой плоти, в их глазах не было смысла, а была какая-то мольба неизвестно о чем, они тянули к нему руки, щипали, трогали, рвали комбинезон, сдирали рюкзак... И страшно и монотонно мычали при этом. Смирный видел эти пустые глаза, эти глаза... глаза... гла...

A-a-a-a-a-a-a-px!

Воздух вспороли выстрелы. Люди истошно визжали. Он шел, стрелял, менял обойму, отбиваясь локтями, снова стрелял с какой-то странной улыбкой, как бы невзначай отметив, что в толпе почему-то лишь женщины и дети. Красивые женщины, молодые, с совершенными формами, и дети, какими их рисуют в рекламках, с пухлыми щечками, светлыми глазами...

Профессор, зачем ты рассказал это мне?!!

Закончились патроны. Идти стало труднее, словно людской поток возрос количественно. Смирный просто бил «штайером», бил всех, без разбору, бил страшно, ломая носы, черепа и конечности, выбивая глаза и зубы, а в мозгу у него вертелась одна лишь мысль: «Я должен, я должен, я должен...

Тэк, почему ты не пошел со мной?!»

Потом «штайер» куда-то пропал, пистолет тоже, и Смирный прокладывал путь к цели ножом. Ему казалось, что он всю жизнь прожил посреди истошного непрекращающегося вопля, среди брызг крови. Он ступал по искалеченным телам, взрослым и детским, порой еще живым, а на устах его играла странная улыбка.

Он едва сумел открыть тяжелую дверь. Еще труднее было закрыть ее на засов. Металл глухо жаловался на удары извне. В помещении было темно. Смирный, шатаясь, сделал несколько шагов, под ногами что-то захрустело. Потом он за что-то зацепился, куда-то упал и скатился по ступеням. Он смеялся, пока не потерял сознание.

* * *

Первое, что он увидел, – потолок.

Первое, что ощутил, – влагу.

Не двигаясь, он ощущал себя. Вроде бы все на месте. Чуть приподнявшись, Смирный осмотрелся. Просторное помещение было обложено белой и синей плиткой, обвалившейся во многих местах. Было много труб, какие-то котлы, маленькие прямоугольные окошки под потолком, сквозь которые пробивался тусклый свет.

Смирный лежал в воде – пол был залит водой примерно по щиколотку, а на полу разбросан разнообразный хлам. Он поднялся. Заплескалась вода, а сзади кто-то кашлянул. Смирный резко обернулся, рука дернулась к отсутствующей кобуре.

На стуле сидел человек. Высокий, с грубоватыми чертами лица и с ярко-рыжими короткими волосами. Его конопатое лицо казалось озлобленным. Из одежды на нем был деловой костюм, порядком потрепанный.

– Ну здравствуй, здравствуй, сталкер, – сказал рыжий. – Давно жду.

– Раздери меня тысяча аномалий! – Смирный пошатнулся, а его глаза округлились. – Шухарт? Рыжий Рэдрик Шухарт?!

– Валентин Смирницкий. Смирный! – всплеснул руками Шухарт. – Вот и свиделись.

– Как... но как... как ты здесь? Ты ведь...

– Мертв? – с издевкой произнес Шухарт.

Смирный кивнул и сел прямо в воду. Шухарт достал сигарету, звякнул зажигалкой, закурил.

– Может быть, – сказал он, – это ненастоящий Рэдрик Шухарт. Может быть, это его копия, воссозданная Зоной. Или же это Зона в облике Рэдрика Шухарта. Или, что вполне возможно, Рэдрик Шухарт и есть Зона.

Шухарт встал, подошел к Смирному и взглянул в его глаза.

– Что, гнида, денег захотелось? – прошипел он, выпуская дым в лицо Смирному.

– Где Шар, Рыжий? – спросил Смирный. – Мне нужен Шар.

Шухарт хохотнул.

– Ишь ты? А то я не знаю! Он тебе так нужен, что ты грохнул солдатику, которому, между прочим, девятнадцать годков стукнуло недавно да мать одна больная в забытом селе живет. Пока еще живет... Тебе он так нужен, что ты вырезал более ста детишек, пробираясь сюда. Вместе с их матерями...

– Но... откуда же здесь они... они ведь...

Смирный шлепнулся в воду и закрыл лицо руками, покачиваясь.

– А, так ты благодетель! – издевался Шухарт, шлепая по воде своими длинными ногами. – Подумаешь, смерть нескольких в сравнении с великой целью! У тебя ведь великая цель, правда? Да, у всех великая цель! Только вот знаешь, чем это оборачивается? Хочешь ведь пожелать всем счастья, большого и даром, а в башке твоей где-то маленькой искоркой промелькнула мысль: «Зелененьких бы мне побольше, детишки вот голодные сидят, сам горбачусь, как проклятый, с хабаром туда-сюда, под смертью хожу, сколько ж можно-то»... И

все. Все, понимаешь! Эта маленькая ложь становится единственной большой правдой и перечеркивает показное благородство!

Смирный застонал, не отрывая рук от лица.

– Мы устроены так, понимаешь? Каждый о своей шкуре печется. Вот ты, Смирницкий... Посмотри на себя. Ты ведь обижен. Ты обижен на всех! С тобой несправедливо обошлись, выкинули из НИИ, бросила жена, сынишка тебя и не знает совсем, ты пил, страшно пил, потом переехал сюда и что? Стал ходить в Зону, да, сталкер ты теперь, доказал себе, что мужик. Но обида в тебе росла – там капля, тут капля...

Смирный внезапно с ревом сорвался с места и бросился на Шухарта. Он бил его совсем не по-мужски – так лупит жена-истеричка загулявшего допоздна мужа – молотит кулаками, рыдая и понося одновременно. Шухарт парировал все удары, потом отвесил такую пощечину, что Смирный утратил равновесие и снова плюхнулся задом в воду, держась за пылающую щеку.

– И на меня ты обижен, Смирный, – констатировал Шухарт. – На Профессора полоумного своего. На Тэка, который отказался от этой затеи, потому что он понял, ничего путного из нее не выйдет. Да ты на мир обижен, Смирный! Как ты можешь его осчастливить?!

– Не твое дело, Рыжий, – процедил Смирный. – Тоже мне, благодетель нашелся. Мне не надо богатства – ни к чему мне оно одному. И не хочу я мир осчастливить. Я хочу себя осчастливить. Ты прав – мы эгоисты. Ты, я, все остальные... Я ведь никто, Рэдрик. И врач я был так себе, и сталкер не лучше. Но я дошел сюда. Возможно, я заплатил слишком большую цену. Понимаю. Понимаю также, что обратно мне не вернуться. Эта шкатулка с секретом, не каждый ее откроет. Да, я обижен. Но с чего ты взял, Рыжий, что мне нужно все? Мне даже месть не нужна – зачем мне кому-то мстить за мои ошибки?

Минуту Шухарт сверху вниз смотрел на Смирного. Потом вздохнул и сказал:

– Что ж... если для тебя счастье, это действительно то, что ты задумал...

Навалилась тишина. Лишь тихий политональный плеск капель. Шухарт исчез. Смирный сидел в воде, обхватив колени руками, и смотрел на Шар. Красивый, с бронзовым отливом. Манящий к себе. Им хотелось любоваться, но не хотелось им обладать. «Вот и все, – подумал Смирный. – Дошел. Дошел, черт возьми!»

Он попытался встать, но на него накатила какая-то слабость. На четвереньках, по-собачьи он пополз к Шару, думая о прозорливости Профессора. Ведь неспроста он только им рассказал о Шаре. Знал ведь, подлец, кому можно рассказывать... Знал, что Тэк откажется. Знал, что Смирный пойдет и не вернется...

Дорога в ад широка и легка...

Он дополз до Шара, дрожащей рукой притронулся к нему. Шар был теплый и... какой-то живой. Понимающий всех. Дающий, исходя из понимания.

– Я хочу... – Голос внезапно охрип, и Смирный прокашлялся. – Я хочу...

Он не успел договорить, а Шар уже понял его желание, его истинное желание, это маленькое бесплатное счастье для одного маленького человечка, который сейчас корчился в заброшенной бойлерной, разбрасывая хлам, растворяясь в этом ужасном мире, сливаясь с ним, видя всех и все, осознавая причинности, следствия, сущность природы, явлений, поступков человеческих и не очень; он проник в каждую травинку Зоны, он побывал в каждой аномалии, прикоснулся к каждому сталкеру, каждому мутанту, он увидел то, что еще не видела ни одна живая душа, и от этого он в ужасе закричал, голова его поседела, а затем что-то оборвалось в ней, потом что-то взорвалось там, снаружи, и нахлынула темнота... Такая спокойная, тихая, обволакивающая...

Сидящий в баре Тэк вздрогнул. Кажется, Выброс. Он всегда их ощущал. Странно, вроде бы не по графику. Да и Выброс очень мощный и какой-то... не такой. Словно в Зоне что-то прибавилось... Или кто-то прибавился... Тэк удивился этой странной мысли и опрокинул стакан водки залпом, как всегда. «С заказом надо будет повременить маленько, – подумал он. – Или нулей к сумме добавить...»

В Зоне, на «минном поле», умирал Гвоздь. Ловушка активизировалась внезапно, совсем не тогда, когда должна. Все этот непредвиденный Выброс! В его угасающем сознании промелькнуло что-то чужеродное, но в то же время очень знакомое... Перед самой смертью он понял, кто это. И даже успел удивиться.

У кордона, в своем трейлере, Профессор перебирал старые бумаги. Когда произошел Выброс, он закрыл глаза, и из его руки выпал один желтый листок прямо в окошко света на грязном полу. На листке отчетливо виднелся заголовок, написанный от руки: «Радиант Пильмана, фрагмент интервью». Старик открыл глаза, усмехнулся и сказал не столько себе, сколько этому странному миру за тонкой стеной трейлера и за колючей проволокой:

– Я вижу, ты дошел, мой мальчик... дошел...

В старой бойлерной было темно. Посреди мусора в воде лежало тело человека. Он доживал последние секунды. Его глаза тускнели, едва заметно подрагивали пальцы рук, а губы шептали слова: «Знать... хочу... знать...»

Песков Егор ЖИЗНЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

– Нет, Сема, я все-таки не пойму, ты часом не закончил заочно медицинский?

Сема звякнул горлышком о щербатый край выдавшей виды железной кружки и вопросительно уставился на меня:

– Это ты к чему?

– Да к тому, гражданин майор, что ты меня, кажется, решил немного полечить! Нет, я понимаю, когда так по ушам ездят тупым школьникам в военкомате, чтобы развести их на поступление в военное училище. Но я-то наши вооруженные силы изучил за десять лет вдоль и поперек, причем ты об этом прекрасно осведомлен, поскольку семь из этих десяти мы с тобой вместе их изучали. Кроме того, ты великолепно осведомлен и о том, как я оттуда уходил. Или это новая армейская мультка, которая нам, тупым гражданским, недоступна?

– Е-мое, Виталик, я поражаюсь! Офицер, участник боевых действий, и вдруг – «лечить», «разводить», «мультка»... Где ты нахвтался этой блатной музыки? Да и потом, скажешь тоже – «гражданский»... Мы же не бываем бывшими. Ты об этом знаешь, поэтому не выделяйся!

– Где нахвтался? А ты со мной одну смену постой в нашем кабаке! Потом с любым вором в законе на равных перетирать будешь!

– А ты не думал, что как-то неправильно это? Что место твое все-таки не в охране этого шалмана? Что не к этому ты стремился?

– А я тебе даже точно скажу, Сема, к чему я стремился. Стремился я Родине служить, той самой, ридной и незалежной! Только вот оказалось, что если ты не позволяешь ребят своих безнаказанно убивать, то ты – чмо болотное, позор для армии и далее по тексту. Ну хоть не закрыли, и на этом спасибо! А то изучал бы феню не заочно, а на дневном!

Семен опустил глаза, поставил бутылку на стол и понимающе выдохнул в свои усищи а-ля «Песняры». Я выплеснул все, что накопилось в душе, уже раз в пятый за этот вечер. Пару секунд мы, как замороженные, смотрели на медленно опускающийся на дно угловатой поллитровки маленький перчик. Принесенная им родная польская «Зубровка» приказала долго жить, и мы, выполняя приказ, перешли на мой честно притыренный с работы «Немирофф».

– Ты на все сто прав, братишка. – Сема виртуозно повертел пальцами мою зажигалку, сделанную в свое время рукастым пулеметчиком Степой Мельником из винтовочного патрона. – И за то, что ты сделал, я тебя всю жизнь уважать буду. Не каждый, к сожалению, сейчас способен ради других людей наплевать на деньги и карьеру. А ты поступил как офицер. И как мужик!

– Ладно! Погнали!

Не знает майор Семен Гавриленко, что мое согласие давно у него в кармане. Ну, может быть, догадывается. А вообще он психолог тонкий. Если штабная работа его не расслабила, то, может, и настроение мое уже почуял. Все же интересно, зачем он так меня обрабатывает. Или вправду, место это блатное, а он решил старого кореша подтянуть. А может быть, наоборот – кадровые и с хорошим послужным бегут оттуда, поэтому и задумали «штрафбатов» дыры заткнуть? Хотя Сема никогда не забывал меня – звонил, иногда в гости захаживал.

В любом случае я наконец-то, впервые за три года, почувствую себя человеком. Взглянув в зеркало, вновь увижу на каждом плече по четыре маленькие звездочки, которые так нелегко мне достались и которые так легко были с меня сорваны. Ну и сюда же до кучи избавление от скандальной соседки по коммуналке, от навязчивых в последнее время звонков из банка («У вас, Виталий Петрович, задолженность по кредиту в настоящее время составляет восемь тысяч пятьсот сорок гривен»), от наглых морд бандюков и мажоров на работе («Ну ты че, да ты знаешь, кто я?»). Значит – полк оцепления. Значит – Зона. Много слухов, много легенд и ничего достоверного. Пока. Благодаря Семиной протекции мне теперь выпадает шанс узнать о Зоне практически все.

Через час Сема богатырски храпел на софе. Я же смотрел, лежа на диванчике, в расплывчатый от алкоголя потолок и копался в старых воспоминаниях, которые Семин приезд вырвал из запыленных архивов памяти капитана запаса Кривенчука (из моих то бишь).

Рация надрывалась уже двадцать минут:

– We need help!.. Duke-seven, Duke-seven... А, курва!..

Поляки находились на своем маршруте патрулирования и почти миновали площадь в трехстах метрах от нашего блока, когда из подвала в борт головному БТРу ударил гранатомет. Наши часовые вздрогнули от гулко-го выстрела, слившегося с разрывом гранаты. Над двухэтажными домиками взвился в жаркое небо города-героя Басры маслянистый столб дыма. Застучали «АК-47», им в ответ разрозненным треском огрызались польские «бериллы». Сразу же в эфир ворвался перепуганный голос комбата:

– Круг-77, занять позиции, вести наблюдение!

Затем традиционное:

– Огонь не открывать, на провокации не поддаваться!

Все складывалось, как и полгода назад, когда я только приехал сюда. В аналогичной ситуации оказались ооновцы, а затем и британский патрульный «Уорриор», бросившийся им на выручку. Отбили их потом американцы. После этого каждый англичанин, проезжая мимо украинского блокпоста, считал своим долгом показать нам средний палец. К сожалению, армия Украины переняла болезнь армии советской – многие начальники до ужаса боялись отвечать за принятые решения и отданные команды.

Из-за домов донеслось гулкое «ду-ду-ду-ду» крупнокалиберного пулемета. Эта штука пробивает любую броню, кроме танка, навывлет (а польские БТРы и обычный пулемет проштампует на ура). А также развалит все низенькие заборчики из кирпича, за которыми могли укрыться на площади поляки. Действовать надо немедленно!

– Орлан-10, я – Камин-14, понял! – ору я в радеюку, затем зажимаю пальцем тангенту, чтобы не слышал никто комбатовских воплей, которые сейчас последуют. – Отделение, к машине, по местам (это уже голосом)!

Соляная копоть вырывается из выхлопных труб БТРа, парни взлетают на раскаленную броню. Каждый знает, где сесть, куда смотреть, как докладывать об обстановке командиру. Леша Силаев ныряет в дышащее жаром стальное нутро машины и снимает со стопоров пулеметы.

Быстро объясняю водиле, Олегу, как поедem. Не зря заставлял изучать все окрестные улочки, а потом изошренно экзаменовал на этот счет – все понял сразу.

Духи давным-давно привыкли, что «салоеды» носа не кажут со своих блоков. Поэтому и наглыми такими стали, что засады устраивают прямо у нас под носом. По той же

причине и не ожидали, что мы такую прыть покажем. Машина с крупнокалиберным, как нарочно, стояла именно в том переулочке, через который мы на площадь вылетели. Пулеметчик Антоха Матвейчук с бедра разрядил по ней четверть коробки из своего «ПКМа». Бойцы четко, как на учениях, посыпались с брони, сбились по боевым двойкам, и пошла работа. Гулко забарабанил крупнокалиберный пулемет Силая. Олежек мастерски поставил БТР за изрешеченной Антоном машиной, которая немедленно поймала дырявым бортом арабскую «Муху». От основательно продырявленного польского джипа потянулась ниточка из сплошных трассеров в сторону старой водонапорки. Перевожу взгляд туда. Ай да Вовка, снайперюга наш, ай да молодец – он уже успел всадить пулю в сидящего на крыше пулеметчика.

Комбат орал знатно. Как говорят завсегдатаи кабака, где я работал до сегодняшнего дня, «как потерпевший». Не ожидал я только, что эта гнида рапортотк напишет наверх. Причем он умолчал о том, зачем я покинул блок. Типа в самоход ушел, по бабам, наверное. Да еще на БТРе, да еще весь личный состав второго отделения с собой увел.

Борт из Багдада был через пять дней, а колонна до столицы – через два. Эти два дня я вливал в себя сначала вискарь, который притащили американцы (от поляков, мои ребята подсказали, кому надо сей дар вручать), затем «салимовку» – термоядерный местный самогон, который, презрев Коран, гнал местный лавочник Салим. Комбат все это время усиленно старался не попадаться мне на глаза. Автомат у меня ребята к тому моменту незаметно изъяли, а зам по вооружению быстренько оформил документально его сдачу.

За последующие три года я потерял жену, переехал в коммуналку, нанес горилкой мощнейший удар по своей печени и приобрел хроническую апатию ко всему происходящему. Пожалуй, только намертво вбитая еще покойным батей любовь к спорту не позволяла броситься в объятия «зеленого змия».

* * *

Потрепанный жизнью автобус из учебки привез меня и еще одного офицера к штабу 2-го ПОц (полк оцепления, если кто не понял, не надо хихикать, военные тоже в свое время прикалывались постоянно над этим штабным перлом, но сейчас уже надоело). Через дорогу виднелись казармы 106-го полка спецназа.

Со мной в полк из учебки прибыл старший лейтенант Серега Юркевич. Особо близко мы с ним сдружиться не успели, но в дороге он мило развлекал меня колоритными одесскими байками.

Командир полка, высокий мужик небогатырского телосложения, что-то среднее между «тощий» и «бухенвальдский крепыш», сухо поздоровался с нами и ушуршал в сопровождении каких-то двух в штатском, оставив нас на растерзание двум майорам. Одному достался Серега. Другой, соответственно, занялся мной.

– Ну что, Виталий Петрович, куда попал, наверное, представляешь? О Зоне, думается мне, читал в прессе раньше, ну и в учебке кое о чем рассказали. Короче, Виталий Петрович, с сегодняшнего дня ты – командир 17-й сторожевой заставы, то бишь блокпоста. Принимай блок, размещайся и организуй службу. Ты мужик опытный, что к чему – разберешься.

Мой новый комбат на секунду о чем-то задумался, затем добавил:

– И, главное, запомни – в Зоне лучше подстрелить того, кого не следовало, чем не подстрелить того, в кого действительно надо было стрелять. Ну, там на блоке сейчас спецназеры, они тебе подетальнее все объяснят.

«Уазик» нервно громыхал расшатанным кузовом на стыках аэродромных плит. Чем дальше, тем лучше. Значит, бойцы у меня тоже нулевые. А я-то надеялся, что в первое время меня сможет проконсультировать какой-нибудь бывалый сержантюга. Ладно, допустим, что это ротация. Почему на обычном периметровом блоке сейчас сидит спецназ? «Рексы» могли там оказаться в качестве подкрепления или мобильного резерва. Могли. Но тогда на блоке должен быть и основной гарнизон. Если только... Н-да, похоже, Кривенчук, не все так просто в этом царстве мутировавших сусликов. Если нет на блоке никого, кроме примчавшегося туда спецназа, значит, личный состав 17-го блока уже можно снимать с довольствия и готовить им

дембельский вагон-холодильник. А ты, капитан, сейчас возьмешь на взлетке два десятка бойчил неизвестной квалификации и примешь у спецназеров эту вахту памяти.

Солдат у меня оказалось двадцать шесть. Подъезжая к вертушке, я увидел всю эту братию, забившуюся в куцую полуденную тень от стоящего рядом «Ми-8». На солнце возвышалась камуфлированная гора из вещмешков, спальников, одеял, защитных костюмов в чехлах. Рядом немаленьким зеленым кубиком застыл штабель ящиков с боеприпасами. Картину «Запорожская Сечь» завершало уложенное аккуратно рядом оружие. От такого образцово-показательного порядка меня аж скупая мужская слеза прошибла. Значит, у меня в подразделении есть сержант, которого слушаются, причем и в отсутствие офицеров. Отрадно.

Все подтвердилось. Стоило мне сойти на грешную землю, вернее, на грешный бетон, ко мне четким строевым шагом подлетел приземистый крепыш. Судя по его лицу, в детстве его били лопатой по носу, чтобы он не воровал варенье из буфета. Такому даже я подчинился бы без звука.

Сержант набрал в легкие воздуха, и я понял, что если он сейчас гаркнет доклад, то легкая контузия мне будет гарантирована. Поэтому сыграл на опережение:

– Вольно! Давай сразу к делу. Личный состав, имущество, оружие?

Оказалось, что мой новоиспеченный зам может не только орать на грани инфразвука, но и довольно толково все документирует. Он протянул мне несколько аккуратно заполненных листочков, которые содержали данные, абсолютно идентичные тем, что были записаны в выданных комбатом бумажках. Все посчитано, проверено и аккуратно расписано.

– Вопросов нет, загружаемся.

Звуковой удар я все-таки получил:

– ВЗВОД! В КОЛОННУ ПО ДВА ФРОНТОМ НА ВЫШКУ – СТАНОВИСЬ!!!

* * *

Солдаты затаскивали тяжеленные ящики за обрешеченные колючкой ворота. За процедурой, мрачно покуривая и сплевывая на потрескавшийся асфальт, наблюдали четверо спецназеров в навороченных защитных костюмах. Накладки явно из бронебойной керамики или композитов, куча датчиков, приборов и приборчиков, баллоны, позволяющие, судя по объему, с полчаса дышать автономно. Мой-то попроще будет раз в десять. Про те, что у солдат, я вообще промолчу. Один из «рексов», явно старший, вразвалочку подошел ко мне и протянул листочек с обгоревшими краями:

– Держи, капитан. Тут карта минных полей.

– Да у меня есть на карте.

– На карте у тебя те, о которых в штабе знают. А тут те, что в жизни. Ну, не все, конечно. Когда атака была, немало сталкерюг подорвалось. Так что проверишь. Изменения нанесешь, подправишь, где надо.

– А это кто был-то?

– Да хрен его знает! Сработали грамотно: отвлекающий удар из Зоны, подельники с Большой земли в спину ударили. Да еще подгадали, чтобы после Выброса напасть – настройки в аппаратуре во всей сбиты, помощь не вызовешь, только на свои силы полагайся. Видать, хабар не кислый выносили, и деньги им хорошие отмусолили за него.

– Так все сталкеры такие борзые?

– Да нет, вольные, во-первых, в такие стаи не сбиваются, а во-вторых, так не рискуют, они втихаря выносят или барыгам прямо в Зоне сдают. Свободники тоже. Долговцы сами сдают ученым. Вероятно, бандосы. Но такие группировки, серьезные и многочисленные, редко у них бывают. Сюда-то не меньше трех десятков шло, и с тыла не меньше дюжины поперло.

Блок меня впечатлил. Обглоданные пулями бетонные стены, копоть на окнах, на земле – причудливые россыпи гильз. Больше всего, конечно, родимых наших 5,45, кое-где пулеметные, а вот – автоматные 7,62. Это, видимо, уже бандюки – в ПОце таких автоматов нет, а у спецназеров – девятимиллиметровые «Грозы». Далее гильзы-стопарики от автоматических гранатометов, расплюснутые пластиковые цилиндры охотничьих патронов,

разнообразная пистолетная мелочь. Два солдатика уже наломали веток и начали сметать все это великолепие в одну кучу.

В укрытиях для техники – причудливый букет пороховой гари, солярных паров и сладковатой вони горелой плоти. Знакомо, в Ираке насмотрелся на такое. Следы волочения, обломки и россыпь ржавых от пламени траков – сгоревшие машины отсюда увезли за два дня до нашего прилета.

* * *

Жизнь на блоке все больше и больше приближалась к желанной рутине. Был обустроен быт, подправлены мины и сигналка. В закопченных капонирах заняли свои места прибывшие на третий день машины. Нам дали три БТРа. Жаль, раньше, судя по обломкам, пост был вооружен бээмпэшками, они все же помощнее во всех отношениях (хотя предшественникам нашим от этого ни тепло ни холодно). Я инструктировал патрули, часовых, наблюдателей. Николай Заворотнюк, так звали моего зама-крепыша, рулил бытом. Оказывается, я был знаком с его дядей. Когда я учился в Харьковском танковом училище, там была команда гражданских-сантехников, которых курсанты окрестили «команда Кусто». Дядя был у них вроде как бригадиром, и, однажды увидев, забыть его было невозможно. Мне тогда впервые после третьего класса снились кошмары. Так я понял, что кинг-конговская физиономия – это у них семейное.

Состоялось мое первое реальное знакомство с мутантами. Это были «плоти» – пример того, до чего можно довести колхозную хавронью, если ее мало кормить и много облучать. От исходной хрюшки нынешние унаследовали разве что прожорливость и дикое «у-и-и-и-и» в момент расставания с жизнью. На блок вылетела стайка из пяти особей. Наблюдатель дико заорал и скатился по лестнице в бункер. Часовые резанули длинными очередями (идиоты, ведь говорил – беглым ОДИНОЧНЫМ огнем!) и каким-то чудом зацепили одну свинку. Оставшиеся четыре рванулись в сторону от подраненной подружки, после чего их стало трое – одна попала в «трамплин» (аномалия такая занятная) и, вращаясь вокруг своей оси со скоростью коленвала танкового дизеля, приземлилась в виде тела в находящееся метрах в семидесяти болото.

Рядом уже нарисовался Заворотнюк с автоматом. Это была хорошая охота, и для многих она чуть было не стала последней. Зам шустренько загнал в подствольник серебристый цилиндр гранаты и навскидку выпустил его в поредевшую стаю отчаянно визжащих порождений Зоны. Они как раз успели добежать до следующего «трамплина», который отправил в страну Мальборо третью свинку, а заворотнюковскую гранату – в район входной двери в бункер командира блокпоста. Я в этот момент находился на полпути от двери до моего боевого зама, то есть где-то метрах в пяти от обоих. Получив дырку в камуфляже, кратковременное заикание и заряд положительных эмоций, я снял с плеча автомат, перехватил его за ствол и неспешной походочкой двинулся к Заворотнюку, который уже осознал всю тяжесть содеянного. Картина Репина – «Перепуганный Годзилла». Даже звонко опустившийся на его каску приклад Заворотнюк перенес беспрекословно, кротко опустив небесного цвета глаза в истоптанную берцами землю.

Из учебного курса 201-го особого учебного центра для младшего офицерского состава:

Применение оружия в Зоне имеет свои особенности. Помимо соблюдения обычных правил стрельбы, необходимо учитывать влияние аномалий. В лучшем случае попавшие в «трамплин», «карусель» или «мясорубку» пули и снаряды могут уйти мимо цели. В худшем аномалия может отправить их к своим же. Именно по этой причине артиллерия в Зоне практически не применяется. Та же картина и с авиацией. Наименее всего мешают стрельбе аномалии типа «кисель», «электра», «ведьмин студень» и некоторые другие. Но тут тоже есть нюансы – например, «электра» может вызвать подрыв снарядов с электрическими взрывателями.

К тому времени еще одна свинуха пала жертвой твердой руки и меткого глаза пулеметчика Руслана Бондаря.

Последняя успела пробежать еще метров двадцать, как вдруг из-под ее переднего правого копытца с раскатистым грохотом вырвалось пламя с густым облачком тротиловой гари. «Противопехотная фугасная мина ПМН», – автоматически отметил мой вымуштрованный мозг. Затем моя челюсть потихоньку отпадает – вспоминаю, что через эту полянку я с Сашкой Андриановым и Серегой Безюком вчера тянул провода для управляемой мины, которую установили чуть дальше. Я стоял практически на этом же месте, курил и давал ценные указания, а Андрианов с Безюком, сосредоточенно пыхтя, разматывали кабель и прикапывали его. Вчера у меня был отличный шанс побывать на месте этой хрюшки. С минуту мы так и стояли: я – с отвисшей челюстью, а Заворотнюк – с деятельным раскаянием в глазах, пока кровожадный Руслан добивал, мастерски отсекая на пулемете одиночные выстрелы, верещащую «плоть».

* * *

– Контроль-17, Контроль-17, я – Центральный, прием! – Рация оторвала от увлекательного процесса поедания содержимого банки с надписью «Яловичина козацька».

– Центральный, я Контроль-17, на приеме, – степенным голосом проинформировал я начальство о своей готовности принимать и осмысливать информацию.

– Семнадцатый, тебе – Исход-333, как понял, прием?

– Я – Семнадцатый, Исход-333 понял. Направление?

– Со стороны ориентира второго, из леса. Подготовь заградогонь по опушке, прием.

– Там аномалия на аномалии, Центральный.

– Я понял, Семнадцатый, понял. Постарайся по максимуму отработать по опушке, где сможешь. Артиллерию задействовать не получится – они точно не смогут между аномалиями попасть, сейчас вертушки подойдут, попытаются аккуратно работать стрелковым. Этот Исход – особо важный, как понял, прием?

– Понял вас, Центральный. Там все аномалии постоянные, кочующих почти нет. Постараюсь отработать в промежутки между «трамплинами».

– Работай, Семнадцатый! И еще – резервную группу приготовь, если припрет – пойдете их вытаскивать. Этот Исход надо вытащить любой ценой, как понял?

– Понял, Центральный, понял.

– Вот что, Семнадцатый, с группой иди сам, действуй по обстановке. Ожидаемые силы противника – около пятидесяти человек, стрелковое, возможно РПГ. Запомни, главное – вытащить Исход, прием.

– Я – Семнадцатый, вас понял. Ждем Исход, готовность через ноль-четыре, на приеме!

Библейским кодом Исход-333 у нас обозначается выход из Зоны спецгруппы, ну экспедиция там какая, продавшийся эсбэушникам сталкер, наша сталкерская группа. Вход их в Зону – соответственно Тоннель-444 (хоть хватило у штабных ума не обозвать этот сигнал Приходом). Вот только все они выходят тихо, и самая большая для них проблема – чтобы мы с перепугу их не перестреляли. Это что же «сыны израилевые» из сегодняшнего Исхода-333 такое учинили или что такое сперли у несчастных сталкеров, что за ними несется сломя голову через рощицу, где аномалий – как контрафакта на Привозе, толпа правдоискателей в пятьдесят рыл да еще с гранатометами? И почему они раньше на связь не вышли, чтобы эту полусотню обиженных спокойно наши «двадцатьчетверки» раскатали где-нибудь, где их можно было раскатать без риска для исходников? Ладно, Кривенчук, рассуждать, конечно, штука увлекательная, но через «ноль-четыре», то бишь через четыре минуты, бойцы должны разбежаться по ячейкам, расчеты «Утесов» и автоматических станковых гранатометов должны быть готовы обрушить лавину огня на немногочисленные свободные от аномалий участки злополучной рощи, а ты сам должен будешь приземлится задницу на кресло от «ЛАЗа», заботливо хранимое водителем командирского БТРа Мишей Феденко для того, чтобы командиру было уютно восседать поверх брони при объезде своей зоны ответственности. Хотя нет, надо сказать хлопцам, чтобы повыкидывали свои эрзац-седушки – сегодня нам предстоит воевать по-взрослому. А пулеметчикам с БТРов, Коле Шитикову и Матвею Яковенко, нельзя ничем ограничивать ни обзор, ни сектора стрельбы.

- Заворотнюк! Что с расчетами АГС и «Утесов»?
- На местах, пан капитан! Боеприпасы загружены!

Заворотнюк рапортовал бойко и орал на бойцов истово, несмотря на далеко не цветущий внешний вид. Вчера он решил достать из заначки и употребить баночку паштета из сухая, забыв, что заначка лежит на жаре уже больше недели, а паштет, даже военный, на такие краш-тесты не рассчитан.

Резервная группа уже оседлала броню. Я решил не рисковать и оставил на блоке только один БТР.

- Коробочки-1,2, я – Хорек-23, доклад о готовности!
- Первый к бою готов!
- Второй к бою готов!

Всё, ждем наших библейских гостей.

Вон он, ориентир второй. До него метров восемьсот. Полуразрушенная будка дежурного по железнодорожному переезду. Железка выходит из леса, потом вздыбливается под воздействием неслабых размеров «карусели» (здесь, на границе Зоны, такие сильные аномалии – большая редкость), затем идет непосредственно переезд. Черт, я ведь не знаю даже, с какой стороны от путей они пойдут! Заворотнюк наизусть заучил, где находятся постоянные аномалии и каких они типов. Управлять огнем он тоже умеет, и вообще парень он головастый, несмотря на внешность и далеко не столичное происхождение. Не подведи, Колюсик. Даже я в таких передрыгах еще не бывал, а пацаны и подавно.

* * *

Треск очередей раздался в глубине лесочка. Встрепенулись солдаты, стволы пулеметов хищно зашевелились, выискивая на опушке свои будущие жертвы.

Слева от будки из леса выскочили четверо. Навожу бинокль – костюмы «Флюгер-м», двое вооружены «Грозами», у двух других – «АКСы». Армейские сталкеры. Это все? Перебежав через небольшой овражек, добираются до будки и занимают позиции внутри.

Стрельба в лесу не стихает. Значит, там еще наши. В многоголосой автоматной симфонии начинаю различать отдельные голоса. «АК», «Грозы», а вот и «М-16» застучала. Хотя не факт, оружия под такие патроны тьма-тьмушая. Ладно, ждем оставшихся, а потом накрываем опушку из всех стволов.

Оставшиеся ждать себя не заставили. Эта группа была уже более разношерстной: еще пяток армейских сталкеров, потом двое с похожей экипировкой, но костюмы темно-серого цвета, я такие раньше даже не видел. С ними какой-то хмырь в непонятном облачении то ли грязно-серого, то ли коричневого цвета. Один сталкер и один «серый» волокут хмыря под руки.

Вся эта процессия доковыляла до овражка и скатилась в него. Из леса к ним потянулись ниточки трассеров. Все, можно вступать в игру:

- «Утесы» и «АГС», работаем!

«Ду-ду-ду-ду-ду». Оба крупнокалиберных пулемета начали методично шерстить опушку на пятьдесят метров вправо и влево от залегшей группы, старательно обходя «трамплины». Засверкали в двух местах яркие голубоватые вспышки – пули пролетали через аномалии «электра». Для «Утеса» это не помеха, для «АГС» – тоже, разряды на полет пуль и обычных гранат сильно не повлияют, а вот, например, эрпэгэшные гранаты сдетонируют – у них пьезоэлектрические взрыватели.

С востока послышался нарастающий гул. Вертушки! Ну, сейчас сделаем все, как в учебнике. Жалко, что ракетами они поработать не смогут – на опушке с десятков «трамплинов», и если ракета попадет в него, он может отправить ее куда угодно, например, в будочку, где засели наши исходники, или в овражек. По этой же причине молчит артиллерия. Ничего, на каждой «двадцатьчетверке» стоит пулемет «ЯКБ», который этот лесок срежет, как газонокосилка с ядерным двигателем.

Вертушек оказалось две. Нормально, если больше, то только мешать друг другу будут. Они спикировали к будочке и ушли на новый заход, ознакомившись с местом предстоящей работы.

Мои агээсники тем временем пристрелялись по опушке. Пара гранат в «трамплины» все же залетела. Аккуратнее, ребята, аккуратнее.

Снова подходят вертушки. Заворотнюк зычным голосом орет, чтобы гранатометы прекратили стрельбу – гранаты летят по высокой траектории и могут зацепить вертолеты. Пацаны, пользуясь моментом, начинают цеплять к «АГСам» полные коробки.

Вертушкам работать довольно сложно. Поле боя окаймлено аккуратным полукругом тополей, где-то метров триста в радиусе. Нам они практически не мешают – расстояния между деревьями большие, кроны находятся высоко. А вот вертушкам обзор перекрыт очень сильно.

Ситуация изменилась абсолютно неожиданно. Вначале я не придавал значения светло-серому дымку, появившемуся в нескольких местах чуть подальше тополей. Потом дыма становилось все больше и больше, и количество его источников также возросло.

«Дымовые гранаты!» – осенило меня. Черт возьми, там явно не обычная сталкерская банда, не бандюки и не доморощенные Че Гевары из «Свободы». Там хорошо обученное подразделение, причем с грамотным командиром во главе. Выпустили по десятку гранат в два захода. Рукой ни один Шварценеггер на четыреста метров гранату не кинет. Получается, что как минимум у десятка из них есть подствольники. Как в сказке – чем дальше, тем страшнее. Все правильно – они прекрасно знают, что наугад по площадям мы стрелять не можем. Блокпосту они обзор перекрыли. Вертушки смогут работать, только пикируя сверху, причем больше одного прохода среди аномалий каждая из них за один заход не обстреляет. И тогда тем, из леса, останется только задавить огнем исходников и подойти на расстояние броска гранаты...

– Резервная группа, приготовиться к бою! – Ребята сами все поняли и давно готовы, но так крикнуть положено. – Заворотнюк, за старшего! Олег, давай к будочке, спешиваемся у километрового столба!

БТРы срываются с места. Бойцы держатся за все выступы, главное – не слететь с брони. От километрового столба до будки где-то метров семьдесят, но, чтобы подъехать вплотную, БТрам придется огибать канаву, а значит, развернуться к врагу бортом. Зная о наличии у них «РПГ», я этого делать не собирался.

Проскакиваем дымовую завесу, во рту появляется сладковатый привкус антроцена. Солдаты одиночными простреливают опушку. Специально попасть в кого-то с трясущейся на ухабах брони тяжело, но охладить боевой пыл супостата это поможет.

Перед столбом БТРы притормаживают, и мы сыпемся с брони. Забарабанили крупнокалиберные «КПВТ», слаженно застучали автоматы. Натаскали парней в учебке на совесть. Руслан, отыскав позицию за расщепленным кочующей «каруселью» деревом, установил на сошки свой «ПКМ» и с нескольких очередей заставил заткнуться своего коллегу-пулеметчика с противоборствующей стороны.

Нашей целью был небольшой кювет, начинавшийся от поворота, по которому можно было доползти до будки.

– Броня-1,2, Броня-1,2, Прикрывайте!

Это я в рацию. Далее голосом:

– Так, парни, выдвигаемся к будке. Бондарь, Стыщевич, остаетесь здесь, прикрываете броню от «РПГ». Остальные – со мной. Работаем!

Солдаты перебежками рванулись к кювету. Пять быстрых шагов, упал, перекатился, пара коротких очередей. И потом по новой. Если все делать организованно, то получается непрерывный огневой ливень в сочетании с постоянным движением. Мои парни делали все как надо. Кювета мы достигли за пару минут. Вдруг, хрипло вдохнув, повалился на бок Сергей Шуляк. Саша Немченко стащил его в кювет и начал рыться в разгрузке в поисках перевязочного пакета. Первая потеря с нашей стороны. А ля гер, ком а ля гер – на войне, как на войне...

Метрах в двадцати от нас с гулким хлопком расцвел черный султанчик разрыва от подствольника. Ерунда, дальность предельная, точно гранату положить практически невозможно. Миша Привалов закинул на плечо «РПГ» и отправил по адресу первую гранату.

И почему нам выдают только противотанковые «морковки»? Брони у сталкеров нет по определению, а по людям они действуют плохо – тонкий алюминиевый корпус дает очень мало осколков. Из леса ответили «Мухой». Не по Мише, естественно – БТРы для них сейчас более важная цель. Промазали. Из «Мухи» только метров на двести можно уверенно бить, но все равно – знак тревожный. Другая «Муха» с грохотом вгрызается в стену будки. Ничего, там метр сплошного кирпича, выдержит и не такое, а окошки маленькие, в них попасть тяжело.

Из будки огрызаются огнем. В овражке тоже отстреливаются, но почти вслепую – им, несмотря на все наши старания, буквально голову высунуть не дают. Вертушки падают с неба, немного причесывают опушку из пулеметов и снова уходят. Из леса опять ударяют несколько подствольников – молодцы, не забывают, что надо дымовую завесу обновлять, следят. За ними вылетает «РПГ», рядом с БТРом, но не попал – наш плотный огонь не дает нормально прицелиться. Бондарь со Стыцевичем с двух стволов пытаются нащупать супостата.

Первым до будки добрался Саша Войтенко. Одновременно с этим знаменательным событием я получаю сильный удар в спину и лечу мордой в грязь. В голове гудит, пытаюсь пошевелить руками-ногами, вроде получается. Обернувшись, вижу позади себя замершего в неестественной позе Саню Андрианова и держащегося за окровавленный живот Славу Вешняковича. Изловчился все-таки какой-то гад и всадил из подствольника прямо в кювет. Безюк, закинув за спину автомат, пытается тащить меня в сторону будки. Отталкиваю его и ползу самостоятельно, не забывая обрабатывать огнем подозрительные тени в лесу. Получается плохо – руки трясутся.

Вокруг будки довольно много укрытий: крыльцо, канавы, забор с солидными кирпичными столбами. Есть где занять позиции, а главное – полная свобода перемещения. Выбивать нас отсюда можно годами. Но у нас задача не оборону стойко держать, а вытащить отсюда злополучный «Исход». Это уже посложнее будет.

Приходят в движение БТРы – Олег отыскал более выгодную позицию и перемещается туда. Замечаю вылетающие из брони искры. Мама дорогая, у них есть крупнокалиберная снайперка, что-то типа американского «Баррета». В броню вгрызаются еще две пули, оставив сквозные дыры. Пытаюсь определить, откуда он может стрелять. Руслан делает то же самое, яростно простреливая из пулемета заросли можжевельника. После пятого выстрела с той стороны «КПВТ» на машине Олега замолкает – снайпер все-таки достал через броню наводчика Колю Шитикова. С БТРом Миши Феденко такой фокус не пройдет – он заехал в заболоченную низинку за дорогой, и теперь врагу видна только башня.

Вновь заходят вертушки, и вновь без видимых результатов.

Залетаю в будку. Двое сталкеров методично простреливают местность, один сидит в углу, откинув назад забинтованную кое-как голову. Рядом с ним, набивая патронами магазин «Грозы», сидит четвертый, он явно у них за старшего:

– Ребус-313, капитан, Ребус-313, понял меня?

– Да понял, чего же тут непонятного?

«Ребус-313» – это кодовое слово, по которому мое подразделение переходит в подчинение командира сталкерской группы. В данном случае – в подчинение этого чернявого старшего лейтенанта, который по возрасту вполне мог бы потянуть на майора. Впрочем, чья бы корова мычала, Кривенчук. Как там поется? «А ты и в сорок все капитанишь...»

– Раз понял, тогда слушай! Мы тащим с собой особо важного пассажира. Его надо доставить живым. ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ! При нем рюкзак с записями, флешками и прочей хренью, но самое главное – у него в башке. Поэтому башка вместе с телом, причем не остывшим, должна быть доставлена на Большую землю! Мы должны были занять позицию здесь и держать ублюдков, пока клиент с остальными не доберется до твоего блока. Но получилось так, как получилось. Еще силы на блоке есть?

– У меня там одиннадцать человек – мой зам, расчеты «АГС» и «Утесов» и экипаж третьего БТРа.

– Помимо твоих, есть кто рядом?

– Да нам о вас сообщили за пять минут до начала боя! Спецназ скорее всего подняли, но они стоят далеко, пока соберутся, пока загрузятся, пока долетят. Раньше, чем через сорок, их можно не ждать!

За окном ухнули с небольшим интервалом два взрыва.

– Мать твою! – прервал нас один из его подчиненных. – Один БТР обнулили!

Подожгли БТР Олега. После гибели Коли он сам и маневрировал, и стрелял. Во время маневра, естественно, кроме одинокого руслановского пулемета, прикрывать его никто не мог – Стыцевич успел поймать пулю. При смене позиции ему «морковку» в борт и всадили.

– Связь с вертушками, капитан!

– Есть проблема – моя радейка разбита. Осталась только одна, которая на БТРе, но у них тоже с ней какие-то проблемы. Еще есть у снайпера. Но у него только на прием.

– Екарный бабай! Ладно, пассажира надо вытаскивать. Бери у снайперюги приемник и слушай летунов. Может, сумеем взаимодействовать.

В лесу с гулким эхом легла цепочка агээсовских разрывов. Нет, Заворотнюк, ты все-таки молодчина! Выберусь живым – с меня кабак, по-любому! Смекнул, что если по опушке нельзя вслепую бить, то хотя бы в глубине леса причесать можно. Может, сумеет этого чертова «барретовца» под наши пули выгнать. Или, что еще лучше, удастся их командира накрыть. Мне успешная работа этого тактического гения уже действует на нервы.

Высовываюсь из домика и благим матом ору:

– Шевченко! Ко мне бегом!

Через полминуты запыхавшийся, вымазанный грязью, но, к счастью, целый и невредимый снайпер стоял передо мной:

– Пан капитан...

– На плацу рапортовать будешь, радейку мне давай, мухой!

Отправив снайпера обратно, я надел гарнитуру и вернулся к управлению боем:

– Артем! Два пальца вправо от камышей! Там двое промелькнули!

– Всем сосредоточенным! Даю трассу!

– Безюк, Самсоненко, Свиридов! Подствольниками дальше и правее средней «электры»!

В наушниках раздались голоса летунов:

– Контроль-Семнадцатый, я – Канюк-22, у вас есть связь с резервной группой?

– Канюк-22, я – Семнадцатый, связи с ними нет, обрабатываем «АГСами» глубину леса. Может быть, они нас слышат – в группе кроме рации есть несколько приемников, прием, – отвечал им Заворотнюк.

– Оставайтесь на приеме, Семнадцатый. Хорек, если слышишь меня – дай ракету!

Покопавшись в разгрузке, извлекаю на свет божий ракету, скручиваю колпачок и, направив ее в небо, выдергиваю шнур. В небе зависает дрожащая красная звездочка.

– Понял тебя, Хорек! Убери всех эрпэгэшников с опушки, прижми их! Повторяю, обязательно убери их «РПГ». Мы их причесем основательно. Приготовьтесь атаковать! Главное «РПГ»! «РПГ»! Контроль-17, быть в готовности прекратить огонь по нашему сигналу, прием.

– Канюк, я – Семнадцатый, понял вас!

Кажется, я их понял. Летуны, видимо, хотят пройти дымовую завесу и из зависания работать пулеметами. Пожалуй, единственный для них вариант, чтобы реально повлиять на ход боя. А для нас – единственный шанс вытащить VIP-дяденьку из оврага живым. Есть только одна проблема – от завесы до противника метров четыреста. Поэтому, с учетом безопасной дистанции от деревьев, летуны должны неподвижно зависнуть метрах в трехстах от противника. То есть в них нельзя будет попасть разве что из пистолета. Огромный риск! Надеюсь, что дяденька этого стоит.

Влетаю в будку:

– Старшой, тут такое дело! Летуны, видимо, решили из зависа прочесать пулеметами лесок. Просят прикрыть на подходе от эрпэгэшек.

– Понял! Значит, сейчас – шквал огня по их команде. После того как начнут работать – атакуем. Второй БТР на ходу?

– Да вроде бы. Пулеметами работает, ездит, но на связь ни с блоком, ни с летунами не выходил. Может, у них радейка накрылась?

– Тогда давай бойца к ним, пусть объяснит, что делать, когда в атаку пойдем. Доберемся до оврага – пассажира – в БТР, сами прикрываем его отход. Вплоть до вызова огня на себя, понял? Действуй, капитан!

Отправив Безюка к БТРу, и, дав команду на прикрытие его огнем, я вновь услышал летунов:

– Семнадцатый, я – Канюк, прекратить огонь! Хорек, начинайте работать!

– Я – Семнадцатый, вас понял!

Пускаю оставшуюся ракету, показывая, что тоже понял. Вставляю магазин, в котором одни трассеры – давать целеуказания.

– Группа, беглым по опушке! Особое внимание на «РПГ»! Огонь!

Стрекот вертушек совсем близко. А вот и они, наши! Немного разогнав винтами дымовую завесу, оба «Ми-24» медленно выплыли из-за верхушек тополей.

Бортовые четырехствольные «ЯКБ» зашлись яростным ревом. При скорострельности в 4000 выстрелов в минуту отдельных выстрелов не слышно. Лес валился, как трава на сенокосе.

Из будки выбежал старший сталкеров:

– Группа! В атаку – вперед!

– Вперед! – дублирую я.

Бойцы выскакивают из укрытий и, растянувшись в цепь, перебежками мчатся вперед, прикрывая друг друга.

– Командир! Противник справа!

Молодец снайпер. Но и враги оказались не пальцем деланными. До них – метров четыреста пятьдесят. Раньше Шевченко их все равно бы не заметил – они только-только из леса вынырнули. И гранатометчик у них был классный – до ближайшего вертолета от него все шестьсот. А он, паскуда, попал! Аккурат в кабину летчика-оператора, который в этот момент сосредоточенно крошил из пулемета его боевых товарищей в лесочке. Положение сразу же серьезно усугубилось тем, что подбитая вертушка, повернувшись боком, пролетела метрах в двадцати над нашими головами и рухнула практически строго между нами и оврагом. Вторая «двадцатьчетверка» довернулась вправо и превратила гранатометчика со товарищи в груды фарша, но это был первый и последний приятный момент в сложившейся ситуации.

Те, кто в овражке, фактически остались один на один с врагом, хотя и изрядно поредевшим. К тому же в овраге тоже наверняка не без потерь. Хорошо, если наш VIP еще жив. Дым от подбитого «Ми» почти полностью скрыл от нас происходящее. Даже оставшаяся вертушка практически ослепла. Сталкерский старлей решение принял мгновенно:

– Группа, бегом марш! Приготовить гранаты!

Спотыкаясь на кочках, несемся вперед. Эти двести метров мы, кажется, бежали целую вечность. Когда до пелены дыма оставалось метров пятнадцать, звуки стрельбы у оврага вдруг превратились в сплошной рев. Не менее полутора десятков стволов били длинными очередями, почти синхронно взорвались несколько гранат. Тут я увидел лицо старшего. На нем отразилась ярость и бессилие. Он наверняка много дней бежал под пулями преследователей через смертоносную Зону, через стаи мутантов и опаснейшие аномалии. Он терял своих товарищей. И все это ради непонятого мужика в грязном комбинезоне. Но это был приказ, а приказ для нас – это нечто большее, чем просто «надо», «должен» или «обязан». А сейчас с почти стопроцентной уверенностью можно сказать, что погиб и пассажир, и те его ребята, которые шли с ним. Длинные очереди и взрывы гранат говорят только об одном – противники сошлись в ближнем бою, где у предоставленных самим себе сталкеров нет ни единого шанса.

Вот пелена дыма закончилась. Враги не идиоты – прекрасно понимали, откуда и через сколько мы должны здесь появиться. Навскидку луплю одиночными по обступившим овраг серо-зеленым фигурам. Один упал, остальные рассыпались и залегли. Двое или трое рванулись в лес. Старшой, опустошая магазин «Грозы», орет мне:

– Они уносят его рюкзак!

Затем орет бойцам:

– Гранатой огонь!

Они и так сообразили, что делать, – половина достала эргэдэшки еще по ту сторону дымовой пелены. Несинхронные взмахи рук – и по траве у оврага запрыгали зеленоватые мячики гранат. Ожидание разрывов кажется бесконечно долгим. Безюк, выронив автомат, покатился по земле. Снайпер схватился за живот и рухнул на колени.

«Ду-дум!», «Ду-ду-дум!». Перед врагом выросла черная дымная стена разрывов.

– Вперед!

Со стороны противника вылетают две «Ф-1». Одна скатывается в маленькую канавку и взрывается, не причинив нам вреда. Осколки второй скашивают Самсоненко, Свиридова и одного из сталкеров. Мишка Привалов выпускает по врагу метров с тридцати последнюю «морковку», бросает ставший бесполезным «РПГ» и, продолжая бежать, пытается вытащить из тугой кобуры свой «форт».

Мы у овражка. Из живых там только один «серо-зеленый». Сидит на пятой точке, обхватив руками голову. Кажется, сильная контузия. Прерываю его мучения парой выстрелов в грудь. Зеленая броневая пластина, которая у него на груди, не спасает от автоматной пули в упор. Замечаю на рукаве шеврон со стилизованным изображением кристалла. МОНОЛИТ? Так вот кого наши сталкеры растревожили!

БТР выдает по лесу пару очередей и замирает, поравнявшись со мной. Оглядываюсь. В строю у меня осталось трое – Миша Привалов, Руслан Бондарь и Саша Немченко. Плюс бэтээришки. Ищу взглядом командира сталкеров. Нашел его в овражке: упав на колени перед трупом пассажира, он в бессильной злобе бил пудовым кулачищем по взрыхленной осколками земле:

– Сука! Ну почему, блин?! Почему?!

Неожиданно он резко прервался и вскочил на ноги:

– Так, ладно, капитан! Они его рюкзачок утащили, кровь из носу надо вернуть. Через здешний лес БТР не пройдет, давай всех своих, кто пешком идти может, и шнеллер за ними!

– Привалов, Бондарь, Немченко... Немченко! Что с тобой? Ранен, что ли?

Саша смотрел куда-то вдаль пустым немигающим взглядом. Внезапно его автомат взлетел к плечу, и Привалов с Бондарем рухнули, скошенные длинной очередью.

– Контролер! – заорал старшой, одновременно разнеся Сашину голову девятимиллиметровой пулей. Второй сталкер опустил забрало шлема и, пробежавшись пальцами по наручному пульту, включил детектор:

– Контролер на десять часов, дальность семьдесят!

Три ствола, включая мой, за пару секунд начинили свинцом еле заметную на фоне пожухлых кустарников сгорбленную фигурку. Впервые видел контролера. Вот как, оказывается, эта сволочь работает!

– Все, капитан, оставляй здесь водилу, пусть занимается ранеными. Мы все плюс пулеметчик с БТРа – за рюкзачком!

Матвей выскочил из боковой двери БТРа.

– Они пошли той же дорогой, что и сюда. За лесом у них должен быть транспорт.

Лес был и правда знатный. Партизанить тут было бы любо-дорого – любая зондеркоманда ногу сломит. Но когда туда-сюда прошлись около шестидесяти человек, даже в таком буреломе останется «слоновья тропа». К тому же направление неплохо указывали следы крови, россыпи гильз и пустые магазины, в изобилии оставленные обеими сторонами конфликта. Несколько раз мы наткнулись на трупы – шестеро монолитовцев и четверо армейских сталкеров.

Когда мы вышли из леса, враг уже грузился в машины. Помогло то, что они несли еще и раненых, иначе догнать их было бы проблематично. За опушкой метров сто открытого пространства, за которым шло шоссе, уходящее на север. На обочине стояла целая автоколонна: три «уазика», синяя «Нива» и «шишига». На них вряд ли могли приехать больше сорока бойцов. Остальные, видимо, сели нашим сталкерам на хвост гораздо раньше.

Тем монолитовцам, которые остались в живых, вполне хватило сейчас «уазика» и «шишиги». Последняя, впрочем, не была заполнена целиком. По моим подсчетам, их осталось около полутора десятка, часть раненые.

– Что делать, старшой?

– Так, солдат! – вместо ответа обратился тот к Матвею. – Ставишь пулемет здесь! Как начнется стрельба – долби все машины, они не должны уйти. Главное – «уазик», «шишигу» мы на любом из оставшегося транспорта догоним. Капитан, Рыжий, мы вдвоем – тихо, но в хорошем темпе выдвигаемся к дороге. Подойдем настолько близко, насколько они позволят, и атакуем. Зубами их грызите, если надо будет, но рюкзак мы должны вытащить!

Скрытно преодолеть сто метров практически голой земли довольно затруднительно, особенно если враг в курсе, что ты где-то рядом. Но дуракам везет. Внезапно на дороге раздались тревожные крики, лязг затворов. А затем с другой стороны дороги послышался визгливый многоголосый лай.

– Слепые псы! – удивленно вскрикнул вполголоса старшой. – Впервые в жизни рад этим ублюдками!

Лай и скулеж переросли в злобное рычание. Прогревели первые очереди, бабахнула граната. «Уазик», который заняли монолитовцы, покатился задним ходом к «шишиге». Автоматчик с переднего сиденья, высунувшись в окно, поливал огнем наседавших мутантов. Несколько стремительных поджарых фигурок избежали гибели, и, обежав «УАЗ», набросились на лежащего на асфальте раненого. Его товарищ, стоящий рядом, суетливо пытался вставить магазин в свою «М-16». Наконец ему это удалось, но одна из собак уже вцепилась ему в ногу. Бросив автомат, он начал, крича от боли, рубить тварь выхваченной из-за ремня лопаткой. Из кузова «шишиги» наперебой загрохотали два «АК», выкосившие оставшихся псин.

К тому времени мы уже подобрались метров на сорок. Черт! «Уазик», продолжая сдавать назад, заехал за «шишигу». Теперь Матвей его не увидит, пока они не тронутся. Ладно, попробуем накрыть его сами. Водила «уазика» что-то громко объясняет своему коллеге из «ГАЗа». Старшой поднимает руку ладонью вверх: «Встаем!» На всех парах летим к машинам, доставая на ходу гранаты. Сейчас нам важен каждый метр, каждый шаг. Если не успеем забить «уазик», то он стартует. До машин метров двадцать...

– Тревога! Противник!

Кричит совсем молодой, судя по голосу, монолитовец, стоящий в кузове «шишиги». Вскидывает автомат. Рыжий его опережает, выпустив с одной руки короткую очередь. Одновременным движением швыряем гранаты и продолжаем бежать. Дорога чуть выше нас, и поэтому осколков можно не бояться. Среди машин взлетают в небо черно-огненные кучеряшки разрывов. Из-за спины слышу пулемет Матвея. Ниточки трассеров навывлет проклевывают тент, кузов и кабину «шишиги». «Уазик» скрыт от нас облаком пыли пополам с тротиловой гарью, но, судя по реву движка, водитель жив и разворачивает машину, чтобы скрыться. Рыжий первым взлетает по склону и тут же падает навзничь. Из «уазика», явно наугад, лупит пулемет. Скрежет переключаемой передачи, и машина рвет с места. Мы со старшим залегает под свинцовым ливнем и стреляем ему вслед. Матвей с опушки пытался нащупать его пулеметом, пока «уазик» не скрылся от него за кустарником.

– Капитан! Быстро по машинам, и смотри, где есть ключи!

Ключи нашлись в «уазике» с погнутым бампером и облезлым кенгурятником. Пока старшой бежит ко мне, завожу машину и разворачиваюсь.

Открывая дверцу, старшой обернулся в сторону опушки и помахал Матвею: «Сюда!» Вопросительно смотрю на него – если ждать Яковенко, мы еще минимум минуту потеряем. Запрыгнув в машину, он пояснил:

– Пусть Рыжего заберет. У него плечо и бедро. Крови много потерял, но выживет.

Выжимал я из моего «козла» все, что только было возможно. Все равно больше семидесяти пяти он делать не хотел. Прямой участок дороги километра в полтора. А вот и наш красавец! Все время его сносит вправо. Значит, или ранен, или колеса осколками посеколо.

Впереди какое-то скопище аномалий – машина монолитовцев притормаживает почти до нуля и начинает осторожно лавировать по шоссе. Старшой выглядывает в окно и дает очередь по «уазику». Безрезультатно – сейчас между нами «трамплин» внушительных размеров. Одна пуля каким-то чудом цепляет стекло на задней правой дверце, рассыпав по асфальту блестящие бисеринки осколков. Повторяю все маневры монолитовца, а он уже вновь начинает набирать скорость. Матерюсь, на чем свет стоит. Старшой не отстает.

Сейчас он опять скроется за поворотом. Вдруг над головой с басовитым грохотом проплывает вертушка.

– Хорек! Я – Канюк! Цель вижу, отработаю пулеметом. Извините, ребята, это все, что могу. Ухожу, горючка на исходе! – Я и забыл, что у меня приемник еще работает.

За неимением ракет старшой выпускает длинную очередь в небо из моего автомата с трассерами, подтверждая, что мы его поняли. «Двадцатьчетверка» ныряет вниз, слышится якабэшный «фррррух», затем вертушка вновь взмывает в небо и отваливает на юг. Все, отъездился наш Шумахер!

Проходим поворот. Вот он, голубь сизокрылый! Летуны отработали ювелирно – то ли знали, что груз нам нужен целым, то ли сообразили. Очередь отсекала моторный отсек «уазика», отчего тот перевернулся и, снеся знак ограничения скорости (здесь, оказывается, больше сорока нельзя!), ушел в кювет, где и замер, завалившись на бок. Не фиг лихачить, державна автоинспекция предупреждала!

Тормоза моего нового боевого коня жалобно скрипнули и заставили машину замереть рядом с основательно разукomплектованным объектом погони. Старшой выскочил так, как будто увидел сидящего на заднем сиденье велоцератора. В три прыжка преодолевает расстояние до машины и, оторвав покореженную дверцу, запрыгивает внутрь. Неспешно вылезаю, забираю автомат и вдруг слышу полный боли крик старшого, затем яростный мат, обвиняющий монолитовца в близких отношениях с кристаллом, которому он поклоняется, а затем пистолетный выстрел, после которого наступает гнетущая тишина.

Выставив ствол, начинаю обходить машину. Внутри слышатся неясные шевеления. Тут тент над пассажирскими сиденьями разрезается, и в дыру сначала вылетает средних размеров рюкзак цвета хаки, а после вываливается держащийся за бедро старшой с «фортом» в одной руке и ножом в другой.

– Сука! Вот тварь! Козел! Свинота внematочная! Сумел напоследок! Ведь сдох почти уже, ну чего ему не умиралось мирно! Блин, фанатики хреновы!

Оттаскиваю его от «УАЗа» и усаживаю на траву.

– Черт, в сустав прямо пером своим долбаным попал! И ведь угадал, мерзавец, четко между подсумком и накладкой набедренной!

Вытаскиваю перевязочный пакет и рву его зубами. Как еще накладывать – непонятно. Костюм снимать – это целая история, а резать вообще нереально. Это проколоть ножом легко получилось, а на разрез он сто процентов очень прочен. Старшой видит мои терзания:

– Хрен с ним, давай прямо поверх!

Для достойного завершения процедуры пытаюсь вколоть ему промедол. Отказывается. Закончив оказание первой помощи, начинаю вносить предложения на извечную тему «Что делать?» («Кто виноват» – и так понятно):

– Ну что, старшой, предлагаю беготню на этом прекратить. Вертушка запомнила, где отстрелялась, так что можем смело оставаться здесь и через часок дождемся своего голубого вертолета с целым взводом волшебников на борту.

Старшой откинул забрало, выудил из разгрузки сигариллу и, щелкнув зажигалкой, сладко затянулся:

– Совет, в принципе, дельный и не лишен здравого смысла, капитан. Одно уточнение – ты слышал, как вертушка выходила на связь, координаты наши передавала?

– Не слышал, но это не значит, что такого не было. Мой приемник берет от силы километра на полтора, а для вертушки – это пара секунд лёта.

– На полтора он мог брать твою ротную радею, а на вертушке сигнал помощнее будет.

– Да мужики только после боя, взяли и не сразу передали, а через минуту!

– Я с тебя фигею, капитан! В этом рюкзаке – их боевая задача, и пока он в штабе Сил Контроля не оказался – задача не выполнена. Никем! Ни ими, ни мной, ни тобой! Мы и так ее наполовину завалили!

– А я не догадался бы об этом, если бы не твое ценное напоминание!

– Все! Прекратить разговоры! Значит, так, пока на нас с указаниями по эвакуации не вышли, выдвигаемся к периметру самостоятельно. Мы углубились в Зону километров на двадцать. Сейчас нужно повторить все в обратном порядке.

Он извлек из разгрузки ДжиПиЭс, посмотрел на разбитый экран, сплюнул и, вздохнув, зашуршал картой:

– Короче, мы сейчас у этого поворота... Стоп! – Он опустил забрало, видимо, сверяясь с компасом.

– Так, водонапорка на сто сорок пять градусов. Мы – здесь! – Палец в зеленой защитной перчатке ткнулся в карту.

Не спорю.

– До этого места, где остановка автобусная, поедem по шоссе, дальше свернешь на эту просеку, где ЛЭП. Там через лес километров восемь до параллельной дороги, которая ведет к деревне, далее вдоль железки. Выйти должны аккуратно к твоему блоку. Если вертушки будут нас искать – везде, кроме леса, мы на виду. Не делай такое лицо недовольное, капитан. Я все понимаю, но медлить нельзя. Опять же фон растёт – боюсь, Выброса можем дожидаться. Сегодня, конечно, вряд ли, да и завтра тоже, но чем черт не шутит.

Поддерживая старшего, начинаю не спеша двигаться к нашей машине. Ключ в замке зажигания я крутил долго и упорно. И каждый раз – с нулевым результатом. Достаяю из багажника «кривой стартер» и через минуту получаю то, что хотел, – убитый Зоной и погонями движок, покряхтев, заурчал на холостых оборотах.

Дорогу надо было скрасить разговором, да и любопытно мне было, ради кого сегодня я пятнадцать ребят своих потерял:

– Ряд вопросов есть, командир. Как насчет душевного разговора, способного скрасить тяготы и лишения воинской службы?

– По поводу того, кто мы, что мы, откуда мы и каким боком монолитовцам на хвост наступить сумели?

– Ну, в принципе так, хотя, в силу секретности всего мероприятия, на деятельное раскаяние и помощь следствию, естественно, не рассчитываю.

– Рассчитывать действительно не стоит, капитан. Кстати, звать-то тебя как?

– Виталием. Если хочешь официоза – то Петрович по батюшке.

– Погоняла, само собой, нет? У ПОцев это, насколько я знаю, не практикуется?

– Мы все-таки не на зоне с маленькой буквы и не салабоны-срочники, чтобы этим баловаться.

– Не в том дело, Виталь! Традиция Зоны (с большой буквы) такая. Давно это появилось, что в Зоне каждый получает новое имя. Вроде как жизнь новую начал, все прежнее за спиной оставив. Опять же, криминала тут немало всегда было, тоже повлияло. Да и сказать кликуха о человеке может гораздо больше, нежели фамилия. Ну ладно, продолжаем прерванный процесс знакомства. Водолаз! Звать Серегой.

– А почему Водолаз, если не секрет?

– Да потому что по молодости в Зону лазил через дренажную трубу. Хабар тоже через нее волок, туристов даже иногда проводил, кто хотел как истинный сталкер, а не на блоках проход проплачивать.

– Погоди, а чего же ты тихарился-то? Вроде бы военным сталкерам и без таких шифров в Зону попадать можно?

Старшой снисходительно усмехнулся сквозь густую щетину:

– А с чего ты, Виталик, взял, что я **ВОЕННЫМ** сталкером был всю дорогу?

– Так ты...?

– Ну молодчина, догадался! Как Зона до деревни моей добралась, как про артефакты в мире прознали – такое началось, мама не горюй! Народ в Зону валом валит. Блоки бабло гребут лопатой, а еще чаще – отстреливают этих искателей хабара и приключений. Кто-то не заморачивался – бомбил одиночек, шедших с добычей, но это не для меня. Воспитание не то, да и уважал я людей, которых Зона приняла. Проводником заделался, для первоходов в основном. Опытные сталкерюги и сами в Зону пройти могли запросто. Ни мины, ни заборы, ни сигналка их не останавливали. А новички и «туристы» – этим без меня никуда! И нашел я дорожку – часа полтора ползком через две трубы и три канавы дренажных. В дерьме по уши, зато живой! Когда сталкерить на Силы Контроля предложили, даже не задумывался. Даже интересно стало. – Старшой выкинул окуроч сигариллы в окно и прикрыл глаза.

До деревни, по моим расчетам, оставалось километра три, когда среди сосняка с грохотом выросло облачко сизо-белого дыма, а наш «козел», вильнув вправо и влетев правым передним колесом в небольшой «кисель» (а в учебке говорили, что эти аномалии преимущественно в строениях возникают!), замер, перекосившись. Старшой виртуозно отmaterился, отпер дверцу и, чудом не влетев в «кисель», распластался на земле. Я пополз по сиденьям, следуя его примеру. В сосняке щелкнули два пистолетных выстрела, осыпавших на меня сверкающим дождем лобовое стекло. Через секунду мы уже сидели рядышком и доставали из кобур «форты» – автомат так и остался лежать между сиденьями, а рукоятка Серегиной «Грозы» была заляпана брызгами «киселя», поэтому воспользоваться ею мог только самоубийца.

– Опаньки! Ну че, мальчишки-пионерчики? Так в гости рвались, и вдруг шкериться начали? Никак пацанов огорчить хотите, а?

Старшой иступленно откинул голову назад:

– Мать твою, бандосы. А может, просто мародеры из ближайшей деревни.

– Да мне, Водолаз, если честно, фиолетово, кто они. Минимум их двое, ружье и пистолет.

– Вряд ли двое – уж больно нагло ведут себя. А ведь знают, что мы тоже не без железок.

В водительскую дверь «уазика» влетел новый заряд картечи:

– Ну че притихли, фраера?! Волены – на дорогу и с поднятыми выходим!

– Отползаем!

Бандиты наш маневр разгадали и выпустили наугад еще несколько пуль. Так, с пистолетами двое – у одного «ПМ», у другого «тэшка».

– Рюкзак остался внутри! – Он подергал заднюю дверцу, глухо. – Я свяжу их боем, а ты попытайся обойти с фланга.

По-моему, старшой вообще никогда не терял самообладания и способности мыслить тактически.

Я ползу через заросли полыни к кустарникам позади и правее нас. Пытаюсь незаметно, но не выходит. Заряд картечи срезает растительность неподалеку от меня. Старшой отвечает из «форты», в ответ – матюки и звонкие шлепки тэтэшных выстрелов.

– Вешайтесь, фраерня! Сами приговор себе подписали!

Черт, как раньше-то в голову не пришло?! У меня же еще один дым остался! Быстренько вынимаю из разгрузки картонный цилиндр эргэдэшки и, чиркнув теркой-колечком по головке запала, швыряю его между противником и собой.

– Фишка, пацаны! «Черемуха»!

– Да не «Черемуха» это, Вельвет, воняет не так! Кажись, дымовуха обычная!

«Бах-бах-бах» – прервал диалог Водолазов «форт».

- А, сучара! В плечо, кажись, кость не задел!
- Уроем падлу!

Задымлено уже порядочно, можно и к активным действиям переходить, а то скоро в дыму скроется все. Всакиваю на ноги и, выставив пистолет вперед, начинаю осторожными прыжками двигаться на голоса. Пару раз спотыкаюсь, но противника пока не вижу. Блин, главное в «кисель» сейчас не влететь.

Опять ухнуло ружье. В ответ резко огрызается «форт». Подключаются «ПМ» с тэтэшником.

- Опаньки! Тут у них «калаш»!

Они открыли машину! Не таясь, бегу на звуки. Впереди из антропонового тумана вынырнула спина в кожанке. Не задумываясь, всаживаю под левую лопатку пулю. Спина резко уходит вниз. Еще пару раз бабахнул «форт».

- Все, валим!

Дважды стреляю по голосам. Мне отвечают одним тэтэшным выстрелом.

Выскочив из тумана, вижу только потревоженные ветви кустов, которые мирно колышались впереди. Ко мне, хромая, вываливается матерящийся Водолаз:

– Ты чего тут устроил, урод мамин?! Ты охренел совсем?! Какого ты эту хреновину зажег?! Пиротехник, мля! Рюкзак – у них! Ты понял, дебилушка, чего ты натворил?! Они в дыму подобрались и рюкзак вынули из тачки! И автомат твой до кучи!

Да, действительно, натворил я дел... Хотел как лучше, а получилось как всегда! Когда дым от моей эргэдэшки накрыл машину, бандюки без проблем сумели подобраться к «уазику» и изъять оттуда рюкзачок вместе с моим «АКСом». Старшой прав на все сто – я действительно поступил как полный дебил.

Водолаз обессиленно присел на траву между колеями:

- Что делать будем, герой?

- Сухари сушить! – неумело пытаюсь острить я.

– Перспектива этого гораздо реальнее, чем тебе кажется, капитан, – осаживает меня старшой.

- Ладно, Водолаз, планчик не бог весть какой, но все же есть.

- Я слушаю внимательно, уважаемый!

- Для начала скажи, как внешне выглядит то, что в рюкзачке находится?

- Несколько тетрадей с записями, флешки, одна или две, фотик цифровой.

– То есть того, что простой и незамутненный пацан может сдать барыге вне Зоны за нормальные бабки, там нет?

- Ну, в принципе, нет.

– Ну, стало быть, они его обшмонают, да и выкинут за ненужность. За фотик ручаться не могу, а все остальное точно оставят. Главное, чтобы тетрадки на костер не извели.

– Стало быть, надо ноги в руки и бегом за ними! Особо далеко они не побегут – у них раненый. А его перевязать надо, вколоть чего-нибудь, если есть. Делаем так, Виталь. Ты прямо сейчас подрываешься и летишь в погоню. Трава примятая, ветки сломанные, кровь – следов будет море. Зубами их грызи, но чудо-сумочку отними! А я следом поковыляю. Давай, капитан, труба зовет!

Кивнув ему, срываюсь с места. Но для начала надо обыскать «кожаного». Улов небогатый – ружье «Моссберг-500» и пара десятков патронов в охотничьем патронташе, пополам жакан с картечью. Ну ладно, на пожаре, как говорится, и хрен насос. Лучше, чем на автомат с одним пистолетом лезть.

Следы братков мне удавалось находить практически без труда – они ломились через лес, как стадо мамонтов. Как в аномалию не загремели? За пять минут пути я обогнул три «мясорубки» и небольшую «карусель», да еще чуть не влетел в смертоносные нити «жгучего пуха».

И все-таки я опоздал. На полянке, которая открылась моему взору, я нашел только три бычка, разорванную упаковку от перевязочного пакета и пустую «чекушку». Все,

приплыли. Обошел полянку с четырех сторон, и тоже безрезультатно. Уходили бандюки с нее уже неспешно, соблюдая все правила маскировки. Надо Водолаза дожидаться, только он сможет отыскать следы. С его-то опытом.

Вдали басовито проплыла вертушка. А толку? На связь с ними мне не выйти, ракет нет. Сомневаюсь, что они и машину-то нашу найдут на просеке – цвет у нее неброский, а травы там немерено.

Водолаз подтянулся минут через десять. И сразу все понял:

– Вставай, Макар-следопыт! Сейчас полянку обойдем и отыщем бандосиков наших!

– И сколько нам за ними по Зоне бегать? Пока собаки не сожрут? А если рюкзачок они просто в кусты выкинут по дороге?

– Если сейчас не выкинули, то вряд ли. Хотя им и сам по себе он мог приглянуться. Но мыслю я – дело тут в другом. Могли допереть они, что неспроста мы так за бумажки эти бьемся. Значит, инфа там ценная. А инфу ценную и барыге впарить можно. Причем лучше местному, на Большой земле еще не всякий возьмет. Да и поглотиться с ней проще там будет.

– А барыги, они что, инфой тоже не брезгают?

– Да ты чего, Виталик? Не артефактами едиными, как говорится... Барыги и инфу, и зонды потерянные скупают, да и трупами редких монстров заинтересоваться могут. Ладно, вот сюда наши лиходеи направились. Пошли, капитан.

Водолаз зашагал на северо-запад со всей бодростью, которая была возможна в его положении.

– Так, если они пошли до барыги этой дорогой, то, скорее всего, к Славику Мойше идут!

– Чего за Славик?

– Да барыга ж, говорю! Нам-то оно даже сподручнее будет – Мойша и радейку свою имеет, и в СБУ барабанит, как дятел по весне.

– Неплохо, сознательный барыга!

– Жить спокойно охота, вот и сознательный.

– Я фигею, Водолаз. На воле менты барыг крышуют, а здесь, значит, эсбэушники?

– Да понимаешь, капитан, всех-то не переловишь, не перестреляешь. Это ж Зона. Да и пользы от него такого больше, чем от мертвого. Он-то в свое время нам тех четырех пиндосов и слил!

– Американцы? А они каким боком к этому всему относятся?

– Да тут кто только не шастает! Все хотят, чтобы Зона им ключи от мира вручила. Пассажир-то наш не на ридну Украину сталкерил ведь. Ему эти проплатили, «серые», ну ты их видел во время боя у блока. Звали пассажира Леня Шплинт. Старлерюга экстра-класса! Перед ним что Дранный, что я – все равно что душара-первогодок с твоего блока. И смастерил как-то раз Шплинт одну хреновину интересную. Он же инженером-электронщиком был в прошлой жизни, да к тому же не последним. А хреновина та позволила ему за Барьер ходить!

– К монолитовцам?

– К ним, к уродам.

– И что там?

– Да кто ж знает? Спроси у Шплинта, если жмуриков оживлять мастер. Решил он слить свое открытие америкосам. Сообразил, видимо, что от эсбэушников он только грамоту почетную получит. Что ему пиндосы пообещали – не знаю, но подписался он еще раз за Барьер слетать, замеры какие-то сделать, фоток нащелкать, записать кое-что. Так вот, комплект-то для прохода у него всего один был. Он еще боялся, что гости его грохнут, прибор заберут, а потом у себя их наделают и сами к ЧАЭС полезут. Даже самоликвидатор соорудил, который взрывал аппарат, если у него с башки его снять. Порешили они, что Шплинт лезет один, а они его у Барьера ждут. А то хоть и мастер, да монолитовцев на хвосте все же притащил. Бойня пошла, амеров выкосило наполовину. Тут они по радейке и завопили, мол, спасайте. Ни кто, ни что – не сказали. Группой ученых прикидывались. У них даже оформлено все было, типа траву и кузнечиков зоновских изучать приехали. Там ни один из них микроскоп от вантуза отличить не мог, зато стреляли навскидку белке в глаз. А группа

моя площадку под лабораторию мобильную готовила, ну не моя, конечно, а Пети Стилета, майора Бондаренко, покойного ныне. Мы и рванули к ним, думали, мелочь какая, типа собачек, на них напала. А там, мама дорогая! С полсотни монолитовцев их обложило. Тех пятерых наших, что к ним прибежали, положили всех. Но зато Шплинт со товарищи к нам прорвались. Знали бы, что там такое, вертушки бы вызвали. А тут вся кодла на плечах этих янки к нам в распоряжение ворвалась. До рукопашки дошло. Вот там-то радейке моей кирдык и настал. Отбились, смотрим – еще столько же валит. И начались скачки: мы – от них, они – за нами. И гнали, суки, в такую сторону, где и сталкеры-то ходить не любят. Половину людей, включая командира, по дороге в аномалиях да от зверья потеряли. А потом увидели мы километрах в двух каких-то очкариков отмороженных, которые одни, без охраны, зонды свои чертовы запускали. Я бойца одного, Митю Бидона, к ним и отправил, чтобы помощь с Большой земли вызвал, а сами снова к Периметру рванулись. А к монолитовцам еще и подмога приехала. Значит, дошел Бидон, да хранит его Господь. Только пока все зашевелились, мы, во-первых, сами к Периметру вышли, а во-вторых, монолитовцы нас догнали-таки. Ну а что потом, ты и сам знаешь.

– Так, а что такого Шплинт там нарыл?

– Ты сам-то еще не допер? Он узнал ВСЕ! Что такое Зона, почему Зона, зачем Зона. Все Шплинтяра разузнал! Потому и рвали мы к Периметру, потому и людей не жалели. Потому пиндосы и тихарились так. Шплинт живым нужен был обязательно. Записи записями, а его башку ничто заменить не могло. Но записи – это тоже немало. Я знаешь, чего боюсь, капитан? Боюсь, как бы там не оказалось такого, из-за чего Мойша решил бы положить на хозяев.

– Ты думаешь, такое возможно?

– Да легче легкого! Это тварь редкостная, еще по старым временам помню. Барыга, одно слово. Погоняло за особо высокий уровень хитрости получил. А ведь следы как раз к нему и ведут! Дальше по этому направлению, кроме Мойши, никого!

Лес меж тем начал понемногу редеть, переходя в низкорослый березняк. Обойдя небольшую «мясорубку», мы увидели метрах в двухстах шиферные крыши маленькой деревни.

В зарослях у самой околицы Водолаз жестом остановил меня.

– Значит, так, капитан, – зашептал он мне на ухо. – На время придется забыть о принадлежности к славной украинской армии, а именно – снять знаки различия и прочую хрень, которая засветит нашу ведомственную принадлежность. Сталкеры вояк не жалуют, сам понимаешь. Про себя вообще умолчу, с военным сталкером и разговаривать не станут. Даже те, кто знает по прежним временам и нормально относится, когда один на один.

– Да понял, не дурак.

Мы оперативно отпоролы ножами жовто-блакитные шевроны, сняли фальшпогоны, ласково именуемые в армейской среде «гондончиками». Я, кроме того, спрятал в кустах приемник и запихнул в левый берец удостоверение офицера и личный жетон на случай поверхностного шмона. У Водолаза ксивы не было по определению – военные сталкеры, как и спецназ, уходят «работать» без документов.

Деревенька оказалась достаточно обитаемой, несмотря на наличие нескольких аномалий и фон, который был далек от идеального, хотя и высоким назвать его было нельзя. В наиболее крепких и хорошо сохранившихся домах были видны признаки жизни. Другие, с покосившимися стенами и обвалившимися крышами, смотрели на нас пустыми глазницами черных окон.

Водолаз уверенно сворачивает на тропинку, уходящую в запущенный яблоневый сад. Сразу за ним и стоит водонапорка, а рядом с ней – приземистое здание коровника. Стены из белого кирпича местами укреплены камнями и свежим бетоном – здание явно активно используется. Для чего? Скоро узнаем.

Пройдя мимо притаившейся в кустах «Нивы», подходим к двери. То есть раньше здесь были ворота, но сейчас они заложены причудливой мешаниной из старых кирпичей и

бетонных блоков. Оставлен только метровый проходик с железной дверью без вывески. Водолаз уверенно открыл ее и шагнул внутрь.

Внутри я увидел довольно большое и неплохо обустроенное помещение, залитое тусклым электрическим светом. Барная стойка, десяток разнокалиберных столов, за которыми обосновались люди в самом невероятнейшем одеянии – от спортивных костюмов до экспериментальных защитных скафандров. Это была первая половина коровника. Другая отделена солидной стеной из тех же кирпичей-блоков, какими заложен вход. Попастъ туда можно через небольшую дверь, охраняемую косматым бородачом с «узи» на пивном животике. В стороне от остальных о чем-то шепотом совещалась четверка подтянутых хлопцев в черных комбинезонах, украшенных шевронами с красными крестами. Ого, долговцы?! Впервые вижу этих ребят. Другой контингент представлял из себя нечто среднее между сельской шпаной и спецназом «морские котики» – огромный разброс в типах снаряжения и еще больший в части вооруженности. У некоторых пальцы покрыты замысловатой синей блатной «росписью», а в жестах видна характерная лагерная дерганость. Да, контингент тот еще! Как, интересно, им удастся сидеть здесь и не перестрелять друг друга. Дело тут явно не в долговцах – мало их, да и не долговская это территория. Видимо, Славик Мойша, кроме того что он эсбэушный стукач, еще и сильный и авторитетный человек в здешних местах, если сумел построить эту братию. А нам с ним придется вести не очень приятный разговор на тему «Скупка совсекретной информации, жизненно необходимой для национальной безопасности».

Мы с Водолазом, сопровождаемые подозрительными, а иногда и откровенно враждебными взглядами, доковыляли до бородача. Улыбнулся нам только долговязый парень в углу – то ли давно знал Водолаза, то ли тоже был барабаном. Бородач, когда мы приблизились метра на три, медленно приоткрыл глаза и красноречиво положил большой палец правой руки на предохранитель «узи».

– Хлопчики, здесь свободных столиков нет. А стойка – два метра влево!

– А мы в курсе, родной, где здесь что! – сообщил ему Водолаз, радостно щерясь. – Ты бы Мойше просемафорил, что Водолаз пожаловал. Он, думаю, по такому случаю и кабинетик отдельный нам замутит!

– Мабуть, и замутит, да только ему перед этим вернуться надобно. Если хабар притащил – так можешь мне его сдавать. Ну а если с Мойшей у тебя какие особые дела – дожидайся. Сказал он, что дней на пять. Хочешь – номерок снимай, расценки, я думаю, знаешь, а не хочешь – пошерсти по деревне – домов свободных море.

Мы взяли литрушку «черниговского», бутерброды с копченой колбасой и вышли на улицу. Водолаз дохромал до развесистой яблони и без труда отыскал под ней потемневшую от времени скамейку. Пшикнула откручиваемая пробка, и пиво мутно-желтым потоком заструилось в кружки: в мою стальную армейскую и в крутую с термоизолирующими стенками Водолазову.

– Чует мое сердце – прочухал Мойша, что к нему в лапы попало, вот и сорвался!

– Так ты ж говорил – он с СБУ не ссорится, а тут такое палево!

– Не все так просто, капитан! Эти бумажки должны быть пропуском к центру Зоны. А Центр среди сталкеров – это легенда из легенд! Взять хотя бы Монолит. Да, монолитовцев все считают придурками, но ведь сколько народу все равно пыталось до камушка того добраться. И еще одно. Чем ближе к Центру, тем чаще попадаются артефакты. А значит, если продолжить рассуждения, в Центре их вообще немерено должно быть. Уже есть причина, чтобы рискнуть.

– Слушай, Водолаз, а ты не думаешь, что косматик этот с «узи» знает побольше, чем сказал?

– Да это и младенцу понятно!

– Надо бы попридирчивее с ним поговорить, и без свидетелей. Выясним для начала, приходили сюда наши гопники с просеки или нет.

– Да приходили, чего тут гадать. Это бородастый наврать может, а следы – никогда!

– Согласен, но на следах же не написано, что с Мойшей у них разговор был?

– Ну, ясен пень! А ведь верно – насчет этого бородатый должен быть в курсах! Так, время у нас еще есть, давай вздремнем пару часиков. Ночью нам, скорее всего, спать не придется!

Для отдыха мы выбрали подпол полуразрушенного сельского дома. Разгребли пустые консервные банки и пачки из-под сигарет, оставленные нашими предшественниками, и по очереди поспали на рюкзаках и бронепластинах. Есть у всех военных такое замечательное качество – моментально засыпать, как только такая возможность выпадает.

После полуночи, когда посетители бара стали потихоньку расползаться на ночлег, мы уже сидели на заднем дворе фермы за помойкой. Воняло изрядно, зато высматривать засаду здесь будут в последнюю очередь.

Бородатый объявился в начале второго. Вопрос с тем, были здесь наши бандюки или нет, отпал практически сразу. За пять минут он вытащил два больших свертка из полиэтиленовой пленки, в которых угадывались очертания начавших коченеть человеческих тел. При выносе третьего свертка бородач, жалобно всхлипнув, согнулся в букву «зю». Вполне оправданное действие, когда тебе в пах бьют прикладом «Моссберга». Его ноша со стуком упала на бетонные плиты, которыми был вымощен пол. Для катализа процедуры успокоения супостата приклад прошелся ему еще и по спине. За шумом я не заметил, как открылась дверь сарая, стоявшего рядом с помойкой. Оттуда вышла деваха непонятного возраста в накинутом поверх синего рабочего халата прорезиненном плаще от ОЗК. Она мастерски выхватила из-под него обрез двустволки, одновременно выпуская из рук мусорное ведро.

– Ах ты ж злыде...

Договорить и перейти на более высокие интонации ей не позволил Водолаз, который, проскакав в стиле Джона Сильвера на одной ноге три метра от помойки до девахи, резко ударил ее локтем в основание черепа. Обрез звякнул о бетон, а наша несостоявшаяся обидчица рухнула, где стояла, раскидав, как сломанная кукла, конечности.

– Слышь, Водолаз, тебе надо погоняло Окорок взять!

– Почему?

– «Остров сокровищ» читал?

– Не, мультик смотрел.

– Ладно, проехали. Держи мою помпу, посмотрю, что внутри интересного.

Вооружившись ножом и «фортом», я обследовал подсобку. Все складывалось как нельзя лучше. В подвальчике было столько всего, что, наверное, все прапорщики украинской армии удавились бы от зависти. Оружие, снаряжение, продукты, аппаратура, спецконтейнеры для артефактов и... Кривенчук, не отвлекайся!

Несмотря на подбитую ногу, Водолаз за минуту притащил бородатого в подвал и усадил в потертое дерматиновое кресло с подлокотниками. Моток скотча с треском наматывал круги вокруг его запястий, быстро уменьшаясь в размерах. Бородатый начал приходить в себя, всеми силами, однако, стараясь показать, что все еще находится в глубокой отключке. Водолаз тем временем безошибочно отыскал в куче хлама старый армейский телефон «ТА-57» и спутанные в клубок провода. Да, бородачу определенно не светило ничего хорошего. Зачищенные медные змейки обвились вокруг его пальцев. Водолаз деловито пощелкал складной ручкой вызова и вдруг резко повернул ее на пол-оборота.

– Аааааа!

– Знаю, что неприятно! – Я исподлобья взглянул в испуганные глаза под развесистыми бровями. – А будет еще хуже. И сознание ты не потеряешь, и не загнешься раньше срока. Пора покаяться, фелдаин хренов!

– Мужики, вы чего! Вы ж вояки? Я в курсах, что Мойша барабанит вам временами. Сначала вы чуть контору не спалили, когда в форме завалились. Хорошо, народ решил, что снаряга у вас трофейная. А со жмурами я не при делах, их Мойша с Храпом заделали. А мне сказали: «Подчисти здесь и следи за хозяйством, пока не вернемся».

– За жмуров поконкретнее!

– Да мародеры местные, пару раз до этого светились. Но приносили только хлам разный. Вчера пришли, приволокли чего-то. Хабар всегда только Мойша смотрит. Ну сдали они его, сели в баре, заказали по сто пятьдесят. А через минут десять Храп подваливает и говорит, давай, мол, всех троих к хозяину. Мое дело маленькое. Пошел, вызвал. Храп их, видимо, здесь и заделал. Он ножом работать мастер.

– А притаранили они что?

– Да рюкзачок у них был. Обычный такой, кровякой немного забрызганный. После этого Мойша с Храпом и умотали.

Понятно, худшие опасения начинают сбываться. Наш эсбэушный барабан Славик решил вести собственную игру. Ну что же, в авантюризме ему не откажешь. Когда подписываешься на такое, тут или победа, или смерть. Сорваться в центр Зоны, да еще перед самым Выбросом, – это, конечно, сильный ход.

– На чем они поехали?

– На «газоне» храповском, на «пятьдесят втором».

Водолаз оторвался от внимательного изучения стола, накрытого потертой клеенкой:

– А карту они здесь разглядывали?

– Ну да, расстелили, карандашом водили, а потом Мойша в разгрузку ее убрал.

– Подь сюды, капитан! Думаю, не все у нас так безнадежно.

Я подошел к столу, оставив прикрученного к креслу бородастого, который тихонечко перевел дух. Жилистый палец Водолаза скользил вдоль еле заметных извилистых линий, которыми была украшена клеенка.

– И чего ты тут открыл стратегически важного?

– Черточки видишь?

– Ну не слепой пока!

– Эти старые, а вот извилистая одна – она поверх всех выдавлена! Клееночка-то мягкая. А они карандашом рисовали, не фломастерами, а то бы следов не осталось.

– Водолаз! Да тебе в следаки идти надо было!

– Может, и пойду, когда сталкерить надоест. Но, думаю, Зона заберет меня раньше. Ты не отвлекайся, капитан, пленку найди какую-нибудь.

Пленка отыскалась в углу, в нее была завернута добрая дюжина изолирующих противогазов. Ножом выкроил кусок метр на метр – больше нам вряд ли понадобится. Водолаз тем временем закрасил еле заметную линию на клеенке темно-зеленым маркером, распространившим по подвалу соблазнительный запах этилового спирта. Пленка легла на стол, и через несколько секунд темно-зеленая кривая была перенесена на нее.

– Так, дорога есть, с картой мы определились. Начинается она, само собой, отсюда. Осталось решить, в какую сторону ее по карте отмерять.

– Слышь, Водолаз, они ж на тачке уехали. «Пятьдесят второй», конечно, машина-зверь, но даже на ней по болотам они не поедут. Начало, по крайней мере, точно по дороге пойдет.

– Резонно! – Пленка легла на карту. – Так, если по дороге, то совпадение идет вот по этой. Только получается фигня какая-то. Они ж не в Припять сразу рванулись, а такой крюк делают!

Намеченный Мойшей и Храпом маршрут действительно делал неслабых размеров петлю, на первый взгляд абсолютно бессмысленную.

– А какие у нас обитаемые места или еще что-то значительное по этому пути есть?

– Да ни фигя вроде нет. Тут – стоянка фoniaщей техники, еще с восемьдесят шестого, тут – заводик, битумный по-моему. Но ни в одно из этих мест маршрут конкретно не заглядывает, всегда проходит на удалении. Погоди! Видишь вот этот крючок? Тут линию оборвали, а потом стали рисовать заново, причем по кратчайшему пути к Припяти! Есть мысли?

– А какие тут еще могут быть мысли в моих красноармейских мозгах? Сюда нашему дуэту надо добраться перед тем, как лезть в Центр. Только что они там потеряли такого, о чем не раскололся вам Шплинт?

– Шплинт нам особо ни о чем расколотся не успел! Да и нам спрашивать времени особо не было – ноги бы унести.

– А как Шплинт в Центр ходил? Вернее, что за штука, которая ему такую возможность дала?

– Да я ж тебе говорил – типа шлема, на башню цеплялась. Он во время первого боя то ли потерял ее, то ли выкинул.

– Если бы она была в единственном экземпляре, стал бы Мойша сразу в Центр ломиться? По-моему, ему логичнее было бы на Большую землю свалить, там по Шплинтовым чертежам новый шлемак изготовить. Чует мое сердце – сбrehнул Шплинт насчет единственного экземпляра. Сам подумай, не у ворот же Припяти Мойша клепать новый шлем станет. Да и барыга он ведь, а не инженер.

– Эй, капитан, это кому из нас еще в следаки идти надо? – усмехнулся Водолаз. – Если серьезно, то шансик неплохой. Давай-ка поспим по полтора часика, а утречком рванем на «Ниве» этого ваххабита.

Приход утра в подвале мы определили по часам. Мойшины запасы позволили нам хорошенько позавтракать и восхитительно экипироваться. Доукомплектовали изрядно опустошенные магазины «фортов», набрали гранат. Водолаз вооружился немецкой «Г-3» и дневноночной оптикой, я предпочел старый добрый «АКС», только выбрал тот, на котором есть база под оптику. Теперь предстояло тихонько дотащить это все до «Нивы» и незаметно покинуть гостеприимную деревеньку. Водолаз, правда, предложил взорвать Мойшин склад к чертовой матери вместе с нашим ваххабитом, благо пластита, детонаторов и таймеров на складе хватало, но я эту затею не поддержал. Ничего нам гибель этого шестерки не даст, других людей, находящихся в баре, – тем более. А Славику теперь плевать на склад, если уж он решил играть по-крупному. На цыпочках мы совершили несколько ходок до машины, почти бесшумно открыли хорошо смазанные ворота и, откатив «Ниву» руками (в основном моими) на безопасное расстояние, завели движок и тронулись в путь-дорогу.

«Крюк» оказался небольшой электроподстанцией. Среди обильно покрытых ржавчиной и почти не сохранивших исходный серый цвет трехметровых параллелепипедов трансформаторов и паутины провисших проводов возвышалось крепкое двухэтажное кирпичное здание то ли пультовой, то ли диспетчерской. Следы «Газона» были в наличии, но были оставлены не позднее вчерашнего вечера, так что застать тут «сладкую парочку» было маловероятно.

Водолаз выскользнул из «Нивы» и занял позицию у кривого тополя. Я быстренько осмотрел подходы к зданию. Чисто.

Дверь в данном случае не являлась идеальным способом попасть в дом, поэтому я с помощью скривившегося от усилий и боли Водолаза запрыгнул с «фортом» в руках в окно. В предбаннике пусто. Подвал перспективнее – там горит свет. Направив пистолет в проем, начинаю спускаться. Внизу дверь тяжелая и стальная, явно принесенная со стороны.

Вот и подвал. Самодельная добротная мебель, какие-то приборы, древний компьютер, кучи деталей, приспособлений. Здоровенный железный стол, какие используются в столовых для разделки мяса-рыбы. А в углу – скрюченный субъект неопределенного возраста. Одежда в крови, но пока живой. Не отводя ствола, аккуратно переворачиваю его на спину.

– Ммм... Больно... Сталкер, кто бы ты ни был, бери что хочешь. Мой век пришел...

– Не торопился бы ты... – У мужика было с десятков ножевых ран, но все они приходились не в жизненно важные органы. – Крови ты, конечно, потерял немало, но шансы у тебя есть. Как тебя звать-то?

– Костик Медуза его звать. – Водолаз нарисовался в проеме за моей спиной совершенно бесшумно. – Кто тебя так, отец? Мойша с Храпом?

Череп мужичка, украшенный мощной лысиной в обрамлении длинных бесцветных волос, действительно напоминал этого морского обитателя.

– Вояки? – Его взгляд царапнул мой армейский защитный костюм.

– Почти, – усмехнулся Водолаз. – Сейчас скорее вольные стрелки.

– А-а-а... Водолаз... Ну как карьера, поручик?

- Давай за карьеру ближе к ночи! Капитан, промедол остался?
- Еще бы! Ты от него отказался, а я ширевом не увлекаюсь.
- Отлично. Вкати ему один тюбик, а я перевязочку спроворю!

С оказанием первой помощи мы управились минут за двадцать. Раны были рассчитаны не на убийство, а на причинение боли. Особенно характерной была рана в левом плече – нож не просто воткнули, но и несколько раз провернули в ране. С пола Медуза переместился в кресло, явно притыренное в какой-то парикмахерской, а на столе появился чайник и один из наших сухпаев. Для полноты картины жертву бандитизма завернули во взятое из древнего шкафа военное одеяло. Глоток коньяка (опять-таки из Мойшиных запасов) вернул Медузу к жизни.

– Не думал, что воякам спасибо когда-то скажу. Но скажу. Спасибо, хлопцы! Только если вы думаете, что Медуза шестерить на вас станет, то лучше пристрелите меня! Водолаз, ты знаешь, что я сталкерюга идейный и ни на армию, ни на контору пахать не стану.

– Знаю, Медуза. Никто тебя забривать и не собирается. Вышел ты из призывного возраста. Не сталкерская свобода нам нужна. Я ж тебя знаю, для тебя Зона – это святое, дар божий, не так?

– А как иначе-то, уважаемый? Это и беда мира, и его избавление. Тут и смерть гуляет на каждом шагу, но и свобода величайшая. А вот вы все рыщете здесь, народ убиваете пачками, высматриваете, что бы сыскать, чтобы в ракеты свои запихнуть и мир остальной на колени поставить. Кого тут только нет – наши, америкосы, русские, немцы. Машины понагнали, техники, аппаратуры понавезли. Палят во все, что шевелится. А что не шевелится – расшевелят и тоже пристрелят.

– А в курсе, что корешок твой Шплинт учудил?

– Как не в курсе? В курсе, конечно же. Разочаровал меня, сокол ясный. Два года с ним исследовали все, думал, для науки, для людей стараемся. Покорять Зону грех, но знать ее люди должны. Себя не жалели. А видишь как, скурвился Шплинт. Кстати, хлопцы, вы дверку бы прикрыли. До Выброса часа два, не больше.

– Блин, у нас же тачка там. Слышь, Медуза, у тебя нет куда ее спрятать, а то кирдык тачке будет под Выбросом?

– Давай в гараж. Он у меня специально приспособлен для таких дел. Только гидравлика полетела, придется твоему корешку вручную открывать.

Гараж у Медузы и правда был выдающийся – стены экранированы какими-то плитками. На воротах, снаружи вроде бы из листового железа, изнутри закреплены железобетонные панели и такие же плитки. Все это великолепие открывалось и закрывалось с помощью хитрой системы блоков и полиспастов, которые заменяли гидравлический привод, на наличие которого указывали безжизненно болтающиеся на проушинах цилиндры. За пару минут я разобрался с системой, еще за десять открыл, а спустя сорок «Нива» уютно обосновалась в этом мегаукрытии.

На восстановление пролитой и подпорченной врагом крови мы выделили Медузе половину из имевшихся у нас шоколадок, а для ускорения этой процедуры в дело пошел коньяк.

– Так что конкретно со Шплинтярой стало? – поинтересовался Костик.

– Ну, как ты уже знаешь, с америкосами он договориться сумел. Но вот с «Монолитом», видимо, не получилось. Расшлепали они всех «борцов за мир», а заодно и почти всех моих ребят. Рядом мы оказались. Гоняли нас по всей Зоне, пока к капитану на блок не попали. Там мы супостата общими усилиями положили, но все документики с разработками Шплинта ушли бодрым строевым шагом. Каким макарон они у Мойши оказались – история отдельная. Короче, имеем то, что имеем. Шплинт готов, нас осталось двое, Славик рвется в Центр. Связи у нас нет, а если начнем искать – упустим Мойшу. К тебе они, вижу, тоже не с визитом вежливости заходили?

– Догадливый ты стал, Водолазище, аж поражаюсь! Ладно, расколуюсь я вам об этом всем.

– Набалдашник Шплинтов у тебя был?

– Ну да. Вернее, опытный образец. Вполне работоспособен, только не такой отточенный, как был у Шплинта. У нас с ним тут мини-КБ было. Началось все с того, что сгнула за Барьером группа сталкеров. Не молодые и не сильно опытные. Так, на твердую троечку. Знали мы их всех нормально, они у меня тут Выброс переживали. Что характерно, сгнули без боя. Через недельку валю я в километре отсюда четырех зомбаков. Пошел пошмонать – а это наши пропащие! Через день заглядывает Шплинт, я ему это и поведал. А он, оказывается, еще двоих за деревней приласкал, и тоже зомбовых. Причем ни у меня, ни у него контролер рядом не пасся! Они в этих краях вообще гости редкие. И тем же вечером на тебе – на перекрестке, что в трехстах метрах отсюда, бойня началась. Монолитовцы со «Свободой» схлестнулись. Махновцы наши, хотя и потери понесли, но монолитовцев задавили. Ну, свободники жмуров и раненых в лагерь к себе потащили, а мы пошли поглядеть, может, чем разживемся? Так вот, четверо этих фанатиков были незнакомыми, а вот трое – это остаток той группы сталкерской. Складываем с шестью, которые зомби, и получаем полный комплект! И сильно нас этот вопрос всколыхнул! Забили мы на хабар, на все прочее и бросились в науку с головой. Шплинт физиком-электротехником был, а я – невропатолог бывший. Действовали мы больше методом тыка, но, понаблюдав и сделав кое-какие замеры, поняли, что неспроста одни за Барьером мозгов напрочь лишаются, а другие становятся фанатиками. Валили мы и тех, и других, опыты ставили, тела резали. Больше по наитию, чем научно обоснованно, но разработали теорию, что за Барьером что-то не только видеть не дает и радио глушит, но и мозги вскрывать может. Ведь монолитовцы берутся откуда-то? С Большой земли? Да там о них мало кто знает. Оттуда в Зону за хабаром, за экзотикой, за приключениями на свою задницу, наконец, идут. А меж тем меньше их не становится! Так что ежели их религиозное рвение – результат изменения сознания, то получается все довольно-таки складно. Приходят мужики, а там им по мозгам! Как? Вариантов мало. Медикаментозное зомбирование? Десяток вооруженных мужиков просто так не отловишь и в очередь на укол не поставишь. По крайней мере – без потерь с обеих сторон. А наши клиенты все свеженькие были и в полном составе, как я уже говорил. Результат сильных стрессов и внушения? Тоже не все должны были вернуться, да и поддались бы не все. Шплинт выдвинул теорию о пси-излучении. Мудрил он с какими-то датчиками долго и упорно, но в конце концов сварганил одну штуковину. Что там было – не знаю, Шплинт мог часами объяснять, я все равно не врубился. Но факт остается фактом – установили мы одну закономерность. Серое вещество отдельных образцов обладало разными характеристиками. В том смысле, что за Барьером выдавало под током нервные импульсы с разной силой. Поначалу мы еле их улавливали, но когда стали использовать свежий материал, то разница стала сильно бросаться в глаза.

– А как это вы за Барьер без чудо-шапки ходили? – поинтересовался я.

– Да мы и не ходили! Мы что, совсем, что ли, отморозки? Просто на тележке с колесиками отправляли образец за Барьер, предварительно закрепив на нем датчики. Если вы догадливые, то уже поняли, что монолитовские образцы и реагировали по-особому. И наша теория приобрела законченный вид: в Центре находится источник пси-излучения, но подчинить себе он может только людей с определенным типом мозга. Что имеет значение – то ли особое строение, то ли химический состав, нам установить не удалось. Но Шплинт уловил нужное направление и пошел испытывать разные способы экранирования этого пси-излучения. Даже на Большую землю гонял за материалами. А потом нашел то, что искал. Собрал опытный экземпляр. Еще два десятка образцов пришлось завалить, чтобы отладить. Но в один из дней мы выкатили тележку с образцами за Барьер, и случилось – образец не реагирует! Ну, потом он прибор в божеский вид привел, чтобы носить на себе можно было, и в первую ходку за Барьер двинул. Вернулся, хотя мысленно я его уже похоронил. Далеко он не уходил, но хабара принес – год за такое сталкерить не жалко! И брал-то одни «белочки», которые стоят немыслимо и почти не встречаются! Поехал он снова на Большую землю – «белочку» сдать, а то мы поиздержались к тому времени сильно. И ведь вроде бы с прошлым порвать решил, когда в Зону пришел, а по возвращении и говорит мне: «Послушай, Медуза,

не пацаны мы давно с тобой, чтобы за идею стараться. Я хорошую тему нашел. За проводку экспедиции в Центр получим мы спокойную старость в самом благодатном уголке мира. Обо всем я уже договорился – приведем передовой отряд, отнесем туда зонды, зафиксируем кое-что, а потом сдаем прибор в вечное пользование и едем на Багамы наслаждаться жизнью». Я сказал ему тогда, что в Зону мы на идеях и попали и что с кем бы он ни договорился, они не snorkов изучать туда пойдут, а искать, как мир взять за глотку. На том мы и расстались. А сейчас, значит, Мойша туда рвется?

– Барыги тоже хотят править миром! – с иронией пояснил Водолаз.

– Да на фиг ему, скорее всего, этот мир не нужен! Наберет тех же «белочек» и продаст шлем кому-нибудь. У меня к вам, ребята, просьба есть одна.

– Слушаем внимательно!

– Я понимаю, что у вас приказ, но не сдавайте документы по нашим со Шплинтом исследованиям! Просто догоните этих бандитов и уничтожьте все. Вообще все! И документы, и тот первый образец шлема, который они унесли. Приказ – это, конечно, святое, но вы можете погубить не только Зону, но и весь мир! Вы же не думаете, что ваши хотят отыскать новое лекарство от СПИДа? Там ищут ключ к новому оружию, способному поставить на колени все человечество, и будет плохо, если кто-нибудь его найдет. Я не знаю, что именно находится в Центре, но это огромная сила, просто колоссальная!

– За это уже погибли пятьдесят наших ребят, – произнес Водолаз, сжимая пудовые кулаки и глядя на блюдо перед собой.

– А ты хочешь, чтобы погибли пятьсот миллионов? Или больше? Водолаз, не соверши непоправимого!

– А может, я хочу, чтобы моя страна правила миром?

– Ты думаешь, мир отдастся просто так? Или она завоюет его, не пролив собственной крови? Подумай, тебе нужен будет потом ТАКОЙ мир?

Где-то на улице тяжело ударил электрический разряд, задрожали стены домика. Выброс бушевал. Но смертоносные быстрые нейтроны вязли в бетоне, земле и свинцовых экранах.

– Ладно, Медуза. Мы посовещаемся. Кстати, как думаешь – Мойшу с Храпом Выбросом не накрыло?

– Мойша не мальчик, да и Храп в Зоне третий год. Тем более в трех км отсюда цементный завод старый, там даже ядерную зиму пересидеть можно, если только на псевдогиганта в подвалах не налетят. До утра вылезать не советую – тут тебе не Периметр. Быстрые аномалии рассосутся только часов через пять. Отоспитесь пока, а завтра вы этих уродов догоните.

Странные ощущения, когда ложишься спать под Выбросом. Так, наверное, чувствуют себя космонавты, когда за тонкой обшивкой и стеклом иллюминатора раскинулась бескрайняя даль, имеющая температуру абсолютного нуля и несовместимая с жизнью в том виде, в каком мы ее знаем.

Утром нас ждал маленький сюрприз – небольшая, но вполне смертоносная «электра» уютно обосновалась напротив выездных ворот гаража. Медуза, бросив на нее снисходительный взгляд знатока, объявил, что аномалия кочующая и исчезнет через пару часов. У нас был выбор – или дожидаться ее самоликвидации, или рвануть до цементного завода на своих двоих. Впрочем, выбора не было – учитывая мобильность порезанного Водолаза, дорога только туда заняла бы часа полтора. А если на заводе Мойши с Храпом не окажется, что тоже очень даже вероятно, то придется проделать такой же длительности вояж в обратном направлении. Короче, пока мы ждали естественной смерти «электры», я успел подрегулировать, подтянуть и подправить в «Ниве» все, что было мне по силам.

– Ну что, парни? Что решили-то? – Из гаража, подслеповато щурясь, показался Медуза. – Я по поводу образцов и Шплинтовых записей.

– А я догадался, что не про репертуар одесской оперы! – резко ответил Водолаз.

Потом, смягчив голос, добавил:

– Не знаю, Медузыч, не знаю.

Движок отлично пережил Выброс и проблем нам не создал. Медуза, обмотанный бинтами, как мумия Имхотепа, смотрел нам вслед, пока мы не скрылись за кустарником.

– Так, если их нет на заводе...

– Водолаз, а ты в этом сомневаешься?

– Ну да, ну да... Они наверняка стартовали еще утром, но все равно надо объехать завод по периметру – если не будет следов, то они еще там. Только это надо сделать в темпе вальса, потому как до Чернобыля осталось километров двадцать, а там, за Барьером, мы их уже не достанем.

– А Барьер от Чернобыля начинается?

– Да. Вернее, от Залесья, его пригорода. Южные окраины еле видны, но к ним не подойти. Марево начинается чуть севернее. Там граница на местности обозначена, мы как раз выедем к тому месту, где Шплинт с Медузой опыты ставили. Пси-излучение, по его словам, активно действует уже там.

– А что за Марево?

– Так сталкеры называют эту фигню за Барьером. Тебе в учебке, наверное, про нее не рассказывали? Голубоватый купол, вроде ауры или тумана. Визуально насквозь не просматривается, для радаров и тепловизоров также непроницаем. Короче, крышка, накрывающая блюдце с секретами. Но, по словам Шплинта, через Марево он шел километра два – два с половиной, а потом видимость становится нормальной, только небо непривычное – голубое, но не обычное, а с каким-то непонятным оттенком. То есть Марево действительно является крышкой. Кстати, по спутнику эта крышка абсолютно правильной полусферической формы, а центр ее находится в Припяти.

– А у тебя откуда такие познания в припятской топографии?

– У нас своя учебка, – усмехнулся Водолаз. – И изучаем мы там много интересного.

– Понял, военная тайна. А вот мы и приехали!

Заводик нас, естественно, ничем обрадовать не смог. На пыльном полотне рассыпающейся от времени и аномалий дороги мы различили довольно четкие следы «газоновского» протектора, уходящие на север.

– Н-да... Ну, чего делать, поехали следом. Надеюсь, до Чернобыля мы их перехватим.

Судьба улыбнулась нам даже раньше, чем предполагалось. Километрах в пятнадцати от завода мы подъехали к очередному мосту, на этот раз – через реку Уж. Вообще-то каналов по мере приближения к Чернобылю становилось все больше и больше. Но этот мост нас и обрадовал, и огорчил одновременно. Обрадовал – потому что частично обвалился под проезжавшим по нему «Газоном», и что-то говорило мне, что это именно Мойшин «Газон». Машина беспомощно зависла на темными водами Ужа, сев на днище. Наших «джентльменов удачи» видно не было, но зато они, по крайней мере, остались без колес. Огорчил – потому что без колес оставались и мы, а Водолаз, кроме того, передвигался не ахти. Правда, оставалась небольшая надежда, что для Мойши с Храпом обрушение моста тоже не прошло бесследно. Наша «Нива» мягко затормозила на уцелевшей половине моста. Я выскочил из салона. Следом тяжело вывалился Водолаз.

Спустя пять минут мы перелезли по кузову и крыше «Газона» через провал на ту сторону, и я увидел то, что вселило некоторую уверенность в успехе нашего безнадежного дела. На асфальте виднелись подсыхающие кровавые следы и разорванная упаковка от перевязочного пакета. Значит, по крайней мере один из них ранен, а следовательно, идти с нормальной скоростью парочка уже не сможет. Хотелось надеяться, что ранен Храп, поскольку у него, по свидетельству очевидцев, боевые характеристики явно выше, чем у Мойши. Если бы не находящаяся впереди деревенька, то, возможно, их даже можно было бы увидеть в бинокль.

А впереди я увидел Марево! Синеватый купол уходит от горизонта до горизонта. Высоту на глаз определить было практически невозможно.

– Это оно? Марево?

– Оно, родимое.

– Слышь, а сколько оно в высоту?

– Вроде бы тысячи полторы или две. Но вертушки там не летают – даже вне Марева, на трех-четырёх тысячах аппаратура козлить начинает.

Хриплый, с издевательской интонацией голос раздался со стороны зарослей смородины:

– И откуда ж ты такой умный взялся?

Силуэт я разглядел, но в его очертаниях без труда угадывалось положение изготовки для стрельбы с колена, поэтому мысль вскинуть к плечу «АКС» была задушена в зародыше самым жестоким образом. К тому же с другой стороны дороги уже другой голос, зычный и властный, окрикнул:

– Оружие положить на землю! Разгрузки расстегнуть! Снять! Отойти на пять шагов назад! Лечь! Ноги в стороны! Шире! Руки в стороны, ладонями наружу! Любое движение без команды – открываем огонь!

Команды неизвестного мы выполнили быстро и четко. Даже Водолаз, несмотря на раненую ногу. Утешало одно – явно уставной лексикон неизвестного боевика. Значит, это либо военные, либо...

– С вами говорит командир группы быстрого реагирования «Долга». Назовите себя, если есть документы – к досмотру!

– Старший лейтенант Кравченко, командир сталкерской группы.

– Капитан Кривенчук, командир сторожевой заставы номер семнадцать.

– Интересно... Лежать! Я что, разрешал шевелиться? Два командира такого уровня и одни, у Барьера, да еще со снятыми знаками различия? Да и семнадцатый блок отсюда, товарищ Кривенчук, или как вас там на самом деле, далековато.

– Документы в вещмешках. А зачем мы здесь – узнаете, хотя это и не в вашей компетенции!

– Ты поумничай еще, что в моей компетенции, а что нет! Кондратьев, проверь разгрузки и вещмешки!

Мимо меня протопали ноги в белорусского производства берцах, слышались слабые щелчки застежек и треск липучек.

– Есть документы! Командир, здесь же фальшпогоны, старлеевские и капитанские, и отпоротые шевроны.

– Давай сюда! Так, Кривенчук кто?

– Я.

– Встать!

Я поднялся и увидел перед собой плотного усатого дядьку в черном долговском комбезе, поверх которого была надета идеально пригнанная американская разгрузка ALICE.

– Так, Виталий Петрович, значит? – Прищуренные глаза впились в меня, затем в фотографию в удостоверении. Толстые пальцы на удивление быстро перелистали на нужную страницу.

– Ага. Командир сторожевой... Значит, должна относиться ко второму ПОцу. Так. Войсковая часть номер... Действительно второй! Подпись? И подписывал Кондратенко... Вроде порядок. Зампотыл полка кто? Фамилия?

– Андрук Нестор Олегович.

– Порядок. Второй, встать. Значит, Кравченко? Армейский сталкер?

– Он самый. Документов, сам понимаешь, нет.

– Ну да, какие у сталкеров и спецназа документы. Ладно. Только вот что, господа хорошие. С армейцами мы, конечно, не ссоримся, но поясните все же, что это вы тут потеряли. Особенно вы, капитан Кривенчук, в сорока пяти километрах от родного блока?

– Группа Кравченко выполняла задание. Про него вам знать ничего не нужно. Я с резервной группой своей заставы вышел ему на помощь. В живых остались только мы двое. Извините, не знаю, как к вам обращаться?

– Я – капитан Белоусов, командир ГБР «Долга».

– Хорошо, капитан. Вам не попадались здесь два человека, возможно, один ранен?

– Они не на «Газоне» этом приехали?

– Именно так.

– Тогда мы бы сами хотели это узнать. Сегодня утром на цементном заводе была уничтожена наша поисково-охотничья группа. Она ушла туда позавчера, проверить сообщение о появлении в подземных помещениях завода кровососа. Переждали там Выброс, а утром доложили, что обнаружили «Газон» и двух человек и что выдвигаются на досмотр. После этого на связь не выходили. Были найдены убитыми подъехавшей через час ГБР. Поэтому сейчас наши ГБР прочесывают окрестности. Мы нашли «Газон» и остались в засаде, поскольку рассчитывали, что противник не бросит полный кузов снаряжения и вернется.

– Погибшая группа была вырезана?

– У троих ножевые, один застрелен.

– Понятно, наши клиенты. Храп постарался. Ладно, капитан. Ситуация следующая. У них в руках то, что поможет взять Зону под контроль, а может, и ликвидировать ее. Но их надо остановить до Барьера.

– Да куда ж они дальше Барьера денутся?

– Они смогут пройти. И там мы уже их не достанем. У вас транспорт есть?

– Ну да, мы на «уазике». Куда они идут?

– Да строго на север, к Чернобылю.

– Там много аномалий, придется объезжать, но, думаю, догоним быстро. Свиридов – за машиной! Радченко, Савицкий, помогите старшему лейтенанту загрузиться!

Долговцы шустро заняли места в машине, нам с Водолазом достались откидные сиденья около задней двери. «Уазик» у долговцев был непростой – мощные сварные дуги безопасности, лебедка, транкинговая радиостанция, «Утес» на турели. Кстати, насчет радиостанции...

– Белоусов, у тебя связь работает?

– У нас всегда связь работает! – с легкой обидой в голосе ответил капитан. – Во время Выброса вся техника у нас отключается и ставится в экранированные боксы.

– Ну ладно, я понял, уважь «Долгу». Выйди на частоту 30-250.

– Не могу. У меня связь только с нашим оперативным штабом. Могу связаться с вашими через них.

– Действуй. Координаты района знаешь?

– Конечно!

– Передавай. Пусть вертушки присылают и спецназ. Не меньше роты. Скажи, что здесь «Кобальт-22», вернее, то, что от него осталось.

– Понял.

Водолаз выдохнул и прикрыл глаза.

– Слышь, Водолаз, а что за «Кобальт-22»?

– Да группа моя, теперь наша. Такой у нас позывной.

– Ладно, будем знать.

«Уазик» съехал с проселка и сейчас мчался по полю вдоль целого ряда переливающихся в воздухе «каруселей». Белоусов вышел на связь и передавал в штаб «Долга» наши координаты. Вдруг он, не отрываясь от гарнитуры, сделал быстрый жест рукой, и через секунду стволы двух его бойцов хищно потянулись влево.

«Тах-татах-татах!» Два автомата, «АКС» и «М-14», выплюнули короткие очереди, положившие конец существованию стаи слепых псов, особой примерно в семь. Выучка у долговцев была на высочайшем уровне.

Ряд аномалий закончился, и машина вновь устремилась к шоссе. Опять быстрый жест, и мы остановились.

– В чем дело?

– Цель на одиннадцать часов!

Мы синхронно навели бинокли. Примерно в двух километрах на склоне холма виднелись две крошечные фигурки.

– Кажется, они. Давай ближе, отсюда не достанем.

«Уазик» вновь взревел явно форсированным движком и понесся вперед, сминая зеленую стену травы трубой-бампером. Фигурки скрылись за гребнем, причем довольно шустро, значит, нас заметили. Но естественных укрытий здесь практически нет, а следовательно, и шансы у беглецов нулевые. Гребень приближается издевательски медленно, но наконец «уазик» переваливает через него, опасно накренившись вправо.

Замысел Мойши с Храпом стал ясен – впереди замерли две огромные бронированные машины на гусеничном шасси. Сгоревшие, но все равно могущие стать отличным укрытием и огневой позицией. Догнать не успеем, да и чревато это – за спиной одной из фигурок видна труба гранатомета. Белоусов, видимо, пришел к таким же выводам:

– Свиридов, там, у камня, – ровная площадка, давай туда! Радченко – к пулемету! Останавливаемся и работаем из всех стволов. Господа офицеры, присоединяйтесь!

Двое бежали к спасительным бронированным мастодонтам. Странно, где-то я уже такие машины видел! Правая фигурка, несмотря на огромный рюкзак и гранатомет за спиной, бежит очень резво. При этом еще успевает тянуть за собой вторую, более мешковатую и припадающую на левую ногу. Это, наверное, и есть Храп. Да, он не только умелый убийца, но еще и верный товарищ, раз не бросает хозяина в беде. Значит, в аварии пострадал Мойша. Невольно проникаюсь к Храпу уважением – как ни крути, а он – настоящий солдат!

Центральный угольник прицела ловит мечущуюся фигуру Храпа. Делаю первый выстрел. Кажется, ушло вправо – трассеров нет и корректировать трудно. Тут же подключаются автоматы остальных. Короткими очередями трещит «АКС» Белоусова, гулко бьют одиночными «М-14» и «Г-3».

«Ду-ду-ду», «ду-ду», «ду-ду-ду». Фигурки пригибаются, замирают, а затем начинают улепетывать с утроенной скоростью. Вокруг них прыгают фонтанчики выбитой пулями земли. Вот высокая поджарая фигура Храпа дернулась – Водолаз постарался. Мойша пытается его тащить, но тот отталкивает хозяина к машинам, а сам сбрасывает рюкзак и пытается снять с плеча оружие. Отсюда не видно, но, кажется, что-то длинноствольное. Хочет прикрыть отход. Пять баллов, Храп. Но это благородное устремление губит на корню Радченко – стайка трассеров четко накрывает Храпа, когда он уже вскидывал оружие. Ствол летит в сторону, а самого Храпа по замысловатой траектории швыряет на землю.

Мойша снова у меня на прицеле. Выстрел. Черт возьми, прицел явно не выверился – пули уходят вправо. Целюсь не угольником, а правым штрихом-пятеркой. Зацепил! Фигурку в зеленоватом комбезе развернуло и бросило на землю, но через секунду он поднялся, пропустив над головой целый рой трассеров. Успеет сделать еще несколько шагов, и очередной трассер настигает его в нескольких метрах от укрытия. Даже с такого расстояния видно, что ему оторвало голову.

– Кажись, все, – произнес Белоусов. – Поехали, Свиридов.

Храп до белизны в костяшках стиснул рукоятку потертого пулемета «РПД». В устремленных в небо глазах застыла настоящая ярость берсерка. Несмотря на оторванную ногу, он, казалось, был готов биться и после смерти. Славик Мойша действительно лишился головы, благодаря которой он в свое время занял высокое положение в Зоне. Теперь она закатилась под днище незнакомой машины и поблескивает металлическими деталями опытного шлема конструкции покойного Шплинта.

Долговцы моментально распределили между собой сектора наблюдения и впились в них взглядом, выставив вперед автоматные стволы. Видно, что на учениях отрабатывали все это до седьмого пота. Ну что ж, тяжело в учении – проще в лечении...

– Ну как, то, что искали, оно здесь? – спросил Белоусов.

– Да, вон он, рюкзачок наш. – Водолаз кивнул на обезглавленное тело. – Правда, боец твой половину его снес!

– Что делать? А иначе забрались бы под машину, и мы бы их оттуда до следующего Выброса выковыривали. Если бы они нас раньше не положили.

– Ну да, ну да...

Мы окинули взглядом сгоревшие бронеходы. Знакомая до ужаса конструкция! И знакомые отметины – на задних бронелистах четко видны следы от попадания кумулятивных боеприпасов. Корпуса ржавые, но это из-за того, что машины горели. Сами они тут стоят относительно недавно. К тому же техника не совсем мирная – на башнях видны выносные турели с шестиствольными пушками. Мощные гусеницы, башни-коробки... Черт! Это же...

– «Абрамсы»? Откуда они здесь?!

– Неделю назад один из наших секретов докладывал о движении гусеничной техники в соседнем секторе, – сказал Белоусов. – Но мы не стали выяснять – подумали, что это ваши.

Незнакомый звонкий голос ворвался в наш разговор:

– Не совсем верно, господа! Это не «Абрамс», это машина радиационной и аномально-активной разведки «Беатрисс» на его базе!

Черт! Вместе с этим голосом ко мне пришло ощущение направленного в спину ствола, причем, скорее всего, не одного. Свиридов попытался, вскинув автомат, взять инициативу в свои руки. Неудачно. Полухлопок-полущелчок – и половина его головы улетела на броню «Беатриссы», несмотря на наличие шлема. Вернее, вместе со шлемом.

– Еще спортсмены-стрелки среди вас есть? Нет? Вот и хорошо! Кладем оружие на землю и медленно разворачиваемся ко мне лицом!

Когда я и Водолаз выполнили команду (остальные и так стояли лицом), мы увидели молодого парня в незнакомом, но явно навороченном защитном костюме. В руках у него был пулемет «Печенег», а на лице застыла снисходительная улыбка, от которой у меня мурашки пробежали по коже. У остальных, впрочем, скорее всего, тоже. Но «Печенег» так тихо не стреляет. Видимо, есть еще и снайперы с бесшумками, которых, равно как и этого рэмбу, не заметили даже натасканные долговцы. О наличии снайперов говорила также наглость и показная беспечность парня.

– Итак, пара сталкеров, четверо, пардон, трое долговцев, а на десерт еще и двое военных, причем один из них – армейский сталкер. И что объединило столь разный контингент?

– Борьба за правое дело, коллега, – мрачно пошутил Водолаз.

– Коллега? – удивленно проговорил Белоусов.

– Ну да, в некотором смысле, – подтвердил парень, который явно удивился осведомленности Водолаза, хотя сразу же взял себя в руки и сделал вид, что всегда был в курсе.

– Сталкерская группа ФСБ, – пояснил Водолаз. – Нас инструктировали, что два месяца назад они проникли в Зону. Это было как раз тогда, когда к нам зачастили америкосы.

– А не фига было кидать братьев-славян! – огрызнулся парень. – Построиться в одну шеренгу фронтом на шоссе!

Почти идеальный строй из двух военных и трех долговцев послушно замер под дулом одного «Печенега» и неизвестного количества «винторезов».

– Короче, орлы! Ваши бранные тела нам не нужны. Сейчас чапаете до шоссе, а там – до деревни. Будете дурковать – у нас не только «винторезы» есть, но и пара «взломщиков», то есть до полутора километров мы вас достанем. Про вертушки и спецназ мы в курсе, перехватили ваши телеграммы-молнии. В деревне вас они и подберут.

– А сам как думаешь уйти?

– Не твоя печаль! Лучше о себе подумай!

Хрясь!

Неописуемое ощущение удара хорошим сосновым дрынком по затылку. А затем не менее пьянящее чувство полета, которое, впрочем, закончилось после того, как мой нос врезался в чернозем. Но услышанная после этого автоматная трескотня и гулкие хлопки подствольников дали понять, что имел место быть все-таки не дрын, а небольшое количество тротила, рванувшего в пяти метрах от меня.

Привстав на локтях, оглядываюсь. Наш боевой конь производства ульяновского завода жизнерадостно полыхает, прошитый насквозь «морковкой». Вот, кстати, прилетела и вторая – склон холма метрах в пятидесяти расцветает коричневатого-черным цветком разрыва с

огненно-рыжей тычинкой. С «печенеговладельца» наглость как рукой сняло – он уже скачет по траве, пытаюсь добраться до второй «Беатриссы», где имеется довольно выгодная позиция для отражения атаки. А атака идет с севера. Душа все еще мечтает о том, что это наш спецназ. Но душе сейчас лучше заткнуться – мозги прекрасно понимают, что спецназ не мог высадиться за Барьером и подойти с той стороны. А значит... Здравствуй, «Монолит»!

В трех метрах от меня, как будто из-под земли, вырастает укутанный в маскхалат снайпер в «винторезом». На меня – ноль внимания. Мне, впрочем, тоже сейчас не до выяснения отношений, хотя Свиридова по-человечески жалко. На склонах вырастают еще несколько лохматых зеленых фигур, которые устремляются к «Беатриссам». Мы также принимаем единственно верное решение – хватаем выброшенное в приказном порядке оружие и начинаем занимать позиции.

Трассеры монолитовских пуль носятся над головой, как светлячки с реактивными двигателями. С нашей стороны уже заработал «Печенег», слышны тихие щелчки «винторезов», басовито гавкнул «взломщик». Пристраиваю автомат на покрытый ржавчиной блок стволов пушки и прилипаю к оптике. Так, наверное, китайцы шли в атаку на Даманский. Почему-то от былой монолитовской хитрости и изворотливости не осталось и следа. Цепь серо-зеленых фигур идет в полный рост, правда, прикрывая друг друга огнем. Но мы-то в укрытии, к тому же с нами, пусть и временно, стрелки высочайшего класса. «Винторезы» бесшумными змеиными укусами выбивают из цепей одного монолитовца за другим. Гулкий удар. Огненная муха термобарической гранаты падает посередине цепи, пробив в ней солидную брешь.

Монолитовцы, как я понял, никогда не сдаются. Последняя цепь была уничтожена всего в ста метрах от нас. Многообещающее начало.

– Проверить боеприпасы, доложить!

Этот зычный голос мне не знаком. Видимо, старший фээсбэшник.

– Украинские сталкеры! Кто старший?

По званию – вроде как я. Но кодированную команду «Ребус-313» пока никто не отменял, тогда получается, что вроде как Водолаз. Но, с другой стороны, долговцы – это вообще частная банда, хотя и живущая фактически по Уставу и плодотворно сотрудничающая с вооруженными силами. Ладно, Кривенчук, нехорошо бегать от ответственности!

– Я старший, капитан Кривенчук!

– Ползи сюда, только их снайперов не дразни!

За ближней «Беатриссой» меня встретил мужик лет сорока с волевым лицом и ручищами размером с совковую лопату. Даже Водолаз померк по сравнению с ним. А вот, кстати, и он! Сосредоточенно набивает магазин «Г-3», косится на окружающих серым глазом и самозванное взятие мною командования на себя не оспаривает.

– Значит, так, капитан. Меня Удавом зови. Мы сталкерские традиции соблюдаем, да и короче так будет. До деревни мы дойти не сумеем – почти три кмэ чистого поля. Выкосят всех. И нам, и вам нужны эти бумажки. Но, кроме этого, всем еще нужно остаться в живых. Когда вертушки твои будут?

– Не знаю. Если технику после Выброса успели в порядок привести, то где-то через пару часов, может, меньше.

Слева раздался крик наблюдателя:

– Противник на десять часов, дистанция – 600, группа пехоты, около десяти человек! Залегли!

– Что-то готовят, уроды! – сплюнул Удав.

– Когда мой блок атаковали, они дымы активно использовали, – вспомнил я, – скорее всего, хотят завесу поставить, чтобы сблизиться.

– Тут чистое поле, запарятся ставить. Только если у них есть какие-нибудь особо сильные шашки, типа УДШ. А гранатами тут даже пытаться не стоит! Профессор, поработай по ним из «взломщика», только осторожно.

– Есть! – Долговязый парень подхватил с земли крупнокалиберную снайперку и, пригибаясь, побежал на позицию.

– А как вы нас вычислили? Мы же вообще не знали, что здесь поедем?

– Да никак! Вы сами на нас налетели. Мои парни едва замаскироваться успели, когда вы тут этот вестерн устроили. Хотели зонды поставить и уйти по-тихому. Не получилось, как видишь. Хотя про документики давно знали, но это не было нашей основной задачей. Никто не верил, что можно ходить за Барьер, все считали, что это слухи. А потом мы перехватили сигнал вашей группы, которую монолитовцы прищучили. Уже подумали, что упустили. Вот пиндосов нашли, – он кивнул на «Беатриссы».

– Так это вы их?

– Ну да, пришлось показать, кто в доме хозяин. Они одну мою группу своим «вулканом» положили перед этим.

– А как же вы Выброс пережили?

– Все-то тебе покажи да Расскажи! – усмехнулся Удав. – Не твоего ума дело, капитан. Может, если сложится все, узнаешь.

Ухнул «взломщик» Профессора. Потом еще раз.

– Еще одна цепь идет из Марева!

– Дальность?

– Порядка двух тысяч! Подойдут поближе – смогу работать!

– Работай только наверняка! Подпусти минимум на тысячу! Тепловизор используй!

– Понял!

– Ладно. Воин, помоги Профессору, – это он Водолазу.

Водолаз кивнул и похромал к своей позиции за правым передним катком «Беатриссы».

Мой автомат был не сильно полезен на такой дальности. Это обычного солдата свистящая над ухом пуля может заставить залечь или остановиться. А монолитовцы – это фанатики, которых пуля если и остановит, то только когда снесет башку.

«Ду-дух!» Очередная крупнокалиберная пуля ушла в направлении Чернобыля. Вот и кончилось лето! Судя по дерганым движениям фигурок противника, они бегут. А значит, скоро вступать в дело и нам.

Заработал из своей «Г-3» Водолаз. Савицкий помогает из «М-14», но у него нет оптики. Наконец плотная, несмотря на меткий огонь, цепь монолитовцев приблизилась метров на четыреста. Начал долбить, отсекая очереди по три патрона, Белоусов, защелкали «винторезы» фээсбэшных снайперов. Я вскинул автомат и начал ловить в прицеле серо-зеленые силуэты врагов. Штрих-пятерочка наведен в живот (наибольшая вероятность попадания), выстрел, враг валится на землю. Красиво, но врагов море! Орды Чингисхана, блин!

Воздух, казалось, сжался до плотности бетона. Грохот взрыва был почти не слышен из-за сдавившего все тело воздуха, который устремился в вакуум, образованный разрывом термобарического боеприпаса. Невидимая сила рванула меня от брони и швырнула об землю. Вижу только окутавшие все вокруг клубы поднятой взрывом пыли. Сознание, впрочем, быстро настраивается на серьезный лад, и руки, уже нащупавшие брезентовый автоматный ремень, начинают тянуть его на себя в надежде, что автомат на его другом конце тоже присутствует. «АКС» действительно был на месте. Принимаю вертикальное положение, хотя руки-ноги слушаются с трудом.

Волна атакующих перешла на бег. Оптика разбита, да и бесполезна она на таком расстоянии. Негнущимися пальцами отвожу стопор и скидываю прицел. Земля кругом кипит от вражеских пуль. Замер, как сломанная кукла, на земле Савицкий, чуть дальше вижу двоих убитых фээсбэшников. Водолаз медленно раскачивается, сжав руками виски. Но времени нет, сейчас будет жарко. Очень жарко.

Несмотря на наш сильный огонь, противник приближается. С обеих сторон полетели гранаты. Рядом плюхается зеленый мячик эргэдэшки, который я успеваю оттолкнуть ногой под днище «Беатриссы». У монолитовцев такое не выгорит – гранаты, которыми вооружены

фээсбэшники, взрываются сразу при ударе о землю. Я тоже отправляю в уже нестройные ряды врагов свою «эфку» и тяну из кобуры «форт».

До врага не более тридцати метров. Наши неожиданные фээсбэшные союзники точно подгадали момент, когда монолитовцы в большинстве своем опустошили магазины. Не став перезаряжать «винторезы» и автоматы, они вытащили из кобур пистолеты. Стало ясно, что бой близится к рукопашной. Столкнулись две мощнейшие силы: с одной стороны – высочайший профессионализм, с другой – безудержная фанатичная ярость. Тяжелые пули «ГШ-18» и «фортов» выбили с полтора десятка атакующих, прежде чем их волна докатилась до «Беатрисс». Буквально в упор расстреливаю последние патроны, прежде чем молодой монолитовец с перекошенным ненавистью лицом добежал до меня. Приклад «АКСа» просвистел в том месте, где секунду назад была моя голова, и с лязгом отскочил от брони. За это время я успел ударить его хозяина кулаком в пах и добавить локтем по затылку. Второго супостата, держащего перед собой китайский «АК» с длинным игольчатым штыком, я встретил уже с ножом в руке. Отбитый левой рукой удар пришелся в пустоту, а лезвие, которое я за время посиделок у Медузы успел заточить на оселке до бритвенной остроты, очертив сверкающую дугу, резануло ему по горлу. Рядом здоровенный фанатик попытался достать Белоусова ударом пулемета, который он перехватил за ствол на манер палицы. Но командир долговцев с необычайной для его возраста и комплекции быстротой поднырнул под удар и всадил узкое лезвие кинжала британских коммандос ему под мышку, точно попав в промежуток между бронепластинами. Врагов вокруг нет, поэтому, пользуясь случаем, поднимая с земли свой пистолет и перезаряжая его. С другой стороны машины один из фээсбэшников в лохматом маскхалате отбил удар своим автоматом, обратным движением приклада развалил висок противнику, но вдруг с хрипом выгнулся назад, когда штык другого монолитовца вошел ему в спину. Тот заносит было руки для второго удара, но падает, сраженный моей пулей.

От нашего и без того немногочисленного отряда осталась половина. На земле застыли тела четырех фээсбэшников. Из долговцев уцелел только Белоусов. Водолаз, несмотря на ранение и контузию, не только сумел выжить, но и даже кого-то завалил.

– Бекас, Бекас, я – Удав. Уходите! – Старший фээсбэшник поднес рацию к разбитым губам. – Личные убежища уничтожить и уходить в запасной район!

– Понял, Удав! – прошипела в ответ рация. – Разрешите оставить пару Зорких для вашего прикрытия?

– Не разрешаю, мать твою. Уходите, это приказ!

– Понял, Удав! Мы сейчас перехватили переговоры «Долга», они говорят, что в Зону вошло крупное воинское подразделение, прут, не разбирая дороги. Уже потеряли кучу народа в аномалиях, но продолжают двигаться. Идут в вашем направлении.

– Я понял, Бекас! Ноги в руки – и в запасной район!

– Понял, Удав, прием!

Опа! Оказывается, с нами только часть фээсбэшной группы! Жаль, что помогать нам она уже не будет. Удав тем временем включил сканер и вышел на долговскую частоту:

– Квадрат-602, я – Вектор-110! Вояки дошли до меня! Веду наблюдение. Что они делают?! Дороги вообще не разбирают! У них только что БТР в «жарку» влетел, никто не успел выскочить. Долбят во все, что шевелится! Кажется, 105-го они уничтожили.

– Вектор-110, спрячьтесь, огонь не открывать, вести наблюдение!

Да, «Долг» явно не хочет ссориться с армией.

– Что за хрень?! – заорал вдруг Удав. – Марево! Что с ним происходит?!

Голубоватый купол неожиданно начал бледнеть. Северные окраины Залесья отчетливо выделялись, больше не скрытые мглой. А вскоре вместо невнятных очертаний за ними выступили панельные многоэтажки южных окраин Чернобыля.

– Какого...? Собрать оружие и боеприпасы, приготовиться к бою!

– А как монолитовцы поняли, что мы именно те, кто им нужен? – озвучил я вопрос, занимавший меня последние полчаса.

– Да хрен его знает, капитан! – Удав, поморщившись, сплюнул красным на траву. – Я сам давно наблюдаю за ними и многого не могу понять. Они Монолит свой иногда «высшим разумом» называют. Не знаю насчет высшего, но координирует и направляет всегда кто-то очень грамотный.

– Да, я тоже заметил в свое время...

– Удав! Они технику подтянули!

Мы одновременно вскинули к глазам бинокли. Впрочем, на моем уже был разбит один объектив, так что прибор наблюдения из бинокля стал монокуляром. Но то, что я увидел в него, мне, мягко говоря, не понравилось.

По краю поля протянулась местами редкая, местами густая цепочка новой волны монолитовцев. И в четырех местах она разделялась слабо различимыми отсюда коробочками непонятных пока машин. Все оставшиеся в строю восемь пар глаз устремились на север, и столько же пар ушей пытались распознать детали в надвигающемся гуле. Первые пару минут я слушал только биение своего сердца. Затем стал различим рев движков.

– Вот падлы! – не выдержал Удав. – Оказывается, они и управляют Маревом!

– Кто сказал, что они? – усмехнулся кровотокащими после рукопашной деснами Водолаз. – Лично я за то, что Маревом управляет тот, кто управляет ими!

– Откуда у них броня-то? А, оцепление, чего скажешь? – это Удав уже мне.

– Это ж Зона! Сколько техники осталось после восьмидесят шестого? В том числе и брони! Это в самой Зоне мы их с вертушек иногда бьем, а за Маревом их как достанешь?

– Ладно, давай лучше прикинем, что у них может оказаться и чем бить их заодно.

– Танков нет, иначе слышали бы уже отсюда.

– Это, конечно, радует до ужаса, но нас и без танков расшлепать можно с полпинка!

– Тише! Кажись, БТРы у них точно есть!

Сквозь гул я уловил характерный «так-так-так-так» старых «газовских» движков. Это наши дизельные «восьмидесятки» режут, а у старых бензиновых БТРов движки будто тикают. Наподобие большого будильника, только быстрее.

– БТРы можно из «взломщика» расшлепать! У Профессора бронебойно-зажигательные есть?

– Слышь, Профессор! Ты «бзэшками» богат? – крикнул через плечо Удав.

– Один магазин, командир. Как обычно брал.

– Постарайся БТРы выбить! Там, кажется, «шестидесятки». Баки у них на корме, вдоль обоих бортов.

– Ближе чем с пятисот метров «взломщик» их не возьмет. Придется ждать!

– Ага! – негромко проговорил Удав, не обращая ни к кому конкретно. – Только вот они ждать не станут, нас-то из крупнокалиберных можно будет уже оттуда валить.

Впрочем, крупнокалиберные пулеметы «КПВТ» монолитовцы не задействовали. Один из левофланговых бойцов вдруг заорал:

– Пуск! Ложись!

Так обычно орут, когда видят гранатометный выстрел. Для «шайтан-трубы» слишком далеко, но искушать судьбу мы не решились и поспешно рухнули носами в землю.

Секунды через полторы все содрогнулось от мощного взрыва. Коричневый султан земли и дыма вздыбился на склоне холма за нашими спинами.

– Твою мать! Что это за хреновина? – проорал Водолаз, которого, кажется, контузило вторично.

– На вертолетный НУРС похоже! – крикнул в ответ Удав.

– Вроде вертолета мы у них не наблюдаем?

– Да он на фиг не нужен! Попала ваша вертушка в аномалию, рухнула, они ракеты и собирали, которые целые. Потом берут трубу, провода, батарейку и сажают ракетами через нее. Дешево и сердито, мы в Чечне такие десятками находили!

– Хорошие новости, Удав. Что, можно начинать прощаться друг с другом?

– Ну, пожалуй, можно.

Второй удар ждать себя не заставил. Пришелся он в борт моей «Беатриссы». Это уже больше было похоже на удар парового молота. Нас с Водолазом подкинуло метров на несколько и жестко опустило обратно. Когда я пришел в себя, то увидел перед собой застывшие глаза Удава. Машина накренилась на левый борт, похоронив под собой мой разбитый прицел и голову покойного Мойши. Земля содрогнулась от третьего разрыва. Сквозь ставший мутным воздух я разглядел пролетевший надо мной «винторез» и на удивление медленно переворачивающиеся в воздухе комья земли.

– Капитан... Кххрхх... Капитан...

Перевожу взгляд на голос и вижу лицо Водолаза. Из рта у него стекает струйка крови. Трясущейся рукой он подтягивает к себе рюкзак Шплинта. В другой держит термитную гранату.

– Капитан... Медуза был прав... Нельзя пытаться завладеть Зоной... Она нас наказала, и была по-своему права...

– Что ты делаешь, Водолаз! Сколько ребят наших полегло из-за этого!

– Извини... Они полегли из-за меня! Из-за Шплинта! Из-за тех, кто в высоких кабинетах мечтает поднять под себя мир! Я должен...

Медленно он разжимает пальцы и, сунув гранату в рюкзак, вышвыривает его на пяточок между «Беатриссами». Туда, где земля кипит от крупнокалиберных пуль и куда броситься за ним может только самоубийца. Белесое пламя вмиг сожрало брезентовое вместилище информации, способной озолотить своего хозяина, ну или хотя бы украсить его погоны огромным количеством больших звезд. Хотя пока что ее хозяева получали только могилу...

Новый удар ракеты пришелся левее. На меня накатилось тупое безразличие, за которым я не сразу обратил внимание на пересекающие небо с юга на север серые дымные полосы. В чувство меня привело только промелькнувшее в небе надо мной белое брюхо «двадцатьчетверки».

Небесные ангелы, маму за ногу! Пять минут! Ну почему пятью минутами раньше вы здесь не появились?!

Желудок пытается вытолкнуть из себя остатки съеденного утром сухпая, в голове гудит большой колокол Софийского собора, а во рту – приторный вкус крови. Опираясь на трясущиеся локти, я подползаю к гусенице «Беатриссы» и вглядываюсь в горизонт.

Цепь атакующих потонула в огне, дыму и пыли. Огромным костром там полыхает БТР-60, рядом видна разорванная пополам ракетой грузовая машина, кажется, «МАЗ». Среди этого всего мечутся серо-зеленые фигурки, которых становится все меньше и меньше под безжалостными огненными струями авиационных пулеметов. Три вертушки встали в «карусель». Не в смысле в аномалию, а в смысле в круг над полем боя. На смену отстрелявшемуся вертолету тут же приходил новый, а враг постоянно находится под смертоносным дождем ракет и крупнокалиберных пуль. Еще два звена устремились в сторону Припяти, когда...

Воздух над Центром вдруг запульсировал голубым. Исчезнувший с началом атаки купол вдруг снова стал набирать очертания. Полярное сияние я не видел никогда, но всегда представлял именно таким. Неожиданно окраина Чернобыля подернулась смертоносной голубоватой дымкой, а вскоре она докатилась и до северной окраины Залесья. Один из вертолетов, долбивших атакующих, чиркнул бортом по стенке голубого купола. Его лопасти резко замедлили бег. Боевая машина беспомощно закувыркалась в воздухе и рухнула на поле, рассыпая обломки. Оставшиеся сразу же ушли южнее, не прекращая обстрел. А с юга уже подлетала новая партия вертушек, на этот раз – «Ми-8».

Все, Кривенчук, ты дождался. Ты – живой...

* * *

Рыжая челка, веснушки на пухлых щечках, зеленые глаза...

– Проснулся, счастливчик?

Медсестра в зеленом халате и с озорным огоньком в глазах закрепила капельницу на хромированной стойке и, элегантно развернувшись на каблучках, подошла к подносу с пластиковыми тарелочками.

– Спецназеры тебя, милый, так промедолом обкололи, что мы уж думали, ты неделю в нирване будешь. Хотя нет худа без добра – тут особист полдня землю рыл, недавно ушел, не дождался, болезный.

Поднос с жидким больничным супчиком встал передо мной на блестящие поручни кровати:

– Давай, силы восстанавливай!

– Как Водолаз?

– Родимый, ты вроде не в Крым, а в Зону ходил. Или запамятовал?

– Старлей со мной был, сестричка. Кравченко фамилия его.

– Сам-то хорошо, что живой. Нет, на самом деле одного тебя привезли. Тут из штаба округа похлопотали.

Штаб округа... Значит, Сема. Значит, следил за нелегкой судьбиной раздолбая Кривенчука, значит, не забывал. Спасибо тебе, Семен, извини, что плохо иногда о тебе думал. Я прикрыл глаза:

– А больше никто меня не искал?

– Да тут прапорюга один ходит весь день, к тебе просится. Такой, шкафообразного телосложения. Вежливый, но морда – прости господи!

– Заворотнюк?

– Да, кажется, Заворотнюк. Доктор уже оборался на него, а тот ни в какую. «Пока командира не увижу, никуда не уйду». Хоть кол на голове теши!

– Лучше впустить! – усмехнулся я, отчего больно кольнуло в потрескавшихся губах. – Доктор, может, и не велел, но я очень прошу, а, сестричка?

– Ладно, ладно. Сейчас устрою, все равно влетит меньше, чем за его постоянное дежурство в коридоре.

Каблучки зацокали по направлению к двери.

Заворотнюк выглядел в новом камуфляже еще внушительнее, чем раньше. Маленькие колючие звездочки на необмывшихся погонах сидели как влитые.

– Здорово, Николай! Дико рад тебя снова увидеть!

– Добрый день, командир! – Под его рукопожатием моя ладонь жалобно хрустнула. – Я тоже рад. И ребята.

– Ну вот, мало того что монолитовцы меня потрепали, так еще и собственный зам руку ломает! Шучу. Давай рассказывай!

Заворотнюк сел на дерматиновый стул:

– Да что рассказать? Наших-то, ну, с кем мы начинали, осталось немного. Из вашей группы Феденко один невредимым ушел. Вывез всех раненых, даже летуна со сбитой вертушки снять успел до того, как та сгорела. Свиридов, Вешнякович и Шуляк в госпитале сейчас. А вот Матвей Яковенко без вести пропал. Он сталкерюгу того рыжего выносил, а потом в лесу сталкерюгу в отключке нашли, а Матвей исчез. На следующий день начштаба приехал и скандал закатил – наших-то ребят мы всех, что живых, что мертвых, вывезли, а на монолитовцев болт положили. И ночью «плоти» их капитально обглодали. Ну он кипеш и поднял – мол, трофеи, вещдоки, все такое. Как будто трупов в Зоне мало? Поорал и уехал. А к нам на усиление прибыл взвод во главе с каким-то заторможенным мамлеем. Он сразу же в работу ворвался, да так успешно, что к вечеру в «мясорубку» угодил, когда заграждения проверял. Короче, остался я опять за старшего. Ну, утром командир полка приехал, посмотрел и говорит: «По-моему, Зона сама рассудила, кто здесь лучшим командиром будет! Готовься, Заворотнюк, через недельку замена прибудет тебе. Как смотришь на военную карьеру?» Я сказал, что смотрю в целом положительно. Промутил мне через штаб Сил Контроля прапорщика, и оказался я здесь, под Днепром, на курсах младших лейтенантов.

– Молодца, Николай. И спасибо тебе за тот бой! Если б не ты – никто бы не вернулся, а меня бы уже отпеть успели!

– Да брось, командир! Бой есть бой. Я свой долг выполнял, вас прикрывал, ребят тоже. А еще жалею, что там, у будки, меня не было.

– Не торопись на тот свет, Николай. Если решил завязать судьбу свою на Зону, то шансов таких у тебя будет немыслимое количество. Там умереть особых сил не требуется!

– Знаю я это все, посмотрелся. Да только чувство странное какое-то – вроде зовет она меня, тихо-тихо так! Посмотрю еще, может, в военные сталкерюги подамся.

Разговор у нас шел до ужина. Рыженькая принесла очередной подносик, а Заворотнюк распрямился и, виновато опустив голову, сгреб в ладонь отутюженную кепку. Все-таки занятый он человек – из-под выступающих надбровных дуг, иллюстрирующих теорию Дарвина, на тебя смотрят печально-умные глаза старого еврея-бухгалтера, а зычный крик на плацу соседствует с негромким вежливым разговором один на один.

– Ну ладно, Виталий Петрович, пойду я. А завтра-послезавтра снова загляну обязательно!

– Будь здоров! Я всегда рад тебя видеть!

На следующий день меня польстил своим визитом Семен. Сперва в палату вплыло солидное брюшко кадровика, а затем вошел непосредственно сам майор Гавриленко.

– Здорово, вашбродь! – Я улыбнулся и вскинул руку к забинтованной голове.

– К пустой голове рука не прикладывается, штабс-капитан! – озвучил Сема бородатую армейскую шутку и улыбнулся в ответ.

– Да хрен ты угадал! Во-первых, голова у меня не пустая. Нет, внутри – допускаю. Но бинтов на нее намотано больше, чем у Рамзеса Второго в день отпевания. Так что это – мимо кассы. А во-вторых, штабс ко мне неприменимо. Я ж в штабах всегда только для получения зарплаты появлялся. Либо на раздачу строгих выговоров с лишением премии. Мимо кассы вторично!

– Ладно, не умничай тут! А то я начну думать, что это радиация на тебя так благотворно влияет.

– Да ладно тебе. Везде, где мы лазили, был нормальный фон. По зонавским меркам.

– Да сам-то ты, может, и лазил в чистых местах. Да только осколки, что извлекли из тебя, так светятся, что хоть на елку их вешай! Наверное, монолитовцы эти ракеты прямо в саркофаге ЧАЭС хранили.

– Рядом с Монолитом?

– Не знаю, может, он их ими и снабжает. И вообще, хорош трепаться! Как сам?

– Да потихоньку, местами и короткими перебежками.

– Уже неплохо!

– Сема, что с Водолазом?

– С каким еще Водолазом?

– Старлей из той сталкерской группы. Кравченко.

– А-а... Понял, о ком ты! Не довели его, умер в вертушке. Да спецназеры сказали, что и шансов у него было немного. Там в живых остались только один из москалей и мужик из «Долга».

– Белоусов?

– Да хрен его знает. Спецназеры, придурки, пристрелили его на базе, когда узнали, что он сталкер. Фээсбэшника ума хватило довести. Тут особист все скакал – хотел вколоть ему скополамина и вывести страшные тайны Лубянки и Припяти. Но врач его послал далеко и сказал, что если парню колоть что-то кроме глюкозы, то он откинет копыта через полминуты. Ты тут не тушуйся, завтра особист стопудово к тебе наведается, он вокруг твоей палаты, будто коршун, круги нарежет! Ежели что – свистни, проведу с ним ликбез на тему «Правила хорошего тона при общении с ранеными героями».

– Хватит, Сема! Ну просто я убежал сдуру в Зону, ну с кем не бывает? Зачем меня медалями сразу обвешивать?

– Не бойсь! Медали вряд ли кому в сложившейся ситуации светят. Так что не придется тебе к поощрениям со стороны вышестоящего командования привыкать! Короче, Склифосовский! Погнал я в управление, сейчас, как всегда после залета большого, пошли

проверки всего и вся. Монолитовцы отбили секретные документы, следовательно, надо проверить правильность прикручивания табличек на кабинетах в кадрах округа и начищенность сапог у солдат из роты охраны. Дабы такие инциденты не повторялись в дальнейшем! На, поддерживай силы в изможденном ратными трудами организме.

На стол опустился пузатый пакет, полный различных свертков и источающий аромат копченого сала.

– Скоро обратно зайду, Петрович! Соскучиться не успеешь! Счастливо!

– Будь здоров, Сема!

Дверь за Семой мягко закрылась. Я откинулся назад и уперся взглядом в потолок. Зона... Зона... Ты прошла огнем по моему телу, по моим друзьям, по моей жизни. Только странное у меня чувство. Ненормальное, я бы сказал. Разве нормально – полюбить мертвые города, заросшие бурьяном поля, полуразвалившиеся заводские корпуса, застывшую на вечной стоянке технику? Кривенчук, это какой-то некрофилией пахнет! Я ведь смертельно боюсь Зону, я видел, что она делает с людьми. Но это разумная часть моей души. А есть у нее еще одна, абсолютно иррациональная составляющая. Та, что заставляет людей бросить уютные кабинеты, как Медузу. Или забыть про легкие и ненапряжные деньги и хабар, как Водолаз. Хрен бы он сталкерил из-за одной только угрозы расстрела, в крайнем случае – сбежал бы на первой же ходке. Я сейчас осознал все ее величие. Завтра, скорее всего, придет особист, высосет мне весь мозг. Потом или спишут, или направят на новое место службы. Но место свое я уже знаю. Оно там, за тысячекилометровой оградой с заточенными под бритву стальными лезвиями на гребне, за гирляндами колючки и «путанки», за тысячами мин и сигналок. Туда ведут дороги, прикрытые ошетилившимися пулеметными стволами блокпостами. И аномалии, и мутанты, отвратительные даже на плакатах в учебке и смертельно опасные в жизни, – это все считается острым соусом для настоящей Жизни. Жизни с большой буквы. В Зоне с большой буквы. А еще там, за отравленными водами реки Уж, под ржавеющим корпусом «Беатриссы» лежит голова бывшего торговца Славика Мойши, на которую надет ключ к самым сокровенным тайнам – прибор гениального самоучки Шплинта. Если хорошенько поработать лопатой, то – кто знает?.. Я слишком нерационален, чтобы пытаться завладеть миром. Но в душе моей, наверное, живет ребенок, которого манит непостижимая загадка Центра. Ты – оторванный от этого мира ломоть, Кривенчук. Но в этом твоя сила. Да, впрочем, этим силен любой сталкер. Сталкер... Твой враг номер один неделю назад... А теперь ты примеряешь эту масть на себя! А может, она всегда была моей?

Ежи Тумановский ПАТРУЛЬ

Хочу сказать искреннее спасибо Роману Куликову и Юрию Бесарабу, которые сумели заставить меня закончить этот текст.

Ежи Тумановский

Этот бар на самом краю Зоны они облюбовали не так давно. Раньше всё ходили в «Семь печалей» да в «Утробу дьявола», а вот теперь всякий раз, когда хотели немного расслабиться, собирались здесь, в «Броненосце».

Подступал вечер. В круглых иллюминаторах-окнах еще плескалось напоследок беспокойными сполохами красное от натуги солнце, пытаюсь задержаться еще хоть чуть-чуть, уговаривая маму-ночь разрешить еще немножко поиграть с людьми, но твердая рука темноты уже развернула пушистую постель в серебристых искрах первых звезд, и в Зону вползала Тьма.

В полумраке небольшого зала среди редких столиков неслышно сновал бармен. Заглушая чужие разговоры, хрипел в углу старый радиоприемник, заменявший тут все

музыкальные изыски. В табачном дыму плавала прибитая справа от стойки нарочито огромным гвоздем табличка «У нас не курят».

– Все не могу привыкнуть, – задумчиво косясь в иллюминатор, сказал Дзот, – к тому, как это происходит. Ну, подумаешь, что за беда? Ну, солнце село. Ан нет. Зона сразу становится другой. Прямо жуть берет каждый раз. И ведь сколько раз ходил ночью туда – ничего не чувствуется. А здесь, на границе, каждая собака знает, когда солнце уходит.

– Выдох Зоны, – расслабленно откликнулся Рвач, потягивая ледяное пиво из запотевшего бокала. – Когда-то это считалось на грани дозволенного. Первый нехороший признак был, если объект ощущал выдох. А сейчас ничего. Почти все ощущают.

– Не все, – подчеркнуто нейтральным голосом возразил Копец. – А кое-кто даже говорит, что раз не слышишь выдоха, значит, не услышишь и контролера.

– Вот кто у нас точно еще без изменений! – все так-же расслабленно отозвался Рвач. – Сынок, не надо об этом даже думать. Не услышишь – и черт с ним! Главное успеть включить «барьер». А то ведь как бывает? Сегодня – норма, а завтра скажут: нет, вы уже не люди. И тогда конец. Вперед, в последнюю ходку.

– Опять ты за свое, Рвач, – недовольным голосом отреагировал Сток, тянувший густой сизый дым из большого разноцветного кальяна. – Последняя ходка да последняя ходка. Что, годы берут свое, старая развалина?

– Ха! Годы! А ну пойдем ножиками потыкаемся, разберемся, у кого тут годы! – бодро ответил старый «должник», явно поддерживая обычный среди своих диалог, и привычным взглядом obeжал помещение бара.

В противоположном углу шумно веселилась какая-то компания. Здесь, за пределами Зоны, никто знаками различия не щеголял, но опытный глаз легко отличал детали одежды и манеру общения разношерстной братии из клана «Свобода». С «Долгом» у этой организации были достаточно натянутые отношения, что обозначало немедленное открытие огня, но только по ту сторону границы. Здесь же, в обычном мире, «должники» придерживались старых договоренностей и в конфликты с другими кланами старались не вступать.

Поэтому только сидевший лицом в сторону свободников Дзот иногда морщился и подолгу смотрел в круглое окно-иллюминатор.

Однако в какой-то момент в том углу зашумели сильнее, толпа из двух десятков человек радостно заорала, чем и привлекла внимание «должников». Теперь было видно, что там, на самом краю массивного стола, стоит, балансируя и раскачиваясь из стороны в сторону, худой старик с дряблым лицом, которое неясно маячило сквозь табачный дым светлым однотонным пятном. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что у старика просто нет глаз.

– Давай-давай! – заорали в толпе свободников, и старик послушно подогнул одну ногу. Теперь стало очевидно, что слепец ко всему прочему еще и пьян. Он стоял, бешено размахивая руками, чтобы удержать равновесие, яростно кривил буро-коричневое пятно лица, но каким-то чудом не падал. Возбуждение в толпе все нарастало. Один из свободников с подчеркнуто важным видом смотрел на часы, явно ведя отсчет секундам, другой принимал от окружающих деньги.

– Вот, уроды. – Дзот досадливо сплющил недокуренную сигарету. – Сами шакалы, и развлечения у них тоже шакальи.

– Брось, – спокойно отозвался Рвач. – Тебе-то что до них? Сиди, расслабляйся и не лезь в чужие дела.

– Мне тоже это не нравится, – подал голос Копец. – Может, по ноздрям?

– Я тебе дам «по ноздрям», – внушительно пообещал Сток и даже сделал движение, словно собирался показать кулак. – Мало нашей дипмиссии скандалов утрясать приходится? На последнем совещании было четко указано: за веселуху с кулаками стоимость всех договоренностей будут теперь вычитать из зарплаты. Хочешь лапу сосать? Ну иди тогда, наводи справедливость. Только дай мы сперва отсюда слиняем.

Копец изобразил лицом что-то вроде «да ладно, все понял, молчу» и поднял руку, привлекая внимание бармена.

Старик на краю стола тем временем сумел найти некоторый баланс и теперь раскачивался значительно меньше. Свободники гомонили и продолжали ставить деньги.

– 60 секунд осталось! – громко объявил человек с часами.

– Еще «Свиристого кенга», приятель, – сказал Копец подошедшему бармену. – А что это у ребят за веселье такое?

– Фримены, «каменюха» их залови, – мрачно отозвался бармен. – У старого идиота деньги на выпивку кончились, так он поспорил на бутылку чистенькой, что простоит на краю стола на одной ноге три минуты. Глаз свой электронный поставил. Сейчас свалится и останется вообще без ничего.

– Это его личное дело, не так ли? – подчеркнуто беспристрастным голосом спросил Рвач.

– Так, – мрачно согласился бармен. – Только они ж его час на этот спор раскручивали. Развлечения им подавай. То девок требовали найти, а как послал их – на старика вот насели.

– Двадцать пять, двадцать четыре, двадцать три... – скандировало хором несколько человек, и вдруг старик резко клюнул лицом вперед, изогнулся всем телом, но не удержался и боком повалился на пол. Толпа взревела, и некоторое время вообще ничего не было слышно.

Бармен досадливо вздохнул и отправился за стойку. Рвач демонстративно отвернулся. Дзот поморщился и уставился в иллюминатор.

– Мошенничество! – донесся из угла тонкий старческий голосок. Несмотря на удручающий вид его обладателя, голос был достаточно тверд. – Меня толкнули! В последний момент толкнули в спину!

Шум голосов плеснул, на миг заглушив слепца, но он продолжал надрываться:

– Так неправильно! Так нельзя! Я устоял, отдайте мой выигрыш!!

– Не разводи вонь! – с угрожающим напором ответил кто-то из толпы. – Продул – вали отсюда. А то щас отдам – костей не соберешь!

Дзот побледнел и повернулся в сторону скандала.

– Спокойно! – сказал Сток, а Рвач предупредительно положил руку на предплечье товарища. – Дерганный ты какой-то стал. Может, пора подлечиться уже?

– Да нормально все, – кислым голосом отозвался Дзот. – Просто надоело это все за разом раз слушать. Ну, пусть только попадутся мне на выходе, – добавил он уже себе под нос, пристально вглядываясь в разбредающуюся по столикам толпу.

Слепец, видимо, испугавшись, замолчал и затерялся в сумрачном пространстве бара.

– Завтра тренировка в семь, – проинформировал Сток уже просто для смены разговора: расписание утренних занятий в кваде было известно на месяц вперед.

Между тем пьяная толпа в другом конце бара жаждала новых развлечений. Дело постепенно шло к излюбленному зрелищу всех времен и народов. Двое сбрасывали куртки и рубахи. Возле каждого уже собралась кучка болельщиков, а между ними сновал давешний сборщик денег и снова потрясал пачкой разноцветных бумажек.

– Пойдем отсюда, – брезгливо бросил Дзот, пытаясь подняться. Копец с готовностью отодвинулся от стола, но Сток демонстративно развалился на стуле и нарочито спокойным тоном заявил:

– Да нет уж, давайте досмотрим до конца. А то я уже начинаю подумывать, что нельзя мне в Зону такой квад вести.

– И не говори, командир, – подхватил Рвач. – Давай лучше возьмем вон тех мощных парней, а этих нытиков оставим на базе штаны стирать.

Дзот помрачнел, но безропотно опустился на место. Копец безразлично пожал плечами и махнул бармену пустой кружкой.

* * *

Когда белый свет немного тускнеет, я вижу вокруг призрачный мир. Он смутно знаком мне, иногда кажется, что он имеет ко мне какое-то отношение, но потом я понимаю, что это не может быть истиной, ведь истина – это просто белый свет. Я часто смотрю в этот

мир, его странная жизнь развлекает и будоражит меня, дает какое-то новое ощущение созревания, подъема. Это могло бы показаться мне странным, будь я одним из этих существ, что решают свои смешные проблемы в этом, обеспокоенном мелочными заботами, мире. Но я знаю, что пути познания извилисты и не всегда понятны. Я чувствую, что этот примитивный мир учит меня чему-то, и это достаточная причина для наблюдения за ним.

Вот бар, открытый в корабле, неведь как оказавшемся вдали от ближайших крупных водоемов. Люди, что называют себя сталкерами, собираются устроить телесные состязания. Другие люди, которым я иногда даже симпатизирую за ясность движения, испытывают недовольство, но продолжают сохранять позицию. Интересно. Еще одно, ущербное, но четкое человеческое существо копит причины для неожиданного действия. Любопытно.

* * *

Кулачного боя не получилось. Давешний старик, проигравший последнее свое имущество в виде электронного глаза, вдруг завопил истошным голосом и взялся протискиваться к уже почти готовым бойцам.

– Что за бред! – орал старик издевательским голоском. – Неужели все настоящие сталкеры давно ушли в Зону, а здесь оставили только пацанов в грязных подштанниках? Мордобитие – забава для детей! Вот забава настоящего мужчины!

В поднятой вверх руке старого безумца взблескивал длинный прямой нож. Он, очевидно, знал, какую притягательную силу имеет вид хорошего оружия и, продолжая выкрикивать, повел изумительным куском стали по кругу на уровне любопытствующих лиц.

– Где эта мразь, что толкнула меня в последнюю секунду? Выходи, сожигатель медвегога, объяснимся как мужчины! Или будешь до конца жизни из-за чужих спин шакалить?

– Непонятно маленько, чего ты хочешь? – громко спросил один из стоящих ближе всего, худой, как ножка табуретки, свободник.

– А что тут непонятного?! – возвысил голос старик. – Я вызываю это песье отродье на последнюю ходку! Здесь, где Зона смотрит за всеми нами, пусть станет ясно: кто был более не прав в своей жизни! Нож против ножа! Я не требую даже, чтобы ему завязали глаза! Пусть только перестанет трепыхаться от страха перед слепым старцем и выйдет сюда!

– Эй-эй, только не в моем баре! – гаркнул из-за стойки бармен, но заинтересованная более щекочущим нервы зрелищем толпа уже одобрительно гудела, а кто-то завопил на все немаленькое помещение:

– Право последней ходки не оспаривает даже коменда! Ты кто такой, чтобы идти против законов Зоны?

– Это не Зона такие законы придумала, – тоном ниже ответил бармен, но на его лице отчетливо читались опасения за дальнейшую судьбу своего заведения, если история получит огласку. При любом исходе. Было ясно, что хозяин бара больше не препятствие для поединка.

– Это даже забавно, – усмехаясь, говорил в своем углу Рвач, больше адресуя свои слова Дзоту. – Дедок настырный до безобразия и сегодня своего добьется. Либо вернет все свое с лихвой, либо ляжет там, где последний раз обнаглел. Все правильно, сидим смотрим.

– Мы не вмешиваемся? – полуутвердительно спросил Копец у Стока.

– Нет, – равнодушно ответил тот и развалился на стуле, демонстративно готовясь смотреть новое развлечение.

Дзот старался выглядеть безразличным, но Рвач посматривал на товарища с беспокойством, отмечая едва заметные признаки сильного, хотя и хорошо скрываемого раздражения.

Толпа между тем шевелилась и взбулькивала первыми смешками. Грубый мужской голос с явным вызовом отчетливо произнес: «Да что мне этот брех старого пердуна?» Но толпа жаждала развлечений и потихоньку отступала от вызванного на последнюю ходку. Он не сделал ни одного шага, но вдруг оказался один на один со стариком в длинном коридоре из человеческих тел.

Слепец повел головой вправо-влево и замер, уставившись на противника незрячим лицом. Создавалось жуткое впечатление, что он все-таки видит своего врага.

– Не тяни, Кукан, – с растяжкой проговорили из толпы. – Загони старикану «селедку» под вздох – и делу конец.

Кукан оскалился с каким-то хорошо ощущаемым внутренним бешенством и рванул из-за пояса немаленьких размеров тесак.

– Ты! Старый урод! Сам нарвался, – сказал он слепцу и со свистом махнул перед собой почти килограммом отличной стали. – Я твою тупую башку сейчас как полено рубить буду!

Было видно, что он изрядно навеселе.

Толпа радостно загомонила и раздалась еще шире, шумно сдвигая столы и стулья.

Несколько человек, отступая, наткнулись на «должников», скользнули опасливыми взглядами по спокойным лицам и поспешили отойти в сторону. Дзот и Сток оказались в первом ряду зрителей, Рвач и Копец смотрели на разворачивающееся действие через стол.

Слева стояли так и не успевшие одеться кулачные бойцы и оживленно тыкали пальцами в старика.

А тот теперь совсем не торопился.

Сделал несколько вращательных движений головой, помахал сперва правой, потом, переложив нож, левой рукой, пару раз присел. Все это время Кукан скалился в угрожающих гримасах и делал широкие махи своим тесаком.

– Старик не промах, – тихо комментировал Рвач. – Нож держит легко, двигается плавно, но быстро. Видно, что на слух ориентируется прекрасно. Знал я когда-то слепого боксера – он любого зрячего на раз в нокаут мог положить.

– Что за вздор? – впервые за все это время возмутился Дзот. – Свободник видит, куда бить, а старику придется колоть почти наугад. Байки – это, конечно, хорошо, но сейчас мы присутствуем при убийстве!

– Тогда уж при самоубийстве, – холодно обронил Сток, и Дзот недовольно замолчал.

– Дед, если Кукана положишь – глаз вернем! – задорно выкрикнул кто-то из толпы. Свободники радостно завопили, делая ставки.

– Бармен, два «Свирепых кенга»! – подняв руку, зло рявкнул Дзот.

* * *

Я смотрю на странное и нелепое существо. Я не понимаю, чем оно привлекает меня. Не все просто с этим созданием, но рядом с белым светом простых существ и не бывает. Люди, которым я иногда симпатизирую, считают, что у существа имеется шанс. Странно. Они желают ему охватить следствием больше, чем у него есть возможностей. Любопытно.

* * *

В баре воцарилась напряженная тишина. Старик шел по кругу уверенно и чутко. Даже те, кто не разбирался в технике ножа – хотя таковых тут было и не очень много, – прочувствовали, что слепцу занятие это хорошо знакомо. Но в таком бою счет обычно идет на доли секунды и на сантиметры. Два-три взмаха решают схватку, и отсутствие зрения нельзя компенсировать слухом. Или можно?

Кукан явно еще не знал, как себя вести. Вдоволь натешившись перед боем, сейчас он представлял собой воплощение сосредоточенности: любой сталкер знает, как опасно недооценить противника.

А старик был противником хоть куда. Теперь это было предельно ясно любому, кто уже не дремал под столом.

Толпа еще больше расступилась, прижимаясь к стенам заведения. Слепой старик и Кукан почти бесшумно шли по кругу на полусогнутых ногах.

Внезапно Кукан поставил ногу иначе и легким круговым движением корпуса сменил направление движения. Все было сделано так ловко, что в следующие несколько секунд Кукан мог выйти противнику за спину. Он даже начал поднимать нож для удара сзади, но в этот момент старик, прислушиваясь, повел головой из стороны в сторону и быстро сменил положение ног, чтобы при очередном шаге снова оказаться к сопернику лицом.

– Самое смешное, – сказал Рвач, вроде бы ни к кому не обращаясь, – что старик спокоен, а этот бычара психует и мандражирует.

Словно услышав эти слова, Кукан вдруг бросился на слепца и попытался нанести почти сабельный косой удар. Старик ускорил движение вместе с атакой противника: быстро повел перед собой руками, как бы смахивая чужой нож в сторону, коснулся предплечья Кукана и словно прилип к нему рукавом. Одним плавным круговым движением старик оказался у противника за спиной и мимоходом, одним едва заметным кистевым росчерком ножа распорол Кукану штанину и поцарапал бедро.

Кукан мощно развернулся навстречу обидчику и вдруг краем глаза уловил красное пятно на ноге. Глаза его расширились, он схватился рукой за ляжку и с ужасом посмотрел на испачканную кровью ладонь.

Толпа откликнулась дружным вздохом, в котором можно было различить все: от восторга и восхищения до разочарования и гнева, – и вновь затихла. Здесь умели ценить красивые жесты.

Даже если старик попал случайно, все равно получилось эффектно.

– Ближе, ближе к нему подойди! – крикнул кто-то из темного угла. – Он тебя просто слышит и боится!

Кукан судорожно вздохнул, вытер руку о рубаху не первой свежести, перебросил, как бы играя, тесак в левую руку и обратно и медленно двинулся на слепого. По лицу старика бродила презрительная улыбка.

Кукан подступал сгорбившись, на полусогнутых, покачивая острием клинка, ставшего продолжением руки. Вторая рука, словно действуя отдельно от хозяина, знающего, что противник слеп, поигрывала блестящей цепочкой – хороший отвлекающий жест для зрячего соперника. Старик держал нож перед собой вертикально на уровне отсутствующих глаз, лезвием в сторону противника, острием вниз.

Когда между ними осталось не более шага, Кукан быстро ткнул острием слепого в лицо. Старик отклонился влево и попытался парировать удар своим предплечьем и ножом. Кукан отдернул правую руку, но тут же наотмашь левой ударил соперника по лицу и быстро отступил. Удар пришелся открытой ладонью и вскользь, но слепец покачнулся и чуть не упал.

Толпа оживилась, у бармена потребовали пива.

Кукан же оценил реакцию старика и сменил тактику. Снова шагнув к слепому, он вдруг с силой ударил его ногой в живот. Если бы он попал, для слепца это автоматически означало бы окончание поединка. Но старик в последний момент качнулся навстречу и коротким тычком в бедро придержал ногу Кукана, блокируя возможный удар. Все произошло в один короткий миг, и теперь враги стояли ближе чем на расстоянии вытянутой руки.

Кукан тут же попытался ударить ножом справа, но старик, продолжая движение, скрутился полуприседом вниз и наполовину погрузил свое лезвие в бедро противника. На долю секунды все замерло – таким неожиданным оказался для всех этот удар. А потом старик повернул нож в ране, выдернул его и сильным толчком плеча на подъеме, больше похожим на прыжок из положения «сидя», отправил Кукана на пол.

Кровь из широкой раны быстро заливала пол, Кукан закричал страшным голосом и вцепился обеими руками в ногу. Несколько человек поспешно бросились на помощь.

Старик спокойно стоял рядом и внимательно прислушивался к происходящему. С ножа на грязный пол продолжали стекать последние красные капли.

– Да этого не может быть! – заорал кто-то из толпы. – Старик наверняка мутант! На нож его!

– Точно! – поддержали крикуна нетрезвые голоса.

– Надо посмотреть: нету ли еще где глазок у этого слепого! – продолжал надрываться первый голос.

Несколько мужиков под одобрительные выкрики двинулись к старику.

Тот мгновенно развернулся в их сторону и поднял нож. Во второй руке откуда ни возьмись появился второй клинок. Старик держал оружие разными хватами и небрежно поигрывал ими, медленно отступая в сторону столика «должников».

– Серьезный дедок, – прищелкнул языком Рвач. – Ну что, командир, наше время?

Вместо ответа Сток рывком поднялся из-за стола и вышел вперед.

– По какому праву вы собрались творить самосуд? – Мощный голос перекрыл все остальные звуки бара, и десятки лиц повернулись к новому действующему персонажу.

* * *

Странное существо оказалось настоящим мастером движения к последнему краю. Я видел, как наслаждалось оно тем долгим моментом, когда одна фальшивая нота сути могла закончить его дорогу. Я видел, как до последнего кванта движения оно колебалось – забрать или оставить белую искру, как решило забрать, но в самый последний миг, после которого изменить что-либо уже нельзя, вдруг передумало и ударило иначе: ярко и шумно, но совсем не окончательно. Я видел, как объединяются этим любопытным жестом нити существа и тех, кто сохранял ясность движения. Интересно. Я видел, что оно знает, но не понимает происходящего. Странно.

* * *

– Тебя-то кто спросил? – вызывающе крикнули из толпы, но Сток спокойно продолжил мощным и уверенным голосом:

– Правила не были нарушены – я тому свидетель. Старик честно уронил этого верзилу и даже не убил. Вы должны вернуть ему электронный глаз, а по-хорошему – и выпивку поставить за представление...

– Убью-у-у-у!!! – протяжно завыл Кукан, которому как раз наложили жгут и начали бинтовать ногу. – Убью старого уроды, убью, убью, убью-у-у-у... – Вой сменился бульканьем: в рот раненому сунули бутылку со спиртным.

– Еще чего, – вызывающе надвинулся на Стока нетрезвый свободник в расстегнутой замшевой рубаше и с початой бутылкой в руке. – Пусть катится, пока цел. Да и тебе бы лучше тоже умотать отсюда.

– Не напрашивайся, – брезгливо сморщился Сток. – Ваш человек не прав по всем статьям – Зона такого не прощает.

– Ничего, мы с Зоной как-нибудь разберемся, а теперь забирайте своего мутанта и катитесь отсюда.

Сток спокойно оглядел подступающую со всех сторон толпу, сделал короткий жест, останавливая готовых действовать «должников», и сказал, обращаясь к старику:

– Пойдем, дед, с нами. Нечего здесь тебе делать.

Дзот разочарованно поднял бровь, но, подчиняясь взгляду командира, послушно вышел из бара. Старик проворно спрятал оружие, нащупал руку Стока и, бормоча что-то благодарственное, засеменил вслед за ним к выходу. Рвач и Копец отступали спинами вперед. Рвач приторно улыбался, и на его жестком и грубом лице это выглядело похуже злобного оскала. Копец вид имел неестественно спокойный и подчеркнуто нейтральный. Его руки почти случайно лежали на рукоятках метательных ножей в кармашках кожаного жилета. Ножей было всего четыре, но желающих испытать ловкость молодого «должника» так и не нашлось.

Улица встретила отступающих влажной ночной прохладой и полным безветрием. Над головой рубил ночное небо пополам великолепно видимый сейчас Млечный Путь.

Дверь бара захлопнулась и словно отрезала суетливый шум изнутри, отгородила чистый холодный воздух от табачного смрада тесного помещения.

– Держи, старик, – Рвач потянул слепца за руку и вложил в нее блестящий шарик в паутине проводов.

– Мой глазик! – обрадовался старик. – Вот спасибо! Вот чудеса-то! Ах, добрый человек, как же сумел отъять-то?

– Бросили следом, – пояснил Рвач. – Боятся все-таки Зоны, знают, что много чего там не прощается.

– Двигаем отсюда, – сухо сказал Сток. – Прилаживай свой глаз, старик, и пойдем, мы проводим тебя до гостиницы.

– Вот уж спасибо так спасибо! – забубнил радостный дедок, сноровисто пристраивая пучок проводов на аккуратно стриженной седым кружком голове.

– Так что тебя занесло сюда? – дождавшись, когда синее кольцо электронного глаза запульсировало в режиме сканирования, спросил Сток.

Старик повернул голову и поочередно всмотрелся незрячим взглядом в лицо каждого «должника».

– Это неинтересная и длинная история, – произнес он тихим, но отчетливо слышимым голосом.

Все пятеро шли по узенькой ночной улочке среди одноэтажных покосившихся и давно нежилых бараков, удаляясь от беспокойного бара. От полусгнившего дерева стен несло сырым запахом гнили. Было слышно, как в темноте шуршат и попискивают крысы.

У Дзота запищал зуммер рации, и он отстал на несколько шагов.

– А ты говори, идти далеко – как раз все успеешь рассказать. – Голос Стока был прохладен: теперь, в ночном сумраке улицы, старик ему уже совсем не нравился.

– А и расскажу, – вдруг охотно согласился слепец. – Позвала она меня, понимаешь? Позвала. Давно я тут не был, лет десять уж прошло, не меньше. Да.

Он замолчал, и стало слышно, как позади Дзот что-то объясняет далекому собеседнику. Старик повернул голову, посмотрел пристально на Рвача, потом снова повернулся к Стоку.

– Почти половину жизни я тут провел, ходил в Нее, берег Ее, а Она отняла у меня все. Ну, почти все. Ученика оставила в живых – и на том спасибо. Но видеть я больше не мог. Да. А в последнюю ходку идти испугался. Корил себя потом за это, чуть самоубивцем не стал, но выдержал все и даже перестал слышать Зов.

– Ага-а-а... шаман, – разочарованно протянул Рвач. – Ну и зачем же ты сюда приперся?

От бывшего расположения старого «должника» не осталось и следа.

– Я же говорю: позвала, – еще более спокойным, каким-то тягучим голосом пояснил старик. – В последнюю ходку позвала. Я должен туда пойти.

– А зачем со свободниками в спор полез? – прохладно осведомился Сток. – Хочешь в Зону – вон, Периметр в той стороне.

– Дак ученика я искал! Как же мне в Зону одному без глазок-то? – вдруг слезливо прогундосил старик. – Они ведь, гады эти...

Голос его сорвался, он шумно просморкался в сторону и продолжил:

– Они ведь обещали сперва за проигранный спор найти его, потом даже сами сулили в Зону отвести, а про спиртное – это так, для бармена говорили, да. Бармены – завсегда чьи-то уши.

– Ясно, – сказал Сток. – Ладно, ступай вот отсюда направо и через три квартала свернешь налево – там гостиница. Да выбрось всю эту чушь из головы. В Зону ты, конечно, забраться хочешь, да только кто тебя поведет с твоим электронным глазом? Раз ученика не нашел – пустое это. Да и ученик уже не ученик тебе, а самостоятельный сталкер – на кой ему из-за тебя жизнью рисковать?

Старик остановился и горестно смотрел на командира квада. Копец морщил нос и пялился в звездное небо. Рвач недовольно хмурился и, казалось, собирался сказать что-то грубое.

– Эх, вы просто не знали моего ученика, – с тихой гордостью пробурчал старик. – Он Зону нутром чуял. Она бы его поняла.

* * *

Ах, как непрост этот старик! Все его существо пропитано жесткой уверенностью в себе, но за какие-то минуты он сумел заставить тех, кто сохранял ясность движения, забыть о схватке в баре, и они перестали видеть отблески его внутреннего пламени. Но он не собирался их отпускать. В том, что он говорил, был белый свет, а значит, ему и на самом деле нужен проводник в эту самую... Зону. Он и правда решил там оставить белую искру. Любопытно. И мог попасть туда, только маскируя свою силу – слабостью. Странно. Но те, кто сохраняет ясность, не нуждаются в слабости. Интересно.

* * *

– Вызов, командир! – Дзот убрал рацию и приближался быстрым шагом. – Срочно требуется замена патруля – у Калебаса потери. Выход через два часа, направление – квадрат четыре – двадцать шесть, через Пьяный ручей на Камень Джонни. Транспорт вышел, снаряга упакована.

– Точка встречи здесь? – деловито уточнил Сток, мгновенно забыв про слепого.

– Да, я указал перекресток у трех площадей.

– Тогда давай вперед, встречай транспорт. Копец, посмотри там вокруг – все-таки с фрименами конфликт вышел – мало ли что.

Оба «должника», не сказав ни слова, исчезли в темноте.

– А мы с тобой...

– Вот вы и поведете меня в Зону, – внезапно перебил Стока слепец, ловко хватая его за руку. И синее мерцание глаза стало заметнее, подчиняясь ускорению сердечного ритма.

– Что за бред? – презрительно спросил Сток, нависая над щуплым наглецом. – Иди отсюда, старик. Шутки закончились: ты же слышал – у нас работа пошла. Ты уж разберись со своими делами сам, а про Зону лучше забудь. Нечего других ради своих глупостей под удар подставлять.

– А ведь правду сказали, – вдруг совсем не к месту заулыбался дедок. – «Долг» больше не стреляет в шаманов. «Долг» даже говорит с шаманами! «Долг» даже начал говорить как шаманы! «Зона знает», «Зона не прощает»...

– Ну-ка, ты, – грубо проронил Рвач, приподнимая старика за ворот куртки. – Еще пара слов в том же направлении, и «Долг» снова начнет стрелять шаманов, как бешеных собак.

– Только один вопрос! – возопил дедок и, ловко вывернувшись из крепкой хватки, оказался лицом к обоим «должникам».

Его худые руки были повернуты ладонями вперед, словно он собирался остановить поезд, а под синим пульсирующим кольцом электронного глаза морщинистое лицо пыталось изобразить просительное выражение.

– Ну?! – нетерпеливо рявкнул Сток.

– Готов ли «Долг» поторговаться с бывшим шаманом?

* * *

– Это он, – удовлетворенно заявил хорошо одетый человек и обвел прищуренным взглядом изрядно опустевший с уходом свободников бар. – Я уверен в этом на все сто. Кто бы мог подумать, что он научится так прикидываться. Ведь просто горит изнутри, а внешне так спокоен. Мне он нужен только живым. Понятно?

– Вполне, – спокойно ответил сидящий напротив сталкер с опознавательными знаками клана «Прозрение». – Сколько человек имеет смысл взять?

– Когда-то он был очень... очень хорош. М-м-м... Не думаю, что с тех пор что-то сильно изменилось. Возьми всех, кого сможешь нанять. Особенно нужны снайперы. Такие, чтоб смогли по рукам-ногам бить. Или снотворным. Хотя нет, снотворное он подавит. Нужно травмировать конечности. Он умеет быть слишком подвижным. И брать его лучше тут. В городе. Он расслаблен, вокруг – люди, которых он не захочет случайно покалечить. Если уйдет в Зону – будет намного тяжелее. Правда, в Зоне и у вас руки будут развязаны.

Лицо сталкера было в тени и оставалось неподвижным, но голос его выдавал недоверие:

– Я могу собрать довольно много людей. Если вы не стеснены в финансах...

– Это не проблема, Кречет, – перебил его заказчик. – Вот тебе на первое время.

Увесистая пачка крупных банкнот тяжело шлепнула о крышку стола и мгновенно исчезла под серым плащом сталкера.

– Неужели настолько крут? – Деньги убеждали, но сомнение все еще сквозило в голосе обладателя серого плаща.

– А что ты слышал про самый первый клан – клан «Яростных»?

– Это те бешеные полумутанты, которые были перед «Долгом» и заложили принципы его существования? Так они ж вроде все того... Никого не осталось. Или?.. – Кречет сделал вежливую паузу, предлагая собеседнику завершить предположение.

– Соображаешь, – усмехнулся заказчик. – Теперь я точно знаю, что в живых осталось как минимум двое.

– А кто же второй? – удивился сталкер.

– Не твое дело, – сухо ответил человек и поднялся из-за стола.

В этот момент Кречету показалось, что глаза у заказчика ярко-желтого цвета.

* * *

«Транспорт» оказался длинным бронированным автомобилем из числа тех, что когда-то распродавались при расформировании частей внутренних войск. В десантном отсеке поместились все, и даже осталось немного места, несмотря на увесистые тюки со снаряжением для каждого «должника». Две матовые лампы тускло освещали деревянные скамьи и стойки с оружием, грубо приваренные прямо к стенам.

Водитель если и удивился при виде слепого старика с электронным глазом на седой макушке, то не подал и виду. А вот Дзот и Копец были не столь сдержанны, и Рвачу пришлось дважды объяснять присутствие странного спутника:

– Ведем его на три-четыре километра вглубь от Камня Джонни, а он рассказывает, как найти последнее Гнездо Уизов. Или лучше даже показывает. Перечислил он все признаки точно – сомнений быть не может. Действительно Гнездо. И, судя по описанию, такое мы еще не находили. Столько трудов будет сразу завершено одной термитной гранатой! С руководством согласовали. Все равно в тот район идем.

– Ну, если командир решил... – Копец демонстративно прицелился в невидимого врага из обмотанной каким-то тряпьем винтовки, произнес «Пуф-ф!» и принялся ворошить свой узел снаряжения.

Дзот продолжал хмуро смотреть на старика. Тот, в свою очередь, безмятежно улыбался, смешно уставясь незрячими глазами в низкий потолок. Заурчал двигатель, и машина медленно тронулась с места. Из короткого коридорчика, ведущего в отсек водителя, выбрался Сток.

– Ну, что ты? – хлопнул Дзота по плечу Рвач. – Врать деду смысла нет – сами же пристрелим, если что не так. А ему от Зоны смерть свою принять хочется. И не просто от зомбака по репе получить, а красиво загнаться в конкретной ловушке. Верно, дед?

– А у тебя по-прежнему все просто, – с какой-то отстраненной горечью процедил Дзот. – Не убили человека сегодня – завтра в Зоне загнется. И ничего, нормально. Все хорошо, все в порядке.

Рвач коротко хохотнул и подтянул к себе деревянный ящик с оружием:

– А ты все ценность человеческой жизни осмысливаешь? Ты вот его спроси, хочет он разбираться, что ценнее: неправильная жизнь или правильная смерть? Только главное – пафосу поменьше, а то наш шаманчик тебя вообще не поймет. Ему тока Зона интересна, а человеческая жизнь – вряд ли. В этом мы с ним похожи. Правда, дед?

Старик криво ухмыльнулся, но промолчал.

– Как тебя хоть звать-то? – Рвач явно не хотел заканчивать разговор на минорной ноте.

– И то верно, знакомиться время пришло! – бодро отозвался старик и осклабился. – Зови дедом Виталиком, самый раз оно будет.

– Дед Виталик, – с расстановкой повторил Рвач. – Неплохо. Хотя я тебе больше в сыновья гожусь, чем во внуки.

– Ну зови папка Виталик, – с легкостью отшутился дедок и залился заразительным дребезжащим смехом.

– Последний раз, когда командиром было принято неадекватное решение, – вдруг четким и каким-то абсолютно ледяным голосом проговорил Дзот, – ты, Рвач, утверждал, что дело не обошлось без контролера. И, разумеется, помнишь, как все повернулось в итоге.

Теперь вы берете с собой неизвестного слепого шамана только потому, что он наплел вам всякого. Где логика?

Улыбка замерла на лице Рвача. Копец замер с коробкой противогаса в руках. Сток склонил голову и нахмурился.

– Ты же ученый, Дзот, – спокойно, но явно сдерживая раздражение, ответил Рвач, – снаряд два раза в одну воронку не падает. Да и повернулось тогда совсем неплохо. Не встретить мы Его, куда хуже могло получиться.

* * *

Только один из тех, кто сохранял ясность движения, продолжал видеть отскерки пламени странного существа, которое они звали дедом. Он не доверял ему и боялся его. Странно. Ведь именно он больше всего тратил блеска белой искры из-за этого самого деда. Я видел это. Я запомнил это. Я был удивлен там, и тем удивительнее было воспринимать это здесь. Любопытно. Но я вижу, что у этой нити нет своих петель и ее обрыв уже наметился. Уже совсем близко. Можно сказать, что все уже предreshено и нить практически оборвана. В сторону. Я вижу узел и другую нить, уходящую в сторону. Интересно.

* * *

Внезапно броневи́к резко затормозил, и всех в отсеке мотнуло вперед.

– Сток, у нас проблемы, – доложил по внутренней связи водитель, и было слышно, как он лязгает и бренчит каким-то оружием. – Впереди человек. Сигнали́т фонариком, что у его друзей три гранатомета, но они не станут стрелять, если мы позволили поговорить с одним из тех, кто сидит в машине.

– Вот дерьмо! – выругался Дзот. – Что же это опять такое начинается?

На лице Стока отразилось сперва недоумение, а потом какое-то облегчение, словно привычная проблема помогла в решении другой задачи. Рвач вытянул откуда-то два огромных пистолета. Копец загнал обойму в свою винтовку. Дед Виталик замер неподвижно и, казалось, боялся даже пошевелиться.

– Посигналь им, – наконец отозвался Сток, извлекая из стойки на стене автомат, – что это какая-то ошибка и что прыгать на квад «Долга» – дело заведомо мутное.

Было слышно, как водитель защелкал переключателем фар.

– Извиняются. – Чувствовалось, что водитель улыбается. – Но настаивают на необходимости поговорить с этим самым человеком.

– На твоём тарантасе «Карусель» установлена? – Сток смотрел вверх, словно разговаривал с кем-то над головой.

– Конечно, – злорадно, явно наслаждаясь моментом, ответил водитель, – причём последней модификации, активно-пассивная, с ложными целями, средствами подавления огневых расчетов, помехами и тремя секторами поражения с перекрытием. Даже ракету «слонобая» перехватывает с тандемной частью. Даже...

– Ну, так покажи её ребятам, – нетерпеливо буркнул Сток и убрал автомат обратно в стойку. Было слышно, как снаружи что-то разложилось, несколько раз металлически стукнуло в борт и вдруг засвистело на высокой ноте.

– И трогайся, трогайся! – нетерпеливо скомандовал Сток. – Не давай им времени думать!

Машина взревела двигателем, бросила в окружающее пространство клуб черного едкого дыма, немедленно просочившегося в десантный отсек, и рванула вперед, быстро набирая скорость.

* * *

– Это было просто глупо, – снисходительно говорил заказчик, подливая себе в стакан гранатовый сок, и двое сталкеров из клана «Прозрение» смущенно уставились в пол, словно нашкодившие школьники в кабинете у директора. – Угрожать кваду «должников», шантажировать их применением оружия? Помилосердствуйте! Даже если бы у них не было чем ответить сразу, они и тогда не стали бы с вами разговаривать. Просто вылезли бы из своего броневи́чка и обреза́ли вашим гранатометчи́кам уши. Квад надо сперва разделять, блокировать поодиночке и только тогда спокойно брать добычу. Это – единственный вариант!

– Да, мы признаем, вышла ошибка. – Кречету явно было стыдно за своих, но он быстро приходил в себя. – Просто наш человек растерялся, когда узнал, что квад с интересующей вас личностью немедленно уходит в Зону. Мы думали, что у нас есть несколько дней в запасе.

– Ладно. Не планировал я больше туда, да, видно, придется. Чую, сами вы наломаете дров, а мне он живым нужен... Правда, признаюсь, было предчувствие, да и хочется иногда снова... – Заказчик подошел к окну гостиничного номера и сложил руки за спиной. – Собирайте людей, снаряжайте, мне понадобится человек десять-двенадцать, плюс три вспомогательные команды: если что, будем загонять добычу по всем правилам.

Он еще немного помолчал и добавил:

– И скажите своим: ТАМ пусть зовут меня просто – Заказчик.

В стекле отражался блеклый силуэт Заказчика и два ярко-желтых пятна на месте глаз. Кречет сморгнул, пригляделся, вздохнул с облегчением: показалось.

* * *

Машину оставили перед последним блокпостом. Водитель должен был ждать еще два часа на случай, если бы на входе в Зону у группы возникли проблемы. «Должники» облачились в желто-коричневые камуфляжные комбинезоны. Дед Виталик наотрез отказался расставаться со своими простыми штанами на веревочке и старой, выдавшей виды кофтой с длинными рукавами. Тяжелые, громоздкие рюкзаки сделали квад похожим на какой-то диковинный караван. Старик от переноски тяжестей был освобожден, хотя и заявил, что килограммов тридцать сможет унести легко.

По давней негласной договоренности двое солдат и вышедший на шум двигателя офицер сделали вид, что не замечают квад «Долга» с их странным спутником. Когда «должники» в ярком свете прожектора с вышки не спеша огибали шлагбаум, Сток, не останавливаясь, вытащил из кармана и бросил на землю пачку банкнот. Договоренность договоренностью, а личное расположение военных еще никому не мешало. Периметр миновали прогулочным шагом по специальному узкому проходу, оставленному для правительственных экспедиций.

До условной границы Зоны шли уже в предутренних сумерках. Двигались цепочкой, держа оружие наготове. Деда Виталика поставили в середине и заставили перевести электронный глаз в пассивный режим.

– Да пока ведь безопасно, – пробовал протестовать старик, но Сток с ним даже разговаривать не стал.

– Отключить, – и повернулся к старому шаману спиной.

– Ты забыл, что ли, дед, про друзей с гранатометами? – почти дружелюбно спросил Рвач, легонько подталкивая старика в спину. – Не надо рисковать. А за что они, кстати, на тебя такой зуб имеют, а?

– На меня? – удивился дед. – Не знаю. Я никому ничего плохого не делал.

– Ладно, ладно, иди, меня это не касается, – с ухмылкой prorонил Рвач. – Все равно они в минусах – ты ж тут останешься.

Дзот, идущий первым, недовольно оглянулся. Большие черные наушники, подключенные к пластиковой коробке расчетного блока системы обнаружения аномалий, делали его похожим на мутировавшего медведя. На мгновение показалось, что он сейчас что-то скажет Рвачу, но «должник» сдержался и промолчал. Зато подал голос Сток:

– Никто не забыл, где мы? Может, и правда ВСЕМ уже на отдых пора? Все разговоры не по делу – в сторону! Набрать дистанцию!

Рвач бросил на командира насмешливый взгляд, но промолчал и остановился, давая старику отойти на положенные двадцать метров. Копец, замыкавший колонну, развернулся и поднял к глазам бинокль, осматривая пройденный недавно путь. Конечно, мародеры не рискнули бы сесть на хвост кваду «Долга», но тщательное выполнение инструкций вбивалось в каждого из «должников» годами тренировок и подкреплялось трупами тех, кто считал себя умнее «каких-то там бумажек».

Дзот, не сбиваясь с шага, потянулся левой рукой за спину и одним движением вытянул из рюкзака спиральную антенну детектора электромагнитных излучений, повисшую вдоль правой руки на крючках-липучках, тонкие усы гравиметра, немедленно свесившиеся слева и справа, что придавало «должнику» почти комический вид, и универсальную направленную антенну, которую он тут же ловким движением прицепил сбоку к наушникам.

Сток снял автомат с плеча и положил на левую руку, после чего, обернувшись, показал деду Виталику открытую ладонь. Старик немедленно остановился. Сток поднял руку вверх и показал вперед. Слепец немедленно возобновил движение. Сток одобрительно кивнул, отмечая, что и в пассивном режиме глаз помогал старику достаточно четко различать контуры даже небольших предметов.

Впереди поднимался плохо различимый сквозь предутренние сумерки и легкий туман лес, откуда условно начиналась Зона.

* * *

Обитатели призрачного мира считают, что нити неизменны, одинаковы и не имеют изгибов. Я вижу, как их белые искры медленно ползут вдоль нитей, совершая красивые пируэты на множественных петлях. Одни ползут совсем медленно, другие – быстрее, но все они движутся только в одну сторону. Забавно. Я вижу все нити целиком и сразу. Я могу перемещаться вдоль каждой из них в любую сторону. Иногда мне нравится плыть поперек темной пряжи нитей. С точки зрения обитателей призрачного мира, я почти всемогущ. Но в этом-то и кроется ловушка белого света. Обилие возможностей ослепляет и ведет в бесконечный тупик. Поэтому я не смотрю на всю нить целиком. Я скольжу вдоль нее вместе с искрами сталкеров, лишь иногда позволяя себе немного обогнать их, чтобы насладиться следующей комбинацией петель и пересечений. Вот впереди показался узел. Множество нитей сходится там, и группа тех, кто сохраняет ясность движения, направляется прямо туда, в самую гущу. Интересно. Только они об этом еще не знают. Любопытно.

* * *

Заказчик, облачившись в стандартный черный комбинезон и повязав на голове такую же черную бандану, стал выглядеть настолько внушительно, что даже бывалые сталкеры, не раз смотревшие в лицо самой разной смерти, слегка терялись и старались побыстрее отойти в сторону. Из снаряжения Заказчик взял только противогаз, личную аптечку и голосовой командный усилитель. Из оружия – нож в широких ножнах на левом плече и короткую штурмовую винтовку с великолепной цейссовской оптикой.

Но пугало людей, конечно же, не оружие.

Глаза.словно две черные дыры смотрели из-под края черного платка, надвинутого почти на самые брови. Взгляд Заказчика ошеломял и вселял страх. Так не смотрят ни звери, ни самые страшные и полностью отмороженные убийцы. Так смотрит тьма иррационального страха из-под детской кровати.

Наскоро оглядев свой отряд, состоящий сплошь из ветеранов клана «Прозрение», Заказчик показал в сторону Периметра и, делая частые паузы, словно раздумывая над каждым словом, заговорил:

– На той стороне... сейчас медленно удаляется ваша сытая жизнь... и обеспеченная старость... Она только выглядит как четыре человека и слепой старик... Но мы-то с вами... обманываться не будем: если я получу того мутанта... за которым приехал сюда с другой стороны земного шара... каждый из вас сможет купить себе неплохой дом... и зажить там пусть без излишеств, но все-таки почти ни в чем себе не отказывая.

– Нас не предупредили, что придется иметь дело с квадом «Долга», – сказал густо заросший недельной щетиной крепкий мужичок в длинном издававшем виды плаще и с многозарядным дробовиком за спиной. – Если ты не знаешь, мистер, квад – это очень и очень серьезно.

– Я знаю, мой небритый друг, – небрежно ответил Заказчик, поворачиваясь к собеседнику боком. – Я отлично знаю, что такое квад и что могут сделать четыре «должника», работая в общей связке. Поэтому у нас будет несколько групп поддержки. И первая задача – разогнать их по одному. Стрелять насмерть категорически запрещаю. Только

когда мы возьмем нашу цель, остальных можно будет сразу ликвидировать. Но до того – ни единого выстрела на поражение. Только по ногам. А то пришибете случайно самый главный приз.

И еще! – Голос Заказчика поднялся, заставляя людей слушать и впитывать каждое слово. – Общая сумма гонорара не меняется и не перераспределяется! Доля погибших достанется их семьям или кредиторам. По завещанию. Если все пройдет хорошо, я даже готов дать дополнительную премию. За это я требую полного и беспрекословного подчинения даже в мелочах. Кто боится схватки с «Долгом», может уходить. Претензий не будет. Но у нас семикратный численный перевес, а «должники» – не боги. Не поверю, что такие серьезные ребята, как вы, ни разу не пощипывали «Долг».

Лесть была грубой, но точной. Люди заулыбались, задвигались, стало понятно, что особо никто и не боится, и что «валили» они патрули «Долга» не раз, и что загвоздка только в размере вознаграждения. Лишь задавший вопрос небритый мужичок с дробовиком поглядывал на товарищей мрачно и на фоне общего расслабления смотрелся лишним.

* * *

До первого привала, на котором Сток планировал развернуться в боевой порядок, оставалось метров триста, когда старик остановился, издал горлом сиплый звук и вдруг повалился на колени, прижимаясь сморщенным лицом к земле и трясясь, как в эпилептическом припадке. Квад остановился. Дзот и Копец взялись осматривать окрестности, Сток и Рвач с двух сторон осторожно двинулись к слепцу.

Только теперь стало понятно, что старик просто плачет. Судорожные всхлипы, впрочем, быстро затихли, дед Виталик нежно пригладил жесткую траву и тихо проговорил, словно обращаясь к человеку:

– Ну вот я и вернулся, Трижды Проклятая. Прими же обратно – иду на зов Твой, день и ночь.

– Слышь, дед Виталик, ты заканчивай сам с собой разговоры разговаривать, – нарочито грубо произнес Рвач. – И давай, постарайся без своих шаманских заморочек обходиться. Не один ведь идешь.

– Ты что?! – зашипел на него старик снизу вверх. – «Вита» означает «жизнь»! Она же это как вызов понимает! Нельзя говорить «Виталик»! Просто зови дедом!

– Тьфу ты! – сплюнул в траву Рвач, обогнул слепца и пошел навстречу Стоку. – Связались же на свою голову!

– Зачем плюнул?! – горестно взвыл старик, припал к земле и что-то горячо зашептал вниз прямо перед собой.

– Поход на рыбалку в Зоне, – мрачно откомментировал Рвач. – Часть первая. Если неохота копать червяков, с ними всегда можно договориться.

– Дед, если через тридцать секунд ты не прекратишь свое представление, мы вернемся обратно, – жестким голосом проинформировал шептуна Сток. – И ты пойдешь с нами. Посидишь пару недель в местном клоповнике, дашь там пяток концертов на радость местной скучающей братве. В комендатуре тебя примут охотно – я сумею договориться без проблем.

Старик мгновенно поднялся на ноги. Лицо его было скорбным, но спокойным:

– Не надо пугать старенького шамана, идущего по своим делам, – жалобно прогундосил старик. – Это нехорошо, особенно со стороны таких сильных людей. Эх, жалко, ученика я своего так и не нашел. Уж он бы меня по всем правилам в Нее завел!

Не меняя выражения лица, Сток развернулся и зашагал вперед. Синхронно с ним двинулись Дзот и Копец.

И в тот короткий миг, когда все взгляды «должников» были обращены в сторону от старого шамана, дед Виталик повел ладонью над землей и несколько долгих секунд смотрел, как по желтой, давно пожухшей траве покатила невидимая волна чего-то похожего на дуновение случайного ветра.

Но ветра не было. Была тишина, сырость вокруг и четыре человека, готовые в любую секунду совершить убийство.

Странно сгорбившись, слепец сделал первый шаг. Из сухой жесткой травы остались торчать рукоятками вверх два отличных стальных ножа. Даже Копец, проходя мимо, хмыкнул одобрительно. Но поднимать не стал.

Дорогу вскоре преградила полоса ярко-зеленой травы. Вполне безобидный выверт Зоны, выглядевший как два метра сочной и густой растительности в ширину, протянувшийся на несколько километров, словно где-то внизу травы своими корнями дотянулись до подземной реки с удобрениями, считался своего рода настоящей границей. Хотя вляпаться по глупости в аномалию можно было и до нее.

Именно здесь Сток объявил первый и последний привал до начала движения по боевому распорядку.

Рюкзаки с амуницией полетели на землю. «Должники» сноровисто разобрали связки из свертков прорезиненной ткани и принялись извлекать на свет оружие. Много оружия.

– Вы, сынки, наверное, целую роту ограбили, – прежним, бодрым голосом произнес старик, внимательно «всматриваясь» электронным глазом во все новые и новые стволы, гранаты, ножи и жестянки с патронами, быстро образовавшие вполне приличный по любым меркам арсенал под открытым небом.

– Ты бы, дед, тоже чего-нибудь себе прихватил, – добродушно предложил Рвач, отправляя в набедренные кобуры по пистолету и поднимая с земли легкий бронежилет. – Я поделюсь, выбирай.

– Это глупо, все это ваше железо не поможет ни на полстолько, – старик показал половину ногтя мизинца, – если Она решит, что вам пора остановиться.

– Давай без мистической агитации, – так же добродушно попросил Рвач.

– Но «Выброс» все равно возьми, – внезапно вмешался Сток. – А то мы тебя в первом же столкновении потеряем.

– Это еще что такое? – подозрительно спросил слепец.

– Система связи, – ответил за всех Дзот. – Специально для Зоны разработана. Ведет передачу сразу в нескольких диапазонах, дублирует ультразвуком, а на прямой видимости – и лазером. Как правило, в пределах ста метров канал устойчив даже вблизи «злого фонтана».

– А может, не надо? – робко спросил старик.

– Ты хоть представляешь, – с улыбкой поинтересовался Рвач, начиная пристегивать пару черных блоков к спине и груди слепца, – как работает квад во время боестолкновения? Мы же за три минуты можем уйти метров на сто. Если ты не будешь слышать команды, как поймешь, куда бежать? Если не услышишь аппаратуру Дзота, как без всяких гаек-болтов быстро обнаружишь ловушку?

– А зачем два автомата? – полюбопытствовал старец, покорно подставляя голову под крепеж гарнитуры и продолжая наблюдать, как Сток забивает в карманы разгрузки магазины с патронами, забрасывает за спину короткий штурмовой скорострельный «Абразив», а в руки берет, примериваясь, стандартный автомат «Долга» «Точку», разработанный одним известным КБ по спецзаказу.

– Идиотский вопрос, – со смешком ответил Рвач, – достойный настоящего шамана. Чем больше оружия, тем легче дышится. Разве нет? Или у тебя только костяные ножики в чести?

– Спроси меня, когда будет время, про костяные ножики, – со значением в голосе пробурчал старик. – Может быть, узнаешь кое-что любопытное. Но сейчас – нет. У меня больше вообще нет оружия. Мне оно ни к чему. Звери меня сегодня не обидят.

* * *

На след квада встали довольно быстро. Заказчик шел во главе отряда, почти сразу за двумя разведчиками. Замыкали колонну из двенадцати человек два связиста: под недоуменными взглядами опытных сталкеров они разматывали со здоровенной бобины тонкий провод, подключенный где-то в начале маршрута к мощному передатчику.

– Мне нужна связь с группами поддержки, – объяснил ситуацию удивленному Кречету Заказчик. – Эти парни будут тянуть провод там, где можно пройти. И ставить

оптические ретрансляторы там, где протянуть кабель трудно. Тем группам я тоже выделил таких же спецов. Так что будет у нас своя связь, назло Зоне.

– Но ближайший Выброс...

– Кречет, ты меня удивляешь. – Заказчик всем своим видом выражал неодобрение. – Ты собираешься здесь до Выброса шариться? Так я тебя разочарую: не позднее завтрашнего вечера мы выйдем из Зоны с моим мутантом с ошейником и в наморднике.

И, отвернувшись в сторону, тихо добавил:

– Или не выйдем вовсе.

* * *

Старик на удивление быстро адаптировался к схеме движения квада в боевом порядке. Его поставили в центре ромба, на боковых вершинах которого шли Сток и Рвач, впереди осторожно вышагивал Дзот, добавивший к своему навесному снаряжению еще какие-то приборы и пару лепестковых антенн, а сзади нес на плече снайперскую винтовку Копец.

Рюкзаки у «должников» теперь были совсем небольшие: все их содержимое висело на самых причудливых ремешках и разгрузках каждого из бойцов, но, судя по уверенным, плавным движениям, совершенно не мешало двигаться.

– Так вот, дед, – продолжал вести через «Выброс» ранее начатый разговор Рвач. – Это в рейдах и разведывательных миссиях мы ходим налегке. Автомат, пистолет и нож – не в счет. Сейчас мы ведем патрулирование. Это значит, что любой мутант на нашем пути должен быть уничтожен однозначно. Мы никого не должны бояться – это нас все бояться должны. Поэтому оружия в достатке и защитных средств – тоже.

– А что, эта вот рация и сейчас мультрузвуком говорит? – невпопад спросил слепец, осторожно трогая пальцем черную коробку на груди.

– И сейчас, – отозвался Дзот. До него было метров тридцать, но голос в наушнике был четким и громким, словно стоял «должник» в двух шагах от слепца. – В основе технологии лежит избыточная пакетная передача данных. Сразу в нескольких диапазонах. Один недостаток – слепые псы слышат ультразвук, научились нас узнавать по нему и теперь чуть что – разбегаются. Контролеры могут засечь луч лазера за километр. А вот черные собаки не сумели адаптироваться – перебили мы их всех в итоге.

– Черных собак? – ахнул старик. – Больше нету? Ни одной?

– Да ты совсем отстал от жизни, старик, – подал голос Сток. Дед повернул голову налево, поискал в мутной расплывающейся картинке пассивного сканера фигуру командира квада и убедился, что тот стоит спиной и что-то высматривает в свой бинокль. – Уже несколько лет в Зоне никто черных собак не видал. А мы как раз одно время вели массовый отстрел именно этих тварей. Уж очень много их наплодилось.

– Ну и что? – спросил дед. – Пусть бы себе плодились. Кушать бы стало нечего, сами бы сдохли.

– Они начали покидать пределы Зоны, – ответил Рвач. – Стало слишком опасно в приграничных поселках. Да и вообще выяснилось, что им границы Зоны – не указ. А за ее пределами им бы ничто не мешало плодиться с любой скоростью.

– Ты, дед, за разговорами главное не забудь, – сказал Сток. – Не забыл еще?

– Помню, все помню! – поспешно ответил старик. – Ежели стрельба какая, падать на землю и ждать сигнала. «Вперед» – идти, направление – по часам, скорость – в четыре темпа, постукивание – недалеко гравиконцентрат, три писка – ловушка не определена, расклад по ориентирам...

– Все-все, хватит, убедил, – усмехнулся Сток. – Ты, старик, почти идеальный стажер для квада.

Было слышно, как закашлялся Дзот, и на несколько минут почему-то установилось неловкое молчание.

– Ой, сынки! – вдруг всполошился дед. – Мне какая-то баба в ухе сказала «стой!». Чего делать-то?

Копец и Рвач заржали почти синхронно, слышно было, как хмыкнул Сток, и только Дзот продолжал оставаться серьезным как никогда:

– Это, дед, тактический компьютер. Он помогает оптимизировать совместное движение квада в боевом ордере. Услышишь команду – выполняй. Особенно, если стрельба начнется. Тебе же лучше будет. Компьютер следит за положением каждого из нас, сопоставляет с перемещением противника и аномалиями, после чего выдает продуктивные схемы движения. А когда командир утверждает одну из них – раздает и персональные команды по «Выбросу».

– Ишь чего, – озадаченно буркнул старик. – Раньше вот без всяких компьютеров в Зону-то ходили. Да и не работала вся эта холера в Зоне-то!

– Заходить-то будем, командир? – спросил вдруг Рвач неестественно тихим и спокойным голосом.

– Будем, – ответил Сток. – Все равно почти по пути.

* * *

Старик был одним из тех, кто слышит белый свет. Теперь, когда он шел так близко, я отчетливо видел это. Он не только его слышал, но горел изнутри своим собственным светом странной цели. И меня это почему-то беспокоило. Интересно. Еще несколько таких же созданий приближалось с разных сторон к белому свету, но все они были еще слишком далеко. Старик был намного ближе всех. Белый свет готовился стать еще белее, но не так, как всегда. Любопытно. Все, кто пересек границы, сейчас будут смешно пугаться. Забавно.

* * *

До развалин старой лесопилки оставалось совсем немного. Уже были видны груды самым подозрительным образом прекрасно сохранившихся досок и полуразвалившийся трехэтажный остов заводоуправления. И тут где-то внизу, под землей, что-то осторожно, почти просительно, поскреблось. Это движение-звук ощутили все, и квад замер на месте безо всякой команды.

– Ну и что это было? – риторически спросил Рвач.

– Да что уж тут непонятного, – скорбным голосом ответил старик. – Ну ладно, меня обманули, но вы-то куда смотрели?

– Этого не может быть, – уверенно заявил Дзот. – Я проверял календарь: до Выброса еще неделя как минимум.

– А я думаю, что не более двух часов, – уверенно произнес старый шаман. – Я, конечно, давно тут не был, но уж признаки Выброса знает любой ученик...

– Тихо! – рявкнул Сток. – Если это каким-то образом начинается Выброс – отлично. Как раз на лесопилке и переждем. Вот если бы шли прежним маршрутом, тогда пришлось бы подсуетиться. А здесь, насколько помню, имеется пара крепких сводов со стенами. Еще успеем на могилку заглянуть до Выброса. Вперед!

* * *

Одного из разведчиков потеряли самым глупым образом. Гигантская бесформенная жаба-мутант, размером с небольшую корову, сидела почти вплотную к тому месту, где около часа назад прошли «должники». Привлеченная их запахом, звуками и теплым следом, «каменная жаба» приползла в надежде подстеречь неосторожную добычу. И ей в некотором смысле повезло.

Как черный липкий язык вылетел из кустов и в один миг зацепил разведчика, не видел почти никто. Лишь когда сплющенное страшным ударом тело с шумом полетело в сторону, ломая ветки и оглашая окрестности воплями ужаса, сталкеры сообразили, что именно произошло. Конечно, «каменюку» изрешетили с безопасного расстояния, но помочь разведчику уже не могли. Он был еще жив, но в его теле не осталось, по всей видимости, ни одной целой кости.

Заказчик качнул Кречету головой и дал команду возвращаться на след.

Сзади скупой ударил одинокий выстрел. Заказчик сморщился, словно от зубной боли, и зашагал быстрее.

Все шло неправильно. След клада вскоре потеряли – почва пошла каменистая, да и звериных троп хватало. Три встречающие группы, аккуратно выходившие прямо навстречу кладу, «должников» пока не обнаружили. Это означало, что клад либо остановился по неизвестной причине и находится теперь где-то недалеко впереди, либо свернул довольно круто в сторону, что было само по себе очень странно. Чуть позже выяснилось, что, по всем признакам, надвигался внеплановый Выброс, которого, разумеется, никто не ждал. Нужно было срочно искать место для укрытия.

– Что тут у нас есть поблизости? – спросил Заказчик у Кречета, извлекая карту. – Надо бы пересидеть Выброс в каком-нибудь подвале.

– Здесь есть схрон «Свободы» – он ближе всего, а вот тут, – палец Кречета скользнул по карте в противоположную сторону, – старая лесопилка. Имеются кое-какие уцелевшие строения. Чуть вперед и направо – охотничья избушка. Отличный сруб из огромных бревен. Когда-то давно «Долг» себе строил, но позже забросил за ненужностью. Официально – нейтральная территория.

– Вот как? – заинтересовался Заказчик. – «Долг», значит, строил? Интересно-интересно. Не туда ли они пошли?

– Вполне может быть.

– Ну что ж. Попробуем счастья. Пойдем к этой избушке.

* * *

Камень торчал из земли примерно на метр. Здоровенная светло-зеленая глыба в темно-зеленых разводах, кольцах и завитушках. Яркое пятно среди вечно желтой, пожухлой травы и серой, растрескавшейся земли. Невозможная, нереальная красота, которая в Зоне почти всегда означает близкую смерть, была очевидна даже после обработки изображения системами электронного глаза.

– Стойте! – крикнул старик срывающимся фальцетом. – Нельзя туда!

– Не ори, дед, – спокойно ответил Рвач. – На тебе же гарнитура. И не бойся – безопасно тут.

– Да? – недоверчиво спросил старик, но четверо «должников» уже встали вокруг камня почти вплотную.

В полной тишине неподвижные вооруженные люди вокруг зеленой глыбы смотрелись откровенно пугающе.

– Это что же, и есть ваша «могилка»? – поинтересовался слепец с недоумением. – И кого же вы туда закопали?

Никто ему не ответил, и старик осторожно подошел поближе. Теперь стало заметно, что по камню во все стороны разбегаются блестящие извилистые желтые дорожки.

– Ребята, да это никак малахит, – пораженный дед встал на колени, чтобы поближе рассмотреть красивый узор. – Я видел когда-то такой в музее. Но откуда?

– Дурацкий вопрос дурацкого шамана, – каким-то умиротворенным голосом констатировал Рвач. – Сам ответишь или подсказать? Смотри: там еще и жилки золотые. Вообще, невозможное сочетание. Мы снимки геологам показывали – не верят.

– Дак чья же тут могила? – требовательно спросил старик, поднимаясь с колен. – ОНА такие подарки просто так не дарит.

– Одного... хорошего... человека, – с запинкой проговорил Дзот.

– Ого! – поразился дед. – Зона отметила. «Долг» уважает. Видать, громкая история была?

– Громкая, дед, – тихо ответил Сток. – По всей Зоне с того времени деревянные кресты ставят – все могилу Его обозначают. Удачи возле тех крестов на ходку просят. Еще спорят: чья могила реальная, а чья – подделка. А на самом деле – вот она, Его могила. Мы же сами здесь были, когда Он в «колодец» ушел. А через три дня вместо «колодца» вот это появилось. Тут ведь не просто камень – целая колонна метров на двадцать в глубину уходит. И больше никаких ловушек вокруг. Самое безопасное место на много километров вокруг.

Короткий звук лопнувшей струны в наушнике гарнитуры бросил клад на землю. Только что четыре фигуры, обвешанные оружием, стояли вокруг камня и вот уже

расползаются в разные стороны, дергая затворы и вытаскивая дополнительные магазины с патронами. Растерявшийся старик запоздало присел на корточки.

– Вы чего, сынки?

– Система засекла луч дальномера, – коротко ответил Дзот, прижимая к глазам окуляры бинокля. – Кто-то замерил дистанцию до нас.

– Уже вижу, – сказал Сток. – Даю метку и снимаю. Явно одиночка. Братъ, наверное, не будем. Не до него пока. Хотя вид подозрительный. Надо снимок для базы данных сохранить.

Рвач и Копец теперь смотрели в ту же сторону, что и Сток. Дзот продолжал методично водить биноклем в своем секторе наблюдения.

– Боюсь, этот снимок можно спокойно удалять, – сказал вдруг Рвач. – Жить ему осталось минуты две от силы. А если мы тут еще задержимся, то и нам недолго.

* * *

Белый свет, все больше разгораясь, потревожил Темных существ. Их движение обеспокоило всех сталкеров в округе. Одни боялись их, другие ненавидели, третьи просто пытались уйти от встречи. Забавно. Когда приходит белый свет, Темным созданиям все равно, кто находится рядом с ними. Они тоже сохраняют подобие своей белой искры. Но те, кто сохраняет ясность движения, остаются в своем блеске до конца при любых обстоятельствах. Схватка неизбежна. Интересно. Я видел это уже не раз и всегда ощущал странное движение внутри себя. словно мне не было совсем безразлично, какие нити будут оборваны и сколько сверкающих искр сольется с белым светом. Это всегда словно учило меня чему-то. словно напоминало о чем-то. Но о чем – так и оставалось неразгаданным. Очень любопытно.

* * *

Уйти от зеленого камня они не успели. Где-то там, вдалеке, сталкер-одиночка еще пытался избежать смерти, расстреливая почти в упор трех матерых кровососов, а квад только начал отходить к развалинам здания, когда из ближайших кустов на поляну перед зеленым камнем хлынул поток слепых псов вперемишку с кенгами и кабанами-мутантами.

– Не стреляйте! – дурным голосом заорал дед, но его никто не слушал.

Через краткий миг оцепенелого замешательства загрохотали автоматы, и поток свинца просто смел первую волну набегающей живности. Во все стороны полетели кровавые ошметки. Визг и рычание заполнили пространство вокруг, и над всей этой какофонией скоротечного боя отдельным потоком звуков полилась из гарнитуры боевая перекличка клада.

– Ориентир один, кривая береза к востоку от камня! – Рвач бросил «Точку» болтаться на ремне, перехватил из-за спины скорострельный «Абразив» и одной очередью буквально разрезал пополам набегающего слепого пса.

– Ориентир два, овраг справа от развалин! – Дзот припал на колени и сажал короткими очередями сразу по нескольким кабанам, неосторожно подставившим бока.

– Ориентир три!..

– Ориентир четыре!..

– ...Пять!

Сток переместился так, чтобы оказаться вне сектора стрельбы Рвача, и стрелял через голову Дзота, прикрывая его слева. Копец перебросил бесполезную сейчас винтовку за спину и делал залп за залпом из полуавтоматического дробовика, снося каждый раз кучу мелкой живности и ранив крупных зверей.

– Три свободен!

– Один – еще двое!

– Переход на три – один. Рвач, два твои!

«Должники» по двое быстро сменили позиции, оставив за спиной зеленый камень и увеличив каждому члену клада сектор обстрела.

– Деда, деда не забываем смотреть!

– Меняю, прикройте!

– Шесть – четыре, пошли!

Короткими согласованными переходами, не прекращая стрелять, «должники» двинулись вперед.

- Рвач, справа!
- Четыре – шесть, Дзот, присмотри!
- На один – снова кабан.
- Меняю, прикройте...
- Дед, не вижу тебя, не отставай!

Звери теперь не пытались пробежать мимо. Ощувив, откуда исходит реальная опасность, вся живность теперь атаковала людей. Грохот выстрелов, казалось, только подстегивал живую волну смерти. Шквал огня рвал тела в клочья, щедро разбрызгивая вокруг темно-бурую кровь, но мутанты перли напролом, и бой вскоре закипел уже вокруг каждого из «должников».

– Меняю, прикройте! – Сток опустил замолкший автомат, дернул из плечевой кобуры, прицепленной прямо поверх камуфляжа, пистолет и выстрелил в голову раненому слепому псу, что пытался последним движением вонзить ему зубы в ногу.

Копец выстрел за выстрелом почти в упор сдерживал своим дробовиком новый поток зверей.

Рвач из двух пистолетов за пару секунд расчистил пространство вокруг Стока, который ловко сменил магазин у «Абразива» и в несколько очередей дал передышку Дзоту. Копец отошел за спину бывшего ученого и, пока тот хладнокровно, очередями в два патрона, не давал слепым псам приблизиться на дистанцию прыжка, быстро перезаряжал дробовик.

Едва в ближнем пространстве с мутантами было покончено, в ход снова пошли основные автоматы «Долга».

Старик все это время сидел у зеленого камня. В первые секунды общей свалки он что-то еще пытался кричать, но быстро понял, что «должники» в горячке боя вообще ни на что не реагируют, кроме своего условного языка, и на четвереньках отполз под укрытие зеленой махины. В ухо женским голосом бубнил тактический компьютер, предлагая пройти то на двадцать метров вперед, то на десять – назад. Но старик не обращал на него внимания и только сильнее вжимался в землю, словно пытался забраться под зеленую глыбу.

На ощупь камень оказался чуть прохладным и гладким, словно шелк. Старик прижался к нему щекой и закрыл глаза. Безумная мешанина выстрелов вокруг отодвинулась на задний план, и в голове стало пусто, как во время очищающего транса.

А потом он что-то почувствовал. Что-то такое, что буквально отбросило его от камня и щедро оросило залысины крупными каплями пота. Цель оказалась гораздо ближе, чем он предполагал.

* * *

Звуки интенсивной стрельбы откуда-то слева стали для Заказчика и его отряда настоящим сюрпризом.

– Долговские «Точки» и «Абразивы», – авторитетно заявил Кречет, прислушиваясь к обильным звукам богатого на звуки боя.

– Так, это где, интересно? – Заказчик развернул карту.

Запищал коммуникатор. Заказчик приложил устройство к уху, демонстрируя отсутствие скрытой гарнитуры:

– Говори. Да, тоже слышим. Где по отношению к вам бой идет? В направлении квадрата А-38? Хорошо. Да, туда. Отбой.

Кречет уже тыкал пальцем в черные закорючки на карте:

– Лесопилка. Вот куда они пошли.

– Лесопилка, значит. Ну, хорошо. Раз они туда, значит, и мы туда.

– А как же Выброс? – осторожно поинтересовался Кречет.

– Кто захочет выжить, – равнодушно ответил Заказчик, – тот успеет. Кто захочет выйти из-под моего контроля, не успеет точно.

* * *

Старик и правда оказался настоящим шаманом. Одного мгновения хватило ему, чтобы прикоснуться к белому свету. Я даже почти притронулся к морщинистой, старческой, но все еще крепкой руке, когда он сильно испугался и потерял контакт. Ну что же ты, старик? Ты ведь знаешь, за чем идешь. Белый свет и есть цель твоего путешествия. Как и для многих других, еще не успевших пересечь границу. Иди сюда, дед. Иди, не бойся.

* * *

– Очень неплохо, – удовлетворенно подвел итоги Рвач. – Сколько мутантов разом положили – не во всяком полном патрулировании столько удастся.

– Патронов вот только негусто осталось, – Копец нежно погладил свою винтовку, из которой пока не сделал ни одного выстрела. – Зато гранат полный комплект. На Гнездо Уизов хватит.

– Ну, вот переждем Выброс...

– Рвач, – сказала гарнитура голосом Стока. – Как там у вас дела? Обустроились?

– Да, командир, – Рвач еще раз осмотрел огромное помещение, сложенное из больших бетонных блоков и частично заваленное кусками обвалившейся крыши. – Здесь явно уже несколько лет ничего не падало, так что Выброс переживем легко. Датчики движения расставили по всему периметру.

– Хорошо. А мы уже почти все осмотрели. Сейчас будем возвращаться. Дзот вот только последние замеры сделает. Всего три ловушки пока. Если новый Выброс много не добавит, можно будет сделать временный перевалочный пункт для зачистки района.

– Там еще хоть что-то целое осталось?

– Да, старый гараж. Добротный бокс и даже пара ржавых прицепов сохранилась.

– Как там дед? Готов дальше дорогу показывать?

– Что-то загрустил наш дед. Симпатичных зверьков жалеет. – Рвач покосился на старика, рассеянно ковыряющего что-то в пыли тонкой хворостиной.

– Ладно, доставайте сухпай. Минут через двадцать подойдем.

* * *

– Ну, вот видишь, успели. – Заказчик рассматривал развалины заводоуправления в бинокль.

Кречет мрачно покосился на него, но смолчал. По дороге из-за неслышанной спешки потеряли двоих. Один угодил в «гнилое сито» и утонул так быстро, что ему даже веревку бросить не успели. Второй отвел стволом автомата случайную ветку, вместо того чтобы остановиться и проверить ее чем-нибудь издалека. Получил разряд в десяток киловольт и умер быстрее, чем успел испугаться.

– Жаль, что с группами поддержки связь утеряна – сейчас можно было сразу и штурм устроить, – Кречет хотел сказать что-то нейтральное и умное одновременно, но, кажется, только вызвал у своего временного босса легкое раздражение.

– Снайпера сюда, – приказал Заказчик, не отрываясь от бинокля. – Кажется, я обнаружил наших друзей из «Долга». Ждать некогда – Выброс может начаться в любую минуту. Подстрелим для начала хотя бы одного. А там видно будет.

Внезапно где-то совсем рядом ударил выстрел, потом еще один, и еще.

– Что за сюрприз? – неприятно удивился Заказчик, на глазах которого потенциальная жертва снайпера немедленно исчезла среди камней.

Он полностью распрямился и даже поднялся на цыпочки, обшаривая взглядом руины в попытке найти неведомого стрелка.

Впрочем, секунд десять спустя оказалось, что стрелков значительно больше. В поле зрения бинокля вдруг появились двое «должников», один из которых почти тащил на себе второго. В качественную оптику было хорошо видно, как закипела вокруг беглецов пыль и полетело во все стороны каменное крошево. Звуки хаотичной стрельбы накатили волной через пару секунд. «Должники» быстро проковыляли несколько метров и нырнули в какую-то дыру среди камней.

– Похоже, наши, – сказал Кречет. – Поддержка подошла.

– На позиции, – доложил снайпер, пристраивая винтовку на толстых ветках сухого куста. – Кого стрелять?

– Вот туда смотри, – Заказчик возбужденно показал пальцем направление. – Остаток стены с черным пятном видишь? Похоже, там вход в какое-то укрытие. Если появится кто, постарайся ранить в ногу. Но не убивай. Кречет! Срочно человека на ту сторону. Если это наши, пускай тащит командира сюда. И пусть перестанут стрелять по «Долгу», как по крысам! Если они моего мутанта зацепят насмерть, я их сам всех перестреляю.

Заказчик снова поднял бинокль и нашел то место, куда спрятались «должники». Один из них, судя по всему, ранен. И это было неплохо. Квад разделился как минимум на две части. И это просто превосходно!

В поле зрения вбежали двое сталкеров с опознавательными знаками клана «Свобода».

– Идиоты, – процедил Заказчик сквозь зубы, наблюдая, как один из них метнул куда-то вниз гранату, выждал несколько секунд и полез следом, а второй приготовился стрелять.

– Выбирается кто-то, – сказал снайпер. – В ногу?

– В ногу, – подтвердил Заказчик, переводя бинокль на другую сторону руин.

Винтовка звонко хлопнула, и снайпер удовлетворенно буркнул:

– Есть в ногу.

Из ляжки так и брызнуло.

Когда Заказчик навел бинокль в нужное место, там уже никого не было.

– Кречет! Поставь троих – пускай простреливают весь участок от той стены вон до того столба. Главная задача – не дать «должникам» соединиться. Нужен заградительный огонь, если что. Понимаешь? Не на поражение – заградительный.

– Все понял, босс.

Заказчик снова посмотрел туда, где два фримена собирались своими силами выкуривать двух «должников».

– Под градусом они там, что ли? – досадливо морщась, спросил сам себя Заказчик, глядя, как один из атакующих выбрался наружу весь в крови и рухнул ничком на камни, а второй дал несколько очередей вниз, повернулся и побежал.

Рядом хлопнула «снайперка».

– Снова пытался вылезти, – довольным голосом сказал стрелок. – Не зацепил его, правда, но напугал.

Вслед убегающему фримену полетела граната и взорвалась прямо в воздухе. Бегущего изрешетило осколками в спину и бросило на остатки бетонной конструкции, в гнутых жилах арматуры.

– Внушает? – почти весело спросил Заказчик у Кречета, который, раздав все указания, тоже смотрел в сторону последней схватки. – Фирменные штучки у «Долга» все те же, а?

– Вы так говорите, Заказчик, словно за них переживаете больше, чем за нас, – недовольно буркнул Кречет, повернулся и отошел в сторону. Заказчик улыбнулся ему в спину идеальной белозубой улыбкой и поднял бинокль.

Снова хлопнула «снайперка».

– Все лезет и лезет, – удивленно сказал стрелок. – Нет, боец, здесь тебе путь закрыт.

И выстрелил еще два раза.

* * *

– Итак, что у нас получается? Сток успел сказать, что Дзот ранен и что патронов у них практически нет. – Рвач быстро и умело бинтовал ногу. – Потом, видимо, потерял гарнитуру. Я ранен, но это несущественно. Сквозная. И патроны у меня есть. На входе нас караулит снайпер. Но снайпер бестолковый. Попал только один раз, да и то случайно. В любом случае под потолком есть окна и проломы – как стемнеет, можно будет попробовать выбраться наружу.

– А может... – Копец демонстративно потряс своей винтовкой.

– Нельзя нам сейчас рисковать в этих играх. Я знаю, ты хорош в стрельбе на опережение, но тут у них все преимущества. Осталось разобраться, чего им от нас надо. Сдается мне, это продолжение той встречи, когда нас хотели напугать гранатометами. Дед!

Старик вяло пошевелился в углу и поправил электронный глаз.

– Ты точно ничего не хочешь нам сказать? С каких это пор патруль «Долга» атакуют так нагло и целенаправленно?

– Я никому ничего не делал плохого, – пробурчал старик равнодушно.

– А хорошего? – хмыкнул Рвач. – За хорошее иногда бьют сильнее, чем за плохое.

– Я последние годы жил совсем один, – сказал старик. – Так бы и сдох в каком-нибудь приюте, если бы Она не позвала.

– А тебя не волнует, что если тебя здесь пристрелят, то умрешь ты не так, как хочется? – Рвач встал и попробовал пройтись. – Терпимо.

Старик промолчал и, кажется, еще больше съежился в своем углу.

– Я слышал чужие автоматы, потом нашу гранату. Значит, Стока и Дзота прищучили в каком-то помещении и не выпустят оттуда. Нас к ним тоже не пустят. Остается ждать ночи и попробовать выбраться через верх.

– Если будет Выброс, – тихо сказал старик из своего угла, – ночи можно и не ждать.

– И правда! – обрадовался Рвач. – Про Выброс-то мы и забыли! Темно же будет!

– Вот те нас сейчас не слышат, – с иронией отозвался Копец. – Выброс – как лучшее время для ночной прогулки. Хе.

– Другого пути не вижу, – спокойно ответил Рвач. – А пока давайте все-таки подкрепимся. С утра еще не ели. Если сунутся штурмовать, датчики предупредят.

* * *

Те, кто сохраняет ясность движения, оказались в трудной ситуации. Это было поучительно, но впервые я ощутил нечто странное: меня обеспокоило то, что я вижу в призрачном мире. Я вдруг понял, что не хочу увидеть, как погаснут белые искры деда и тех, кто сохраняет ясность движения. Правда, сделать я все равно ничего не могу. Зато могу смотреть более внимательно и впитывать эту поучительную историю до самого конца.

* * *

Копец и дед попытались отказаться, но Рвач всех заставил открыть пакеты и съесть хотя бы треть суточной нормы.

– Дед, если ты хочешь отправиться на тот свет правильным образом, жрать надо так, словно собрался жить еще лет сорок, – Рвач отломил кусок витаминизированной галеты и отвинтил крышку фляги. – Мы больше не можем идти боевым порядком – полезешь с нами по камням на равных. Отстанешь – подбирать не будем.

– Расскажите мне о человеке, который лежит под зеленым камнем, – тихо попросил дед.

– Ну что ж, – с расстановкой проронил Рвач. – Можно и рассказать. Тем более что здесь он остался, здесь его место, а значит, и самое место для рассказа о нем. Да и кому рассказывать, как не нам и не сейчас? Больше-то и некому.

Копец чиркнул зажигалкой, подпаливая крохотный костерок. Пока враг не донимает, сидеть решили с удобствами.

– Мы нашли его случайно, когда возвращались с задания. Тогда Зона вдруг взяла – и расширилась. Сама собой. Без всяких признаков. Раз – и на несколько километров в диаметре больше.

Дед покивал, показывая, что слышал об этом.

– Он завалил контролера. Сам. Причем контролер ждал его и ударил первым. Мы насторожились почти сразу, но вида не подавали. Ну, почти не подавали, – казалось, Рвач несколько смутился.

– Чтобы не ходить кругами, сразу тебе скажу – этот человек был не совсем человеком.

– И что же, вы его не убили? – удивился старик. – У вас вроде с этим всегда просто было. «Мутанту пуля всегда найдется» – такая у вас поговорка, кажется, в ходу?

– Это был не простой мутант, старик, – Рвач тяжело вздохнул. – Это был контролер нового типа. Так сказать, Суперконтролер. Контролер следующего поколения. Контролер, по сравнению с которым обычные контролеры – что кенги рядом со слепым псом. Это был контролер, которого мы уже несколько месяцев безуспешно искали. Двоих таких же наши патрули успели убить быстрее, чем они развились в полную силу. Но вдруг мы поняли, что ничего о них не знаем. И если однажды один из них сможет вызреть полностью, мы получим врага невиданной силы. Такого врага, остановить которого не сможет никто.

– Про «эркулов» расскажи, – подал голос Копец.

– Зона продолжает свою эволюцию, – продолжал Рвач, словно не слыша реплики товарища. – Прекратив расширение территориальное, она претерпела качественные изменения. Обычный контролер – это уже вчерашний день. Контролер нового типа, дед, это что-то совершенно особенное. Это ментальный монстр, способный не просто подчинять жертву. Ему подвластно куда больше разных сил. Ему ничего не стоит сдвинуть аномалию, как ты, например, двигаешь стул. Он может полностью контролировать большую популяцию животных. Более того, его сил может хватить даже на то, чтобы изменять границы самой Зоны. Это чудовищное оружие, которое Зона взращивала в своих недрах. И которое здесь дало осечку, потому что один человек сумел не подчиниться ее воле. Победить он не мог в принципе, но не подчиниться – смог.

– Ого, – просипел дед. – Но как же это?..

– Понимаешь, дед, мы и сами всех деталей не знаем. Что-то удалось собрать по крупицам, что-то он сам нам рассказал. Остальное додумали аналитики на основе наблюдений его входа в Зону. Наблюдатели могли держать его в поле зрения лишь в самом начале, когда он только пересекал Периметр. Потом он просто растворялся в Зоне и мог пройти ее поперек, не оставляя следов. Вероятно, всю его историю мы не узнаем никогда. А ведь это было бы чертовски интересно: понять, как такой человек сюда попал, кто его воспитывал и тренировал как сталкера. Многие ведь именно с этого начало берет. Наверняка именно благодаря его учителю он сумел так долго продержаться в одиночку против давления и ненависти Зоны.

Рвач отломил еще один кусок галеты:

– Мы твердо знаем только одно: он не поддавался мутациям в полной мере. По всей видимости, изменения начались еще тогда, когда он не совсем огрубел. Он не стал частью Зоны, не ушел в нее жить, как обычные контролеры, не возненавидел людей. Он долго сопротивлялся ее давлению, а когда сил не стало – просто, в некотором смысле, сошел с ума. Скорее всего, подсознательно он понимал, что нормальный человек, взятый Зоной в оборот, долго человеком быть не сможет. И сумел научиться отказываться, при необходимости, от собственного разума.

– Вот так сам, по своей воле стал безумцем? – удивился Дед. – И что же, помогло?

– Его не за что стало ловить и не на что давить. Как только Зона пыталась его менять, он сочинял себе какие-то небылицы, уходил в ходку и там... там он, похоже, начинал творить что-то невообразимое. А потом он выходил из Зоны и уже не мог понять, где заканчивалась правда и начинался вымысел. А значит, любое действие и любая мысль, связанные с Зоной, всегда вызвали у него подозрения в своей правдоподобности. И поэтому не могли оказать на него какого-либо окончательного влияния. Он перестал верить себе, но благодаря этому и Зона стала для него чем-то вроде неправдоподобного сна.

– И что же дальше? – По голосу было слышно, что на старика услышанное произвело неизгладимое впечатление.

– А дальше он где-то внутри, видимо, начал понимать, что самое простое решение проблемы – это просто умереть. Постоянно подозревать себя в проблемах с головой оказалось для него слишком тяжелым бременем. Но элементарно пустить себе пулю в эту самую голову он не мог – не было у него такой ясности, с которой я тебе все это излагаю. И он начал целенаправленно создавать ситуации, которые должны были его уничтожить. Почти не осознавая этого. А возможности у него были богатые.

– А чего там трудного? – удивился дед. – Если все было, как ты рассказал, он мог просто зайти в Зону и окружить себя ловушками. Чтоб не выбраться.

– Он же не осознавал всего этого. Он вел обычную жизнь и считал, что ему просто хронически не везет. Жизнь с некоторых пор стала для него паровозом, который тащит своего пассажира в неизвестном направлении. И ехать давно надоело. И выйти сил не хватает. А ловушки... Я же говорил: ему ловушку в сторону убрать было так же легко, как тебе пустую банку с дороги отбросить. Он их и отбрасывал, не особо задумываясь о том, что для кого-то они – смертельное препятствие.

– И что же потом?

– А потом ему повезло. Он встретил человека, почти столь же безумного, как он сам. Чем-то подтолкнул его к действиям и далее выступал в качестве беспомощной жертвы. То есть для достижения своих суицидных целей ему не надо было больше делать абсолютно ничего. Ситуация, правда, чуть было опять не решилась в его пользу из-за случайности, но здесь он уже был тверд и прошел свой путь до конца.

Рвач вздохнул, помолчал немного и закончил:

– Все это время мы наблюдали за ним. Именно он смягчил официальную позицию «Долга» по отношению к мутантам. Если бы он не поторопился, наши спецсы могли бы помочь ему взять все свои силы под осознанный контроль. И тогда время Зоны подошло бы к концу. Он бы смог сделать с ней почти все, что угодно. Но он не выдержал. И, пожалуй, впервые я не могу осудить в человеке такую слабость.

– Ничего удивительнее в жизни не слышал, – признался старик.

– Да мы тоже таких чудовищ не каждый день из Зоны выводим, – усмехнулся Рвач.

* * *

Последний отряд Заказчика подтянулся к развалинам лесопилки как раз тогда, когда над Зоной начали сгущаться предвыбросовые сумерки. Обложив «должников» плотным кольцом своих людей, Заказчик решил, что настало время попробовать решить все проблемы мирным путем.

– «Должников» из их нор не выпускать, – сказал он Кречету и поправил командный усилитель. – Снайперы расставлены?

– Да, босс. Все оборудовали себе лежаки на деревьях по периметру. В принципе, могут там и Выброс переждать. Деревья большие, там достаточно безопасно.

– Прекрасно. У всех есть ночные прицелы?

– У всех. Ни одна мышь не проскочит даже в темноте.

– Отлично. А теперь пойду-ка я да попробую договориться с нашим мутантом по-хорошему. Жаль только, что у гарнитуры ихней микрофон раздавлен. Не пришлось бы сейчас орать на весь квадрат.

* * *

– Эй, вы слышите меня?! – Голос за окном, обработанный командным усилителем, грохотал так, словно его владелец собирался говорить с другой стороной планеты. – У нас есть ваша гарнитура без микрофона, можете отвечать на нее – я все услышу.

– Ого, – сказал Рвач, поднимаясь с места и проверяя на всякий случай показания датчиков. – Ну хоть теперь что-то узнаем.

Он взял в руки гарнитуру:

– Ты главное скажи: чего тебе от нас надо? Мы официальное подразделение «Долга», ни с кем договоренностей не нарушали. Наше снаряжение для вас бесполезно – ни продать, ни использовать не удастся. Будет чистым самоубийством. Ничего ценного для вас у нас тоже нет. Так зачем весь этот карнавал?

– Ошибаешься, – разнесся над округой усиленный голос Заказчика. – У вас есть то, что мне очень нужно.

– И что же? – вежливо полюбопытствовал Рвач.

– Ты!

– Я? – Рвач обалдело уставился на окно, словно туда мог сейчас заглянуть обладатель громкого голоса и кивнуть, подтверждая: «Да, ты». – Хе-хе. И зачем же я тебе нужен? Ты не ошибся, друг? Меня зовут Рвач, я рядовой боец квада, чем я могу быть тебе интересен?

– Да есть кое-что, Большой Парвач, что мне нужно у тебя уточнить. До сих пор не узнал, что ли?

Рвач дернулся так, словно ему в голову попала пуля.

Не веря себе, он смотрел на гарнитуру в своих руках, и лицо его начало меняться:

– Жирный... Кот? Это ты?!

– Вижу, не все еще у тебя в голове протухло, Большой. – Обладатель громкого голоса был явно доволен произведенным эффектом.

– погоди-погоди, – пробормотал Рвач, обессиленно опускаясь на пол. – А как же автокатастрофа? Мы же видели обгорелое тело.

– Какая ерунда, – небрежным голосом произнес Заказчик. – Там, где это происходило, такую фигню состряпать стоит не очень дорого.

– Ну и дела. И что же тебе надо? Дай угадаю: ты нашел себе новых хозяев, и тебе понадобилась точка инициации. Будешь возрождать клан под как бы своим контролем?

– Молодец, Парвач, соображаешь! – похвалил голос за окном. – Координаты места мне. Я все проверяю и отпускаю вас с миром.

– Сперва откуси себе причинное место, – с яростью в голосе заявил Рвач. – Пережуй его тщательно и накорми им своих уродцев. Потому что ни один из них отсюда не уйдет. Инициация закончена навсегда. Это окончательное решение Совета Клана.

– Тогда я убью всех твоих друзей, – лениво проговорил Заказчик. – И начну с тех, что истекают кровью в одной дыре неподалеку. Потом убью тех, что сидят с тобой, включая слепого идиота с электронным глазом. А потом я обрублю тебе руки и ноги, а то, что останется, само расскажет мне все.

– Ну что ж, попробуй, – зловеще проговорил Рвач, бросил гарнитуру на землю и повернулся к остальным. Копец оставался вроде бы бесстрастным, но его глаза, казалось, занимали половину лица. Когда же Рвач поднял голову, молодой «должник» содрогнулся. На него со мгновенно постаревшего лица смотрела ЯРОСТЬ. Такого гнева, такого бешенства Копец еще не видел никогда в жизни. И глаза. Огромные желтые глаза припадочного зверя смотрели с человеческой... морды.

– Ублюдок задумал наплодить себе армию мутантов! – буквально зарычал Рвач. – Ну, я ему устрою!

– Рвач, – не веря своим ушам, осторожно спросил Копец. – Так ты мутант?

– Думал, что один из последних, – оскалился Рвач. – Но оказалось, еще одна сволочь осталась топтать белый свет.

– Эй, Парвач! – позвал громкий голос за окном. – Помолись за своих дружков. Только что туда отправилась группа с огнеметом и большим количеством гранат. Как бы хороши ни были твои «должники», им конец. Слушай внимательно: представление на-чи-на-ет-ся-а-а!

Рвач внезапно перестал скалиться, и только глаза его продолжали яростно сверкать желтыми отблесками.

– Давай-давай, – тихо проронил он себе под нос. И вдруг тревожно огляделся по сторонам. – А куда делся дед?

* * *

Сумерки окончательно опустились на развалины лесопилки. Но Выброс, в его окончательном, страшном смысле, все не начинался. Штурмовая группа спустилась в нору, где спрятались двое «должников», но никого там не обнаружила. Зато обнаружила длинный коридор и несколько комнат.

Все это сообщил посыльный, так как связь установить по-прежнему не удавалось. На гарнитуру «Долга» Заказчик теперь посматривал с нескрываемым уважением.

Потом где-то под землей началась бешеная стрельба, стали слышны разрывы гранат и вроде бы даже тонкий посвист доисторического огнемета, который обычно брали с собой для зачисток небольших помещений от мелкой живности.

Вскоре все звуки стихли, задул холодный ветер, и на лесопилку надвинулась настоящая темнота.

– Ну что, Кот, вернулись твои штурмовики? – подала вдруг голос гарнитура. – Извини, я тебе совсем забыл сказать: один из тех двоих «должников», мой ученик и последний официально инициированный член нашего клана, – Кровосток. Я не думаю, что тебе стоит посылать туда подкрепление. Просто проваливай. И если повезет – я догоню не всех твоих подручных. Что касается тебя – тоже есть шанс. Беги изо всех сил прямо сейчас. Очень быстро беги. Может, и не достану. А к тебе за океан я точно мстить не поеду.

– Дьявол! – мрачно ответил Заказчик. – Два мутанта в одном кваде фанатиков «Долга»! Полный сюрреализм.

* * *

– Я отвлеку их внимание, и ты сможешь проскользнуть, – сказал Рвач. – Копец, это не игры в благородство – Жирный Кот не должен уехать обратно домой. Ни за что. Это приказ старшего, солдат!

– Ты же мутант, Рвач, – откликнулся Копец со слабой улыбкой, едва различимой в свете экрана маленького коммуникатора. – А значит, я должен тебя убить, а не подчиняться тебе.

– Я не просто какой-то там мутант, – возразил Рвач строго. – Я был одним из тех, кто заложил клан нового типа, клан, который боролся бы с такими, как мы. Чтобы зараза из Зоны не расползлась все дальше и дальше. Я стоял у истоков «Долга», и ты не имеешь права мне не подчиниться. Я отвлеку их внимание. Выберешься. Возьмешь курсограф, и обратно по той же дорожке, что мы пришли сюда. Если начнется Выброс – найди большое дерево и спрячься под ним. Твоя задача – выйти на контрольную точку и доложить руководству.

– Рвач, – тихо произнес Копец, и в его голосе послышались подозрительные дрожание нотки. – Но ты... у тебя ведь не будет шансов.

– А зачем мне шансы, сынок? – почти ласково спросил Рвач. – Клан твердо стоит на ногах, и нам со Стоком давно пора было уходить. Слишком долго мы прикидывались нормальными, слишком сильно хотели оставаться людьми. Просто смалодушничили. Вот и добрались до самого края. Так что все в порядке. Не будем здесь сцены устраивать, хорошо? Мы оба знаем, что нужно сделать дело, а все остальное – неважно.

Рвач поднял гарнитуру и вдруг вспомнил:

– Что с дедом-то? Нашел его?

– Нашел. Там сохранились остатки второго этажа. Забрался на самый верх, сидит и отмалчивается. Только дышит тяжело. Позвякивает еще чем-то да вскрикивает иногда непонятно о чем.

– Ну и дьявол с ним. Пусть дальше сам о себе заботится.

* * *

– Жирный Кот! – ожила гарнитура голосом Рвача. – Предлагаю все решить, как в старые добрые времена, – поединком. «Яростный» против «яростного». Пусть твои бойцы не вмешиваются. Сумеешь – получишь меня, не теряя времени и людей.

Заказчик встрепнулся и вперил тяжелый взгляд в гарнитуру.

– Это неспроста, он что-то замышляет. Так, Кречет, обойди снайперов. Скажи, чтоб никто не отвлекался на возможное зрелище. Трое мне помогут – надо прострелить ему ноги-руки. Остальные пусть внимательно смотрят: думаю, Парвач хочет отправить гонца, а поединок – лишь отвлекающий маневр. Если кто-то полезет – пусть стреляют сразу на поражение.

Немного подождав для солидности, Заказчик заявил на всю округу:

– Хорошо, Парвач. Поединок так поединок. Через двадцать минут. Выходи один, без оружия. Все будет по-честному. Никакой стрельбы – только сила против силы. Сейчас распоряжусь зажечь костры. И скажу, чтоб по тебе случайно кто-нибудь не начал стрелять!

Страшный звук родился над лесопилкой и понесся над сумеречной Зоной. На полуразрушенном втором этаже старого здания выл старый слепой сталкер-шаман.

* * *

Нити спутались в клубок. Собственная беспомощность вызывает новые чувства. Неприятные и будоражащие. И вдруг, словно ярчайшая вспышка белого света, мелькнуло припоминание. В каждом действии остается возможность внести изменения. Надо только вспомнить. Надо только приложить усилие в нужном направлении. Один рывок – и все пойдет иначе. Нити распутаются, и, может быть, закончится это бесконечное обучение неясно чему и неясно зачем. Станный звук проникает сюда из призрачного мира. Как будто воет кто-то. Показалось, или?.. Что это? Тягучий звук разрушает что-то внутри, дергает и ослабляет натянутые нити. Кажется, начало получаться! А ну! Еще усилие! Еще!

* * *

Кенг, спокойно восседавший на зеленом камне, вдруг пискнул и в ужасе шарахнулся прочь. Зеленый дым растекался над землей. Камень оплывал и таял, как снежный сугроб в теплый весенний день.

* * *

Когда-то у меня был Нож. Точнее, у меня было много ножей, но сейчас все они сливались воедино, в общее припоминание того простого факта, что когда-то и я принадлежал тому призрачному миру, тянущему сейчас ко мне свои жадные нити.

Немало кретинов потешалось над моими костяными и стеклянными ножами, полагая, видимо, что уж им-то доподлинно известно, из чего можно сделать хороший нож, а из чего – нет. Некоторые, из числа полных недоумков, ознакомились с качеством моих костяных лезвий на собственной шкуре. Хорошо обработанная кость, взятая с трупа слепого пса, выросшего неподалеку от гравитационной ловушки, способна выдерживать большие нагрузки и отлично подходит для легких стилетов, которыми так удобно колоть самоуверенного противника или зазнавшуюся зверюшку.

Своими стеклянными ножами я на спор рубил стальную проволоку, но даже это не всегда убеждало законченных «знатоков». Такова природа людей. Зато, если меня без хамства просили объяснить, как такое возможно, я легко рассказывал, что стекло моих ножей изготовлено при температуре свыше тысячи градусов и содержит примеси титана, меди, циркония, бериллия и ниобия. В итоге полученный материал, конечно, не является стеклом в обычном понимании, хотя если назвать его именно «стеклом», большой ошибки тоже не будет. И вот после этого люди верили. Странно.

Не верить глазам, но верить заумным объяснениям – обычное свойство многих жителей призрачного мира.

Не знаю, почему я вспомнил свой Нож. Станный, тянущий куда-то звук вовсе не походил на звон ножа. Скорее это было похоже вой Черной Собаки. Но, тем не менее, теперь я точно знал, что у меня когда-то был Нож. А еще у меня был дом, оставленный мне учителем Ликом, да будет легка его доля. Учитель Лик! Он тоже был у меня когда-то. Дружба-сталкеры. Бродячая жизнь. Станные события, разрушившие эту жизнь. Все это было. За всем этим тянулись длинные цепочки других воспоминаний. Память открывала свои двери одну за другой, не считаясь с моей способностью спокойно принимать эту новую старую данность в таких количествах.

Теперь я знал, почему симпатизировал тем, кто сохраняет ясность движения.

Теперь я понимал, что пробудило меня из забытья.

Теперь стало понятно, что пришло мое время проснуться.

* * *

Дед продолжал завывать на втором этаже, сопровождая душераздирающие звуки частыми ударами по какому-то металлу, и это ужасно раздражало теряющего контроль над своей яростью Рвача. Он несколько раз кричал в темноту, требуя от старика заткнуться, пару раз кидал остатками кирпича и даже грозился бросить гранату, но шаман продолжал свое нелепое соло в ночи. Лезть наверх, искать его среди мусора и камней не было ни желания, ни времени, ни сил.

– Значит, меня услышал, вышел, ИК-слепу кинул, ждешь три секунды, включаешь свой визор и бегом. Сперва на зеленый камень, а дальше по курсографу. И не вздумай останавливаться: если засекут, не отобьешься.

– Да, все понял, – Копец был собран и скуп на слова.
– Не вздумай играть в благородство и пытаться мне помочь, сынок. Я сам способен о себе позаботиться.
– Да, старший.
– Ну ладно, пойду.
Рвач хлопнул товарища по плечу и шагнул в темноту.
– Хорошо, старший, – сказал Копец вслед затихающим шагам. И выждав еще десяток секунд, вдруг улыбнулся, как человек, давно принявший все самые важные решения в своей жизни. – Прости, старший.

Мешок уже лежал на полу, сверху на него легли курсограф, простой детектор аномалий, глушитель от «снайперки» и автомат Рвача.

Снайперу «Долга» на оставшиеся минуты было достаточно своей любимой укороченной винтовки.

* * *

Снайпер «Прозрения» устроился на дереве с полным комфортом. Удобный лежак на широкой, будто кровать, ветке старого дерева. Очищенный от листьев сектор обстрела. Мысль о хорошем гонораре приятно согревала и давала уверенность, что как только «должник» выйдет из своей норы, он сразу же прострелит ему ногу.

Немного пугала перспектива оказаться под Выбросом, сидя на высоте четырех метров от земли, но специальный страховочный пояс, которым снайпер привязался к двум забитым в древесину железным костылям, давал ощущение некоторой безопасности.

Позади снайпера в листьях дерева оказалась большая прореха, сквозь которую теперь был виден огромный диск полной луны, показывавшейся здесь только перед Выбросом. Желтый лунный свет хорошо освещал снайперскую винтовку на станке и несколько запасных магазинов, набитых тусклой латуной патронов.

Внезапно липкие щупальца страха коснулись сознания снайпера, и только миг спустя он сообразил, что ощущает позади чье-то присутствие. Словно кто-то зачем-то тихо лезет на дерево. Чуть помедлив, он рывком повернул голову, одновременно, на всякий случай, шаря рукой справа, где лежал завернутый в сухую тряпку пистолет.

Но это движение замерло вместе с криком ужаса, застрявшим в глотке. Никто не лез на дерево. Черный силуэт неизвестного уже нависал над снайпером, и последним, что отразилось в расширенных от ужаса глазах, был нож, сквозь который легко просвечивала прекрасная полная луна.

* * *

В свете трех разожженных костров Заказчик чувствовал себя уверенно. Ослабляя контроль, он ощущал, как мощно начинает стучать в груди мышечный мотор, как холодеет кожа и падает общий болевой порог, как все медленнее начинает двигаться мир вокруг.

Рвач появился из темноты внезапно. Просто вышел к ближайшему костру и остановился. Заказчик ждал, но ничего не происходило. Снайперы словно вымерли. Он поднял руку и прямо показал на «должника». Но выстрелов так и не последовало.

– Что, Жирный Кот, честность заклинило? – с бешеной усмешкой осведомился Рвач.

– Но проблем, Биг Парвач. Я тебя и без этих тупых уродов поломаю!

– Ну, давай! – Глаза Рвача стремительно наливались яростной желтизной.

Кот страшно оскалился, поднял над головой руки со скрюченными пальцами, и в этот момент стальная пуля вошла ему в рот и превратила голову в разорванный окровавленный мешок.

Мгновением позже над темным лесом прокатилось гулкое эхо выстрела.

Рвач мгновенно исчез в темноте, но по нему так никто ни разу и не выстрелил.

Зато в лесу, чуть дальше линии костров, началась суматоха.

Кто-то заорал дурным голосом, ударил выстрел, затем второй. Что-то ужасное происходило почти в полной темноте. И лишь Копец, хладнокровно пустивший пулю в голову Жирного Кота, видел в ночной прицел, кто именно творит в темноте скорую и безжалостную расправу.

Всегда собранного и спокойного командира клада было почти не узнать. Волосы встопорщены, комбинезон весь изорван и запачкан кровью, но глаза, как и у Рвача, светились желтым звериным огнем.

Несколько человек пытались бежать от Стока на освещенную площадку, но сюда тут же вернулся Рвач и устроил настолько кровавую и безжалостную расправу, что Копец даже прикрыл на пару секунд глаза.

Где-то наверху продолжал звенеть металлом, стонать на разные лады и надрываться в ужасающем вое слепой шаман. Похоже, Рвача ужасно выводили из себя эти звуки. Он все время посматривал вверх и страшно взрыкивал, с трудом переключаясь на очередную жертву. В какой-то момент шаман наверху заверещал особенно пронзительно, и тут Рвач не выдержал. В его руке был зажат нож, которого до этого момента Копец даже не замечал. Вот этот нож Рвач и метнул прямо в пролом, зиявший на уровне второго этажа.

И сразу все прекратилось. Вой оборвался, словно кто-то дернул за рубильник. Остановился Сток. Замер, прислушиваясь к себе, Рвач. Кто-то из отрядов Жирного Кота с шумом и треском бежал прочь, подальше от настоящего ада, устроенного ненормальными людьми на неправильной земле, и больше их никто не преследовал.

Стало заметно, что сумерки начинают отступать – Выброс так и не произошел.

Внезапно Рвач, словно опомнившись, подбежал к стене, в несколько коротких движений подтянулся на выступающих кирпичах полуразрушенной кладки и влез в пролом, куда минутой раньше метнул нож. Деда он вынес на руках через первый этаж и аккуратно положил возле костра. Старик еще дышал, но уже явно отходил. Рукоять ножа торчала у него прямо из центра груди.

– Дед! Дед Виталик, очнись! – Рвач бережно придерживал голову старика на весу.

Старик открыл глаза, несколько секунд бессмысленно пялился на своего убийцу и вдруг внятно произнес:

– Не говори «вита». Не любит Она.

– Дед, прости меня. Ну, хочешь, я тебя сам к нужной ловушке отнесу?

– Нет, все верно, все так и должно было случиться. Все в Ее воле. Я правильно ухожу. Только одна просьба.

Старик прерывисто вздохнул, и Рвач наклонился к нему поближе, чтобы не пропустить ни слова.

– Ученика моего найдите. Он у меня хороший был. Умный. Чуткий. Не мог просто так пропасть. Не могла Она его просто так сгубить. Найдите. Все ему скажите. Пусть знает...

– Как зовут ученика-то? Хотя бы кличку скажи.

– Клык, – едва слышно прошептал старик. – Он когда-то медвежога одним ножом...

Потрясенный Рвач смотрел на безжизненное тело перед собой и все еще не верил в то, что только что услышал.

– Да мало ли в Зоне бродит Клыков, – произнес он наконец. – Нет. Не может быть. Не бывает такого! Очнись, старик! Что ты сказал? Повтори!!

* * *

Здравствуй, учитель Лик. Помню, как ты все ругал меня за это самое «вита», и я легко сократил твое имя с «Виталика» до «Лика». Как страшный сон, вспоминаю ту ходку, когда ты сам позабыл то, чему учил меня, и остался без глаз. А что такое сталкер без глаз? Да ничто. Хуже, чем труп. И ты ушел. У тебя хватило мужества уйти, а не закончить жизнь идиотским самоубийством. Но ты вернулся. Вернулся за мной, хотя и не подозревал об этом. И теперь уже не уйдешь никогда.

А время белого света истекло. Я все вспомнил. И знаю теперь, как поступить.

* * *

Над телом старика стояли четверо «должников». Они молчали и не двигались. Слишком много сил было сегодня потрачено. Слишком много всего произошло. И хотя тишина вокруг была почти абсолютной, прибытие небритого человека в форме капитана никто не заметил. Только когда под ногой вновь прибывшего хрустнула ветка, квад в одно мгновение развернулся и во все стороны оскалился стволами. Рвач целился прямо в капитана,

который стоял в непринужденной позе и, видимо, ждал, когда «должники» немного успокоятся.

– Ну и зачем ты убил моего учителя, Рвач? – спросил капитан и шагнул поближе. – Он никому ничего плохого никогда не делал.

– Ты?! – не веря себе, тихо спросил Рвач. – Это правда ты?

– Давайте по-быстрому, – сказал капитан. – Разбираться с обуревающими вас чувствами просто некогда. Все разговоры – потом. В Зону больше никто не войдет. Когда человечество дорастет до ее понимания, тогда оно найдет способ проникнуть за Барьер. Все мутанты останутся здесь. Дзот и Копец должны уйти, я подожду, пока они покинут Зону.

– Мы никуда без Стока и Рвача не пойдем, – жестким голосом проинформировал капитана Копец. – Мы – квад, а квад своих не бросает нигде и никогда. Разве сам не помнишь?

– А мальчик вырос, – с усмешкой сказал капитан. – Вы это, стволы-то опустите. И подумайте вот о чем. Ничего с мутантами здесь не случится. Научатся жить в Зоне без ежедневной стрельбы. Разберутся во многом. Помогут мне, опять же. Будет с чем помогать. Тут всякого отребья и разной гнили еще ох как много останется. Считайте, что они в длительной командировке. Может, и увидите еще. Вам же надо быть там, на той стороне. Среди исследователей и официально признанных последних свидетелей «закрытия Зоны». Не обязательно рассказывать всю правду – достаточно просто не давать идиотам придумывать очередные идиотские гипотезы о Зоне и методах воздействия на нее. Дзот, ты ведь понимаешь, о чем я?

Дзот медленно кивнул, не отрывая взгляда от незнакомого и в то же время очень знакомого лица напротив:

– Я понимаю, но...

– Мы никуда не пойдем без командира и Рвача! – с вызовом рявкнул Копец, делая шаг вперед и приподнимая винтовку.

– Ну хватит, – устало сказал капитан. – Рвач, ты ведь совесть клана не только в прошлом. Сколько тебе надо времени, чтобы убедить своих друзей уйти отсюда без соплей и причитаний?

– Совсем немного, Клык, – тихо ответил Рвач. – Дай нам пять минут.

* * *

Да, я закрыл Зону для посторонних. Конечно, никто от дальнейшего изучения этого феномена не откажется. Еще много лет вдоль границы будут расхаживать ученые со все более и более сложными приборами. Сотни сталкеров еще не раз попытаются проникнуть за Барьер. Многие потом будут хвастать, что им это удалось, предъявляя в качестве доказательства хабар из старых запасов.

Несколько сотен людей, привыкших решать свои проблемы с помощью оружия, тоже никуда не денутся просто так. Сталкерские группировки неизбежно станут обычными бандами, с которыми, скорее всего, будет вести беспощадную войну все тот же «Долг».

Но все это не имеет значения.

Зона, этот страшный искуситель человечества, на долгие годы будет лишена возможности развращать людей. Никто и ничто не сможет проникнуть сквозь новый барьер. У людей теперь будет достаточно времени, чтобы разобраться в том, зачем они сюда приходили.

Ну и я пока подумаю.

* * *

Дзот и Копец отошли от Периметра на сотню метров и опустились на землю в полном изнеможении. Там, откуда они только что пришли, поднималась серая стена, пронизанная росчерками маленьких молний и волчками крохотных вихрей. Зона никуда не исчезла, но для людей она больше не существовала.

А значит, «должники» больше никому и ничего не должны.

И с этим еще предстояло научиться жить.